9(с)14
К78

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

А. И. Красницкаго.

1877-1878.

Изданіе товарищества М. О. Вольфъ.

Воскр. тип. Т. 1 млн. З. 750—77

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

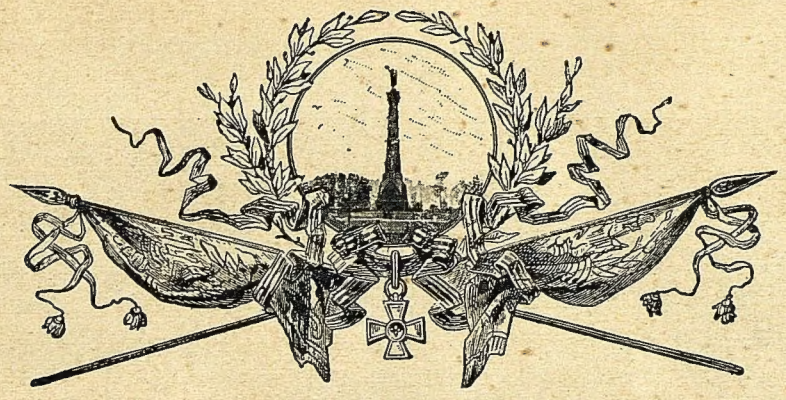
Воскр. тип. Т. 1 млн. З. 750—77

Лангенъ

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

№ 327.

9(С)14
К78



ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

ПОВѢСТЬ-ХРОНИКА

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 Г.Г.

А. И. КРАСНИЦКАГО

Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями Э. К. Соколовскаго, со снимками съ картинъ: В. В. Верещагина, Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Кившенко и др., и портретами героевъ войны.

ЦКХ

632373

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. дв., 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.

82

КХ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7-го декабря 1902 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

БЕЛГОРОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ война, которую вела Россія съ Турціей въ 1877—1878 г.г.,—величайшее историческое событіе послѣдней четверти минувшаго столѣтія.

Триста тысячъ отборнаго войска подъ русскимъ знаменемъ, по приказу своего Державнаго Вождя и съ благословенія всего русскаго народа, перешло за Дунай, неся свободу и счастье порабощеннымъ и угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова, которыхъ всѣ въ то время въ Россіи считали братьями и по крови, и по вѣрѣ, и по духу. Русь побѣдила въ кровопролитной борьбѣ за чужое счастье и чужую свободу. Лучи никогда не меркнущей славы осіяли ее. Подвиги ея сыновъ утвердили ея славу на берегахъ Дуная, на вершинахъ Великаго Балкана, подъ Плевной.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка; подвиги героевъ Освободительной войны стали уже достояніемъ исторіи; многіе изъ участниковъ ея давно уже сошли въ могилу, тѣ же, которые остались въ живыхъ, спустя двадцать пять лѣтъ, не безъ отраднаго, думается, чувства вспоминаютъ о дняхъ своей юности и молодости, когда они, полные самоотверженія, шли на смерть ради дѣла, которое было для нихъ

святымъ. Уже дѣти ихъ вспоминаютъ славныя дѣла своихъ отцовъ и разсказываютъ о нихъ своимъ подростающимъ дѣтямъ.

На фонѣ дѣйствительныхъ событій этой великой Освободительной войны—написана настоящая повѣсть. Разсказывая приключенія юнаго героя повѣсти, сражавшагося подъ русскимъ знаменемъ, авторъ въ легкой формѣ даетъ описаніе наиболѣе выдающихся моментовъ борьбы русскихъ съ турками, при чемъ въ описаніи сохранена, по возможности, историческая точность. При подобномъ способѣ повѣствованія легко, сами собою, запоминаются историческія данныя и многія подробности, которыя въ иномъ видѣ ускользнули-бы отъ вниманія читателя, въ особенности юнаго читателя, для котораго предназначена наша повѣсть. Таковы были задачи, преслѣдуемыя настоящимъ скромнымъ трудомъ.

Все не относящееся непосредственно къ повѣствованію: описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, біографіи нѣкоторыхъ участниковъ войны, нѣкоторыя необходимыя поясненія помѣщены всѣ въ конецъ книги, совершенно отдѣльно. Въ качествѣ матеріаловъ авторъ пользовался рапортами и донесеніями начальствовавшихъ, современными событіями, корреспонденціями, воспоминаніями, разсказами участниковъ войны, а также нѣкоторыми другими матеріалами.

Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ предѣлахъ европейскаго театра послѣдней русско-турецкой войны. О мало-азіатскомъ театрѣ войны въ настоящемъ повѣствованіи только упоминается, ибо главный центръ борьбы лежалъ на Балканскомъ полуостровѣ и тамъ, главнымъ образомъ, лилась рѣками русская кровь за славянскую свободу.

I.

Наканунѣ великаго дня.

ОМОЛИСЬ, родная моя старушка, помолись за меня, своего Сережу. Когда ты будешь читать эти строки, нашъ полкъ будетъ уже за предѣлами Россіи... Теперь никакихъ колебаній быть не можетъ, нашъ государь уже прощался въ Тирасполѣ [1]) съ войсками и завтра на Скаковомъ полѣ будетъ всенародно объявлена война... Ты поймешь, добрая моя, что за чувства волнуютъ мою душу... Великій мигъ переживаемъ мы, начинается великая борьба за освобожденіе страдальцевъ-славянъ, родственныхъ намъ, русскимъ, по крови, по вѣрѣ... Довольно ужасовъ, воплей, стоновъ, пришла пора остановить свирѣпыхъ палачей; царь сказалъ свое слово, и мы идемъ, идемъ на смерть, чтобы своею смертью смерть попрать... Да, родная, великій мигъ! Помолись-же, помолись за меня святою сво-

[1]) ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ.

ею материнскою молитвою! Помолись, чтобы сынъ твой вездѣ и всюду на поляхъ битвъ былъ твердъ, стоекъ, а если суждено умереть, то пусть я умру вполнѣ достойнымъ нашей родины... Объ этомъ помолись, родная моя старушка, объ этомъ...“

Вольноопредѣляющійся пѣхотнаго полка 14-ой пѣхотной дивизіи Сергѣй Васильевичъ Рождественцевъ отложилъ на мгновеніе перо и отеръ выступившій на лбу потъ. Рождественцевъ былъ совсѣмъ еще юноша и, грубый солдатскій мундиръ вовсе не подходилъ къ его стройной фигурѣ, съ красивымъ открытымъ лицомъ, словно говорившимъ объ его добромъ, честномъ и полномъ хорошихъ порывовъ характерѣ. Таковъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Порывъ привелъ его подъ солдатскую шинель. Онъ кончилъ гимназію медальеромъ и передъ нимъ открывался путь науки. Въ школѣ о военной карьерѣ Рождественцевъ и не думалъ. Онъ былъ у матери-вдовы однимъ сыномъ, и уже по этому одному отбываніе воинской повинности ограничивалось для него лишь вынутіемъ жребія, но Россія переживала въ то время такой высокій подъемъ народнаго духа, что всякія личныя намѣренія и предположенія быстро стушевывались предъ общимъ великимъ дѣломъ... Балканскіе славяне изнемогали въ непосильной борьбѣ съ своими поработителями-турками. Съ задунайскихъ равнинъ, съ высотъ Черногоріи, съ полей Сербіи, Босніи, Герцеговины неслись на Русь вопли и стоны жертвъ. Русскія сердца содрогались при извѣстіяхъ о рѣкахъ проливаемой крови, о мукахъ несчастныхъ страдальцевъ, попадавшихся въ руки освирѣпѣвшихъ палачей. Русскіе люди, повинуясь исключительно влеченію сердца, рвались на помощь тѣмъ, кого они считали своими братьями. Русская кровь уже пролита была за свободу балканскихъ славянъ, имя генерала Черняева гремѣло во всей Европѣ и только старанія дипломатіи откладывали начало столь желанной народу великой осво-

бодительной войны. Наконецъ, насталъ моментъ, когда дипломаты должны были смолкнуть: война стала неизбѣжною—ея требовала честь и достоинство всей Россіи[2]).

Уже въ послѣднемъ классѣ Сережа Рождественцевъ сталъ задумываться надъ значеніемъ совершавшихся событій. Нѣжный, чувствительный юноша не могъ безъ душевнаго трепета читать извѣстія объ ужасахъ, происходившихъ въ возставшихъ противъ турокъ славянскихъ областяхъ. Тамъ страдали и гибли тысячи человѣческихъ существъ. Воображеніе рисовало Рождественцеву картины этихъ страданій. Юную душу все болѣе и болѣе охватывалъ порывъ невыносимой жалости къ несчастнымъ; само собою родилось страстное желаніе поспѣшить къ нимъ на помощь, отдать всего себя, свою кровь, свою жизнь за спасеніе погибающихъ, и Сережа чувствовалъ, что порывъ этотъ такъ охватилъ его, что онъ не въ силахъ ему противиться...

Да и онъ-ли одинъ чувствовалъ это въ то время? Вся Русь была охвачена однимъ общимъ порывомъ. Старики, пожилые, юноши, дѣти даже—всѣ думали, какъ одинъ человѣкъ, всѣ слились въ одномъ стремленіи спѣшить на помощь страдающимъ братьямъ, всѣ были готовы на всевозможныя жертвы...

Великое это было время, святое время...

Когда со школою было покончено, аттестатъ зрѣлости полученъ, Сергѣй, очутившійся на свободѣ, не сталъ даже хлопотать о поступленіи въ университетъ, какъ мечталъ онъ объ этомъ. Вмѣсто университета онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ пѣхотный полкъ. Старушка-мать не удерживала сына, даже не отговаривала его. Она поняла, какія чувства волнуютъ его и толкаютъ на совсѣмъ иной, чѣмъ предполагалось ранѣе, жизненный путь. Старушка только плакала потихоньку, стараясь при сынѣ быть спокойною и даже веселою. Вѣрила бѣдная мать, что пути Промысла неисповѣдимы и что не ея слабымъ

силамъ измѣнить или отвратить то, что суждено ея сыну небесами...

Судьбѣ угодно было, чтобы Сергѣй попалъ въ полкъ 14-ой пѣхотной дивизіи, уже не разъ покрывавшей себя военною славою на поляхъ сраженій. Первый ея полкъ—53-й пѣхотный волынскій имѣлъ въ своемъ недавнемъ прошломъ Севастополь, защищая который лили свою кровь волынцы. Георгіевскія знамена осѣняли ихъ; серебряныя трубы полка также говорили объ ихъ доблестномъ прошломъ. Другіе полки: минскій, житомірскій, подольскій, также прославляли не разъ себя, и Сергѣй гордился, что ему приходилось на первыхъ же порахъ стать въ ряды этихъ храбрецовъ.

— И въ юнкерское вамъ, юноша, не надобно,—замѣтилъ Рождественцеву его ротный командиръ, капитанъ Соломинъ, когда вольноопредѣляющійся явился къ нему,—пройдете самую лучшую школу—боевую!

Въ близости войны съ турками тогда никто уже не сомнѣвался...

Рождественцевъ очень скоро освоился въ полку. Служба казалась ему трудною, но не тяжелою вовсе. Въ то время сама собою создавалась новая русская армія. Въ ея ряды шли люди съ высшимъ общимъ образованіемъ. Капитанъ Соломинъ, напримѣръ, опредѣлился въ полкъ изъ университета. Съ появленіемъ въ полкахъ такихъ людей смягчились требованія, предъявляемыя къ солдату. Офицеры заботились о воспитаніи духа своихъ подчиненныхъ, допуская для нихъ всякія возможныя въ предѣлахъ военнаго устава облегченія. Солдатъ для начальника сталъ меньшимъ братомъ, но не исключительно боевою силою. Конечно, при такомъ настроеніи, вольноопредѣляющійся изъ хорошей семьи, съ образованіемъ, пользовался общимъ вниманіемъ, хотя никакихъ послабленій Рождественцеву не дѣлали, и онъ несъ службу наравнѣ со всѣми своими товарищами-простолюдинами.

И вотъ, когда военная гроза должна была разразиться, Рождественцевъ очутился съ своимъ полкомъ въ Кишиневѣ [3]), главной квартирѣ уже сформированной дунайской арміи.

Словно живое море какое залило столицу Бессарабіи. Военные всѣхъ родовъ оружія: пѣхотинцы, кавалеристы, артиллеристы съ утра и до ночи видны были на всѣхъ улицахъ города; румыны, молдаване, въ своихъ національныхъ костюмахъ, оборванные, въ лохмотьяхъ, цыгане, болгары, сербы,—всѣ смѣшивались на площадяхъ города въ одну пеструю, немолчно гомонившую толпу. Шумъ, оживленіе, движеніе царили повсюду. На „Скаковомъ полѣ“ у Кишинева полки репетировали къ предстоявшему Высочайшему смотру. Жизнь кипѣла всюду. Люди радостно готовились къ близкому подвигу. Скороскоро для всѣхъ должны были настать дни, недѣли, мѣсяцы всевозможныхъ лишеній, грозныхъ смертельныхъ опасностей. Каждый торопился жить сегодня, потому что завтра уже могло не принадлежать ему. Такъ летѣло время, пока не пришла вѣсть, что въ Кишиневъ къ собравшимся войскамъ ѣдетъ самъ императоръ Александръ Николаевичъ съ своимъ наслѣдникомъ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ.

10 апрѣля 1877 г. государь, сопровождаемый, кромѣ наслѣдника, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, княземъ Сергѣемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, министромъ императорскаго двора, военнымъ, путей сообщенія, шефомъ жандармовъ и отозваннымъ уже изъ Константинополя русскимъ посломъ, прослѣдовалъ черезъ ст. Жмеринка въ Бирзулу, а оттуда послѣ смотра войскъ въ Тирасполь, гдѣ онъ встрѣченъ былъ главнокомандующимъ арміей, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, и начальникомъ штаба южнодунайской дѣйствующей арміи, ген.-ад. Непокойчицкимъ [4]). Изъ Тирасполя государь въ сопровожденіи всей своей сви-

ты отбылъ въ Кишиневъ. Въ Жмеринкѣ, Бирзулѣ, Тирасполѣ находившіяся тамъ войска представлялись своему, Державному Вождю и теперь была очередь за войсками главной квартиры.

О предстоявшемъ 12 апрѣля Высочайшемъ смотрѣ и писалъ матери наканунѣ его Рождественцевъ, весь проникнутый величіемъ наступавшаго мгновенія.

При размѣщеніи войскъ Сергѣй попалъ вмѣстѣ съ другимъ вольноопредѣляющимся Кораловымъ въ убогую молдаванскую лачужку и, несмотря на грязь, сырость и холодъ въ своемъ помѣщеніи, былъ имъ очень доволенъ. Кораловъ рѣдко сидѣлъ дома, и Рождественцевъ подолгу могъ оставаться одинъ съ своими грезами и думами. И теперь, воспользовавшись отсутствіемъ товарища, онъ усѣлся за письмо къ матери, стараясь разсказать родимой своей старушкѣ о всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ послѣднихъ дней, о своихъ чувствахъ, надеждахъ, мечтахъ. Ему уже оставалось дописать очень немногое, когда дверь въ лачужку отворилась и вошелъ высокій худой юноша, черный, какъ смоль. Онъ былъ одѣтъ въ форму только-что сформированныхъ первыхъ двухъ батальоновъ болгарскаго ополченія: мѣховую шапку съ зеленымъ верхомъ, въ черный суконный пиджакъ въ родѣ бушлатовъ русскихъ матросовъ, въ черныя суконныя шаровары и сапоги съ высокими голенищами.

— А, Петко, это ты! Здравствуй!—обернулся на стукъ хлопнувшей двери Рождественцевъ,—садись, я, вотъ, мамѣ письмо дописываю, сейчасъ кончу... Прости, братъ, одна минута всего...

— Пиши, пиши,—отозвался Петко,—къ матери пишетъ, счастливецъ!

Онъ тяжело вздохнулъ и присѣлъ на складной табуретъ около убогаго стола, на которомъ при тускломъ свѣтѣ оплывавшей свѣчки дописывалъ послѣднія строки

Рождественцевъ. Нѣсколько минутъ оба молчали. Петко внимательно смотрѣлъ, какъ скользило перо Сергѣя по бумагѣ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.
(Съ портрета Левицкаго).

— Напиши твоей матери, чтобы она, когда будетъ молиться, помолилась-бы и за меня,—отрывисто сказалъ онъ, когда Сергѣй поставилъ подъ письмомъ свою подпись.

— А твоя мать, Петко?—спросилъ Рождественцевъ,—ты никогда ничего не говорилъ про нее...

— Я ничего не знаю о ней; гдѣ она, что съ ней — ничего не знаю... Жива-ли она, умерла-ли, ничего, ничего не знаю... Отецъ зарѣзанъ, мать пропала... съ нею пропала сестра, я и о ней ничего не знаю... Все думаю, если-бы онѣ были живы, увѣдомили-бы меня или дядю о себѣ...

Петко говорилъ совершенно свободно по-русски. Онъ съ малыхъ лѣтъ жилъ у дяди-торговца въ Кишиневѣ, учился въ русской школѣ. Родная его семья: отецъ, мать съ остальными дѣтьми жили въ Тырновѣ. Видѣлся юноша съ родными рѣдко, но любилъ ихъ страстно. Онъ обезумѣлъ отъ горя, когда дошла до него вѣсть о гибели отца и исчезновеніи матери. Безпощадная ненависть къ туркамъ охватила все его существо. Месть явилась цѣлью его жизни. Онъ убѣжалъ отъ дяди за Дунай. Что онъ тамъ дѣлалъ, какъ жилъ—этого никто не зналъ, а самъ онъ ничего не разсказывалъ. Когда стало извѣстнымъ, что въ Кишиневѣ формируются болгарскія ополченскія дружины, Петко вернулся въ Россію и однимъ изъ первыхъ сталъ въ ряды ополченцевъ. Приняли его охотно. Въ ополченскія дружины много собиралось задунайскихъ бѣглецовъ. Всѣхъ ихъ одушевляла непримиримая ненависть къ туркамъ. Они пылали жаждой кровавой мести за своихъ, погибшихъ отъ рукъ турецкихъ палачей. Рѣдко-рѣдко у кого изъ болгарскихъ бѣженцевъ въ самомъ недавнемъ прошломъ не было дорогого трупа: отца, матери, братьевъ, сестеръ, женъ, дѣтей. И они сходились въ Кишиневъ подъ ополченскія знамена, готовые къ отчаянной борьбѣ. Приходили и старики, и почти дѣти—не мало среди ополченцевъ было студентовъ, гимназистовъ, учениковъ всякихъ школъ. Бокъ-о-бокъ съ ними въ ополченскихъ рядахъ стояли старики, уже бившіеся съ турками на равнинахъ Сербіи, Босніи, Герцеговины.

ВЕЛ. КНЯЗЬ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.
Съ фотографіи.

Назначенный начальникомъ болгарскаго ополченія генералъ-майоръ Столѣтовъ [5]) и исправляющій должность начальника его штаба, подполковникъ Рынкевичъ, охотно принимали въ ополченіе каждаго явившагося. Мало-помалу образовались стройныя дружины, которыя въ недалекомъ будущемъ должны были послужить основаніемъ будущей болгарской арміи...

Петко Гюровъ особенно гордился тѣмъ, что ему удалось попасть въ первый болгарскій батальонъ. Юноша надѣялся съ нимъ скорѣе попасть за Дунай.

— Завтра-же прямо послѣ смотра вы и въ походъ,— сообщилъ онъ Рождественцеву.

— Да, наша четырнадцатая дивизія выступаетъ,—подтвердилъ его сообщеніе Сергѣй,— казаки такъ прямо съ поля.

— Счастливцы!—съ завистливымъ вздохомъ вымолвилъ Петко, — насъ, ополченцевъ, назначаютъ въ тылъ. Говорятъ, что непривычны мы... Въ бой пустятъ потомъ, когда пороху понюхаемъ, словно не знаемъ мы его запаха...—онъ помолчалъ и послѣ молчанія продолжалъ:— завтра-же въ Унгенахъ [6]) на границѣ будетъ смотръ, на самомъ берегу Прута [7]). Только-бы казаки не опоздали и поспѣли во-время. На Серетѣ [8]) есть мостъ, Барбошскимъ его зовутъ, если его не занять, трудно будетъ потомъ, съ боемъ переходить придется.

— Возьмутъ, возьмутъ твой Барбошскій мостъ,—засмѣялся Сергѣй:—князь румынскій Карлъ пошлетъ своихъ дарабанцевъ [9]), наши казаки поспѣютъ, вотъ мостъ и займутъ.

Рождественцевъ и Петко Гюровъ подружились чуть-ли не съ перваго раза, какъ только увидали другъ друга. Встрѣча ихъ была случайная, но молодые люди почувствовали взаимную симпатію. Оба они были очень молоды, оба кипѣли одушевленіемъ, хотя чувства, порождавшія это одушевленіе, были совершенно различныя:

одинъ — Рождественцевъ, былъ весь охваченъ великой идеей, другимъ—Петко, владѣло злобное чувство. Но оба они были искренни въ своихъ порывахъ, и искренность явилась связующимъ звеномъ между ними. Незамѣтно сдружившись, они оба привязались другъ къ другу, и теперь обоихъ печалила мысль о предстоявшей разлукѣ. Однако, они старались не высказываться въ этомъ отношеніи; но замѣчаніе Петко о томъ, что болгарскія дружины будутъ оставлены для службы въ тылу арміи, невольно заставила ихъ вспомнить, что завтра имъ придется разстаться.

— Да,—вздохнулъ Сергѣй,—ваши дружины въ тылу, наша дивизія въ первую голову, кто знаетъ, когда мы увидимся, да и увидимся-ли еще когда-нибудь... Задерживаться не будемъ, впередъ пойдемъ.

— Погоди еще,—усмѣхнулся Петко,—придется вамъ на Дунаѣ посидѣть да на него поглядѣть.

— Какъ такъ? Зачѣмъ?

— Разлился Дунай въ этомъ году сильно... До спада воды и не перейти!

— Перейдемъ, не безпокойся!

— Нѣтъ!—покачалъ болгаринъ головой, — скоро не перейдете. Ты не думай, Сергѣй, что турки легко вамъ отдадутъ побѣду. Вотъ вы всѣ такъ думаете, что сломить ихъ вамъ ничего не стоитъ. Ошибаетесь! Турки—хорошіе воины, они храбры, выносливы, довольствуются всегда малымъ и бороться съ ними не легко.

Рождественцевъ разсердился.

— Это что же,—спросилъ онъ, — „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“?

— Нѣтъ, Сергѣй, нѣтъ,—покачалъ головой Петко,— ты, вотъ, разсердился, а я-же не говорю, что русскіе не побѣдятъ... Вы побѣдите, непремѣнно побѣдите!

— Такъ въ чемъ-же тогда дѣло?

— Въ томъ, что побѣда будетъ не такая легкая, какъ вы всѣ думаете; я уже сказалъ, что сами по себѣ турки—народъ храбрый, потомъ—всѣ это говорятъ—у нихъ лучшее вооруженіе... Снаряды для орудій, патроны для ружей у нихъ не свои—англійскіе.

— Погоди, Петко,—воскликнулъ Рождественцевъ,—ты говоришь о трудностяхъ... Да развѣ дается что-либо въ жизни легко, безъ жертвъ? Для всякаго дѣла должны быть жертвы, и чѣмъ больше дѣло, чѣмъ больше величіе его, тѣмъ большихъ такое дѣло и жертвъ требуетъ. Дѣло-же, на которое выходимъ мы теперь,—великое, святое. Не ради корысти, пріобрѣтеній вынимаетъ русскій нашъ государь изъ ноженъ свой мечъ, но, чтобы защитить слабыхъ, угнетенныхъ, мучимыхъ, посылаетъ онъ сыновъ великой Руси лить свою кровь на поляхъ твоей родины. Ради твоихъ земляковъ, Петко мой, ради ихъ и ихъ дѣтей счастья идемъ мы. Насъ ведетъ на подвигъ самъ Всемогущій Богъ. Онъ—наше прибѣжище, Онъ—наша сила, потому что во имя любви къ Нему поднялась Русь. И Онъ дастъ намъ побѣду, потому что наше дѣло—Его дѣло. Пусть не только что турки, не сомнѣваюсь, храбрецы, пусть не только что англичане, но пусть всѣ народы станутъ на нашемъ пути,—и имъ никогда не остановить Руси, когда она идетъ впередъ за идею... Не остановить! не остановить, потому что еще шесть съ небольшимъ десятковъ лѣтъ тому назадъ громко сказалъ весь русскій народъ: „съ нами Богъ—разумѣйте, языцы!“

Рождественцевъ, говоря такъ, сильно волновался. Его красивое лицо покраснѣло и покрылось яркими пятнами румянца, грудь высоко вздымалась, глаза горѣли. Сильное нервное движеніе словно поднимало разомъ его всѣ чувства, всѣ грезы, всѣ мечты. Великая идея охватила и захватила его всего. Его словами говорилъ не скромный застѣнчивый юноша, еще недавно оставившій школьную скамью, нѣтъ, его словами говорили десятки и сотни

тысячъ русскихъ людей, думавшихъ такъ-же, какъ и онъ такъ-же всецѣло охваченныхъ идеей, такъ-же искренно убѣжденныхъ въ величіи подъемлемаго на себя Россіей подвига...

Петко съ восторгомъ смотрѣлъ на воодушевившагося пріятеля. Уже не разъ слыхалъ онъ и отъ него и отъ другихъ такого рода рѣчи, и каждый разъ онѣ вызывали въ немъ только восторгъ.

— „Съ нами Богъ—разумѣйте языцы!"—словно въ забытьѣ повторилъ за пріятелемъ молодой болгаринъ.

— Да, Петко, да, другъ мой!—гораздо спокойнѣе заговорилъ Рождественцевъ,—никогда не забывай, что для идеи нѣтъ трудностей, нѣтъ жертвъ, которыхъ нельзя было бы принесть. И идея не можетъ не побѣдить. Христіанство—идея любви и всепрощенія—слабое, маленькое, безсильное, низвергло Римъ. А какія ужасныя жертвы были приносимы ради этого! Да всюду въ исторіи множество подобныхъ-же примѣровъ. Не было еще ни одной великой свѣтлой идеи, не побѣдившей-бы всѣ преграды. Наши силы не столько въ нашемъ оружіи, сколько въ убѣжденіи, что мы идемъ за великое, правое дѣло... А жертвы, Петко, будутъ... большія жертвы... Много прольется крови, много-много сиротъ и вдовъ прибудетъ въ этомъ году... Ну, что-же дѣлать, на все есть Высшая Воля...

— Вѣрно, братцы,—раздался за ними веселый голосъ,—что вѣрно—то вѣрно, кому тонуть, тотъ не сгоритъ, а такъ какъ мы, россійскіе солдаты, по сущности самой своей, всѣ до единаго—казенное добро, такъ мы и въ водѣ не тонемъ, и въ огнѣ не горимъ!

При первыхъ звукахъ этого голоса Рождественцевъ и Петко быстро обернулись. Позади нихъ стоялъ незамѣтно вошедшій въ хибарку товарищъ Сергѣя—Алексѣй Кораловъ. Это былъ плотный юноша, невысокій, но плечистый, съ высокой грудью—то, что называется обыкно-

венно „кряжистымъ“, „кряжемъ“. Лицо его, некрасивое, съ крупными чертами, съ носомъ луковицей, вмѣстѣ съ тѣмъ, отражало искреннее добродушіе, веселость характера и полную незлобивость. Такимъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Никто никогда не видалъ его унылымъ, задумавшимся. Кораловъ не любилъ размышлять, что и зачѣмъ свершается вокругъ него, а просто былъ убѣжденъ, что „все къ лучшему—въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“. Въ ротѣ и, онъ и Рождественцевъ были общими любимцами солдатиковъ, но у послѣднихъ, въ силу простоты характера Алексѣя Петровича, установились съ нимъ болѣе тѣсныя отношенія, чѣмъ съ деликатнымъ, застѣнчивымъ Сергѣемъ. Кораловъ въ солдатскомъ кружкѣ былъ своимъ человѣкомъ, Рождественцевъ-же все-таки оставался для солдатиковъ „барской косточкой“, хоть и прикрытой сѣрою грубаго сукна шинелью. Веселости въ Кораловѣ нисколько не убавляло то обстоятельство, что онъ былъ бѣденъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ надеждѣ по окончаніи юнкерскаго училища стать офицеромъ и жить на средства, которыя давала-бы ему служба. О многомъ онъ не заботился и даже выражалъ желаніе „дальше капитана не забираться“. Начинавшаяся война разрушила его планы и вмѣсто училища привела въ дѣйствующую армію въ тотъ-же полкъ и въ ту-же роту, куда попалъ Рождественцевъ.

— А, братушка, здорово,—говорилъ онъ, пожимая руку Петко и садясь около него,—что, воевать собираешься? Шалишь, погоди—малость подрости... А испугалъ я васъ, поди, братцы; какъ гаркнулъ, душа, поди, въ пятки ушла... А еще на турку, герои этакіе собираетесь.

— Подкрался ты, мы не слыхали, заговорились,— съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ Рождественцевъ, дѣйствительно невольно вздрогнувшій при неожиданномъ появленіи товарища.

— То-то заговорились! А если-бы это былъ не я.

а турокъ—сейчасъ бы онъ на васъ своего Мартини навелъ—бацъ-бацъ и поминай, какъ васъ звали... Такъ-то, ребята! По казармамъ я ходилъ,—перешелъ Кораловъ на другую тему,—и, Боже мой, что тамъ дѣлается... На стѣну съ нетерпѣнія наши молодцы чуть что не лѣзутъ: все о завтрашнемъ утрѣ думаютъ: какъ имъ,—голосъ Коралова зазвучалъ серьезно,—Богъ приведетъ государю императору представиться. Я уже уговаривалъ-уговаривалъ ихъ—у такого дивизіоннаго, говорю, какъ нашъ его превосходительство Михайло Ивановичъ Драгомировъ [10]) ни одна полковая часть лицомъ въ грязь не ударитъ, потому что вездѣ онъ и во всякую мелочь самъ входитъ... Такъ нѣтъ! Все безпокойство беретъ: какъ, что... Ну, да бояться за смотръ нечего.... Да и тамъ дальше, какъ съ турками встрѣтимся, тоже себя покажемъ... Жаль, что не мы здѣсь войну начнемъ.

— Какъ не мы?—воскликнулъ чуть что не съ испугомъ Рожденствецевъ.

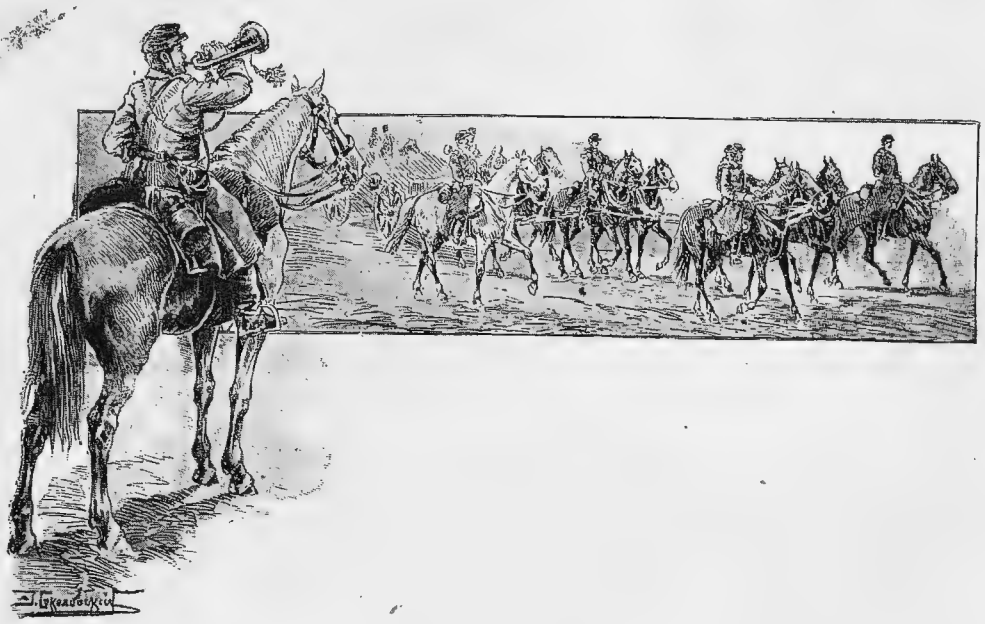
— Да такъ... На Кавказѣ первые выстрѣлы загремятъ... Тамъ наши съ турками стоятъ другъ противъ друга, а здѣсь мы раньше Дуная британобыхъ не встрѣтимъ, вотъ что, братцы мои! Ай, да!—спохватился Кораловъ,—новость узналъ: съ нами Скобелевъ [11]) будетъ...

— Какой? Неужели кокандскій?—такъ весь и вздрогнулъ Рождествецевъ.

— Онъ, онъ самый... Какъ прослышалъ про Дунай, бросилъ свою Фергану, орломъ летитъ Михайло Дмитріевичъ... Говорятъ, его въ отцовскій отрядъ зачислятъ... Видно, что съ нами на Дунай онъ пойдетъ... Ихъ съ нашимъ дивизіоннымъ пара: оба почти что Суворовы... Знаете, братцы, нашъ Драгомировъ памятку далъ, чисто-Суворовскую: „Отбоя, отступленія и тому подобнаго вовсе никогда не подавать и предупредить людей, что, если такой сигналъ услышатъ, то это только обманъ со стороны непріятеля“. А, что? Хорошо? А вотъ и

еще: „Ни фланга, ни тыла у насъ нѣтъ и быть не должно: всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился: стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко и иди впередъ, и Богъ наградитъ тебя побѣдой". Не по-суворовски развѣ? Увидите, это онъ и въ приказѣ отдастъ... Съ такимъ да не побѣдить! Съ нимъ да со Скобелевымъ и рѣка Дунай для христолюбиваго воинства—тьфу! Побѣдимъ! Побѣда, слава, ура, а теперь,—совершенно неожиданно и безцеремонно закончилъ Кораловъ,—спать, ребятки. Иди себѣ домой, братушка, по добру по здорову, а мы—на боковую.

Петко не обидѣлся на послѣднее безцеремонное приглашеніе. Скоро огонь погасъ въ хибаркѣ и, помолившись Богу, друзья заснули.



II.

Великій день.

ПАСМУРНОЕ, сѣренькое было утро 12 апрѣля 1877 г. Весна въ Бессарабіи была не изъ хорошихъ. Небо все хмурилось, словно было готово заплакать. Дожди моросили постоянно, частенько переходя въ проливни. Съ Дуная пришли вѣсти, что эта великая славянская рѣка отъ продолжительныхъ ливней вся вздулась и разлилась такъ, что стала почти непереходимою. Но объ этомъ въ Кишиневѣ пока мало думали. Всѣ мысли сосредоточены были на представленіи войскъ главной квартиры только что прибывшему въ Кишиневъ государю. Въ день прибытія его весь Кишиневъ собрался на встрѣчу Державнаго Вождя русскаго народа. Громко, по-праздничному, звонили колокола всѣхъ церквей. На улицѣ у губернаторскаго дома, гдѣ государь основалъ свое временное пребываніе, вездѣ густыми толпами стоялъ народъ; „ура“ не смолкало ни

на мгновеніе, смѣняясь только величественными звуками народнаго гимна. Путь, по которому государь, великіе князья и лица государевой свиты должны были прослѣдовать съ желѣзнодорожнаго вокзала въ домъ губернатора, былъ иллюминованъ такъ, какъ никогда еще до того не иллюминовался Кишиневъ въ самые торжественные праздники. Цѣлое море флаговъ, сплошная волна гирляндъ, ковры, тріумфальная арка въ началѣ нынѣшней Александровской улицы скрывали подъ собою стѣны зданій; тысячи огней загорѣлись, когда наступила темнота; транспаранты съ соотвѣтствующими случаю надписями были разставлены на каждомъ шагу и подъ ними гудѣла тысячная восторженная толпа. Только темная ночь да дождь заставили кишиневцевъ разойтись по домамъ въ ожиданіи утра.

Чуть только забрезжился разсвѣтъ слѣдующаго дня, на Скаковое поле у Рышкановки потянулись войска, участвовавшія въ смотру. Тяжело ступая, извиваясь своею сѣрою массою, шли пѣхотные полки, почти не производя шума; позвякивая копытами лошадей, уже съ большимъ шумомъ стягивалась на поле кавалерія; далѣе дребезжали артиллерійскія батареи, выѣзжавшія одна за другой къ смотру. Когда разсвѣло совсѣмъ, полки и батареи стояли уже на Скаковомъ полѣ, вполнѣ готовые представиться своему любимому государю. Пѣхотинцы, болгарскіе ополченцы, драгуны ряжскіе и чугуевскіе, изюмскіе гусары, саперы, донскіе казаки,—старѣйшіе и славные полки русской арміи неподвижно замерли на мѣстѣ. Среди нихъ, на ихъ сѣромъ общемъ фонѣ красивымъ ласкающимъ взоръ пятномъ своихъ яркихъ кафтановъ выдѣлялись кубанцы и терцы изъ дивизіона Собственнаго Его Величества Конвоя. Нѣсколько далѣе, опустивъ къ землѣ еще молчавшія жерла орудій, стояли артиллерійская бригада, а съ нею 18-я конная и 4-я донская батареи [12]). На свободномъ краю Скакового поля также въ напряженномъ

632573
БЕЛГОРОДСКАЯ Областная БИБЛИОТЕКА

молчаніи стояли безчисленныя толпы народа. Казалось, будто вся Бессарабія собралась на этотъ смотръ. Сотни экипажей, всадники, пѣшеходы толпились у протянутаго каната, которымъ отдѣлялось мѣсто, гдѣ долженъ былъ произойти смотровой парадъ. Тихо было, несмотря на огромное количество собравшихся людей. Въ этой тишинѣ чувствовалось томительное напряженіе, особая нервность, развившаяся въ силу нетерпѣливаго ожиданія.

Казалось, что достаточно одного только малѣйшаго, но неожиданнаго звука,—и нервы всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ людей не выдержатъ...

Сергѣй Рождественцевъ, стоявшій съ своей ротой недалеко отъ центра поля, гдѣ приготовленъ былъ аналой для предстоявшаго молебствія, просто задыхался отъ волненія. Юношѣ все казалось, что смотръ для него не пройдетъ благополучно. То кепка жала ему голову, то съ ужасомъ взглядывалъ онъ на свои загрязнившіеся во время перехода по полю сапоги. Рядомъ онъ видѣлъ такія же, какъ онъ думалъ и у него, поблѣднѣвшія отъ волненія лица товарищей. Съ удивленіемъ онъ посматривалъ на Коралова, сохранившаго свою обычную безпечную веселость. Сергѣю страннымъ казалось, какъ можно улыбаться и смѣяться въ такія мгновенія; онъ не могъ понять настроенія своего пріятеля и сожителя, когда человѣкъ становится „самъ не свой“, какъ говорится. За то Кораловъ понялъ, въ какомъ волненіи Рождественцевъ и, подкравшись къ нему, тихонько ударилъ его по плечу.

— Чего это ты, миленькій,—шепнулъ онъ, — капитанъ скомандовалъ „вольно“, а ты все фронтъ держишь? Подтянись, а то и въ самомъ дѣлѣ смотра не выдержишь!

Ласковый голосъ товарища какъ-будто нѣсколько разсѣялъ овладѣвшее было Сергѣемъ настроеніе. Онъ ободрился, встряхнулся и сталъ быстро оправляться. Сосѣдъ его по фронту, солдатикъ, по фамиліи Фирсовъ, поспѣшилъ помочь „барчуку“. Дѣлалъ онъ это съ очевиднымъ

участіемъ и ласкою. Рождественцевъ ободрился совсѣмъ и даже сталъ внутренно посмѣиваться надъ самимъ собою.

— Нервы! Разнервничался, а еще солдатъ!—тихо шепталъ онъ.—Что же потомъ-то будетъ?

— А что, баринокъ, и взаправду сегодня войну объявятъ? — спросилъ Рождественцева Фирсовъ, отчистивъ грязь съ его шинели.

— Сегодня, непремѣнно сегодня!—отвѣтилъ тотъ.—Кто это вамъ, Фирсовъ сказалъ, что не объявятъ?

— А въ городѣ всѣ говорятъ, что сегодня только смотръ намъ, а войну потомъ, всѣ такъ твердятъ.

Дѣйствительно, въ Кишиневѣ почему-то всѣ были увѣрены, что въ день смотра войскъ объявленія войны официально не послѣдуетъ. Было извѣстно, что государь тотчасъ послѣ смотра войскъ на границѣ у Прута прослѣдуетъ въ Москву. Ожидалось, что манифестъ о войнѣ будетъ объявленъ именно въ „сердцѣ Россіи“... Кишиневъ для этого огромному большинству казался слишкомъ мелкимъ пунктомъ, и прибытіе государя объясняли, какъ желаніе его увидѣть войска, на долю которыхъ выпадала завидная честь первыми начать кампанію.

— Государь изволилъ проѣхать въ соборъ,—пронеслось съ быстротою телеграммы извѣстіе.—Тамъ встрѣча была ему со святою водою,—сейчасъ-же пришли и разнеслись новыя подробности,—преосвященный Павелъ слово говорилъ...

— Скоро и здѣсь государь будетъ! — послышался всюду шепотъ.—Подтянись, подправься!

Рѣшительный, грозный моментъ становился все ближе и ближе.

День, пасмурный сначала, сталъ проясняться. Погода разгуливалась. Тучи расплылись и изъ-за нихъ появилось солнце. Было довольно холодно, но этого никто не

замѣчалъ; и то уже была радость, что ожиданія дождя не оправдались.

На утрамбованную площадку около аналоя уже стали собираться находившіеся въ Кишиневѣ придворные чины, духовенство и высокопоставленныя лица.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! Преосвященный Павелъ ѣдетъ! — раздались голоса.—Государь съ главнокомандующимъ, за ними свита... великіе князья...

Зашумѣлъ, заволновался, закипѣлъ было человѣческій муравейникъ.

— С-м-и-рно!—пронеслась громовая команда,—и люди и даже кони подъ всадниками, повинуясь этому оклику, словно въ статую обратились, замеревъ безъ движенія...

На полѣ показалась коляска. Государь ѣхалъ въ ней съ главнокомандующимъ; позади коляски скакали конвойцы и за ними уже вся свита.

Дивную картину представляло въ это мгновеніе Скаковое поле. Сѣрой лентой вытянулась пѣхота; на солнцѣ сверкали безчисленные штыки, отливаясь и переливаясь всевозможными оттѣнками своей стали. За пѣхотой, словно лѣсомъ какимъ, выросли пики уланъ, драгунъ, казаковъ; рѣяли флачки на пикахъ; словно хоругви за крестнымъ ходомъ, стояли неподвижно штандарты. На другомъ концѣ поля буквально безчисленныя толпы народа тоже замерли въ напряженномъ ожиданіи; посредине же его, на площадкѣ у аналоя, сверкали парчевыя ризы духовенства, готовившагося къ начатію молебствія. Преосвященный Павелъ уже облачился и ожидалъ, пока государь кончитъ объѣздъ войскъ.

Императоръ объѣзжалъ обѣ линіи по фронту, ласково здороваясь съ полками. „Ура“, похожее на громовые раскаты, покрывало царское привѣтствіе. Это было не обычное смотровое „ура“; въ немъ слышались неподдѣльные восторгъ и одушевленіе, охватившіе эту живую массу, завладѣвшіе всѣми сердцами. Казалось, всѣ эти тысячи

ОБЪѢЗДЪ ВОЙСКЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II НА СКАКОВОМЪ ПОЛѢ ВЪ КИШИНЕВѢ.

Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

людей въ эти мгновенія слились въ одно цѣлое и мощнымъ своимъ крикомъ открывали предъ своимъ Державнымъ Вождемъ свою душу.

Окончивъ объѣздъ фронта, государь отъѣхалъ на средину поля, къ аналою, и сошелъ съ лошади; вслѣдъ за нимъ спѣшилась и вся его свита. Въ этотъ моментъ выступилъ впередъ преосвященный Павелъ и вскрылъ на глазахъ у всѣхъ находившійся у него въ рукахъ запечатанный пакетъ. Барабаны ударили „на молитву“ и лишь только пророкотали они, тысячи головъ обнажились разомъ по командѣ...

Великій, торжественный мигъ наступилъ. Гробовое молчаніе воцарилось среди десятковъ тысячъ собранныхъ здѣсь и собравшихся сюда людей. Отчетливо, во всеуслышаніе, яснымъ голосомъ читалъ преосвященный, обратившись лицомъ къ войскамъ, манифестъ о вступленіи россійскихъ войскъ въ предѣлы Турціи:

„Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ,—гласилъ этотъ государственный актъ, — извѣстно то живое участіе, которое мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

„Кровь и достояніе нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда намъ дороги. Все царствованіе наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцоговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально положили себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными и дружественными намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стре-

миться въ продолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли-бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло истекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать для убѣжденія Порты всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія наши не оправдались; Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ положеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе наше, мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ

это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска наши, мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

„Данъ въ Кишиневѣ апрѣля 12-го въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованія-же нашего въ двадесятъ-третье".

Тихо-тихо было на полѣ во все время, пока читалъ преосвященный манифестъ. Величіе переживаемой минуты поражало всѣ сердца. Вѣдь, теперь наступилъ сразу конецъ всякимъ волненіямъ и ожиданіямъ; война, которой жадно желала вся Россія, была объявлена.

Рождественцевъ замиралъ отъ волненія, стоя на своемъ мѣстѣ. Слова манифеста долетали до его слуха только отрывками, но значеніе ихъ было такъ понятно, такъ близко его сердцу.

Онъ весь такъ и встрепенулся, когда до него долетѣли тихо-тихо слова преосвященнаго, говорившаго слово предъ началомъ торжественнаго молебствія.

— Мужественно, дерзновенно идите на предлежащій вамъ подвигъ,—говорилъ епископъ.

Онъ говорилъ о прошлой русской славѣ, о великихъ русскихъ побѣдахъ. Олегъ, Игорь, Святославъ стремились въ этотъ край, къ столицѣ древней Византіи. Преосвященный напомнилъ въ своемъ словѣ, что путь, по которому должны пройти русскіе воины, хорошо имъ долженъ быть извѣстенъ; онъ утоптанъ русскою ногою, усѣянъ костями и напоенъ кровью защитниковъ и враговъ русскаго народа, Христова имени. Повсюду на этомъ пути села, города, крѣпости, рѣки, горы и долы, напоминающіе великія русскія имена, доблестные подвиги, славныя побѣды русскихъ воиновъ. Кагулъ, Ларга, Рымникъ, Измаилъ, искони родной русскому народу Дунай съ вражескими на немъ твердынями, Балканы, Адріанополь и Константинополь — все это свидѣтели славныхъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ дружинъ, русскихъ войскъ.

Предъ выступавшими на новые подвиги русскими воинами должны были возставать, какъ живые, то величавые лики древнихъ князей, витязей русскихъ, то величавые образы великихъ царей и царицъ: Великаго Петра, Великой Екатерины, Благословеннаго Александра, Доблестнаго Николая, то величавые лики великихъ вождей — Румянцева, Суворова, Кутузова и другихъ съ ихъ чудо-богатырями, не одинъ разъ заставлявшихъ трепетать Царьгородъ-Стамбулъ предъ силою своего оружія, прославившихъ своими подвигами, возвеличившихъ Россію...

— Какія славныя воспоминанія будутъ вдохновлять васъ къ подвигамъ и побѣдамъ, — говорилъ преосвященный. — На васъ будутъ взирать съ любовью и надеждой дѣлъ славныхъ царь-отецъ съ царицей и августѣйшимъ домомъ своимъ и Россія-мать! На васъ будутъ обращены взоры братій нашихъ — страждущихъ народовъ христіанскихъ съ чаяніемъ избавленія отъ жестокаго поработителя; на васъ будетъ взирать и съ вами будетъ дѣлить труды, подвиги и опасности вашъ любимый, исполненный воинскаго обаянія августѣйшій вождь. Святая церковь будетъ молиться за васъ, благословлять васъ и просить Господа Бога, да поможетъ вамъ оградить Христову вѣру и христіанскую гражданственность среди народовъ, отъ которыхъ мы сами унаслѣдовали и вѣру Христову, и гражданственность христіанскую. Самъ Господъ нашъ Іисусъ Христосъ, положившій душу свою за други своя, съ любовью будетъ призирать на вашу готовность положить души ваши за други ваши и благословитъ васъ... Какіе подвиги не будутъ для васъ возможны подъ осѣненіемъ такихъ благословеній!..

Взволнованный витія остановился... Восторженный порывъ объялъ его; глаза преосвященнаго были влажны, когда онъ вдругъ заговорилъ, повысивъ голосъ свой:

— Явите-же себя достойными своего высокаго призванія и славнаго имени русскаго воина, молитесь, лю-

бите Господа Бога, царя, отечество, ближнихъ, честно подвизайтесь и вы будете увѣнчаны славою!

Волненіе, ясно написанное на лицѣ архипастыря, охватило и всѣхъ его слушателей. Среди всеобщей тишины началось торжественное молебствіе. Въ благоговѣйномъ молчаніи выслушивались возгласы владыки и словно призывъ къ великой любви проносилась по полю пасхальная пѣснь „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“ Звуки такъ и росли такъ и плыли въ сердца этихъ простыхъ людей, отъ которыхъ такъ близка была смерть. Они всѣ шли на нее, увѣренные въ правотѣ своего дѣла, и слова великаго гимна христіанской любви вѣщали имъ, что смерти нѣтъ, что воскресшій изъ гроба Христосъ попралъ ее, принеся въ жертву людямъ свою кровь, свою жизнь на голгофскомъ крестѣ.

Какіе-то странные звуки привлекли къ себѣ вниманіе Сергѣя. Онъ съ удивленіемъ кинулъ взглядъ на правую сторону отъ себя. Тамъ рыдалъ, всхлипывая и стараясь сдавить рыданія, Фирсовъ. И его объяло величіе мгновенія. Желѣзные нервы простолюдина не выдержали, и солдатъ напрасно старался остановить свои жалкія всхлипыванія. При взглядѣ на него Рождественцевъ почувствовалъ, что вдругъ какой-то туманъ застилаетъ и ему глаза; онъ торопливо смигнулъ внезапную слезу и тутъ только понялъ, что и самъ плачетъ, что и кругомъ него тоже не изъ одной пары глазъ ручьями бѣгутъ слезы сильнаго сердечнаго умиленія...

— „Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“—пѣлъ хоръ, и опять словно искра какая пробѣжала по тысячамъ сердецъ. Встрепенулись они, забились сознаніемъ великой своей силы; дивная, горами ворочающая мощь русская ясно ощущалась каждымъ и тысячами тысячъ переливовъ отдавалась въ сердцахъ пѣснь „Разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“

Когда во время молебствія были произнесены слова: „Преклоньше колѣна, Господу помолимся“, государь самъ громко скомандовалъ:

— Батальоны, на колѣни!

По царскому слову тихо склонились къ землѣ тысячи простыхъ русскихъ людей. Только одни знамена высоко рѣяли надъ ними. Горячо молились люди въ это мгновеніе, и не о себѣ молились, а о дарованіи побѣды великому, святому русскому дѣлу, ради котораго каждый изъ нихъ готовъ былъ отдать послѣднюю каплю своей крови, послѣдній вздохъ свой...

Зазвучало многолѣтіе государю, государынѣ, наслѣднику, наслѣдницѣ съ ихъ августѣйшимъ сыномъ, главнокомандующему и затѣмъ россійскому воинству. При пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“, преосвященный Павелъ на три стороны съ напутственнымъ благословеніемъ окропилъ св. водою войска. Въ это время государь крѣпко обнялъ и облобызалъ своего брата главнокомандующаго, который въ благоговѣйномъ волненіи приникъ съ поцѣлуемъ къ рукѣ своего монарха...

Преосвященный Павелъ окропивъ войска, благословилъ образомъ Спаса главнокомандующаго, образомъ Гербовецкой Божіей Матери начальника открывавшей походъ 14-ой дивизіи, М. И. Драгомирова.

— Да возвратитъ васъ Господь,—взволнованнымъ голосомъ сказалъ преосвященный, - къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами!

Духовное торжество кончилось. Тихо, подъ впечатлѣніемъ великой пережитой минуты, отъѣзжали генералы вслѣдъ за монархомъ въ сторону, давая мѣсто для церемоніальнаго марша представлявшихся войскъ.

Кавалерійскія трубы заиграли „походъ“, и медленно въ развернутомъ фронтѣ стройно и плавно прошли мимо императора и его свиты эскадроны Собственнаго Его Величества Конвоя. За ними безъ музыки, подъ одинъ

только рокотъ барабановъ, сверкая на солнцѣ стальною щетиною своихъ штыковъ, вольнымъ шагомъ прошли: волынцы, минцы, подольцы и житомирцы. За житомирцами въ стройномъ порядкѣ слѣдовалъ „сюрпризъ царю“—два только-что сформированныхъ баталіона болгарскихъ добровольцевъ. За ними слѣдовали ряжцы-драгуны, чугуевцы-уланы и изюмскіе гусары; далѣе громыхали своими орудіями артиллерійскія батареи.

Стройно проходила мимо государя часть за частью. Царское „спасибо“ встрѣчало каждую изъ нихъ и громкое восторженное „рады стараться“ было отвѣтомъ на него. Государь любовался своими дружинами, представшими предъ нимъ въ такомъ порядкѣ, котораго трудно и ожидать было... За болгарскихъ добровольцевъ онъ изволилъ выразить свое одобреніе и благодарность генералу Столѣтову.

Во время церемоніальнаго марша каждый въ рядахъ думалъ лишь о томъ, чтобы выдержать строй, не испортить фронта, но никогда уже послѣ до конца своей жизни не могъ забыть Рождественцевъ той минуты, когда, послѣ смотра, государь объѣзжалъ всѣ части, прощаясь съ ними. Всѣ эти люди словно обезумѣли отъ восторга, увидавъ среди самихъ себя своего монарха.

— Прощайте, до свиданья!—говорилъ государь.— Возвращайтесь скорѣе со славою, поддержите честь русскаго оружія и да хранитъ васъ Всевышній!

Глаза императора были влажны отъ слезъ. Тяжелое душевное волненіе ясно отражалось на его лицѣ. Какое бремя поднималъ онъ на себя, поднимая эту войну! Чувствовалось, что видитъ государь всю тягость своего подвига и глубоко-глубоко угнетаетъ его мысль, что по его слову эти тысячи человѣческихъ существъ, а за ними еще десятки и сотни тысячъ идутъ умирать, неся сами въ то же время смерть и разрушеніе. И казалось, что только одни эти безконечныя выраженія неподдѣльнаго

восторга нѣсколько облегчаютъ душевный гнетъ царя, убѣждая его и въ любви и въ непоколебимой преданности всѣхъ этихъ русскихъ людей.

— Да хранитъ васъ Всевышній!

Государь произнесъ эти слова среди сбившихся въ одну толпу солдатъ. „Ура“, которое и громъ небесный могло бы заглушить, вырвалось изъ тысячъ грудей. Солдаты, офицеры всей своей массой ринулись къ царю и окружили его. Шапки высоко полетѣли въ воздухъ; потрясая надъ головами штыками, саблями, ревѣла вся эта живая масса свое „ура“.

— За братій! За святое дѣло!—слышалось въ этомъ несмолчномъ хаосѣ звуковъ.

Взрослые, видавшіе всякіе виды люди плакали навзрыдъ. Рождественцевъ очутился въ объятіяхъ Фирсова, лобызавшаго его сквозь градомъ катившіяся слезы. Сергѣй отвѣчалъ ему своими поцѣлуями. Вдругъ онъ увидалъ передъ собой орошенное слезами лицо капитана Соломина, обнимавшаго плакавшаго навзрыдъ Коралова. Ему не показалось ничего необычайнаго въ томъ, что офицеръ обнимаетъ простого рядового, — такъ силенъ былъ овладѣвшій всѣми порывъ. Рождественцевъ только вырвался изъ объятій Фирсова и, размахивая высоко надъ головой своей кепкой, закричалъ что было силъ въ груди:

— Ура! За вѣру Христову! За свободу братьевъ славянъ!

— Ура! Ура! Ура! — загремѣло въ отвѣтъ ему со всѣхъ сторонъ.

Среди грома криковъ послышался кавалерійскій маршъ. Прямо со смотра выступала въ походъ вся одиннадцатая кавалерійская дивизія.

Великая освободительная война началась...

Всюду читали и умилялись приказомъ августѣйшаго

главнокомандующаго, объявленнымъ по всѣмъ войскамъ въ день прочтенія манифеста.

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами, братьями нашими,—гласилъ этотъ приказъ.

„Горька ихъ неволя! Все, что дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро—все поругано, осквернено невѣрными.

„Не выдержали несчастные—возстали противъ угнетателей и, вотъ, уже два года льется кровь христіанская; города и села выжжены; имущество разграблено; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

„Всѣ представленія монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными.

„Мѣра долготерпѣнія царя-освободителя истощилась.

„Послѣднее слово царское сказано.

„Война Турціи объявлена.

„Войска ввѣренной мнѣ арміи! Намъ выпала доля исполнить волю царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

„Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой.

„И такъ, впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ.

„Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядового, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ и нынѣ оно такъ же грозно, какъ и въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные-же жители, къ какой-бы вѣрѣ и къ какому-бы народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно, никто не долженъ позволять себѣ произвола.

„Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины—въ коихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

„Напоминаю войскамъ, что, по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ то-же гостепріимство, какъ и предки и отцы наши.

„Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ — братьямъ и друзьямъ нашимъ—полною дружбою, охраною ихъ порядковъ и помощью противъ турокъ; а когда потребуется, — то и защищали ихъ дома такъ-же, какъ и свои собственные...“

Наизусть вытверживался тогда этотъ приказъ; онъ воспламенялъ, воодушевлялъ, подвигалъ на всякія трудности и лишенія...

Словно волны живыя, разлилась русская армія по Румыніи...

Государь оставался въ Кишиневѣ до 19 апрѣля и уѣхалъ только въ ночь на 20 число.

— Еще разъ благодарю васъ, господа, за службу, — говорилъ онъ, разставаясь съ провожавшими его. — Вы вполнѣ оправдали мои ожиданія. Съ вами я не прощаюсь а говорю лишь—до скораго свиданья. Теперь поѣду въ Одессу, Кіевъ, Москву и Петербургъ. Затѣмъ вернусь, чтобы дѣлить съ вами радость и горе. Да поможетъ вамъ Богъ! До свиданья!

III.

Первые шаги.

СЛОВНО валы разбушевавшагося въ грозную бурю моря раскатывались по Румыніи послѣ 12 апрѣля отряды русской арміи. Торопились скорѣе достигнуть лѣваго берега великой славянской рѣки, на который все собирались перейти турки, чтобы надвигавшейся грозной силѣ поставить и съ своей стороны живую преграду.

Но турки только „все собирались“, а отъ сборовъ до дѣла у нихъ было далеко.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ издалъ пространный, витіевато составленный манифестъ; въ немъ было много словъ и цвѣтистыхъ выраженій, но чувствовалось, что краснорѣчіе оратора прикрываетъ въ этомъ манифестѣ

невольную робость. Рѣшительности, увѣренности въ правотѣ своего дѣла не замѣчалось. Были слова, были угрозы, но какъ всѣ они далеки отъ дѣла!

Главнокомандующимъ турецкой арміей назначенъ былъ Портой „побѣдитель сербовъ“ Абдулъ-Керимъ паша для балканской арміи и Ахмедъ-Мухтаръ—паша для малоазіатской. Абдулъ-Керимъ былъ генералъ честный, храбрый, способный, но Порта организовала въ Стамбулѣ родъ военнаго совѣта, безъ предварительныхъ переговоровъ съ которымъ главнокомандующій не имѣлъ права дѣйствовать. Стамбульскій-же совѣтъ главную силу свою полагалъ въ расположенныхъ по правому берегу Дуная крѣпостяхъ, являвшихся дѣйствительно грозной преградой для наступавшихъ русскихъ.

Виддинъ, Никополь, Систовъ, Рущукъ, Силистрія, Мачинъ преграждали путь имъ. Это были неприступныя твердыни, незыблимыя, казалось, утесы, о которыхъ должны были разбиться надвигавшіеся живые валы. Въ устьѣ Дуная стоялъ турецкій броненосный флотъ, командовалъ которымъ опытный морякъ, англичанинъ Августъ-Карлъ Гоббартъ, сынъ графа Боккингема. Этой броненосной флотиліи было совершенно достаточно, чтобы преградить русскимъ путь черезъ Дунай въ нижнемъ его теченіи.

На лѣвомъ берегу дунайскомъ не было крѣпостей. Тамъ у воды раскинулись въ своемъ живописномъ безпорядкѣ красивые румынскіе городки: Калафатъ, Журжево, Ольтеница, Браиловъ, Галацъ, Рени. Первые два все-таки были нѣсколько укрѣплены и даже могли считаться крѣпостями, но, конечно, и въ сравненіе не могли идти съ неприступными турецкими твердынями.

Грозному Виддину противоположенъ былъ маленькій беззащитный Калифатъ; противъ Никополя—незначительные поселки. Нѣсколько ниже Систова на лѣвомъ берегу лежала неизвѣстная дотолѣ Зимница; Журжа и Рущукъ, Ольтеница и Силистрія, Браиловъ и Мачинъ были

расположены почти другъ противъ друга. Это были главные пункты, около которыхъ должна была происходить борьба за Дунай.

Хляби небесныя разверзлись, когда русскія войска начали свое наступленіе. Цѣлыя моря воды въ видѣ дождя

Султанъ Абдулъ-Гамидъ.

низвергались съ небесъ на равнины Румыніи. Бури бушевали непрестанно. Прутъ, Серетъ, Дунай вздулись, выпучились, разлились, преграждая всюду путь надвигавшимся съ русской границы войскамъ. Низины обратились

въ топкія болота; желѣзныя дороги не могли успѣшно работать; ливни то тамъ, то здѣсь размывали полотно, вѣтры и воды сносили желѣзно-дорожные мосты. Часто бывало, подойдетъ передвигавшаяся впередъ часть къ берегу и должна останавливаться—идти впередъ, пока не будетъ устроена правильная переправа, нельзя.

Но движеніе впередъ все-таки, хотя и съ значительными опозданіями, совершалось безпрерывно. Главныя силы русской арміи шли отъ границы по Румыніи тремя колоннами. Правая—подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена [13]); средняя — подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ванновскаго [14]) и лѣвая—подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго [15]). Кромѣ этихъ колоннъ, былъ организованъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Шаховского [16]), авангардный Нижне-Дунайскій отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ низовьяхъ Дуная.

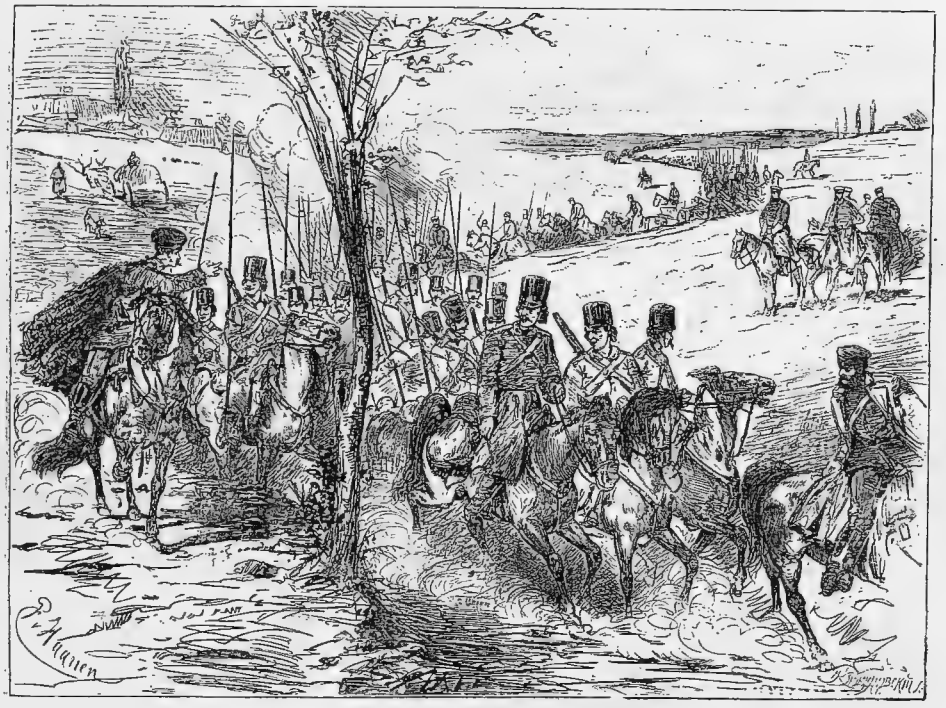
Нижне-Дунайскому отряду и выпала честь первымъ выступить за границу. Спустя нѣсколько часовъ по объявленіи войны въ Кишиневѣ части отряда уже въ трехъ мѣстахъ: у деревень Новая Болгарія и Татаръ-Буканъ, у деревни Бештымакъ и у деревни Унгени вступили въ предѣлы Румыніи. Авангардомъ Нижне-Дунайскаго отряда былъ отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Селенгинскаго полка (перваго и второго) съ одной батареей, три донскихъ казачьихъ полка съ двумя донскими батареями. Командиромъ ихъ былъ назначенъ полковникъ генеральнаго штаба Бискупскій [17]).

Главною цѣлью движенія этого отряда было занятіе Рени и Галаца, откуда уже вышли румынскія войска, мобилизація которыхъ только-только еще начиналась.

Особый отрядъ, подъ общимъ командованіемъ генералъ-лейтенанта Веревкина [18]), былъ выдѣленъ изъ отряда князя Шаховского для занятія городовъ и мѣстечекъ въ самыхъ низовьяхъ Дуная. Важнѣйшій изъ нихъ, нѣкогда

грозный Измаилъ, былъ уже немедленно по объявленіи войны занятъ полковникомъ Римашевскимъ [19]) отрядомъ изъ батальона Камчатскаго полка съ четырьмя орудіями.

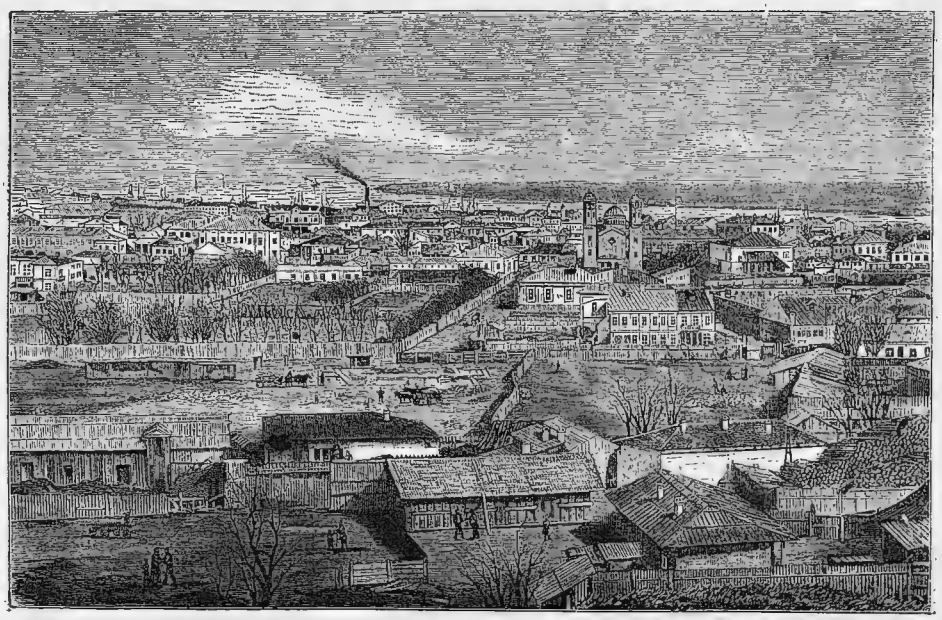
Первыми изъ первыхъ тронулись въ походъ донцы. „На-рысяхъ“ промчался 29-й Донской казачій полкъ, подъ командой адъютанта главнокомандующаго, полковника Струкова [20]), дорогою до Рени, въ 6 часовъ пополудни 12-го же апрѣля уже былъ въ Галацѣ, а черезъ часъ послѣ



29 й Донской казачій полкъ подъ, командой полковника Струкова.

этого занялъ Борбошскій мостъ черезъ Серетъ, одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ на пути слѣдованія русской арміи.

Галацъ, который такъ успѣшно перешелъ, безъ борьбы и кровопролитія, въ русскія руки,—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Молдавіи. Онъ раскинулся на высокой косѣ между Дунаемъ и озеромъ Братышъ, неподалеку отъ



Общій видъ Галаца.

впаденія въ Дунай рѣки Серета. По своему значенію онъ занималъ слѣдующее послѣ Бухареста и Яссъ мѣсто въ Румыніи. Здѣсь всегда царило необыкновенное оживленіе; Галацъ былъ исключительно торговымъ пунктомъ и на Дунаѣ игралъ роль посредника между Западомъ и Востокомъ. Его гавань постоянно была полна коммерческими судами всѣхъ націй; русскіе, англичане, турки, греки, итальянцы охотно являлись сюда. Торгъ здѣсь шелъ постоянный. Торговыя площади Галаца никогда не пустовали. Жители Галаца, въ сравненіи съ жителями другихъ молдавскихъ и волошскихъ городковъ, были богачами. Самый городокъ выглядѣлъ не только красивымъ, но и нарядным. На улицахъ всюду дома изящной архитектуры; на многихъ европейскіе флаги — это были помѣщенія консульствъ различныхъ европейскихъ государствъ, имѣвшихъ здѣсь своихъ представителей.

Верстахъ въ 15-ти пути по дорогѣ, идущей по части

между Дунаемъ и озеромъ Братышъ, примкнулся у самаго Прута маленькій городокъ Рени.

Выше Галаца по Дунаю, на крутомъ и обрывистомъ берегу расположился Браиловъ, противъ котораго кончался на правомъ берегу, у болгарской деревушки Гечети, широкій и судоходный рукавъ Дуная—Мачинскій. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Гечети, вверхъ по Мачинскому рукаву, охраняя судоходство въ этихъ мѣстахъ, стояла сильная турецкая крѣпость Мачинъ, подъ которымъ уже разъ (въ 1791 году) турки были на голову разбиты русскими.

Правый берегъ Дуная въ этой мѣстности еще во времена глубокой древности носилъ названіе „Малой Скиѳіи“ („Scythia minor“); съ теченіемъ же времени за всей этой областью, между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, на востокѣ упрочилось названіе Добруджи. Черезъ Добруджу лежалъ русскимъ войскамъ, несмотря на болотистость этой мѣстности, самый удобный и самый близкій путь къ Константинополю. Поэтому турки приложили всѣ свои усилія, чтобы не допустить своихъ противниковъ переправиться черезъ Дунай выше Галаца. Турецкіе стратеги были увѣрены, что война будетъ проиграна, если русскіе очутятся въ Добруджи, черезъ которую снабжались продовольствіемъ и аммуниціей всѣ ихъ придунайскія крѣпости до Рущука. Для защиты Добруджи и собранъ былъ по Дунаю многочисленный броненосный флотъ. Силистрія, Гирсово, Мачинъ защищали край на сушѣ и турки были увѣрены, что такихъ силъ вполнѣ достаточно для прегражденія пути ихъ противникамъ. Особенныя надежды возлагала Блистательная Порта на свой флотъ; у русскихъ на Черномъ морѣ морской боевой силы послѣ Крымской войны не было и приходилось противъ грозныхъ броненосцевъ выставлять плохенькія коммерческія суда, да и тѣхъ неоткуда было взять Россіи въ эту войну.

Какъ это ни странно казалось, но турки принимали эту войну съ хорошо знакомымъ имъ противникомъ въ полной увѣренности на вполнѣ успѣшный для нихъ исходъ ея. Самъ султанъ Абдулъ-Гамидъ, признавая невозможность удержать всю оборонительную линію по Дунаю, отъ Виддина до Мачина, предлагалъ завлечь непріятеля во внутрь страны, раздробить главныя силы на мелкіе отряды и, когда это было-бы исполнено, дать рѣшительное сраженіе, послѣ котораго заставить русскихъ уйти обратно за Дунай и преслѣдовать ихъ до Прута. Абдулъ-Керимъ-паша полагалъ съ своей стороны, что нужныя для этого силы должны собраться внутри страны, на линіи крѣпостей Плевна — Ловча, и для рѣшающаго сраженія предназначилъ находившіяся въ западной Болгаріи свободныя войска одного изъ лучшихъ турецкихъ генераловъ Османа-паши [21])...

Съ своей стороны главнокомандующій русской арміей въ основу своихъ дѣйствій на балканскомъ театрѣ войны полагалъ мысль покончить съ турками въ эту компанію, по возможности, однимъ ударомъ. Предположено было не задерживаться непремѣннымъ взятіемъ турецкихъ крѣпостей въ Добруджѣ и на Дунаѣ, а, перейдя Дунай между Систовомъ и Никополемъ, ограничиться только осадою ихъ, т.-е. задержаніемъ на мѣстѣ находившихся въ нихъ силъ, а главными силами идти черезъ Тырновъ къ ближайшимъ Балканскимъ проходамъ, а потомъ въ долину рѣки Марицы и на Адріанополь; если-же здѣсь мира не будетъ заключено, то идти на Стамбулъ, занятіемъ котораго и должна была закончиться война. Главнокомандующій полагалъ возможнымъ достигнуть Адріонополя черезъ 13 — 14 недѣль послѣ перехода границы *).

---

* Описаніе русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., изданное военно-исторической комиссіей главнаго штаба.

Невысоко цѣнили въ то время силу турецкаго сопротивленія въ русскихъ военныхъ кругахъ! Турція считалась ослабленною борьбой съ возставшимъ христіанскимъ населеніемъ Босніи и Герцеговины и войною съ Черногоріей и Сербіей. Считалось даже возможнымъ сломить ее съ небольшой сравнительно арміей и захватить Болгарію посредствомъ зимняго похода. При этомъ главныя трудности ожидались не отъ вооруженныхъ силъ турокъ, а отъ условій сурового времени года и продовольствія русской арміи *).

Турки противъ русскихъ имѣли на балканскомъ театрѣ войны безъ малаго 186 тыс. человѣкъ въ дунайскомъ районѣ, т.-е. въ Виддинѣ, Рущукѣ, Добруджѣ Силистріи, Шумлѣ, Тырновѣ, Габровѣ, Адріанополѣ, Варнѣ, Нишѣ и Софіи; въ албанскомъ районѣ—въ Босніи, Герцеговинѣ и Скутари — 107 тыс. Всего-же силы Блистательной Порты простирались до 494,397 чел. всѣхъ трехъ родовъ оружія и инженерныхъ войскъ. Большая часть силъ, не входившихъ въ составъ войскъ дунайскаго и албанскаго районовъ, находилась въ Малой Азіи, гдѣ русскія войска наступали на турокъ, подъ начальствомъ августѣйшаго главнокомандующаго на мало-азіатскомъ театрѣ войны, Его Императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича; остальныя турецкія войска были разбросаны по разнымъ мѣстностямъ турецкой имперіи, оставить которыя безъ вооруженной силы турецкому правительству представлялось невозможнымъ. Въ дунайскихъ гирлахъ, подъ общимъ начальствомъ адмирала Гуссейна-паши, были собраны большіе мониторы, броненосные корветы „Лютфи-Джелиль“ и „Хивзи-Рахманъ“, военные колесные пароходы, малые мониторы, кононерки, транспорты, шлюпки, баркасы.

Главное командованіе всѣми военными силами на бал-

*) Описаніе русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., изданное военно-исторической комиссіей главнаго штаба.

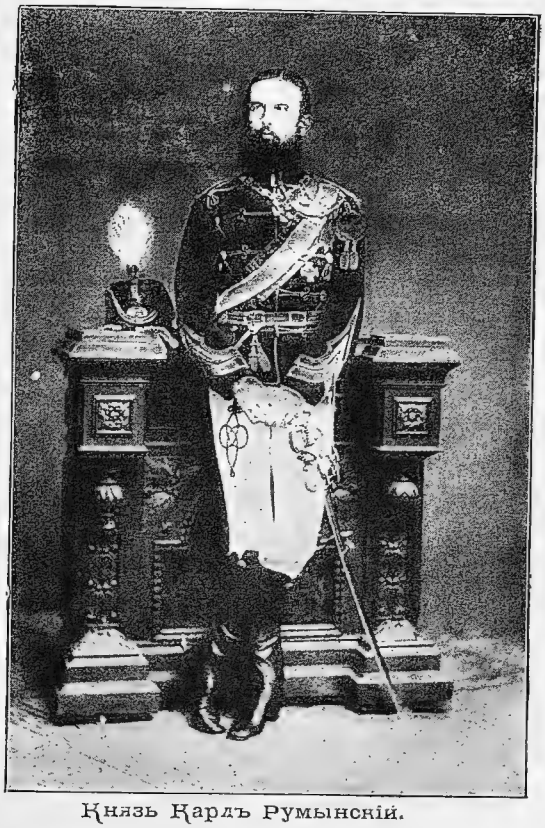
канскомъ театрѣ войны принадлежало, какъ уже сказано выше, „побѣдителю сербовъ“ сердарь-экрему, генералиссимусу Абдулъ-Керимъ-пашѣ и начальнику штаба его арміи, Ахметъ-Эюбу-пашѣ. Всѣми морскими силами Турціи начальствовалъ англичанинъ Гоббартъ-паша.

Абдулъ-Керимъ-паша, сердарь-экремъ турецкой арміи.

Для войны съ турками за свободу Болгаріи мобилизировано было Россіей $111^1/_2$ батальоновъ, $151^1/_2$ эскадроновъ и сотенъ при 472 полевыхъ и 220 осадныхъ орудіяхъ. Въ этихъ частяхъ было къ началу войны налицо 41 генералъ, 439 штабъ-офицеровъ, 2,689 оберъ-офицеровъ, 146,420 строевыхъ и 9,245 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

Единственными союзниками русскихъ въ начавшейся войнѣ явились румыны. Молодой румынскій князъ Карлъ быстро привелъ въ боевую готовность военныя силы своего маленькаго государства; Черногорія не имѣла возможности немедленно начать военныя дѣйствія, но въ то-же время и мира у черногорцевъ съ турками заключено не было. Сербія не рѣшалась послѣ недавняго заключенія мира предпринимать новую войну. Такимъ образомъ, къ русской арміи присоединилось 50 т. румынъ и 6 т. болгарскаго ополченія.

Первоначально мобилизированныхъ въ Россіи военныхъ силъ оказалось недостаточно и очень скоро по объявленіи ея дунайская дѣйствующая армія пополнена была тремя корпусами и возрасла въ общей своей численности до 260 т. человѣкъ.



Князь Кардъ Румынскій.

Черезъ день послѣ объявленія войны, т.-е. 14 апрѣля русскими войсками уже были заняты въ устьяхъ Дуная Жебріели, Вилково, Килія, Измаилъ, Сатуново, Рени, Галацъ, Барбошъ, затѣмъ 15 апрѣля Браиловъ и сейчасъ-же послѣ этого казачьи разъѣзды пошли вверхъ по лѣвому берегу Дуная, устраивая вездѣ сигнальныя вышки, у которыхъ оставлялись пикеты, зорко наблюдавшіе за турками усѣвшимися на противоположномъ берегу.

Турки пока-что сидѣли смирно. Изъ Виддина начали было обстрѣливать Калафатъ на румынскомъ берегу, но скоро перестали... На нижнемъ Дунаѣ появлялись по-двое, иногда по-трое турецкіе броненосцы, но уходили безъ выстрѣловъ даже. Словомъ, турки умышленно поддерживали въ русскихъ увѣренность въ своемъ мнимомъ безсиліи въ томъ, что они враги, борьба съ которыми легка... Приводился въ исполненіе константинопольскій планъ; наступавшаго противника защитники Турціи заманивали вглубь страны...

Пока турки мнимо бездѣйствовали, на лѣвомъ берегу Дуная кипѣла работа. Быстро возводились земляныя укрѣпленія и батареи, Дунай загораждался поперекъ минами, коммерческое судоходство было прекращено.

Войска, назначенныя на берегъ Дуная, собирались съ

большимъ опозданіемъ противъ предполагаемыхъ ранѣе сроковъ, но все-таки живые валы одинъ за другимъ катились по Молдавіи и всюда, куда они ни докатывались, прочно укрѣплялось русское могущество.

Турки попрежнему бездѣйствовали...

IV.

Первые выстрѣлы — первыя побѣды.

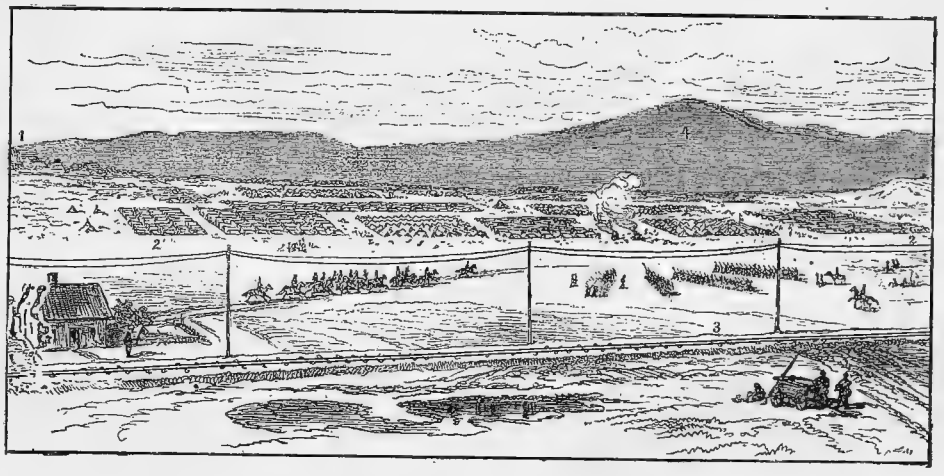
Прошло восемь дней съ того момента, когда объявлена была Россіей война, а между тѣмъ съ русской стороны не раздалось еще ни одного выстрѣла. На берегу Дуная, между Рени и Браиловымъ, шла лихорадочно спѣшная работа; турки же упорно отмалчивались; но на русской сторонѣ стало уже извѣстнымъ, что плохо приходится броненосцамъ и мониторамъ, забравшимся въ Мачинскій рукавъ. Глубоко сидѣли они въ водѣ, рукавъ-же сравнительно былъ мелокъ, а выходъ на Дунай, гдѣ уже долженъ былъ начаться спадъ весеннихъ водъ, сторожили въ Браиловѣ русскіе.

Броненосцы сами попали въ ловушку и имъ оставалось только одно: прорваться мимо русскихъ батарей, пока не закончено совершенно ихъ вооруженіе...

Очевидно, въ Мачинѣ туркамъ было извѣстно, что у ихъ противниковъ на лѣвомъ берегу нѣтъ еще никакихъ другихъ орудій, кромѣ полевыхъ... Поэтому прежде

чѣмъ уйти въ дунайскіе гирла, турки рѣшили снести выстрѣлами съ своихъ броненосцевъ русскія сооруженія.

Въ шестомъ часу утра 21 апрѣля вдругъ весь Браиловъ пришелъ въ движеніе. Съ быстротою молніи разнеслась вѣсть, что турецкія суда выходятъ изъ Ма-



Русскій лагерь у Браилова.

чинскаго рукава и остановятся на Дунаѣ противъ городка. Ясны были ихъ намѣренія: предстояла бомбардировка Браилова. Въ это время въ сосѣднемъ Галацѣ производились важныя инженерныя работы и турки, прорвавшись туда, могли нанести много вреда.

Браиловскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одной бригады одиннадцатой пѣхотной дивизіи и 5 полевой батареи, командовалъ г.-м. Саловъ [22]). Онъ понялъ всю опасность положенія и рѣшился дѣйствовать.

Два турецкихъ монитора подъ парами стояли уже одинъ на фарватерѣ противъ самаго Браилова, другой у деревни Гичетъ на противоположномъ берегу. Пушки на нихъ грозно молчали, словно предоставляя противнику заговорить первымъ. Противъ нихъ на берегъ были выкачены двѣ маленькихъ полевыхъ пушченки. Что онѣ могли подѣлать съ броненосцами!

Береговыя кручи у Браилова были усѣяны любопытнымъ народомъ. Опасность мало кого пугала. Любопытство было возбуждено; предстоялъ рѣдкій артиллерійскій бой ничтожныхъ полевыхъ пушекъ съ гигантами, смотрѣвшими, пока молча, изъ башенъ турецкихъ мониторовъ.

— Уходятъ, уйдутъ! — пронесся тихій тревожный шепотъ по русской сторонѣ, когда на мониторахъ вдругъ все пришло въ движеніе.

Генералъ Саловъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Струковымъ руководившій боемъ, отдалъ приказаніе. Всѣ, кто ни былъ на берегу, обнажили головы и перекрестились. Около двухъ пушченокъ засуетился молоденькій-молоденькій офицеръ.

— Первое! — раздалась въ тишинѣ его команда, выкрикнутая молодымъ звонкимъ голосомъ.

Было десять съ четвертью часовъ утра.

Гулко грянулъ выстрѣлъ, первый еще въ начавшуюся войну. Громъ его отозвался въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Сотни глазъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за полетомъ перваго снаряда. Снарядъ далъ перелетъ и упалъ въ воду въ промежутокъ между обоими броненосцами. Прошло не болѣе минуты, подъ бортомъ ближайшаго къ Браилову турецкаго судна заклубился бѣлый дымъ, грянулъ отвѣтный турецкій выстрѣлъ и черезъ Дунай прямо на русскую батарею, противно визжа, пролетѣлъ вражескій снарядъ. Онъ упалъ невдалекѣ за батареей, но не разорвался.

Это былъ своего рода обмѣнъ „привѣтствіями“. Слѣдомъ за нимъ начался артиллерійскій бой. Изъ деревни Гичетъ вдругъ завизжали пули—это открыла огонь скрытая за окопами турецкая пѣхота. Генералъ выслалъ по дунайскимъ отмелямъ стрѣлковъ-селенгинцевъ и донскихъ казаковъ и къ грому пушекъ присоединилась ружейная трескотня.

Въ двумъ русскимъ орудіямъ прибавлено было еще

два. Вплоть до полудня длился бой. Легкіе полевые снаряды, конечно, отскакивали отъ толстой стальной брони, но разрываясь все-таки наносили туркамъ большой вредъ. Турецкіе-же снаряды пропадали безцѣльно. Русская батарея была малою и потому незамѣтною цѣлью для выстрѣловъ и турки не могли пристрѣляться къ ней. Вражескіе снаряды ложились то вправо, то влѣво отъ нашей батареи, то вовсе не долетали до нея. Если и были потери, то отъ ружейной перестрѣлки у одного казака на берегу была простр҃лена турецкою пулею шинель, у другого попорчена шапка... *) За то ничтожныя съ виду русскія пушченки сдѣлали свое дѣло. У ближайшаго къ Браилову монитора была сбита труба и руль, у второго зажжена палуба. Послѣдній, какъ только начался пожаръ, поспѣшно ушелъ въ рукавъ, а первый едва-едва добрался до своего берега и, изъ опасенія взрыва, поспѣшилъ выпустить пары. Вернувшійся товарищъ отбуксировалъ его къ Мачину, а оттуда, какъ вскорѣ донесли лазутчики, оба броненосца отправлены были въ Рущукъ для починки...

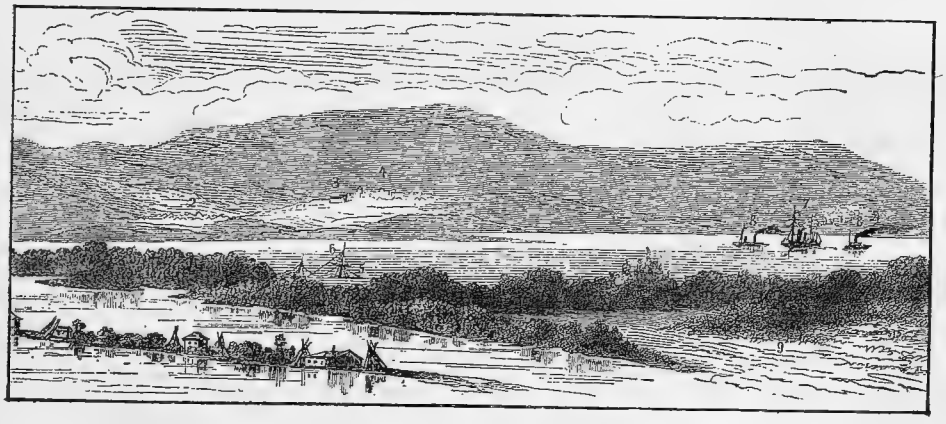
Первые выстрѣлы принесли русскимъ и первую побѣду...

Послѣдствіемъ этой побѣды было то, что турецкіе мониторы уже не осмѣливались болѣе выходить на фарватеръ противъ Гичета, а въ то время у Браилова успѣли возвести земляныя постройки, удовлетворявшія всѣмъ требованіемъ фортификаціи, и въ то-же время на вновь возведенныя батареи стали прибывать осадныя орудія.

Но у турокъ подъ Мачинымъ были еще броненосныя суда. Какъ-бы въ отмщеніе за пораженіе вечеромъ того же дня турки начали стрѣлять по Браилову. Русская артиллерія даже не отвѣчала имъ; турецкія пушки только

*) Объ этомъ сообщалось въ корреспонденціи «Правительств. Вѣстника».

шумѣли да пугали жителей Браилова, вызывая въ то-же время своею безцѣльностью смѣхъ между русскими артиллеристами...



Турецкія позиціи у Мачина.

На другой день, т.-е. 22 апрѣля, съ низовьевъ Дуная подошелъ къ Рени турецкій броненосецъ и всего на разстояніи 800 сажепъ открылъ огонь по русской батареѣ, также состоявшей изъ четырехъ полевыхъ орудій. Пострѣлявъ совершенно безуспѣшно по батареи, броненосецъ началъ бомбардировать беззащитный городокъ, но снаряды не рвались, и послѣ пятидесятаго выстрѣла броненосецъ ушелъ обратно. Единственнымъ результатомъ бомбардировки было только поврежденіе въ Рени четырехъ домовъ, да легко раненъ еще одинъ изъ жителей.

Возбужденіе, вызванное удачнымъ боемъ, еще не улеглось, какъ въ Браиловъ пришло извѣстіе, что занявшій его отрядъ посѣтитъ августѣйшій главнокомандующій и не позже 24 апрѣля.

— Великій князь ѣдетъ, а какъ-же турки-то? — явилась у многихъ браиловцевъ одна и та-же мысль.

Турки, вѣроятно, точно были освѣдомлены не только о днѣ, но и о часѣ прибытія великаго князя. Въ то самое время, когда великокняжескій поѣздъ былъ уже на

пути отъ Галаца къ Браилову, два турецкихъ монитора и красавецъ панцырный корветъ „Лютфи-Джелиль“ вышли изъ Мачинскаго рукава и начали бросать снаряды въ подходившій къ станціи желѣзнодорожный поѣздъ. Къ привѣтственному „ура“, которымъ встрѣчалъ главнокомандующаго занимавшій станцію курскій пѣхотный полкъ, примѣшивался громъ турецкихъ орудій. Въ то самое время, когда великій князь садился въ коляску, чтобы ѣхать со станціи въ Браиловъ, съ шипѣніемъ разрѣзая воздухъ, упалъ около самой станціи на груду каменнаго угля турецкій снарядъ, почти въ аршинъ длиною. Къ счастію, снарядъ не разорвался. Великій князь благополучно отбылъ со станціи. Пока онъ слѣдовалъ по улицамъ Браилова, надъ нимъ пронеслось еще два турецкихъ снаряда. Съ батареи, куда прибылъ главнокомандующій, были видны уже пять турецкихъ судовъ, окутанныхъ густыми клубами порохового дыма. Когда вѣтеръ разсѣивалъ пороховой дымъ, въ бинокль ясно были видны турецкіе матросы въ красныхъ фескахъ, суетившіеся на ютѣ и марсѣ корвета. Громъ турецкихъ выстрѣловъ не смолкалъ. Одинъ за другимъ падали около русской батареи вражескіе снаряды. Счастье русскихъ было въ томъ, что они почти что не разрывались. Великій князь, сопровождаемый своей свитой, прибывшей вмѣстѣ съ нимъ изъ Кишинева, съ начальникомъ браиловскаго отряда, а также начальникомъ инженеровъ, г.-м. Деппомъ [23]), съ величайшимъ хладнокровіемъ осматривалъ быстро выроставшія на браиловскомъ берегу земляныя сооруженія, надъ которыми спокойно работали саперы и пѣхотинцы, и только послѣ внимательнаго осмотра отбылъ обратно въ Галацъ и Рени, благодаря войска браиловскаго отряда.

Турки по отбытіи великокняжескаго поѣзда прекратили свою двухчасовую бомбардировку и всѣ ихъ суда опять укрылись въ Мачинскомъ рукавѣ.

СНЯТІЕ ФЛАГА СЪ ТУРЕЦКАГО МОНИТОРА ЛЮТФИ-ДЖЕЛИЛЯ.
Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

Сильно горевали браиловцы о томъ, что имъ пришлось молчать во время бомбардировки при великомъ князѣ. Осадныя батареи все еще не прибыли на почти законченныя сооруженія въ укрѣпленія. Особенное озлобленіе вызывалъ во всѣхъ красавецъ „Лютфи-Джелиль“, наиболѣе усиленно обстрѣливавшій и желѣзнодорожную станцію, и русскую батарею въ присутствіи русскаго главнокомандующаго. Скоро узнали въ Браиловѣ, что „Лютфи-Джелиль“ одно изъ лучшихъ судовъ турецкаго флота. На немъ, по свѣдѣніямъ, командовалъ опытный морякъ Неджибъ-бей, смѣлый до дерзости, рѣшительный, чрезвычайно гордившійся своимъ судномъ, названіе котораго въ переводѣ на русскій языкъ значило: „Подъ милостью Бога“. Впрочемъ, въ Браиловѣ не теряли надежды разсчитаться съ „Лютфи-Джелилемъ“, если только онъ покажется на Дунаѣ, когда вооружены будутъ укрѣпленія...

Скоро представился удобный случай къ этому...

Къ 26 апрѣля были готовы къ дѣйствіямъ двѣ осадныя батареи въ Браиловѣ и всѣ остальныя на нижнемъ Дунаѣ. Тотчасъ послѣ этого безъ всякихъ препятствій со стороны турокъ заложенъ былъ по руслу Дуная первый рядъ минъ и 29-го присланный изъ Борбоша лейтенантъ Дубасовъ [24]) долженъ былъ положить второй рядъ минъ, какъ разъ отъ Браиловскихъ высотъ.

Лейтенантъ Дубасовъ, главный руководитель работъ, ровно въ полдень прибылъ къ Браилову съ командой минеровъ на пароходѣ „Взрывъ“. У выхода Мачинскаго рукава въ Дунай стояли турецкіе мониторы. Съ нихъ не слышно было выстрѣловъ и даже не замѣчалось никакого движенія. Мониторы словно поджидали кого-то, чтобы начать рѣшительное дѣло.

На русской сторонѣ напряженно ожидали начала минныхъ работъ. Для того, чтобы отвлечь вниманіе турецкихъ стрѣлковъ въ Гечетѣ отъ минеровъ, съ лѣваго берега должны высадиться охотники и выбить изъ де-

ревни турокъ. Работа минеровъ не начиналась только потому, что долженъ былъ прибыть съ низовья второй пароходъ, который вмѣстѣ съ первымъ долженъ былъ заградить отъ непріятельскихъ выстрѣловъ винтовыя шлюпки.

Въ ожиданіи прошло уже около полутора часовъ времени, какъ вдругъ раздались крики:

— Онъ, онъ! „Лютфи-Джелиль“!

Въ Мачинскомъ рукавѣ показался красавецъ турецкій корветъ. Онъ занялъ на якорѣ боевую позицію, но огня не начиналъ. Съ браиловскаго берега видно было, что къ „Лютфи-Джелиль“ подошелъ окрашенный въ бѣлую краску, похожій на пассажирскій пароходъ и спустилъ шлюпку, направившуюся къ борту броненосца, на которомъ сейчасъ-же взвился адмиральскій флагъ.

Орудія „Лютфи-Джелиля“ молчали, но, пока онъ стоялъ здѣсь, не приходилось думать ни о высадкѣ въ Гичетъ, ни о началѣ минныхъ работъ. Выстрѣлы съ броненосца не допустили-бы русскихъ къ правому берегу.

Генералъ Саловъ приказалъ тогда открыть по „Лютфи-Джелилю“ огонь съ обѣихъ вполнѣ снаряженныхъ батарей, отмѣченныхъ №№ 3 и 4. На этихъ батареяхъ были уже не маленькія, легонькія полевыя пушки, а грозныя осадныя орудія. Отъ русскихъ укрѣпленій до „Лютфи-Джелиля“ было разстояніе приблизительно въ три съ половиной версты. Безъ десяти минутъ три часа съ мортирной батареи № 4 раздался первый выстрѣлъ, вслѣдъ за нею ударила изъ своихъ орудій по корвету и батарея № 3. „Лютфи-Джелиль“ даже не шелохнулся. Оба русскихъ снаряда, поднявъ высокій водяной столбъ, ударились совсѣмъ близко отъ него въ воду. За первыми выстрѣлами послѣдовали вторые, третьи и все напрасно. Броненосецъ оставался неподвижнымъ. Неджибъ-бей словно насмѣхался надъ русскими, отвѣчая презрительнымъ молчаніемъ на ихъ выстрѣлы. А русскіе снаряды все ближе и ближе ложились къ бортамъ корвета. Послѣ

каждаго выстрѣла, нѣсколько секундъ спустя, надъ поверхностью Дуная взвивался высокій водяной столбъ и тотчасъ-же разсыпался тысячами тысячъ водяныхъ серебрившихся на солнцѣ брызгъ.

— Экая досада! — говорили наблюдавшіе съ браиловскаго берега за канонадой офицеры, — батареи не пристрѣлялись еще... Уйдетъ и на этотъ разъ, а какой удобный случай!

Поручикъ С. И. Самойло.

Подпоручикъ 7-го сапернаго баталіона В. А. Романовъ.

— На мортирной батареѣ—молодой офицеръ! — послышалось чье-то замѣчаніе.

— Поручикъ Самойло? Нѣтъ! Но смотрите, его батарея работаетъ, какъ заведенная машина. Да Самойло и не одинъ, съ нимъ поручикъ Романовъ...

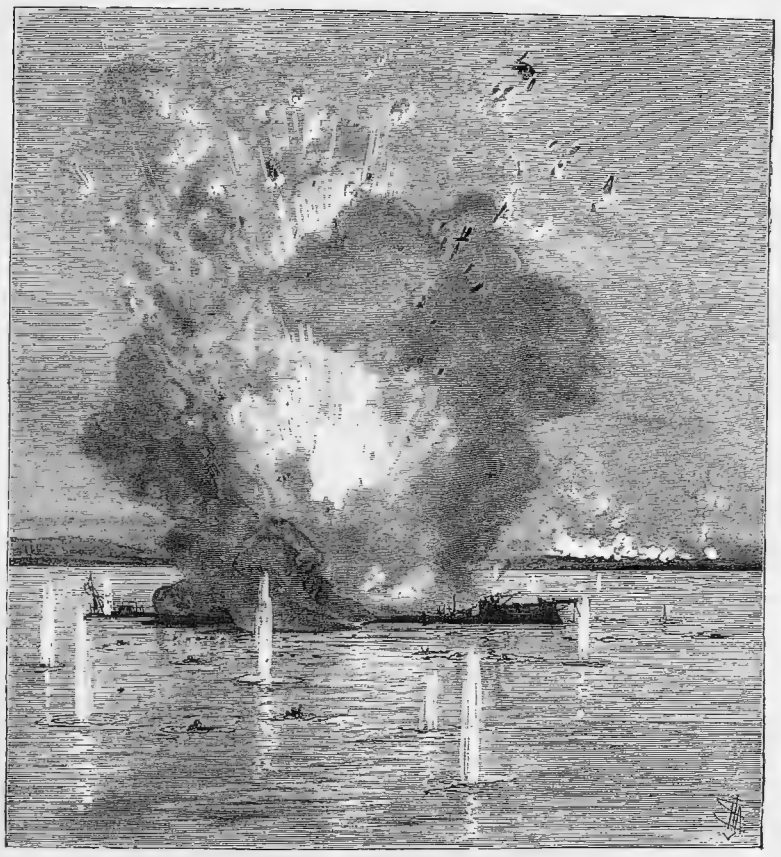
— Саперъ?

— Да... тотъ самый, который возводитъ первую здѣшнюю батарею. Это онъ тамъ изъ любви къ искусству упражняется... Но смотрите, смотрите! Съ „Лютфи“ отчаливаетъ шлюпка.

Дѣйствительно, отъ борта корвета отчалила восьмивесельная шлюпка, направлявшаяся къ лѣвому берегу Мачинскаго рукава. Всѣ глаза устремлены были на нее. Шлюпка легко вошла въ рукавъ и скрылась за надбрежными кустами. Вдругъ на браиловскомъ берегу всѣ вздрогнули. На мѣстѣ „Лютфи-Джелиля“ взвился къ небу громадный снопъ изъ тысячи тысячъ огненныхъ столбовъ. Казалось, будто какой-то скрытый подъ волнами Дуная вулканъ внезапно началъ свое изверженіе. Что-то глухо ударило и раздался будто залпъ изъ тысячи орудій. Огненные столбы, вознесясь на высоту, перепрокинулись изогнутыми дугами. Образовалась гигантская огненная воронка, упиравшаяся своей широкой частью въ облака. Еще одно мгновеніе, и клубы густого чернаго дыма окутали собою Дунай. Когда внезапныя тучи эти разсѣялись, „Лютфи-Джелиля“ уже не было; на мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно гордо покачивался онъ на якорѣ, поласкался въ волнахъ Дуная ярко-красный съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и звѣздою турецкій адмиральскій флагъ.

Мертвое молчаніе царило на всѣхъ русскихъ батареяхъ. Молчали ошеломленные внезапной катастрофой солдатики; инстинктивно, при видѣ этого внезапнаго ужаса, замеръ и вышедшій на берегъ любопытный народъ. И вдругъ молчаніе было разомъ нарушено. Внизъ, вверхъ, вдоль, въ ширь надъ Дунаемъ загремѣло торжествующее русское „ура“... Первая минута ошеломляющей неожиданности прошла; на браиловскомъ берегу поняли, что удачнымъ русскимъ выстрѣломъ былъ взорванъ красавецъ „Лютфи-Джелиль“.

Два русскихъ снаряда: граната и бомба, пущенныя изъ 24-фунтовой пушки и 6-дюймовой мортиры съ батареи № 4, одновременно угодили въ трубу „Лютфи-Джелиля“ и черезъ нее проникли въ машинное отдѣленіе, оттуда взрывъ сообщился пороховой каютѣ. Двадцатичетырехфунтовое орудіе наводилъ, подъ руковод-



Взрывъ турецкаго монитора «Лютфи-Джелиль».

ствомъ поручика Самойло, рядовой строевого отдѣла осадной артиллеріи Романъ Давидюнъ, а мортиру, подъ наблюденіемъ подпоручика Романова, его товарищъ Иванъ Помпарь. Роковые для „Лютфи-Джелиля“ выстрѣлы раздались одновременно въ 3 ч. 15 минутъ. Корветъ погибъ со всѣми своими орудіями, съ находившейся на немъ казною всей Дунайской флотиліи и двумя стами девятнадцатью человѣкъ экипажа.

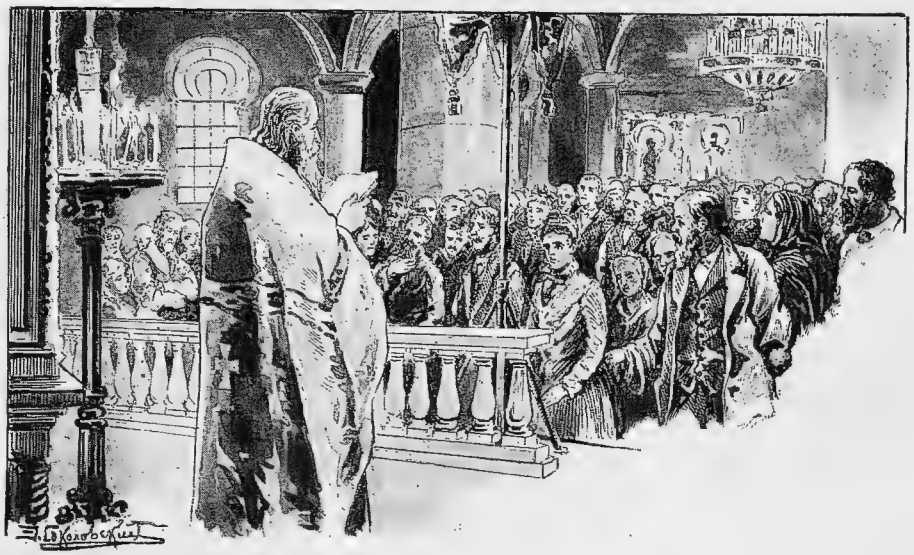
Съ „Лютфи-Джелиля“ спасся одинъ только матросъ, сброшенный взрывомъ въ надбрежные камыши. Его подобрали русскіе. Когда первыя мгновенія прошли, всеобщее оцѣпенѣніе сперва, а затѣмъ восторгъ миновали, къ

Взрывъ турецкаго броненосца «Люфти-Джелиль» 29 Апрѣля 1877 г. въ Мачинскомъ рукавѣ.
(Съ акварели проф. А. П. Боголюбова).

торчавшему изъ-подъ воды флагу на всѣхъ парахъ помчались за этимъ первымъ трофеемъ три паровыхъ катера, подъ командою лейтенантовъ Дубасова, Шестакова [25]) и мичмана Персина [26]). Турки были такъ ошеломлены внезапной катастрофой съ ихъ судномъ, что пропустили русскіе катера въ Мачинскій рукавъ. Они даже выстрѣла не сдѣлали, когда снимали флагъ съ остатка мачты „Лютфи-Джелиля". Турецкіе стрѣлки въ Гечетѣ, мониторы въ рукавѣ безпрепятственно пропускали русскія суденышки, обошедшія весь берегъ для отысканія раненыхъ. Удалось найти только одного. Отъ него узнали, что съ „Лютфи-Джелиля" всего за нѣсколько минутъ до катастрофы сошелъ командовавшій Дунайской флотиліей вице-адмиралъ Буюкъ-паша-Джевалъ... Несчастный былъ страшно обожженъ и только въ русскомъ госпиталѣ при-

шелъ въ себя. Радость въ Браиловѣ была чрезвычайная. Молодцамъ-наводчикамъ сейчасъ же на берегу собрано было между жителями одиннадцать червонцевъ. Особая депутація отъ браиловцевъ явилась благодарить русскихъ офицеровъ и просила принять чествованіе трапезой, приготовленной въ городскомъ клубѣ.

Первые выстрѣлы въ этой великой войнѣ были сдѣланы, первыя побѣды одержаны, теперь явились первые герои...



V.

Въ Россіи.

Въ соборѣ губернскаго города Энска, одного изъ крупныхъ городовъ на Волгѣ, кончалась поздняя обѣдня. Совершенъ уже былъ молебенъ, и небольшими группами расходился народъ. Каждый выходившій на паперть набожно крестился и, постоявъ секунду-другую, какъ бы объятый благоговѣйнымъ настроеніемъ, медленно сходилъ по ступенькамъ на плиты панели.

На городской площади около храма всюду видны были небольшія группы людей. Большинство изъ нихъ

оживленно бесѣдовало; слышались то отдѣльныя восклицанія, то плавная рѣчь. Говорившіе казались чѣмъ-то возбужденными.

— Чудное говорилъ сегодня отецъ протопопъ!—отчеканивая каждое слово, говорилъ высокій худощавый старикъ,—давно уже мы ничего подобнаго не слыхали отъ него.

— Вдохновился отецъ Петръ, — отвѣтилъ ему другой, тоже уже пожилой господинъ.—Замѣтили вы, Ѳома Ѳомичъ, что у него слезы на глазахъ показались, когда онъ заговорилъ о крестовыхъ походахъ и сравнивалъ съ ними эту теперешнюю войну...

— Мѣткое сравненіе, очень мѣткое! — подтвердилъ Ѳома Ѳомичъ.—Вамъ, Андрей Ильичъ, какъ историку, оно должно было показаться особенно удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не то-же ли воодушевленіе господствуетъ теперь въ народѣ, какъ и въ то время, когда Петръ Амьенскій и Вальтеръ Голякъ подняли въ первый разъ Европу на невѣрныхъ?

— Да, да! Тотъ-же пылъ, то-же одушевленіе... Отцамъ не жаль идущихъ на смерть дѣтей...

— А дѣти,—подхватилъ Ѳома Ѳомичъ,—не жалѣютъ своихъ молодыхъ жизней, ради дѣла, которое они считаютъ святымъ... Вспомните, Андрей Ильичъ, Рождественцева... Такой чудо-мальчикъ, лучшій ученикъ гимназіи, и что-же?

— Бросилъ все и ушелъ простымъ солдатомъ въ войско... Кстати, что съ нимъ?

Ѳома Ѳомичъ Лукомцевъ и Андрей Ильичъ Поспѣловъ были учителя мѣстной гимназіи. Городъ-же Энскъ былъ родиной Сергѣя Рождественцева. Въ этотъ праздничный день настоятель Энскаго собора, от. Петръ Гранитовъ, воспользовавшись пришедшимъ извѣстіемъ о взрывѣ подъ Браиловымъ турецкаго броненосца „Лютфи-Джелиля“, произнесъ за литургіей слово, въ которомъ вы-

сказалъ свои мысли о значеніи начавшейся войны и сравнилъ ее съ крестовыми походами, когда воодушевленная пламенной проповѣдью аскета вся Европа, какъ одинъ человѣкъ, поднялась противъ сарацинъ, владѣвшихъ Палестиною и „державшихъ въ плѣну“ Гробъ Господень.

— И теперь, какъ въ тѣ далекія времена,—говорилъ от. Петръ, — поднялся русскій народъ на защиту угнетенныхъ своихъ братій по крови и святой вѣрѣ православной. Нѣтъ, правда, знака на раменахъ христолюбивыхъ воиновъ нашихъ, ярко говорящаго объ ихъ чувствахъ; но зачѣмъ внѣшніе знаки, когда крестъ, великій символъ братской любви и христіанской побѣды надъ зломъ, глубоко запечатлѣлся въ сердцѣ каждаго русскаго воина? На великую жертву пошли русскіе воины. Нѣтъ болѣе любви той, если кто положитъ душу свою за други своя. И понесло русское воинство великую свою любовь... пошло оно, дабы кровью своею запечатлѣть любовь свою. Но они, наши христолюбивые воины—тамъ, у береговъ далекаго Дуная; мы же здѣсь, въ нѣдрахъ нашей Руси, должны также ратовать противъ врага, какъ ратуютъ противъ него они тамъ. Мы здѣсь должны облегчать имъ подвигъ ихъ. Они, страждующіе и обремененные, да знаютъ о томъ, что бьются любовью къ нимъ сердца всей Россіи и нѣтъ русскаго, который не возносилъ-бы за нихъ свои молитвы предъ Создателемъ о спасеніи ихъ, о сохраненіи и облегченіи, и одарованіи имъ на врага одолѣнія. Милостивъ Творецъ-Вседержитель, услышитъ и снизойдетъ Онъ на смиренныя молитвы наши, и даруетъ Онъ побѣды благовѣрному императору нашему Александру Николаевичу. Помолимтеся-же, братія и сестры о Христѣ, о ниспосланіи свыше на супостата одолѣнія христолюбивымъ воинамъ нашимъ.

Говорилъ свое слово от. Петръ нѣсколько дрожащимъ голосомъ. Видимо, онъ волновался, и его волненіе невольно передавалось слушателямъ. Всѣ они находились

еще подъ обаяніемъ первой прогремѣвшей на весь міръ русской побѣды. Имена Самойло и Романова вмѣстѣ съ названіемъ взорваннаго ими турецкаго броненосца облетѣли уже всю Россію. Изъ Малой Азіи каждый день приходили извѣстія о стычкахъ русскихъ съ турками и о постоянныхъ, хотя и мелкихъ еще, побѣдахъ нашихъ надъ врагомъ. А сколько сердецъ дрожало при мысли о своихъ близкихъ, ушедшихъ на войну! Много-много въ Энскѣ было семей, откуда сыновья, братья, отцы ушли подъ русскія знамена, и развѣ могъ кто поручиться за то, что каждаго изъ нихъ не настигла уже безпощадная смерть на поляхъ брани...

Простое безыскусственное слово священнослужителя произвело гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ произвелобы въ эти мгновенія пламенное краснорѣчіе любого витіи. Простота всегда скорѣе всякой выспренности находитъ путь къ человѣческому сердцу. Въ словѣ от. Петра былъ только призывъ къ молитвѣ, и въ то-же самое время этотъ призывъ проникалъ въ душу, будилъ сердца, заставлялъ каждаго вдумываться въ смыслъ свершавшихся событій. И дорогъ былъ всѣмъ слушателямъ скромнаго священнослужителя этотъ призывъ. Вѣдь, къ горнему святому не могло быть примѣшано ничего земного. Поэтому-то только молитва одна казалась умѣстною въ то время, когда вспоминалось дѣло, которое всѣ русскіе люди считали святымъ...

Ѳома Ѳомичъ ничего не отвѣтилъ Поспѣлову на его вопросъ о Рождественцевѣ. Онъ все еще вспоминалъ слово протопопа и продолжалъ восхищаться его сравненіемъ начавшейся войны съ крестовыми походами.

— Нѣтъ, вы только подумайте, Андрей Ильичъ, какъ мѣтко охарактеризировалъ от. Петръ эту войну, — говорилъ онъ,—и не замѣчаете-ли вы сходства въ этомъ случаѣ даже въ деталяхъ? Вѣдь, подумайте, какой порывъ овладѣлъ всей Россіей, какой подъемъ духа царствуетъ

въ русскомъ обществѣ! Въ самомъ дѣлѣ, правъ от. Петръ, нѣтъ у русскаго солдата краснаго креста на плечахъ,—въ сердцѣ у него, да и у каждаго изъ насъ за то крестъ...

— И у этого русскаго крестоваго похода,—замѣтилъ Андрей Ильичъ,— есть свой Петръ Амьенскій.

— Да, да! Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ! Это онъ разбудилъ русское общество, онъ поднялъ его на великіе подвиги! Что за человѣкъ, что за сердце!.. Кстати,—прервалъ вдругъ свою рѣчь Лукомцевъ,— вы спрашивали о Рождественцевѣ, вонъ идетъ его мать, подойдемъ къ ней... Можетъ быть, она получила отъ него письмо...

Отъ паперти собора вмѣстѣ съ отцомъ Петромъ прямо на Лукомцева и Поспѣлова шла маленькаго роста старушка, съ добрымъ морщинистымъ лицомъ, на которомъ такъ и разлита была тайная скорбь. Это была Марья Даниловна Рождественцева, матушка юнаго воина. Въ Энскѣ всѣ ее знали и любили за рѣдкую доброту. Много уже лѣтъ она жила въ этомъ городѣ. Здѣсь она овдовѣла, здѣсь умерли ея старшія дѣти, отсюда-же ушелъ на берега Дуная и ея послѣдній сынъ Сережа, вся надежда ея жизни, радость ея послѣднихъ дней. Рождественцева была небогата, но средства, оставленныя покойнымъ мужемъ, не только позволяли ей жить безбѣдно, но даже и помогать по мѣрѣ силъ бѣднякамъ. Всякій, знавшій Марью Даниловну, если только случалось у него какое-либо горе, бѣда, сейчасъ-же спѣшилъ къ доброй старушкѣ, и никто не уходилъ отъ нея, по крайней мѣрѣ, безъ слова сердечнаго утѣшенія. Теперь-же, когда она отпустила на войну своего единственнаго сына, отпустила безъ слезъ и безъ ропота, всѣ въ Энскѣ наперерывъ спѣшили выказать ей всякое вниманіе и расположеніе.

От. Петръ еще издали раскланивался съ Лукомцевымъ и Поспѣловымъ.

— Ко мнѣ, прошу ко мнѣ, други мои, — крикнулъ

онъ,—на горячій пирогъ! Прошу безотговорочно... Наша добрѣйшая Марья Даниловна получила пространное письмо отъ своего воителя и обѣщала подѣлиться съ нами его новостями!

— Судя по этому сообщенію, — сказалъ Лукомцевъ, здороваясь съ Марьей Даниловной, — все обстоитъ благополучно...

— Благодарю васъ!—отвѣчала старушка.—Пока дурныхъ вѣстей, слава Богу, нѣтъ. Сережа пишетъ, что онъ вполнѣ здоровъ и очень доволенъ своею жизнью.

— И слава Богу, и слава Богу! — воскликнулъ Поспѣловъ.—Онъ у васъ такой славный юноша!

— Поговоримъ, друзья мои, обо всемъ этомъ у меня,— замѣшался от. Петръ. — Прошу торопиться, моя матушка серчать будетъ, если пирогъ остынетъ...

Домъ от. Гранитова былъ недалеко. Когда всѣ четверо пришли въ его квартиру, тамъ уже было нѣсколько гостей. Семейство от. Петра было невелико: онъ, его супруга, кончавшая гимназію дочь Катя и только-что выпущенный изъ семинаріи сынъ Николай. Всѣ они были налицо. Поджидали только хозяина да старушку Рождественцеву, о письмѣ которой, полученномъ отъ сына, было уже извѣстно всѣмъ сошедшимся здѣсь.

— Разговоры потомъ, — объявилъ от. Петръ, — а пока прошу, друзья мои, чѣмъ Богъ послалъ!

Онъ жестомъ руки пригласилъ всѣхъ къ столу, уставленному всевозможными закусками. Супруга от. Петра совсѣмъ завладѣла Марьей Даниловной и увела ее къ гостямъ. Пока утоляли первый голодъ, разговоровъ не было слышно, потомъ сейчасъ-же, какъ только „червячекъ былъ заморенъ“, заговорили всѣ разомъ, и у всѣхъ на языкѣ было только одно—война.

— Великое время переживаемъ мы, — говорилъ от. Петръ.—Этакій, вѣдь, подъемъ духа замѣчается... Пожалуй, съ самого Наполеона ничего подобнаго не было...

— Правда, правда, — соглашались съ нимъ, — даже въ Крымскую войну ничего такого не замѣчалось.

— А знаете, почему это такъ? — сказалъ, выждавъ время, когда всѣ нѣсколько стихли, Лукомцевъ.

— Почему, скажите, Ѳома Ѳомичъ? — раздались вопросы.

— Да потому что, вотъ, этою самою войною, которая началась по желанію всего русскаго народа, Россія, такъ сказать, держитъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

— Ну, ужь, хорошъ экзаменъ! — махнулъ рукой от. Петръ. — Вѣдь, ужасы-то какіе, поди, творятся и будутъ твориться! Страшное дѣло война.

— Погодите, погодите, от. Петръ! — остановилъ хозяина одинъ изъ гостей. — Пусть Ѳома Ѳомичъ выскажется... Я какъ-будто понимаю его мысль... Эта война — первая послѣ отмѣны крѣпостного права... Не такъ-ли, Ѳома Ѳомичъ?

— Именно такъ,—подтвердилъ Лукомцевъ. — Крымскою войною Русь наша, такъ сказать, вступала на новую дорогу. Тамъ боролась за самое себя старая, можно сказать, Петровская еще Русь. И эта старая Русь уже не могла побѣдить врага, она только съ честью вышла изъ своей борьбы. Но, вотъ, съ высоты престола раздались великія, дивныя слова манифеста 19-го февраля, и тотчасъ послѣ нихъ старая Петровская Русь смѣнилась новою Александровскою. Вѣдь, нашъ монархъ своими святыми словами призвалъ къ жизни въ Россіи свободный трудъ. Онъ вспомнилъ, что его наставникъ и воспитатель, славный русскій поэтъ Жуковскій, еще надъ колыбелью его пѣлъ, что онъ на „чредѣ своей великой не забудетъ святѣйшаго изъ званій „человѣкъ“. И онъ вспомнилъ, нашъ родимый, и даровалъ русскому народу всѣ права человѣка. Трудъ русскихъ людей сталъ свободнымъ, широкая дорога въ жизни открылась каждому способному и, замѣтьте, вѣдь, всего съ годомъ только пятнадцать лѣтъ

прошло съ великаго дня 19-го февраля, и Россія уже ощутила въ себѣ такія мощныя силы, что вся, какъ одинъ человѣкъ, выступила теперь предъ своимъ освободителемъ. Его она благодаритъ этой войною, въ которой непремѣнно должна высказаться вся мощь русскаго свободнаго духа. Своимъ порывомъ, охватившимъ все русское общество, всѣхъ русскихъ людей, указываетъ Россія своему обожаемому монарху, какія величайшія блага принесли его народу его реформы. Наконецъ, этой войной, начатой не ради какихъ-либо корыстныхъ побужденій, а во имя христіанской любви, вся Россія лицомъ показываетъ себя удивленной Европѣ: разумѣйте, дескать, языцы, какіе мы стали теперь послѣ шестнадцати только лѣтъ свободнаго труда; не прежніе мы: мы васъ достойны, узнайте-же насъ и поглядите, каковы мы стали. Въ двѣнадцатомъ году, вы „дванадесять языковъ“ явились къ намъ и ушли отъ насъ, сказать пословицей „очень солоно похлебавши“; въ пятьдесятъ четвертомъ вы опять пришли и застали насъ врасплохъ, но теперь этого уже не будетъ, потому что новая Александровская Россія, освобожденная и переустроенная, выросла за шестнадцать всего лѣтъ и еще съ большимъ, чѣмъ прежде, основаніемъ можетъ сказать urbi et orbi: „Мы—русскіе, съ нами Богъ!“

— Аминь!—закончилъ рѣчь Лукомцева от. Петръ.—Пожалуй, если такъ судить, вы и правы, Ѳома Ѳомичъ; только дай-то Господи, чтобы съ честью выдержала Россія этотъ свой экзаменъ. А, дѣйствительно, поднявшись на дѣло освобожденія балканскихъ христіанъ, она словно этимъ самымъ благодаритъ своего монарха-освободителя за всѣ его реформы. Къ его вѣнцу присоединятся новые лавры... Именно, именно! Это—экзаменъ для Россіи, это—ея благодарность царю-освободителю; иначе никогда-бы не было такого подъема духа, какой мы видимъ теперь. Мало-ли бывало войнъ? Общество холодно относилось къ

нимъ. О войнѣ съ тѣми-же турками въ 1828 г., вотъ, никто и не вспоминаетъ теперь.

— А, вѣдь, это тоже была освободительная война,— замѣтилъ Поспѣловъ, — тогда Россія вступилась за свободу грековъ, бывшихъ въ томъ-же положеніи, что и балканскіе славяне.

— Вотъ, вотъ, а теперь поглядите, что дѣлается?

— Мнѣ изъ Петербурга пишутъ, что тамъ, — вставилъ свое слово протодіаконъ Энскаго собора, от. Ѳеодоръ,—не рѣдкость въ эти дни увидѣть на Невскомъ проспектѣ или въ Гостиномъ дворѣ важную какую-нибудь даму или высокопоставленнаго кавалера съ кружкой или блюдомъ.

— Что-же, пожертвованія собираютъ?

— Да, „на ратное дѣло“! Когда это бывало? Да никогда! И даютъ православные! Послѣднія трудовыя копѣйки жертвуютъ, не жалѣютъ...

— А пензенскій-то предводитель дворянства... Это когда бывало?

Пензенскій губернскій предводитель дворянства, В. И. Охотниковъ, едва только началась война, вступилъ простымъ рядовымъ въ войска дѣйствующей арміи, покинувъ видное мѣсто, почетное положеніе въ обществѣ, блестящую обстановку. Когда гости от. Петра вспомнили о немъ, то сейчасъ всѣ взоры обратились на старушку Рождественцеву. Раздались просьбы прочесть письмо сына, но въ это время матушка пригласила всѣхъ къ обѣденному столу.

За обѣдомъ всѣ разговоры только и касались, что войны. Говорили о пребываніи государя въ Москвѣ, объ его рѣчи къ московскому дворянству, о массѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, поднесенныхъ государю дворянскими собраніями, земствами. Наиболѣе освѣдомленные сообщили о манифестѣ черногорскаго князя, призвавшаго народъ „на путь смерти, славы и побѣды“ и объявившаго наступавшее

для Черногоріи время „днемъ суднымъ, днемъ перерожденія всего народа, когда изъ древнихъ могилъ черногорскихъ героевъ должна возстать древняя народная свобода“. Вспомнили, что Болгарскій центральный комитетъ, призывая болгарскій народъ на борьбу, восклицалъ въ своемъ воззваніи: „Болгары, впередъ! съ нами Богъ и наши братья русскіе“, а новый греческій комитетъ въ турецкихъ провинціяхъ, обращаясь къ эллинамъ, громко объявилъ, что для нихъ существуетъ „смерть или свобода“.

VI.

Письмо.

Къ концу обѣда общее нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ. Дорога была всѣмъ русскимъ людямъ каждая живая вѣсть, приходившая съ поля брани. Газетныя корреспонденціи и телеграммы казались въ сравненіи съ письмами менѣе интересными уже хотя-бы потому, что въ нихъ все-таки была значительная доля выспренней напыщенности, да и быть въ нихъ не могло такихъ подробностей, какія заключали въ себѣ частныя письма.

От. Петръ, исполнивъ долгъ радушнаго хлѣбосольнаго хозяина, рѣшилъ, что теперь пора удовлетворить и

любопытство своихъ гостей. Марья Даниловна уже передала ему письмо сына, и онъ, когда подано было кофе, надѣлъ очки, откашлялся и громко сказалъ:

— Приступимъ!

Онъ началъ читалъ громко, внятно, отчеканивая каждое слово. Всѣ въ небольшой зальцѣ такъ и замерли, стараясь не пропустить ни одного выраженія, ни одной подробности. Для гостей от. Петра это письмо имѣло особенный интересъ. Всѣ они знали Сергѣя Рождественцева; многіе помнили его ребенкомъ. Лукомцевъ и Поспѣловъ, да и самъ от. Петръ, бывшій законоучителемъ въ мѣстной гимназіи, восемь лѣтъ видѣли его изодня въ день; на ихъ глазахъ развивался этотъ мальчикъ въ юношу, создавался его характеръ; на ихъ-же глазахъ Сергѣемъ овладѣлъ мощный порывъ, приведшій его, лучшаго ученика гимназіи, простымъ солдатомъ въ ряды русскихъ войскъ. О Марьѣ Даниловнѣ и говорить было нечего; она наизусть знала письмо сына, но это не мѣшало ей жадно вслушиваться теперь въ каждое его слово...

„Милая дорогая матушка,—писалъ Сергѣй,—чувствую я, что много виноватъ передъ тобой; слишкомъ рѣдко сталъ я писать тебѣ, но не меня вини въ этомъ. Наша дивизія находится въ постоянномъ передвиженіи. Переходимъ съ мѣста на мѣсто по Румыніи, и положительно все это время не выдавалось свободнаго часа присѣсть за письмо къ родимой моей старушкѣ. Писать-же урывками не хотѣлось. Столь много совершается предъ глазами событій, столь много новыхъ впечатлѣній переиспытано, что для разсказа о нихъ нужно время и время. Теперь мы какъ-будто стали на одномъ мѣстѣ, надолго-ли—не знаю. Дальше идти некуда; передъ нами Дунай, а за нимъ на другомъ берегу турки. Но прежде, чѣмъ разсказывать тебѣ о всемъ, что здѣсь происходило, спѣшу я тебя успокоить. Я, слава Богу, совершенно здоровъ. Скажу болѣе: несмотря на всѣ лишенія и напасти,

которыя пришлось мнѣ перенести во время походовъ, моё здоровье окрѣпло, закалилось. Въ молодцѣ-солдатѣ, какимъ, не хвастаясь, скажу, успѣлъ я стать, никогда-бы ты, матушка, не узнала своего слабенькаго, хилаго гимназистика Сережу. Чувствую я, что даже физически сильнымъ становлюсь: мускулы сами собой развиваются, и прежнюю мою хилость какъ рукой сняло! Ѣмъ я такъ, что мнѣ теперь пятка прежнихъ обѣдовъ на одинъ разъ мало. Когда это бывало, чтобы я гречневую кашу ѣлъ? Развѣ со сливками, какъ лакомство только, а теперь мнѣ ее только подавай. Удастся если приправить топленымъ говяжьимъ жиромъ — ладно, а нѣтъ его, такъ щами пустыми польешь да и ѣшь такъ, что за ушами трещитъ. Прежде, мамочка, я и отъ сладенькой булочки отворачивался, а теперь только бы черствыхъ солдатскихъ сухарей побольше; размочишь ихъ и за милую душу сжуешь!“

— Здорово! — прервалъ чтеніе от. Петръ.—Вотъ оно какъ! Каша безъ масла да черствые сухари!

— Просто, Марья Даниловна, удивляться нужно этой перемѣнѣ,—замѣтилъ Лукомцевъ. — Я блѣднымъ, зеленымъ, простите за выраженіе, чахлымъ юношей помню Сергѣя, а теперь...

— Все воздухъ и постоянный моціонъ, естественная, такъ сказать, гимнастика, укрѣпляющая юное тѣло,—перебилъ Ѳому Ѳомича от. Петръ и прибавилъ: — однако, будемъ продолжать наше чтеніе...

„Теперь, родная моя, когда ты успокоилась за меня, прочитавъ эти мои строки, постараюсь тебѣ разсказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ и прежде всего передать тебѣ одну трогательную сцену, которая умиляетъ теперь многія наши солдатскія сердца. Я писалъ тебѣ о посѣщеніи великимъ княземъ главнокомандующимъ Галаца, Браилова и Рени, гдѣ онъ осматривалъ только что возведенныя нашими саперами береговыя батареи. Тогда еще турки жестоко обстрѣливали съ своихъ броненосцевъ велико-

княжескій поѣздъ, приближавшійся къ Браилову. Такъ вотъ, великій князь, когда прибылъ въ Рени, былъ встрѣченъ полками „отцомъ и сыномъ". Это Камчатскій и Путивльскій пѣхотные полки. Первый изъ нихъ покрылъ себя подъ Севастополемъ славою, и изъ остатковъ его былъ потомъ организованъ Путивльскій полкъ. Когда наступила война, оба полка совершенно случайно встрѣтились въ одномъ пунктѣ. Такъ у насъ и говорили, что сошелся „отецъ съ сыномъ". Это же выразилъ и великій князь главнокомандующій, сказавъ въ Рени путивльцамъ, что „отцы и дѣти поддержатъ славу своихъ дѣдовъ". Не трогательна-ли, матушка, эта встрѣча! Камчатскій полкъ, славный отецъ, кровью своею отстаивавшій достояніе своей матери Россіи, когда теперь гремитъ военная гроза, предсталъ предъ своимъ августѣйшимъ вождемъ бокъ-о-бокъ съ своимъ „сыномъ", какъ-бы направляя его по пути къ новымъ славнымъ побѣдамъ. Не знаю, какъ другихъ, а меня эти „отецъ и сынъ" привели въ глубокое умиленіе.

„Теперь буду разсказывать далѣе. Не дано человѣку исполнить всего такъ, какъ онъ предполагаетъ. Маршруты, по которымъ должны были двигаться къ Румыніи наши войска, чуть не съ перваго-же дня всѣ перепутались и всякая правильность въ передвиженіи нарушилась. Главною причиною этого—весенній разливъ водъ въ самомъ Дунаѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ—Прутѣ, Серетѣ, Яломицѣ, Арджисѣ и выше ихъ—Веде, Ольтѣ и Жмулѣ. Въ бассейнахъ этихъ рѣкъ всѣ низины или подъ водою, или обратились въ непроходимыя топи. Вода размываетъ желѣзнодорожныя насыпи, сноситъ мосты. Подъ Слатиномъ 11 мая она снесла мостъ какъ разъ тогда, когда проходилъ по немъ, къ счастію, пустой поѣздъ. Дня черезъ три у ст. Бикеу, на галацкой линіи, потерпѣлъ крушеніе поѣздъ, шедшій съ артиллеристами 31 бригады. Четверо изъ нихъ были убиты, пятеро ранены да перепорчены

и переломаны артиллерійскія повозки. Сначала думали, нѣтъ-ли тутъ какого-либо злого умысла, но слѣдствіе, которое приказалъ нарядить главнокомандующій, ничего подобнаго не выяснило. Итакъ, на желѣзныя дороги надежда плохая; приходится „ломать походъ“, какъ говорятъ мои товарищи-солдатики, пѣхтурой. Впрочемъ, что-бы то ни было, какія-бы препятствія не ставила намъ природа, а мы все-таки дѣлаемъ свое дѣло. Весь лѣвый берегъ Дуная, отъ устьевъ его до рѣки Ольты, занятъ нашими войсками. Далѣе до Калафата стоятъ румыны, и турки уже теперь не смѣютъ показаться изъ-за своихъ стѣнъ и окоповъ на правомъ берегу. Да и странные они какіе-то! Они воюютъ какъ-будто нехотя. Словно они не свое отечество защищаютъ, а дѣлаютъ насильно навязанное имъ дѣло. Видно, чувствуютъ они всю свою неправоту, даже несмотря на манифестъ своего султана, который очень пространно убѣждалъ, что русскіе неправы и что мы будто-бы заступаемся за мятежниковъ.

„Мятежники! Матушка, родная моя! Сердце мое обливается кровью, когда мнѣ вспоминается недавно происшедшій на томъ берегу ужасъ... Кровь закипаетъ ключемъ. Такъ-бы, кажется, и кинулся на этихъ изверговъ, этихъ лютыхъ звѣрей, портящихъ образъ человѣческій. Слушай, матушка... У турокъ есть особый родъ войска — баши-бузуки, что значитъ по-нашему „сорви-головы“. Это нѣчто въ родѣ иррегулярной пѣхоты, какъ-бы наши казаки, но только пѣшіе. Если-бы можно было сравнивать съ чѣмъ баши-бузуковъ, то они болѣе всего походили-бы на нашихъ пластуновъ. Но пластуны честные воины, а баши-бузуки отребье человѣческое, бѣшеные звѣри. Недавно къ намъ явился болгаринъ, какимъ-то чудомъ успѣвшій переправиться съ турецкаго берега на нашъ. Такъ, вотъ, онъ разсказывалъ. Баши-бузуки напали на болгарскую деревню. Селяне кинулись бѣжать. Одна женщина собрала ребятишекъ, всѣхъ, какія были, и укрылась съ ними съ сараѣ‘

въ надеждѣ, что изверги эти, погнавшись за бѣглецами, не обратятъ вниманія на сарай, гдѣ она спряталась съ дѣтьми. Такъ оно и вышло... Вся шайка кинулась преслѣдовать бѣгущихъ, и почему-то въ селеньѣ остался одинъ изъ этихъ негодяевъ. Бродя изъ хижины въ хижину, онъ набрелъ на сарай, гдѣ спрятались дѣти... Матушка!.. Онъ всѣхъ ихъ перерѣзалъ... всѣхъ!.. бралъ каждаго малютку и на глазахъ другихъ перехватывалъ горло... Матушка, пойми, всѣхъ... отъ перваго до послѣдняго... всѣхъ, какъ одного... И женщину онъ тоже зарѣзалъ... Матушка! знаешь, сколько этотъ бѣшеный извергъ уничтожилъ жизней? Сорокъ... самый старшій былъ шести лѣтъ... сорокъ ребятишекъ погибло отъ его руки и сорокъ первою была спасавшая ихъ болгарка... *) Зачѣмъ, зачѣмъ!.. И небо не обрушилось на этого звѣря...“

Отецъ Петръ въ волненіи отложилъ письмо Рождественцева.

— Фу ты! — произнесъ онъ, отирая выступившій на его лбу холодный потъ, — лучше-бы, Марья Даниловна, вашъ Сережа не писалъ этого... Дрожь пробираетъ... Сорокъ невинныхъ душъ... какъ барановъ какихъ... Брр...

Обыкновенно кроткій, отецъ Петръ весь даже покраснѣлъ отъ прилива гнѣва. Всѣ кругомъ молчали. По лицамъ дамъ, слушавшихъ письмо, катились слезы. Катя не могла сдержаться и громко рыдала.

— Продолжайте, батюшка,—какъ-то глухо выговорилъ Лукомцевъ,—можетъ-быть, далѣе въ письмѣ этомъ будетъ что-либо болѣе отрадное, болѣе утѣшительное...

— Надо отслужить панихидку, помянуть мучениковъ,—высказался от. Ѳедоръ.

— Завтра-же, отецъ, завтра!—высказался от. Петръ.— Въ райскія селенія приняты бѣдняжечки и къ лику ангельскому сопричислены за мученическую кончину

*) По корреспонденціи газеты «Нашъ вѣкъ».

свою въ семъ мірѣ, а панихидку отслужить по нимъ все-таки нужно... безыменную хотя бы...

Онъ снова взялся за письмо и продолжалъ чтеніе.

„Когда мой сосѣдъ по фронту, Фирсовъ,—писалъ Сергѣй, — простой русскій человѣкъ, съ голубиной, незлобивой душею, пожалуй, и на муху никогда не сердившійся, прозналъ объ этомъ ужасѣ, такъ онъ въ ярость пришелъ. „Ужо, погодите вы, бритолобые нехристи,—говорилъ онъ тогда,—дорвусь я до васъ... Какъ передъ Истиннымъ говорю, никому спуску не дамъ. Съ тѣхъ поръ любимымъ его занятіемъ стало въ свободное время оттачивать штыки. Свои наострилъ, какъ только это можно было, и у товарищей бралъ да оттачивалъ. Да что, матушка,—мой порядочно-таки легкомысленный, ни надъ чѣмъ не задумывающійся, всегда веселый товарищъ, извѣстный тебѣ Алеша Кораловъ, и тотъ взгрустнулъ и озлился да, пожалуй, еще пуще Фирсова. Вотъ какъ пронялъ наши сердца, наши души этотъ ужасъ.

„Но довольно его, мимо! Близка расплата за всѣ преступленія. Дорого поплатятся турки за всѣ свои злодѣйства... Впрочемъ, турецкіе солдаты далеко не такіе звѣри. Они такіе-же воины, какъ и мы. Неистовствуютъ и злодѣйствуютъ баши-бузуки и черкесы; но, какъ-бы то ни было, а позоръ ихъ преступленій весь цѣликомъ ложится на Турцію.

„Не разъ мнѣ приходилось видать этихъ изверговъ—жалкое они производятъ впечатлѣніе, когда попадаются въ плѣнъ. Наша дивизія изъ Галаца была переведена къ Букаресту, и тамъ мы занимали квартиры. Для работъ по берегу Дуная изъ нашихъ Волынскаго и Минскаго полковъ назначались роты въ помощь саперамъ. И мнѣ приходилось бывать на этихъ работахъ. Тамъ-то я и увидѣлъ этихъ звѣрей. Наши казаки частенько переправляются на ту сторону Дуная и обшариваютъ берегъ. Баши-бузуки, то и дѣло, попадаются имъ, и молодцы съ торже-

ствомъ приводятъ своихъ плѣнниковъ къ начальству. Что за отвратительно-звѣрскія лица у этихъ людей! Большинство ихъ—низколобые, скуластые, съ приплюснутыми носами. Во взглядахъ нѣтъ ничего напоминающаго человѣка; положительно ничего, кромѣ чисто животныхъ побужденій, не выражаютъ ихъ глаза. Нѣтъ, выражаютъ: робкую трусливость, страхъ за жизнь, муки голода.., И съ такими жалкими воинами Турція думаетъ противиться намъ... Безумное ослѣпленіе!

„За то наши! Душа радуется, глядя на нашихъ. Честь начать славные подвиги на Дунаѣ выпала на долю нашихъ моряковъ. Первые Георгіи также пришлись на ихъ долю. Если не соскучились, матушка, такъ я разскажу вамъ здѣсь о славномъ дѣлѣ, которое навсегда останется въ памяти русскихъ людей. Я говорю о подвигѣ лейтенантовъ Ѳедора Васильевича Дубасова и Александра Павловича Шестакова„.

— Ага! — перебилъ отца Петра одинъ изъ слушателей,—это взорвавшихъ „Хивзи-Рахмана“.

— Броненосецъ „Сельфи“, — поправилъ его другой гость.

— Нѣтъ, вездѣ „Хивзи-Рахманъ“. Какъ, батюшка, называется броненосецъ въ письмѣ?

— Сергѣй Васильевичъ называетъ его „Хивзиль-Рахманъ“, — отвѣтилъ от. Петръ, заглядывая въ письмо, — такъ онъ и пусть будетъ именоваться между нами...

Почтенный старецъ, видимо, утомился чтеніемъ. Онъ положилъ письмо предъ собою на столъ, снялъ очки, положилъ ихъ рядомъ съ письмомъ и, обводя глазами своихъ гостей, произнесъ:

— Вотъ здѣсь мы прочли краткое изложеніе первыхъ движеній нашихъ побѣдоносныхъ войскъ. Позволю себѣ выразить глубокое свое убѣжденіе, что война эта не будетъ продолжительною и славный миръ скоро будетъ нами заключенъ на стѣнахъ древняго Царьграда.

— Да, если турки только не разставятъ намъ ловушки! — какъ-то особенно мрачно замѣтилъ Андрей Ильичъ.

Всѣ съ изумленіемъ поглядѣли на него.

— О какой это ловушкѣ говорите вы, почтеннѣйшій Андрей Ильичъ?—спросилъ Поспѣлова, не скрывая своего удивленія, от. Ѳедоръ.—Что вы, Господь съ вами!

— Нѣтъ, я, конечно, какъ и всѣ мы, желаю, чтобы эта война, которую намъ Ѳома Ѳомичъ назвалъ экзаменомъ для Россіи, кончилась и скоро, и славно, но все-таки странна эта непостижимая вялость турокъ. Оставимъ говорить о баши-бузукахъ и черкесахъ. У нихъ есть еще болѣе дикіе зейбеки, которымъ, дѣйствительно, чужды всякія человѣческія чувства. Но свирѣпые дикари есть и у насъ... Башкиры да калмыки нисколько не лучше...

— Оставьте, оставьте! — замахалъ на него руками от. Петръ. — Пусть эти инородцы—дикари, но у Россіи есть достаточно силъ обуздать ихъ свирѣпость... а Блистательная Порта, очевидно, держитъ этихъ палачей нарочито, чтобы вырѣзывать райю... сорокъ младенцевъ перерѣзалъ одинъ только...

— А зачѣмъ ихъ отцы, братья не защитили ихъ? Они бросились бѣжать, спасая свою жизнь? Они сами оставили свою дѣтвору палачамъ... Да не въ этомъ дѣло. Разъ война, такъ чувствительность неумѣстна, потому что всякая война сама по себѣ жесточайшее дѣло, какими-бы она высокими побужденіями не вызывалась. Меня, какъ добраго патріота, пугаетъ положительно странное поведеніе турокъ.

Говоря это, Андрей Ильичъ волновался. Голосъ его, то и дѣло, дрожалъ и срывался.

— Что-же страннаго въ ихъ поведеніи? — сказалъ от. Ѳедоръ.—Они видятъ заранѣе, что дѣло ихъ проиграно, вотъ у нихъ и опустились руки...

— Хорошо, если-бы такъ! Я вамъ скажу, что турки— народъ храбрый, не передъ какой борьбой не отступающій. Къ смерти земной они питаютъ презрѣніе, потому что увѣрены, что въ будущей жизни ихъ ждетъ блаженство Магометова рая. Вся исторія турокъ служитъ доказательствомъ этому... Да, наконецъ, наше вниманіе устремлено на Дунай, а, вѣдь, война идетъ и въ Малой Азіи.

— Что-же, развѣ не взяли тамъ боемъ Ардаганъ? Развѣ не осажденъ Карсъ?

— Да, но за то турки заставили перейти въ отступленіе ріонскій отрядъ. Тергукасовъ съ своимъ эриванскимъ отрядомъ едва-едва отбился отъ Мухтара-паши. Почему-же это въ Малой Азіи турки достойные русскихъ противники, а на Дунаѣ они вялы, дряблы, и если палятъ изъ своихъ пушекъ, то какъ-будто для очистки совѣсти. Что это значитъ?

— А вы что думаете? — раздались вопросы.

— А то думаю, что въ Отечественную войну Кутузовъ побѣдилъ Наполеона не на полѣ битвы, а заманивъ его искусными передвиженіями въ глубину страны и окруживъ тамъ его усталыя полчища свѣжими русскими полками, только и знавшими до того, что отступать предъ надвигавшимся грозною тучею непріятелемъ...

— Нехорошо такъ думать, Андрей Ильичъ, — довольно сурово сказалъ от. Петръ, одѣвая очки, — будущее въ рукахъ Божіихъ... Русь за святое дѣло, за Божье дѣло встала, и намъ пророчить ей пораженіе на святомъ ея пути...

— Да я и не говорю о пораженіи,—замѣтно сконфузился Поспѣловъ,—я увѣренъ въ полной побѣдѣ, но боюсь только, что побѣды будутъ не такъ легки, какъ казалось сперва, и обойдутся намъ дороже, чѣмъ ожидали мы.

— Не нужно говорить о будущемъ,—холодно произнесъ от. Петръ, — оно, уже сказалъ я, всецѣло въ ру-

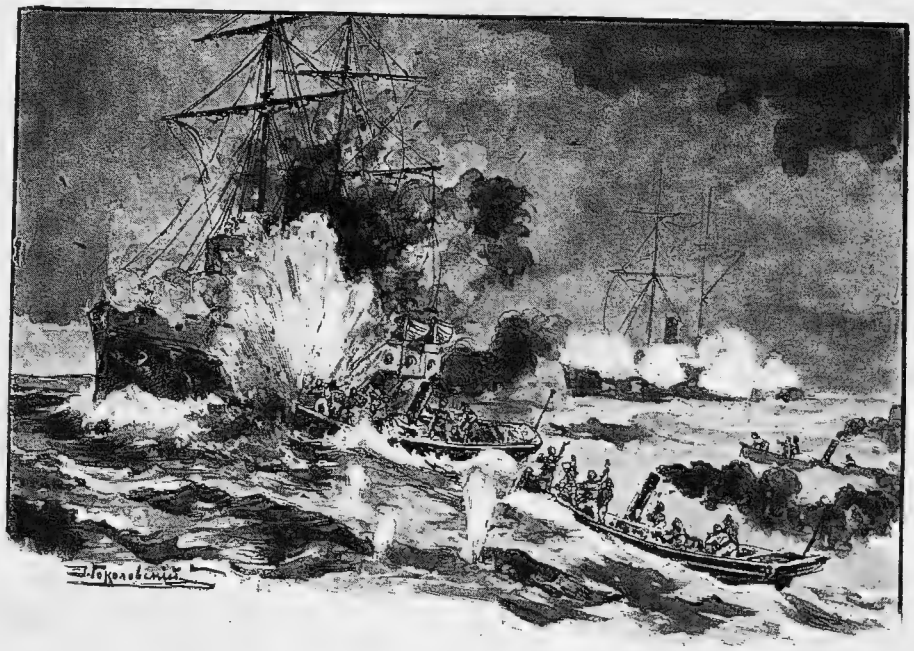
кахъ Божіихъ... Итакъ, друзья мои, послушаемъ далѣе, что разсказываетъ намъ нашъ молодой воинъ.

Онъ взялся за письмо. Всѣ гости молчали, съ укоризной поглядывая на окончательно сконфузившагося Андрея Ильича. Его мрачныя предсказанія угнетающе подѣйствовали на всѣхъ этихъ отдавшихся патріотическому восторгу людей, и только дальнѣйшее чтеніе письма нѣсколько разсѣяло внезапно овладѣвшее было всѣми гнетущее настроеніе.

Николай Илларіоновичъ Скрыдловъ.

Рождественцевъ разсказывалъ о боѣ паровыхъ катеровъ „Царевича“, „Ксеніи“, „Джигита“ и „Царевны“ съ турецкимъ броненоснымъ корветомъ „Хивзиль-Рахманъ“, военнымъ пароходомъ „Килиджи-Али“ и мониторомъ „Фетхъ-Уль-Исламъ“, спрятавшимися въ Мачинскомъ рукавѣ и мѣшавшими русскимъ морякамъ ставить минныя заграждения на нижнемъ Дунаѣ. Самъ по-себѣ этотъ бой, точно такъ-же, какъ и послѣдующія не совсѣмъ удачныя нападенія на турецкіе броненосцы катера „Шутка“, съ лейтенантомъ Скрыдловымъ, и миноносныхъ катеровъ съ парохода „Константинъ“, является свидѣтельствомъ величественной мощи русскаго духа и безпримѣрной храбрости русскихъ моряковъ. На маленькихъ лодкахъ кидались они на пловучія крѣпости и, осыпаемые свинцовымъ градомъ, не отходили до тѣхъ поръ, пока или имъ

не удавалось ихъ до дерзости смѣлое дѣло, или не испробовано было все, чтобы исполнить его. Конечно, нельзя было требовать постоянной удачи. Лейтенантъ Пущинъ съ „Константина“ попался съ своими матросами въ плѣнъ; лейтенантъ Скрыдловъ былъ тяжело раненъ, но за то подвигъ Дубасова, Шестакова и Петрова навсегда останется памятнымъ въ исторіи возрождавшагося заново, какъ Фениксъ изъ пепла своего, нашего Черноморскаго флота.



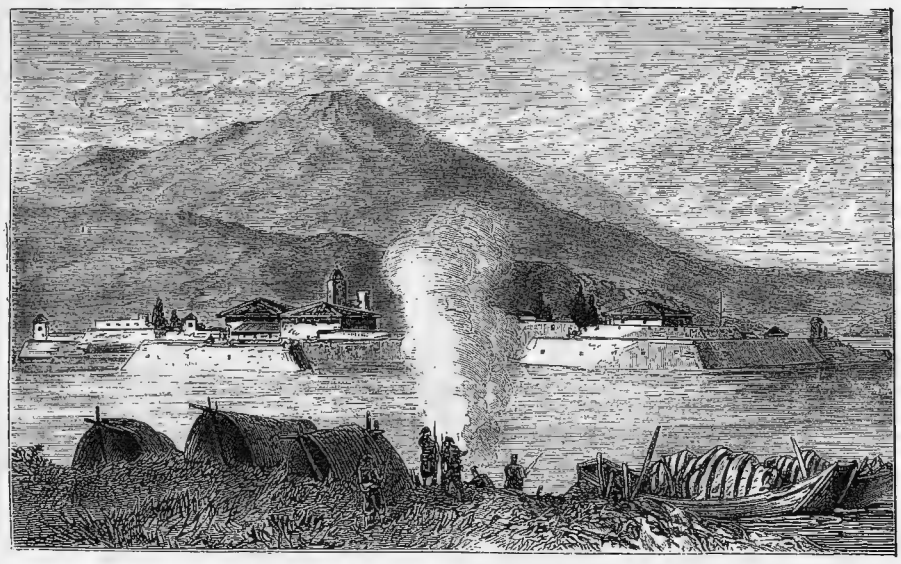
VII.

Подвиги моряковъ.

БЫЛЪ двѣнадцатый часъ ночи на четырнадцатое мая. Ночная темнота окутывала собою и Браиловъ, и Дунай, и лѣвый его берегъ. Шелъ проливной дождь. Словно цѣлое море вдругъ опрокинулось надъ низовьемъ славянской рѣки. Въ такую непогодь, по пословицѣ, добрый хозяинъ собаки не выгналъ-бы, а, между тѣмъ, у браиловской пристани замѣтны были люди, копошившіеся около утлыхъ суденышекъ, стоявшихъ подъ разведенными парами.

Тутъ были: начальникъ браиловскаго от-

ряда, генералъ Саловъ; начальникъ Нижне-Дунайской флотиліи, капитанъ 1-го ранга Рогуля[27])командиры уходившихъ на врага катеровъ, лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ; мичмана Персинъ и Баль, и отправлявшіеся вмѣстѣ съ смѣльчаками въ ихъ опасное предпріятіе, въ качествѣ охотниковъ, лейтенантъ Петровъ и маіоръ румынской морской службы Муржеско. На самой пристани небольшими группами стояли матросы гвардейскаго экипажа. Тихіе разговоры велись между ними въ ожиданіи, пока офицеры не покончатъ съ послѣдними распоряженіями.



Турецкій фортъ и крѣпость на островѣ Ада-Кале, на Дунаѣ.

— Ловкое дѣло задумано,—говорилъ старый черноморскій матросъ Кисловъ, бывшій рулевымъ на катерѣ „Царевичъ“,—ежели и не удастся ничего изничтожить, все-таки до смерти турку перепугаемъ...

— Ну, вотъ не удастся,—возразилъ рулевой съ „Ксеніи“,—у васъ эдакій, можно сказать, всѣмъ минерамъ минеръ Лексій Ботинъ, да и нашъ Васютка Стенинъ вашему не уступитъ. Оба—ученые, напрактикованные, по

экзамену въ минеры вышли. Да и командиры у насъ — огонь!

— Все, милый другъ, такъ, а все-таки съ лодченками да на такія махины идти...

— Ну, закаркалъ! Тебѣ, Кисловъ, старому матросу, совсѣмъ не такъ говорить нужно...

— Да я что-жъ?—оправдывался Кисловъ, — я-то не сдамъ... Другіе-бы не сплоховали...

Александръ Павловичъ Шестаковъ.

— Зачѣмъ плоховать! А „Джигитъ“ съ „Царевной“ въ резервѣ зачѣмъ? Насъ ежели турки на дно къ рыбамъ пустятъ, такъ товарищи за насъ дѣло довершатъ... Ихъ благородія, мичманъ Персинъ да мичманъ Баль, тоже свое дѣло туго знаютъ... Только-бы турки подпустили насъ подъ себя!

— Отчего имъ не подпустить? Поди, спятъ всѣ крѣпкимъ сномъ, а мы къ нимъ въ гости, какъ снѣгъ на голову.

— Гдѣ спать? Имъ со страху не до сна... Помнятъ, какъ мы загражденіе ставили!

Тихій смѣхъ раздался въ группѣ матросиковъ. Они вспомнили, какъ они напугали наканунѣ турокъ, ставя поперекъ устья Мачинскаго рукава мнимыя минныя заграждения. У Дубасова и Шестакова не хватило минъ утромъ 12-го мая, а, между тѣмъ, по Дунаю со стороны Чирсова спускались три турецкихъ судна. Моряки пустились на хитрость. Въ виду турокъ они принялись опускать въ воду вмѣсто минъ наполненные пескомъ ведра и боченки,

вытаскивая ихъ съ противоположнаго борта обратно на свои катера. Хитрость удалась. Турецкія суда, бывшія всего въ шести стахъ саженяхъ отъ русскихъ минеровъ, не только не мѣшали этой работѣ, но даже поспѣшили уйти съ линіи мнимаго миннаго загражденія.

Теперь матросики, вспомнивъ объ этой удачной продѣлкѣ, не могли удержаться отъ смѣха.

— Смирно! — раздался окликъ.

Подходили начальники катеровъ и отправлявшіеся съ ними охотники-офицеры.

Ѳеодоръ Васильевичъ Дубасовъ.

— Съ Богомъ! — раздавались въ темнотѣ голоса провожавшихъ ихъ начальниковъ. — Желаемъ заслужить Георгія.

— Постараемся, ваше превосходительство! — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Надѣюсь... Не медлите... Скоро начнетъ свѣтать... Помните, если удастся вамъ это дѣло, весь нижній Дунай очутится въ нашемъ распоряженіи... Съ Богомъ! Съ Богомъ! Возвращайтесь благополучно... Будемъ васъ ждать...

— Прежде чѣмъ мы вернемся, вы уже услышите о насъ, ваше превосходительство!

Голоса такъ и замирали, заглушаемые шумомъ ливня.

Было четыре минуты перваго, когда крошечная флотилія отвалила отъ браиловской пристани. Катера шли

другъ за другомъ, имѣя между собой двадцать саженъ пространства. Шумъ ливня заглушалъ стукъ машинъ и плесканье винтовъ. Начинало уже чуть-чуть свѣтать, когда всѣ четыре суденышка смѣло вошли въ устьѣ Мачинскаго рукава. Въ полутьмѣ ясно вырисовывались темныя массы стоявшихъ на якоряхъ непріятельскихъ судовъ. Въ самой серединѣ рукава стоялъ хорошо знакомый Браилову „Хивзиль-Рахманъ“, послѣднее большое турецкое судно; вправо отъ него къ берегу виднѣлся „Фехтъ-Уль-Исламъ“ и, наконецъ, налѣво въ полумилѣ стоялъ двухтрубный „Килиджи-Али“.

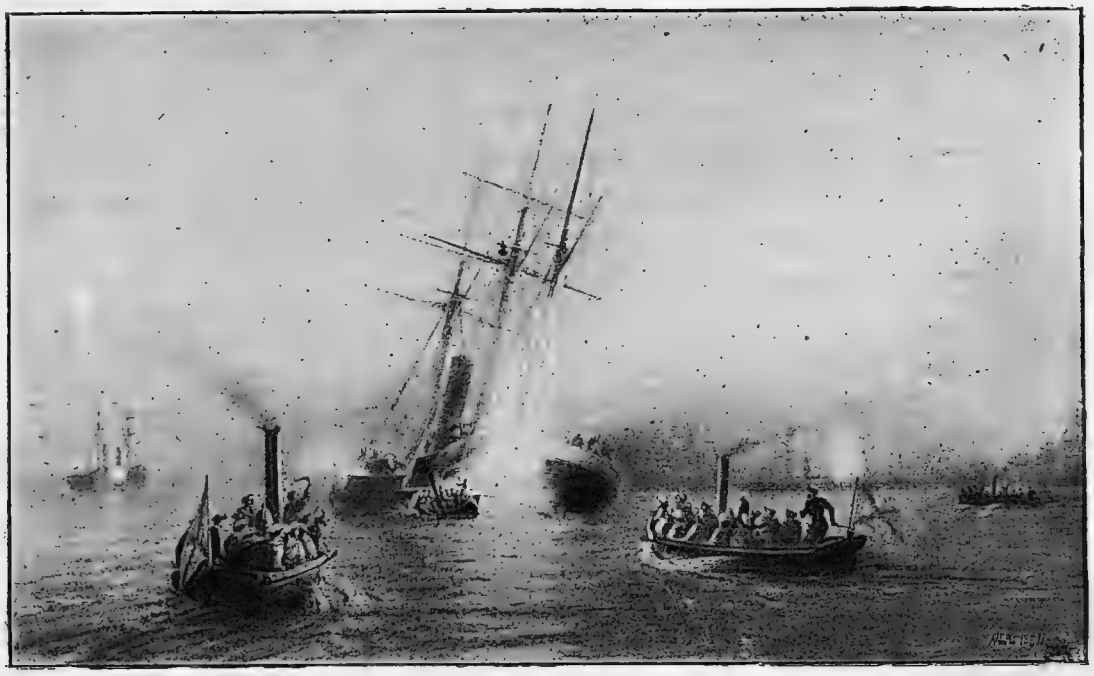
Ни малѣйшаго движенія не замѣтно было на этихъ судахъ. Ненастье загнало защитниковъ судна въ каюты; даже часовыхъ не было видно. Лейтенантъ Дубасовъ цѣлью нападенія избралъ именно „Хивзиль-Рахмана“, какъ крупнѣйшее изъ трехъ судовъ, уничтоженіе котораго наиболѣе было выгодно русскимъ. Онъ отдалъ приказаніе Шестакову выждать результатъ нападенія и немедленно въ случаѣ, если „Царевича“ постигнетъ неудача, кинуться въ атаку, а самъ смѣло на всѣхъ парахъ двинулся къ „Хивзиль-Рахману“, держа свой катеръ подъ лѣвую кормовую раковину броненосца.

— Кимъ дыръ о? Кто это? — раздался съ борта корвета окликъ часового.

По военному уставу турокъ, на этотъ окликъ должно было отвѣтить подходившему: „Япанджи деиль“, т.-е „я не чужеземецъ“, но Дубасовъ не зналъ этого отвѣтнаго восклицанія. Ему было извѣстно только два подходившія къ случаю турецкія слова: „Сизынъ-адамъ“—„вашъ человѣкъ“, но въ понятномъ волненіи лейтенантъ спутался и крикнулъ въ отвѣтъ совершенно не имѣвшія смысла слова: „Сени-адамъ“!

Сейчасъ-же съ броненосца грянулъ ружейный выстрѣлъ. Часовой понялъ, что подошелъ непріятель, и поднялъ тревогу. Выстрѣлы раздались и съ остальныхъ

двухъ судовъ. Турецкій часовой въ это время трижды пытался дать выстрѣлъ изъ сигнальной пушки, но каждый разъ слѣдовала осѣчка. Этой заминкой воспользовался Дубасовъ и ударилъ „Хивзиль-Рахмана“ въ лѣвый бортъ своей носовой миной. Громадный водяной столбъ взвился надъ поверхностью Дуная. Мгновеніе — и онъ, падая назадъ, всей массой своей воды обрушился на „Царевича“...



Взрывъ турецкаго броненосца „Хивзиль-Рахмана“, произведенный лейтенантами Ф. В. Дубасовымъ и А. П. Шестаковымъ въ Мачинскомъ рукавѣ 14-го Мая 1877 г.
(Картина Лагоріо).

— Выходи изъ машинъ!—крикнулъ Дубасовъ машинисту и кочегару, думая, что вотъ-вотъ сейчасъ затонетъ его суденышко.

— Ваше благородіе!—закричалъ услышавшій это приказаніе Кисловъ, стоявшій на рулѣ,—мы, слава Богу, держимся... Отойти можемъ!

Въ это время суматоха, поднявшаяся на броненосцѣ,

улеглась, и со всѣхъ трехъ судовъ посыпался на русскихъ удальцовъ градъ пуль и картечи...

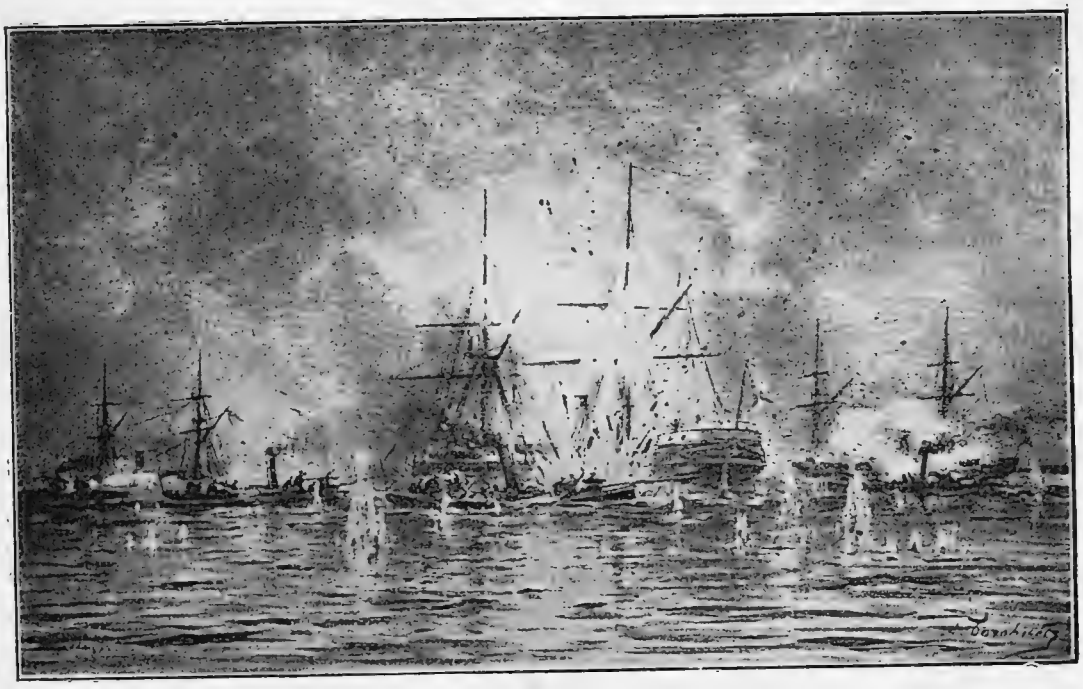
Ко грому выстрѣловъ примѣшивалось русское побѣдоносное „ура“; „Хивзиль-Рахманъ“ хотя и оставался на поверхности рѣки, но значительно уже осѣлся своей кормой въ воду. Ударъ не пропалъ даромъ; нужно было теперь докончить начатое.

— Шестаковъ, подходи!—что было силъ въ легкихъ крикнулъ командиръ „Царевича“,—и сейчасъ-же „Ксенія“ на всѣхъ парахъ, какія только могла развить ея машина, ринулась на обреченный погибели корветъ.

Адскій огонь не остановилъ смѣльчака. Миной управлялъ лейтенантъ Петровъ. Второй столбъ воды взвился у лѣваго борта „Хивзиль-Рахмана“. Это былъ уже рѣшительный ударъ. Броненосецъ медленно началъ погружаться...

Вдругъ крикъ ужаса раздался со всѣхъ четырехъ русскихъ суденышекъ. Вмѣсто того, чтобы уходить, „Ксенія“ осталась неподвижною у самаго борта погружавшагося броненосца, съ башни котораго чуть не въ упоръ стрѣляли по русскимъ смѣльчакамъ изъ своихъ штуцеровъ турецкіе стрѣлки. Это винтъ катера запутался въ обломкахъ погибавшаго непріятельскаго судна. Приходилось освобождать его отъ путъ подъ огнемъ съ трехъ сторонъ. И помощи отъ товарищей нечего было ждать. „Царевичъ“, полный воды, едва-едва двигался заднимъ ходомъ. Мичманъ Баль на „Царевнѣ“ спѣшилъ къ нему, чтобы снять съ него людей. Катеръ мичмана Персина получилъ пробоину отъ попавшаго въ его корму турецкаго ядра и въ то-же время былъ залитъ съ носа обрушившимся на него водянымъ столбомъ, поднятымъ тяжелымъ турецкимъ снарядомъ. Предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, Шестаковъ отстрѣливался изъ револьвера вмѣстѣ съ четырьмя матросами; остальные-же и лейтенантъ Петровъ быстро выпутывали винтъ.

Кое-какъ, съ величайшимъ трудомъ, удалось отойти и „Ксеніи". Совсѣмъ уже разсвѣло. Главное было исполнено—крупнѣйшій изъ остававшихся въ Мачинскомъ рукавѣ броненосецъ уже скрылся подъ волнами Дуная. Оставаться долѣе было не зачѣмъ, и лейтенантъ Дубасовъ отдалъ приказаніе всѣмъ катерамъ отходить къ Браилову...



Взрывъ турецкаго броненосца „Хивзиль-рахмана" въ ночь 14-го мая 1877 г.
Съ акварели проф. А. И. Боголюбова.

Такъ совершили русскіе моряки подвигъ, которымъ ознаменовалось возрожденіе славнаго Черноморскаго флота.

Все, что разсказано здѣсь, съ не меньшими подробностями было описано Рождественцевымъ въ его письмѣ къ матери. Отъ. Петръ читалъ описаніе подвига моряковъ, не отрываясь. Слушали его всѣ, затаивъ дыханіе.

„Только волею всемогущаго Провидѣнія,—заканчивалъ

Сергѣй свое описаніе боя русскихъ катеровъ съ турецкими броненосцами,—можно объяснить то, что всѣ наши вышли невредимыми изъ неистоваго огня, который турки, въ поспѣшности-ли, въ испугѣ-ли, открыли по нимъ и поддерживали болѣе двадцати минутъ.

„Мнѣ разсказывали,—писалъ Рождественцевъ далѣе,—что оба, отнынѣ славные русскіе герои Дубасовъ и Шестаковъ были приглашены на другой день въ Плоэшти въ главную квартиру, къ великому князю главнокомандующему. Тамъ его высочество изволилъ каждому изъ нихъ возложить на грудь свои собственные георгіевскіе кресты и затѣмъ пригласилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ начальникомъ, капитаномъ Рогуля, къ себѣ на обѣдъ. Тамъ главнокомандующій изволилъ провозгласить тостъ за первыхъ георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго званія въ эту войну и за процвѣтаніе всего русскаго флота.

„Вотъ это подвигъ, такъ подвигъ! Знаешь, матушка, турки и въ самомъ дѣлѣ такъ напугались, что болѣе ихъ мониторы не показывались на нижнемъ Дунаѣ. Да теперь уже и все равно. Ой, матушка родимая, кажется, скоро что-то будетъ! Ничего мы не знаемъ, въ глубокой тайнѣ все сохраняется. Нашъ августѣйшій главнокомандующій нѣсколько дней осматривалъ берега Дуная. Есть противъ турецкой крѣпости Никополя румынское мѣстечко Турнъ-Магурели. Такъ, вотъ, тамъ великій князь держалъ тайный совѣтъ съ своими генералами. Былъ на этомъ совѣтѣ и нашъ дивизіонный генералъ, Драгомировъ. Что рѣшили — тайна, а насъ послѣ этого передвинули въ деревушку Бею, поближе къ Дунаю; говорятъ, что не сегодня-завтра перейдемъ въ городокъ Зимницу, на самый берегъ, противъ Систова. Это недаромъ. Вѣрнѣе всего, готовится переправа. Говорятъ, что будетъ она у Никополя. Пора, давно пора! Два мѣсяца уже мы переходимъ только съ мѣста на мѣсто. Время съ врагами перевѣдаться одинъ-на-одинъ. Рвемся мы всѣ въ

бой, какъ на радостный пиръ. И откуда только это! Послѣдній нашъ ротный замухрышка и тотъ о геройскихъ подвигахъ мечтаетъ... Молись теперь, родимая, за меня, молись. Твоимъ святымъ материнскимъ молитвамъ поручаю я себя. Не горюй, если судьба предназначила мнѣ лечь на полѣ брани. Утѣшайся тогда тѣмъ, что палъ твой сынъ за святое дѣло свободы. Въ животѣ-же и смерти одинъ Богъ воленъ.

„Кланяется тебѣ, матушка, товарищъ мой Кораловъ. Потомъ, помнишь болгарина Петку Гюрова? Давно я его не видѣлъ и не знаю, гдѣ онъ и что съ нимъ. Все не приходится такъ, чтобы нашъ полкъ и болгарскіе батальоны сходились вмѣстѣ.

„Еще разъ успокоиваю тебя. Живется мнѣ очень хорошо. Нашъ капитанъ Солонинъ очень-очень добръ ко мнѣ и часто приглашаетъ меня къ себѣ запросто. Черезъ это и всѣ добры. Фельдфебель нашъ Рыбаковъ тоже бережетъ меня. Словомъ, матушка, за меня не бойся; мнѣ, повторяю, хорошо.

„Итакъ, прошу еще разъ твоего благословенія и твоихъ молитвъ. Какъ только урву время, буду сейчасъ-же писать тебѣ. Цѣлую тебя, родная моя, и крѣпко-крѣпко обнимаю. Твой сынъ Сергѣй Рождественцевъ“.

— Тутъ еще небольшая приписка! — показалъ от. Петръ и прочелъ:

„Послѣдняя новость. Къ намъ въ дѣйствующую армію пріѣхалъ государь императоръ. Передаютъ, будто онъ сказалъ: „Сроднившись съ дѣтства съ своей арміей, не вытерпѣлъ и пріѣхалъ дѣлить съ ней труды и радости!“ Сколько теплаго чувства въ этихъ словахъ!“

От. Петръ, дочитавъ эти послѣднія слова, снялъ очки, сложилъ письмо Сергѣя и произнесъ:

— Вотъ, многоуважаемая Марья Даниловна, мы прочли письмо вашего воина. Благодаримъ васъ за то, что подѣлились вы съ нами этими вѣсточками. Славный онъ

у васъ, вашъ Сережа! Просвѣтленный онъ, Бога не забываетъ и матерь свою чтитъ, и многое ему пошлется за это. Отъ души поздравляю васъ съ такимъ сыномъ.

Марья Даниловна тихо плакала.

— Плачь, мать скорбящая, но и радующаяся, плачь!— воскликнулъ от. Ѳедоръ,—понятны намъ всѣмъ твои материнскія слезы. Единаго своего отдала ты на жертву, какъ во время оно Авраамъ отдалъ на жертву Исаака своего. И, какъ Исаакъ, будетъ возвращенъ сынъ твой!

— Аминь, — закончилъ от. Петръ и продолжалъ: — Итакъ, господа, друзья мои, изъ сего письма явствуетъ, что, собственно говоря, на Дунайскомъ театрѣ война фактически еще не началась. Пока идутъ лишь подготовленія къ рѣшительному удару.

— Вотъ именно, — отозвался Лукомцевъ, — судя по всему, наши перейдутъ Дунай, ударятъ на Балканы, а тамъ уже и рукой подать до Константинополя.

— Можно ожидать, что къ осени и все будетъ кончено,—замѣтилъ его сосѣдъ.

— Давай-то Богъ, чтобы такъ было! — воскликнула Марья Даниловна.—Хорошо все это, утѣшаете вы, добрые мои, меня, а сердце-то материнское знать ничего не хочетъ — такъ вотъ на части и рвется... Да и одно-ли мое сердце? Поди десятки, а то и сотни тысячъ материнскихъ сердецъ вотъ точно такъ же рвутся и безпокоятся. Ни минуточки нѣтъ облегченія отъ тоски. Постоянно одни и тѣ же мысли: что-то съ нимъ, какъ-то онъ! Живъ-ли, не подвернулся-ли подъ злодѣйку-пулю.

— Никто, какъ Богъ, Марья Даниловна, на него уповайте!—наставительно сказалъ от. Петръ.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить въ утѣшеніе скорбящей матери, но какъ разъ въ это время въ зальцу вбѣжалъ, весь запыхавшись отъ скорой ходьбы, соборный причетникъ.

— Батюшка! Отецъ протопопъ, — задыхаясь и едва

выговаривая слова началъ онъ, — въ соборъ съ от. Ѳедоромъ какъ можно скорѣй извольте пожаловать.

— Что такое? зачѣмъ?

Всѣ всполошились, повскакали со своихъ мѣстъ, ожидая отвѣта.

— Его высокопреосвященство прислалъ сказать... Телеграмма получена... Новая побѣда... Наши Дунай перешли у Галаца... Благодарственное молебствіе, губернаторъ, голова,—всѣ въ соборъ сейчасъ будутъ...

От. Петръ съ секунду молчалъ, какъ-бы пораженный этимъ извѣстіемъ, потомъ, обратившись въ передній уголъ къ божницѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ:

— Господи! Помяни павшихъ на полѣ брани во царствіи Твоемъ!

VIII.

На походѣ.

ВЕСЬ бѣлѣется полотномъ безчисленныхъ палатокъ берегъ румынской рѣченки Веде. Правильными рядами стала лагеремъ у деревни Бею только что стянувшаяся сюда изъ-подъ Букареста четырнадцатая дивизія. Всѣ четыре ея полка въ полномъ сборѣ. Вотъ ряды палатокъ, занятыхъ славными севастопольцами-волынцами, рядомъ ихъ—однобригадцы-минцы. Нѣсколько поодаль стали лагеремъ Подольскій и Житомірскій полки. Рады солдатики отдыху послѣ долгаго томительнаго перехода. Слышны между ними и тамъ и тутъ оживленный говоръ, звонкій веселый смѣхъ, а, нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ вспыхнетъ и пронесется надъ лагеремъ удалая солдатская пѣсня.

Около пѣхотинцевъ, но все-таки нѣсколько поодаль отъ нихъ, пристроились на большомъ лугу воины, какихъ, пожалуй, нигдѣ, кромѣ Россіи, да и въ Россіи-то развѣ лишь на одномъ Кавказѣ, — не сыскать. Есть тутъ и молодые, и старики; всѣ—средняго роста, горбоносые, кряжистые, мускулистые крѣпыши. Лѣто. Солнце такъ и жаритъ съ высоты небесной своими лучами, а молодцы всѣ въ тяжелѣйшихъ мѣховыхъ папахахъ, надѣтыхъ на чубатыя головы, какъ попало: у кого на затылокъ, у кого совсѣмъ на лѣвое ухо съѣхала, у кого низко-низко на лобъ надвинулась; длиннополыя ихъ черкески на груди увѣшаны „газырями“; длинные-предлинные у поясовъ кинжалы. Вмѣсто обуви, мягкіе кожаные пасталы, привитые къ ногамъ онучами. Это—пластуны-кубанцы, явившіеся на берега Дуная послужить своему царю. Ихъ всего только двѣ сотни, но эти сотни, когда нужно слѣдить за врагомъ, многихъ иныхъ тысячъ стоятъ. Недаромъ-же съ суворовскихъ временъ, когда великій русскій полководецъ устроилъ на Кубани „линію“, т.-е. расположилъ вдоль берега этой рѣки особыя пограничныя войска, которыя должны были сдерживать буйныхъ черкесовъ, постоянно покрывали себя славою въ безчисленныхъ схваткахъ съ врагами эти молодцы. Недаромъ-же про нихъ и поговорка сложилась, будто пластунъ на три сажени вглубь земли слышитъ и не только что глазами, даже носомъ вдали, что ему нужно видѣть, видитъ.

Чу! Издали несется любимая солдатская пѣсня...

Гремитъ слава трубой
Мы дрались, турокъ, съ тобой!
По горамъ твоимъ Балканскимъ
Раздалось кругомъ: ура!

— У насъ, круподеры, переняли! Это наши отцы да дѣды пѣвали, когда дрались за Лабой на Кавказѣ,—ворчитъ старикъ-пластунъ, но все-таки съ видимымъ удовольствіемъ прислушивается къ хорошо знакомымъ звукамъ любимой пѣсни.

— Стрѣлки! Стрѣлки идутъ!—проносится съ быстротою молніи по лагерю вѣсть,—и всѣ, кто только можетъ, высыпаетъ къ своимъ линіямъ навстрѣчу подходящей четвертой стрѣлковой бригадѣ, „желѣзной“, какъ уже ее стали называть въ арміи.

Мѣрно, нога въ ногу выступаютъ одинъ за другимъ четыре батальона стрѣлковъ. Ихъ бригадный командиръ, генералъ м. Цвѣцинскій [28]), уже разговариваетъ съ бригадирами четырнадцатой дивизіи, генералами Іолшинымъ и Петрушевскимъ; вслѣдъ за стрѣлками громыхаютъ и дребезжатъ шестнадцать орудій двухъ горныхъ батарей, за которыми тянется парковое артиллерійское отдѣленіе. Теперь весь отрядъ, который долженъ былъ стянуться у деревушки Бею, въ сборѣ. Подошли уже и понтонные парки — всѣ, какіе только были на-лицо въ дѣйствующей Дунайской арміи.

Сергѣй Рождественцевъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами выбѣжалъ на линію встрѣчать пришедшихъ стрѣлковъ. Это было 12-го іюня. Всѣмъ въ русскихъ войскахъ было уже извѣстно, что въ ночь съ 9 на 10 іюня главныя силы нижне-дунайскаго отряда, подъ начальствомъ ген. Жукова, перешли на правый берегъ и заняли тамъ, послѣ упорнаго боя, буджакскія и гарбинскія высоты, а вслѣдъ за тѣмъ и крѣпость Мачинъ. Имя молоденькаго поручика Эльснера [30]), первымъ изъ всего отряда высадившимся на турецкій берегъ, было у всѣхъ на языкѣ. Говорили объ отчаянномъ сопротивленіи турокъ на гарбинскихъ высотахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, радовались, что Дубруджа теперь уже въ русскихъ рукахъ, и какъ ни какъ, а путь къ Цареграду, куда такъ рвались русскіе, все-таки отчасти былъ открытъ.

— На низовьяхъ перешли, теперь очередь за нами,— сказалъ Рождественцеву присоединившійся къ нему на встрѣчѣ стрѣлковъ Кораловъ.—Эхъ, поскорѣе-бы!

Сергѣй взглянулъ на товарища.

— Куда такъ торопишься?—улыбаясь спросилъ онъ.

— Какъ куда? Куда и всѣ—за Дунай... Наскучило мяться на одномъ мѣстѣ... Вотъ, сюда мы пришли, а сколько простоимъ здѣсь—неизвѣстно...

— Что-же, неужели ты хочешь, чтобы тебя спрашивались?

— Да, нѣтъ, не то! Я—солдатъ и долженъ исполнять, что приказываютъ, не разсуждая. А, по человѣчеству, и обидно, и досадно...

— За что и на что?

— Да какъ же! Пойдемъ по лагерю походимъ до переклички... Люблю я побродить, по дорогѣ и поговоримъ, я тебѣ мою досаду всю выскажу.

Пріятели пошли. Начинало вечерѣть. Весь лагерь былъ въ движеніи. Ротные артельщики свозили на заднюю линію провизію на ужинъ. Куда ни хватилъ глазъ, бѣлѣлись низенькія палаточки, въ которыхъ можно было только лежать, но не стоять или даже сидѣть. Растянуты были палатки правильными линіями. Между рядами ихъ всюду видны были составленные въ козла ружья. Вдоль передней линіи, довольно далеко за лагерь, разставлена была цѣпь часовыхъ. Въ самомъ центрѣ расположился, подъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ, санитарный обозъ, окруженный палаточками санитаровъ. Съ одного фланга притянулись съ своими орудіями артиллеристы. Какъ полагается на походѣ, пушки не сняты съ передковъ, а стояли тѣсно одна къ другой. За ними въ два ряда вытянулись зарядные ящики. Тутъ же у орудій были и коновязи.

Обоимъ пріятелямъ хорошо была знакома эта картина, но каждый разъ Сергѣй находилъ въ ней что-либо новое для себя. Теперь его интересовалъ пластунскій лагерь.

— Пойдемъ къ пластунамъ, — предложилъ онъ Коралову.

— На „камаря“ посмотрѣть хочешь? — Пойдемъ! — согласился тотъ.

Идти имъ приходилось черезъ весь лагерь.

— Ну, такъ въ чемъ-же твоя обида и на что-же твоя досада?—спросилъ по дорогѣ Сергѣй.

— Да какъ же, голубчикъ мой, не досадовать!—воскликнулъ тотъ.—Въ такую мы несчастливую дивизію попали, что не приведи Богъ никому другому!..

— Чѣмъ-же это наша дивизія несчастливая?

— Какъ чѣмъ? Ну, вотъ, мы здѣсь стоимъ, а прослышалъ я,—ты знаешь я умѣю разузнавать новости,—что насъ отсюда изъ Бею въ Зимницу на Дунай переведутъ.

— Радоваться нужно... Чѣмъ ближе къ Дунаю, тѣмъ скорѣе въ бой.

— Какое! Когда-то еще мы пороху понюхаемъ неизвѣстно, да и придется-ли понюхать, тоже никто не знаетъ... Постоимъ-постоимъ, да и вернемся въ Россію.

— Врядъ-ли...

— Увѣряю тебя! Другіе, кто посчастливѣе насъ, можетъ-быть, и побываютъ за Дунаемъ, а какъ перейдутъ—вдругъ турки мириться захотятъ, вотъ тогда и все пропало. Разъ миръ—воевать не съ кѣмъ будетъ...

— О мирѣ будто и рано говорить... Война только-только начинается еще... Черезъ Дунай лишь въ одномъ мѣстѣ переправились, что-же, по-твоему, здѣсь все такъ и будутъ стоять?

— И здѣсь переправятся, да только не мы, а девятый корпусъ его высокопревосходительства генералъ-лейтенанта барона Криденера! А мы будемъ себѣ стоять.

— Какъ такъ? Не можетъ быть этого...

— Ну, вотъ! Я уже знаю. Переправа будетъ отъ деревни Сяки на Никополь. Это вѣрно. Туда стягиваются всѣ отряды, туда и понтоны отправляютъ... Видишь? Что? Нашу дивизію будутъ держать въ резервѣ или оставятъ здѣсь для блокады какого-нибудь тамъ Рущука или

Никополя, или Систова... Тамъ мы и просидимъ всю войну.

Кораловъ говорилъ все это вполнѣ увѣреннымъ тономъ. Да и не одинъ онъ такъ говорилъ въ дунайской арміи. Генералу барону Криденеру было въ это время, хотя подъ секретомъ, но такъ, что этотъ секретъ сейчасъ-же всюду, даже на правомъ берегу у турокъ, сталъ извѣстнымъ, было указано, что главнокомандующій рѣшилъ направить девятый корпусъ въ головѣ другихъ частей арміи на крѣпость Никополь черезъ переправу со стороны деревни Сяки. Только не указывался срокъ переправы, а обо всемъ остальномъ говорилось почти что открыто...

— Говорю, несчастливая наша дивизія!—настойчиво повторялъ Кораловъ.—Вотъ, думалъ я, война, удастся отличиться... вернусь домой въ Россію... Устроюсь тамъ... все-таки на войнѣ былъ, уваженія больше... Я такъ и рѣшилъ, что безъ Георгія домой не вернусь.

Рождественцевъ покачалъ головой.

— О своихъ-ли тутъ думать выгодахъ,—съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ произнесъ онъ, — когда всѣ мы пришли сюда и всѣ пойдемъ на смерть ради великой идеи.

— Такъ оно, миленькій, все такъ,—воскликнулъ Кораловъ,—только мы—люди. Самолюбіе есть у каждаго изъ насъ. Кому не лестно получить награду по заслугамъ... Но... смирно!

Прямо на нихъ шло трое офицеровъ, оживленно разговаривавшихъ между собой. Вольноопредѣляющіеся подтянулись. Среди подходившихъ офицеровъ былъ одинъ штабсъ-капитанъ Волынскаго полка Бряновъ, знавшій Рождественцева еще на школьной скамьѣ.

— Сережа, куда это вы пробираетесь?—ласково крикнулъ онъ ему, когда они поравнялись.

— Къ пластунамъ, ваше благородіе!—отвѣтилъ Рождественцевъ, держа правую руку у козырька кепки.

— Гуляете, стало быть? Ну, какъ вы? Мнѣ вашъ капитанъ говорилъ, что онъ доволенъ вами.

— Радъ стараться, ваше благородіе! — послѣдовалъ отвѣтъ.

Бряновъ тихо засмѣялся.

— Совсѣмъ молодцомъ сталъ; просто узнать нельзя!—сказалъ онъ.—Ящинскій, Грегора-Швили, — позвалъ онъ своихъ спутниковъ,—пожалуйте-ка сюда на минуточку.

На зовъ подошли ушедшіе было впередъ штабсъ-капитанъ и подпоручикъ того же волынскаго полка.

— Вотъ рекомендую вамъ сего юнѣйшаго!—съ улыбкой заговорилъ Бряновъ.—Единственный сынъ старухи-матери, первый ученикъ гимназіи и медальеръ, вообразилъ себя борцомъ за идею славянства и, вмѣсто университета, пошелъ рядовымъ въ роту капитана Соломина. Что скажете?

— Молодо-зелено!—сумрачно буркнулъ штабсъ-капитанъ Ящинскій.—Мальчишество и все тутъ.

Рождественцевъ весь вспыхнулъ при этихъ словахъ, и только дисциплина удержала его отъ возраженія.

— Не скажите, — отозвался подпоручикъ Грегора-Швили,—тутъ не одно мальчишество. Это уже духъ времени. Юноши проникаются идеей... Когда это было? Очень радъ, молодой человѣкъ, что вижу васъ... Послѣ мы покороче познакомимся...

— Идея, идея!—перебилъ его Ящинскій, — а, вотъ, какъ поднимутъ тебя турки на штыки, такъ и объ идеѣ позабудешь...

— Что же, смерть придетъ, умереть сумѣемъ! — съ грустной улыбкой сказалъ Бряновъ.—Такъ, Сережа?

— Такъ точно, ваше благородіе,—отвѣтилъ тотъ.

— Смотрите-же, не осрамитесь, когда придетъ время умирать... А это время близко, охъ, какъ близко! Будете

писать матушкѣ, поклонитесь ей отъ меня; отцу Петру Гранитову также напишите поклонъ. Ну, идите, не буду васъ задерживать... Постойте-ка, все-таки я радуюсь, видя васъ такимъ. Совсѣмъ, молодцомъ вы стали: румянецъ во всю щеку... Матушка-бы теперь и не узнала... Ну, до свиданія.

Рождественцевъ ловко сдѣлалъ полъ-оборота и отошелъ, держа руку у козырька.

— Славный, славный юноша,—сказалъ вслѣдъ ему Бряновъ.

— Только у этого славнаго юноши,—мрачно проворчалъ Ящинскій, — мундиръ не по формѣ застегнутъ да волосы отрасли... Лишь изъ-за тебя не распекъ, Бряновъ, его, какъ слѣдовало...

— Э, дружище, послѣзавтра, немного попозже, чѣмъ сейчасъ, не до формы будетъ...

— Такъ то послѣзавтра, а сегодня все въ порядкѣ должно быть... А съ такихъ, какъ этотъ твой вольноопредѣляющійся вдвойнѣ спросъ долженъ быть: ихъ никто не звалъ, сами пришли, такъ на поблажку нечего расчитывать.

Бряновъ только рукой махнулъ и ничего не отвѣтилъ. Ящинскій заговорилъ съ Грегора-Швили, и скоро всѣ трое увлеклись своей бесѣдой.

Кораловъ и Рождественцевъ, между тѣмъ, быстро шагали къ лагерю пластуновъ. Сергѣй чувствовалъ, что слова Ящинскаго сильно обидѣли его. То, что считалъ онъ подвигомъ, прямо въ глаза ему назвали „мальчишествомъ“. Это выраженіе задѣло за живое юношу. Товарищъ добродушно подсмѣивался надъ нимъ и его огорченіемъ.

— Вотъ, мы имъ покажемъ „мальчишество“!—воскликалъ Кораловъ,—только бы въ бой попасть, а бѣленькіе крестики у насъ ужъ будутъ... Кровью своей заслужимъ ихъ...

Сергѣй упорно молчалъ. Такъ Кораловъ и проговорилъ одинъ, пока они ни дошли до пластунскаго лагеря. Совсѣмъ ничего похожаго не было здѣсь на лагерь пѣхотинцевъ. Ни одной палатки не виднѣлось вокругъ. Двѣ-три пластунскія бурки, накинутыя на воткнутыя въ землю и связанныя вверху палки, замѣняли для этихъ молодцовъ палатку. Сами они, какъ попало, въ живописныхъ позахъ разлеглись и разсѣлись вокругъ нихъ прямо на голой землѣ. Кто чистилъ ружье, кто портняжилъ, зашивая порванную одежду, кто просто съ трубкой въ зубахъ лежалъ и смотрѣлъ въ далекое небо.

— Ишь ты, русскіе черкессы какіе!—проворчалъ Кораловъ.—Тоже вояки въ лаптяхъ!

И здѣсь уже его знали. Сергѣй только удивляться могъ, когда успѣлъ его товарищъ познакомиться съ пластунами, только что пришедшими на сборный пунктъ.

— А что, дяденька, „комаря“ не будетъ?—спросилъ Алексѣй, лукаво подмигивая, у одного изъ знакомцевъ.

Тотъ засмѣялся.

— Проваливай, круподеръ! Ишь ты, чего захотѣлъ!—добродушно заговорилъ пластунъ.—Будто только у насъ и дѣла, что „комаря“ играть!

— А мы было пришли, вотъ, товарищу интересно взглянуть, онъ—москаль, и никогда вашаго комаря не видывалъ...

— Такъ приткнитесь, гдѣ хотите, можетъ быть, кто изъ молодыхъ ребятъ и надумаетъ позабавиться... Товарищъ-то у тебя изъ бариновъ...

— Какъ-же! Господская косточка...

— Вотъ, они дѣла-то... Митрій, а Митрій!—крикнулъ пластунъ,—хочешь въ комаря?..

Окликнутый началъ было отказываться, но нѣсколько словъ, сказанныхъ шепотомъ, убѣдили его. Нашелся и третій охотникъ до своеобразно забавной пластунской игры, и комарь составился. Сейчасъ-же около играющихъ

собрался кружокъ. Всѣ глаза съ видимымъ любопытствомъ слѣдили за игрой, то одобряя болѣе увертливаго, то зло насмѣхаясь надъ неловкимъ.

Пластунскій „комарь“ состоитъ въ томъ, что двое играющихъ становятся въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга. Одинъ изъ нихъ прикрываетъ ладонью руки правую щеку, другой лѣвую; свободныя руки они держатъ наотмашь. Третій играющій помѣщается между ними. Онъ складываетъ ладони рукъ раковиной и черезъ нея подражаетъ губами жужжанью комара. Держа руки у рта и жужжа, онъ приближается къ одному изъ товарищей и, улучивъ мгновеніе, бьетъ его по рукѣ, прикрывающей щеку. Товарищъ долженъ отвѣтить на ударъ ударомъ по папахѣ, но непремѣнно только въ тотъ моментъ, когда рука „комара“ отведена ото рта. Много надо ловкости, чтобы поймать нужный моментъ и отплатить вертлявому „комару“, легко перебрасывающемуся отъ одного играющаго товарища къ другому.

Мрачное настроеніе Рождественцева прошло при видѣ этихъ большихъ дѣтей, увлекшихся до того игрой, что казалось, будто, кромѣ „комаря“, ничего не существуетъ на свѣтѣ для нихъ. Прошелъ ихъ есаулъ, пѣхотинцы замѣтили его и сдѣлали фронтъ, пластуны-же даже и не увидѣли своего начальника. Веселый хохотъ такъ и несся надъ ихъ становищемъ. Въ самый разгаръ игры Кораловъ тихо дернулъ Сергѣя за рукавъ:

— Пойдемъ-ка, миленькій,—шепнулъ онъ,—пусть ихъ себѣ стараются.

Они тихонько вышли изъ круга. Пластуны такъ и не видѣли ихъ.

— Лихой народъ эти бородачи,—сказалъ Кораловъ,—ишь, вѣдь, какъ разошлись...

— Словно дѣти!—улыбнулся Рождественцевъ, припоминая сіяющія восторгомъ и увлеченіемъ густо порос-

шія бородами лица,—вотъ, интересно бы взглянуть на нихъ въ бою.

— Храбрости, говорятъ, они безпримѣрной... Однако, спѣшимъ въ роту, голубчикъ, совсѣмъ темнѣетъ, не опоздать бы на перекличку.

Но они поспѣли какъ разъ во-время и благополучно успѣли стать на свои мѣста. Фирсовъ ласково посмотрѣлъ на своего юнаго товарища и какъ бы въ знакъ привѣтствія ласково замахалъ ему головой.

— Усталъ, баринокъ,—шепнулъ онъ ему,—а у меня новость есть, да ужь какая важная-то!

— Что такое, Степанъ Ивановичъ?

— Ужо скажу и то подъ великимъ секретомъ, чтобы никому не дохнуть... даже этому твоему пріятелю господину Коралову, а то онъ разнесетъ...

Солдатъ говорилъ это съ такимъ таинственнымъ видомъ, что въ Рождественцевѣ вдругъ загорѣлось любопытство.

Кончилась перекличка, за ней барабаны пробили „вечернюю зорю“, пропѣто было „Отче нашъ“, и солдатики правильными группами стали расходиться по палаткамъ.

У самой палатки Фирсовъ потянулъ Рождественцева за руку.

— Ну, что у васъ такое, Степанъ Ивановичъ, говорите-же?—спросилъ Сергѣй.

— А то, баринокъ мой, — торжественно, шепотомъ отвѣчалъ тотъ:—что наша четырнадцатая дивизія въ самую первую голову за Дунай тронется. На то мы и въ Зимницу идемъ!

— Да, быть этого не можетъ! — воскликнулъ внѣ себя отъ изумленія Сергѣй.—Девятый криденеровскій корпусъ отъ Сяки на Никополь переправляется... Откуда вы узнали это?

— Слухомъ земля полнится, баринокъ мой милый, вотъ что! Его высокоблагородія полковника Якубовскаго,

нашего дивизіоннаго штаба начальника, денщикъ мнѣ кумомъ приходится, а тотъ съ денщикомъ его превосходительства начальника третьей саперной бригады генерала-маіора Рихтера закадычный пріятель... Они-то уже все знаютъ... Такъ, вотъ, они ко мнѣ приходили и разсказывали. Слышь ты, нашъ дивизіонный Михайло Ивановичъ Драгомировъ всей переправой командовать будетъ... вотъ оно какъ!.. Только ты потерпи — никому не словечка, я и тебѣ, баринокъ, сказалъ по уваженію моему, такъ ты меня не выдай.

XI.

У Дуная.

БЕЗПОКОЙНО провелъ эту ночь Сергѣй. Извѣстіе, сообщенное Фирсовымъ, несказанно поразило его. Сонъ летѣлъ прочь отъ его глазъ. Мысли такъ и роились въ его головѣ. Сердце то замирало, то вдругъ начинало сильно-сильно биться...

Такъ вотъ она, вотъ желанная минута, желанный вихрь, который долженъ или унесть въ могилу, или вдругъ прославить его имя... И какъ незамѣтно подкралась она! Никто не ожидалъ, никто и не ждетъ... Вотъ Кораловъ груститъ и досадуетъ, а не знаетъ того, что всѣ эти слухи о переправѣ русскихъ войскъ на Никополь только военная хитрость, придуманная для того, чтобы

отвлечь вниманіе непріятеля отъ главнаго пункта... Самъ Драгомировъ командуетъ переправой... Переправа у Зимницы... Что тамъ, напротивъ, на томъ турецкомъ берегу?— Рождественцевъ сталъ припоминать сперва карту береговъ Дуная, потомъ и свои наблюденія.—Ахъ, да! На томъ берегу дрянненькій городишко Систово... А берегъ-то какой высокій въ этомъ мѣстѣ! Прямо горы... Турки внизъ прямо по головамъ стрѣлять будутъ... какъ только вскарабкаться придется?.. Много, охъ, много тутъ православныхъ воиновъ костьми ляжетъ.

Сергѣй такъ и заснулъ, скорѣе — забылся подъ впечатлѣніемъ такихъ своихъ мыслей. И во снѣ онѣ не оставляли его. Ему грезилось, какъ онъ выскочилъ изъ пантона на берегъ. Сверху съ гребня систовскихъ высотъ свинцовымъ градомъ сыплются турецкія пули. Товарищи замялись и смутились. Вдругъ въ это время откуда-то появился штабсъ-капитанъ Ящинскій. — „Мальчишество! Молодо-зелено!“ — кричитъ онъ и громко и насмѣшливо хохочетъ.—„Я вамъ, капитанъ, покажу сейчасъ мальчишество,—кричитъ ему въ отвѣтъ Сергѣй...—Товарищи, за мной впередъ, умремъ за мать-Россію!“—и словно какая-то невидимая сила поднимаетъ его на гребень. Сергѣй самъ слышитъ, какъ онъ кричитъ „ура“. Кругомъ него смуглыя горбоносыя лица; всюду, какъ море крови, краснѣются турецкія фески, десятки штыковъ направляются къ его груди; Сергѣй кричитъ: „Мальчишество“, „ура“, и кидается на нихъ...

Легкіе толчки заставили Рождественцева открыть глаза. Лежавшій рядомъ Фирсовъ приподнялся на локтѣ и, будя, трясъ его.

— Рано больно, баринокъ милый, „ура“ закричалъ, турка еще далече-далече, — добродушно смѣется солдатикъ,—ребятъ нашихъ только переполошилъ...

Рождественцевъ слышитъ, какъ ворчатъ разбуженные его кошмарнымъ бредомъ товарищи.

— Ахъ, такъ это только сонъ былъ! — воскликнулъ онъ.

— Вѣстимо, не явь!—шепчетъ Фирсовъ.—Настоящая-то явь опосля будетъ...

Внезапное чувство радости овладѣло Сергѣемъ. Даже во снѣ смерть показалась ему ужасною... Онъ живъ, онъ живъ! Какъ хороша жизнь! Юношѣ вдругъ захотѣлось плакать, смѣяться, кричать. Порывъ восторга всецѣло овладѣлъ имъ. Не помня себя, Сергѣй вдругъ кинулся на грудь Фирсову, обнялъ его и, уткнувшись лицомъ въ плечо солдата, тихо зарыдалъ...

— Баринокъ, родименькій! — растерялся тотъ. — Да что съ тобою, кормилецъ, приключилося? Вѣрно, сонъ какой страшный привидѣлся... Ишь ты, какъ растревожился.

— Сонъ, Степанъ Ивановичъ, сонъ...

— Не перекрестился, видно, на сонъ грядущій... Ну, полно, родименькій, полно! Перестань, нешто солдаты плачутъ? Уймись-же! Неравно товарищи услышатъ, бѣда—засмѣютъ!

Сергѣю было хорошо-хорошо у этой широкой груди, въ которой билось простое любящее русское сердце. Голосъ Фирсова даже и въ темнотѣ звучалъ нѣжной, такъ и проникавшей въ душу, лаской. Рождественцевъ почувствовалъ, что тихій покой нисходитъ на него; сердце забилось ровнѣе, и судорожный спазмъ пересталъ сжимать горло.

— Степанушка, родной мой,—шепталъ онъ,—спасибо, спасибо тебѣ, братъ мой милый!

— А за что спасибо?—удивился Фирсовъ.

— За ласку твою сердечную, за теплоту твою душевную... Ободрилъ ты меня... Сонъ мнѣ такой приснился, увидѣлъ я, будто турки меня на штыки приняли...

— Вотъ оно что! То-то ты, миленочекъ, такъ „уру“ и вопилъ...—покачалъ Фирсовъ головой.—А ты не бойся...

Старые люди говорятъ, что сны такіе какъ разъ наоборотъ выполняются въ явѣ. А смерти испугался, такъ это ничего. Каждый человѣкъ постоянно о своемъ смертномъ часѣ долженъ думать... А у насъ, христолюбивыхъ воиновъ, онъ, часъ-то нашъ смертный, почитай, у каждаго на носу. Ничего! Такого испуга ты не стыдись... Думай, какъ въ бой пойдемъ, что смерть мимо пройдетъ, вотъ и не страшно будетъ... Вѣдь, ты не одинъ около смерти будешь; поди, вся наша первая бригада тутъ будетъ... То-то и оно!

— Да перестаньте вы!—раздался съ противоположной стороны палатки сердитый окликъ.—Дня на васъ что-ли нѣтъ, сороки этакія! Трещатъ-трещатъ — забыться не даютъ!

— Тс... миленочекъ, и въ самомъ дѣлѣ прикурнемъ до барабана... Это—Савчукъ, строгій солдатъ! Разсердился онъ на насъ... Лягъ-ка, подремли...

Ласковый-ли шепотъ Степана, или взрывъ неожиданнаго рыданья успокоили расходившіеся было нервы Рождественцева; только едва онъ опустилъ голову, подложивъ подъ нея руку, какъ глаза его сомкнулись и онъ на этотъ разъ крѣпко и покойно заснулъ.

Выработавшаяся за время службы привычка заставила Сергѣя проснуться какъ разъ во-время. Товарищи уже не спали и подсмѣивались надъ Фирсовымъ за его ночную бесѣду. Фирсовъ добродушно отшучивался, нисколько не обижаясь на товарищей. Въ каждой походной палаткѣ помѣщалось по шести солдать, на обязанности которыхъ лежала и переноска своихъ палатокъ въ разобранномъ на шесть частей видѣ. Товарищами Рождественцева по взводу, кромѣ сердитаго хохла Савчука, были молодые солдаты: Николай Мягковъ, Иванъ Епифановъ, коренные великороссы, и Юрій Юрьевскій, попавшій въ полкъ изъ сѣверо-западнаго края. Всѣ они вмѣстѣ составляли четвертое отдѣленіе своего взвода, и ихъ отдѣленнымъ началь-

никомъ былъ строгій и суровый, но только съ виду, а не на самомъ дѣлѣ, ефрейторъ Василій Савчукъ.

Хохолъ слышалъ рыданія и понялъ, можетъ быть, по-своему состояніе души юнаго вольноопредѣляющагося. По крайнѣ мѣрѣ, онъ, лишь только замѣтилъ, что Рождественцевъ не спитъ, сейчасъ-же остановилъ зубоскаливщихъ товарищей. Опять эта деликатность тронула Сергѣя, и всѣ эти люди, собравшіеся въ этотъ далекій край съ разныхъ уголковъ Россіи, показались ему такими хорошими, такими добрыми, что ему невольно захотѣлось обнять и расцѣловать ихъ, какъ цѣловалъ онъ въ порывѣ своемъ добряка-Фирсова.

Пробилъ барабанъ; сразу засуматошился весь лагерь. Отрядъ немедленно выступилъ по направленію къ Зимницѣ. Какое-то особенное настроеніе вдругъ овладѣло всѣми людьми. Прежней вялости, съ какой они дѣлали недавно переходы, не было теперь и слѣда. Всѣ были оживлены, всѣ были бодры, веселы, словно въ Зимницѣ ждалъ ихъ давно ожидаемый праздникъ.

Улучивъ минуту, Рождественцевъ подошелъ къ Коралову, принадлежавшему къ другому отдѣленію того-же взвода.

— Видишь, на Дунай идемъ!—сказалъ онъ ему.

— Да что толку-то въ этомъ? — возразилъ тотъ. — Одно только развѣ—новыя мѣста посмотрѣть, а стоять все равно гдѣ, что въ Букарестѣ, что здѣсь, что въ Зимницѣ.

— Ишь, нетерпѣливый!

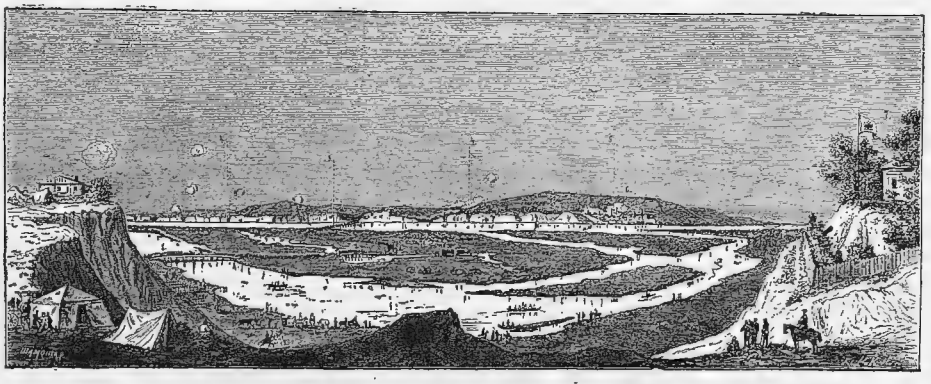
— Будешь нетерпѣливымъ... Я уже хлопотать началъ, какъ бы въ девятый корпусъ въ Архангелогородскій полкъ перевестись...

— Да развѣ можно?

— Умѣючи, все можно... Здѣсь, хоть вѣкъ стой, ничего не выстоишь...

Рождественцевъ улыбнулся. Ему очень хотѣлось по-

дѣлиться съ пріятелемъ своимъ секретомъ, но онъ промолчалъ, увѣренный такъ-же, какъ и Фирсовъ, что Кораловъ не утерпитъ и разнесетъ извѣстіе повсюду. Сергѣй понималъ, что съ такого рода слухами нужно было быть какъ можно осторожнѣе. Румынія такъ и кишѣла турецкими шпіонами, не только что собиравшими свѣдѣнія о передвиженіяхъ войскъ, но даже иногда отравливавшими водопои, откуда бралась вода для лошадей. Шпіоны были всюду, и сохранить какой-либо планъ втайнѣ было дѣломъ чрезвычайной трудности. Впрочемъ, Рождественцевъ успокоивалъ себя тѣмъ соображе-



Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Зимницы. Видъ изъ главной квартиры.

ніемъ, что это движеніе ихъ отряда на Зимницу не возбудитъ вниманія — слишкомъ часто передвигались такіе отряды, казалось, совершенно безцѣльно, съ одного мѣста на другое...

Одинъ за другимъ бодро, весело выступали части отряда, раздѣленнаго для этого послѣдняго перехода на три эшалона. Пройти приходилось всего шестьдесятъ верстъ. Дорога была не трудная; только мѣстами кое-гдѣ стояла не высохшая еще грязь.

Въ первое время перехода пока еще не чувствовалось усталости; у всѣхъ и на языкѣ, и на умѣ былъ приказъ

начальника дивизіи, прочтенный по полкамъ. Солдатики такъ восхитились имъ, что затверживали нѣкоторыя мѣста приказа наизусть. Дорога, такимъ образомъ, шла незамѣтно. Версты такъ и мелькали одна за другой. Первая бригада, оставивъ Бею въ два часа пополудни, къ ночи уже была около Зимницы. Въ городъ не вошли, а расположились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Ночь приходилось провести, какъ попало, прямо на сырой землѣ; строго запрещено было разбивать палатки, разводить костры. Офицеры всѣ оставались при своихъ частяхъ. Какъ пришли, такъ всѣ и повалились — усталось взяла свое. Да и зависть не брала за сердце. Послѣ первой бригады къ Зимницѣ подошли стрѣлки, пластуны, донцы и двѣ горныя батареи. И они расположились такъ же, какъ и ихъ пришедшіе въ ночь товарищи: безъ палатокъ и костровъ, прямо на голой землѣ. Всѣмъ приходилось только подремать до разсвѣта; о томъ, чтобы уснуть, нечего было и думать.

Едва забрежжился свѣтъ, Кораловъ разбудилъ Сергѣя. Лицо пріятеля поразило Рождественцева необыкновенной для него серьезностью.

— Слушай-ка, слушай! Знаешь что?—шепоткомъ говорилъ онъ. — Къ дивизіонному потребовали командира Волынскаго полка и всѣхъ батальоныхъ..

— Ну, такъ что-же? — спросилъ Сергѣй.

— Какъ что? Пятый часъ утра только... Зачѣмъ?

Сергѣй улыбнулся.

— Рождественцевъ! Да что ты? Ты что-то знаешь, скрываешь?—замѣтилъ, наконецъ, улыбку пріятеля Кораловъ. — Скажи, что?

— Да только то, что ты напрасно нашу четырнадцатую дивизію назвалъ несчастливою!..

— Господи! Да развѣ... да быть не можетъ... — совсѣмъ спутался Алексѣй. — Рождественцевъ, дружище, да говори... Что такое? Чего томить...

— Отстань... Что я могу знать? Такъ, по соображеніямъ, говорю... Пойдемъ лучше къ Дунаю...

— Нельзя, не пустятъ...

— Какъ такъ? Почему?

— Не приказано... Купаться не пускаютъ, даже лошадей къ Дунаю на водопой не приказано водить... Ой, чувствую, затѣвается что-то...

Рождественцевъ, однако, черезъ фельдфебеля выпросилъ позволеніе для себя и пріятеля отлучиться къ берегу. Онъ уже видѣлъ Дунай, но теперь ему хотѣлось посмотрѣть еще разъ на него, на его берегъ, который такъ скоро долженъ былъ ороситься русскою кровью.

М. И. Драгомировъ.

Кораловъ не совсѣмъ вѣрно сообщилъ Сергѣю о приказѣ не ходить на берегъ. Солдатъ отпускали, но только небольшими группами. У Зимницы уже въ теченіе нѣсколькихъ дней стоялъ пѣхотный Брянскій полкъ, и турки съ праваго берега могли ежедневно видѣть купающихся въ Дунаѣ русскихъ солдатъ. Генералъ Драгомировъ не желалъ только, чтобы на правомъ берегу узнали объ увеличеніи зимницкаго отряда новыми полками.

Несмотря на то, что къ Зимницѣ сошлись уже всѣ три части драгомировскаго отряда, никакого движенія незамѣтно было въ городкѣ. Тишина стояла невозмути-

мая, какъ будто не было здѣсь этихъ тысячъ людей. Мало кто попался на пути обоимъ юношамъ. Они прошли черезъ Зимницу и очутились на крутомъ обрывѣ, внизу котораго раскинулась широкая низина, не просохшая еще послѣ недавняго половодья. Два большихъ и довольно широкихъ протока перерѣзывали ее. Одинъ какъ-бы опоясывалъ Зимницу со стороны Дуная, другой, начинаясь почти что у самаго города, соединялъ первый съ Дунаемъ, впадая въ него противъ узкаго, но длиннаго острова, покрытаго довольно густымъ лѣсомъ. Нѣсколько ниже былъ виденъ другой, раскинувшійся почти посрединѣ рѣки. Эти острова были Бужиреску и Адда.

Сердце Рождественцева билось, когда онъ глядѣлъ съ высоты обрыва на противоположный берегъ.

Настоящими горами казались издали надбрежныя высоты. Онѣ вздымались больше чѣмъ на версту надъ русломъ и заканчивались гребнемъ; подъемъ на него шелъ неровно. Сама природа укрѣпила это мѣсто. Отъ берега высились бугры, одинъ другого выше; ихъ раздѣляли обрывистые овраги. Въ Дунай эти высоты падали отвѣсной стѣной; только узенькая песчаная отмель раздѣляла ихъ отъ волны. Нѣсколько ниже острова Адды берегъ разрывался устьемъ рѣченки Текиръ-дере. Разрывъ этотъ чернѣлся издали какимъ-то зіяющимъ ущельемъ. За Текиръ-дере холмы начинали расти и расти. Такъ они, то поднимаясъ, то понижаясь, шли до острова Вардена, у котораго былъ турецкій лагерь. Въ трехъ верстахъ отъ устья Текиръ-дере, выше по Дунаю, бѣлѣлся Систовъ, притихшій, замершій въ эти тревожные дни. Подъ Систовомъ видны были еще высоты — „Систовскія“, какъ назывались онѣ. Ихъ покрывали зеленымъ уборомъ виноградники, сады, мелкій кустарникъ.

— Видишь? — воскликнулъ въ порывѣ Рождественцевъ, схвативъ за руку пріятеля и указывая ему на противоположный берегъ.

— Вижу! Ничего... Поди, у васъ на Волгѣ такихъ горушекъ и въ поминѣ нѣтъ! — отозвался Кораловъ, къ которому вернулось его обычное веселое расположеніе духа.

— Перестань... не время шутить!—оборвалъ его Сергѣй. — Можетъ быть, сегодня, можетъ быть, завтра, всѣ эти скаты, обрывы, кручи покраснѣютъ отъ русской крови... Смотри на нихъ, любуйся; кто знаетъ, можетъ быть, ты или я будемъ лежать тамъ, корчась въ смертныхъ конвульсіяхъ... Любуйся!

— Какъ? Что ты? — вскричалъ Кораловъ, — развѣ здѣсь?

— Здѣсь!—глухо отвѣтилъ Сергѣй.

— Быть не можетъ! А Сяка, а Никополь?

— Военная хитрость...

— Постой, нѣтъ! Ты вѣрно знаешь?

— Думаю, что вѣрно... Здѣсь... Здѣсь у Систова... Все уже рѣшено...

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! — развелъ руками и даже присѣлъ Кораловъ. — Ловко! Поздравляю васъ, Алексѣй Петровичъ, съ Георгіемъ! — раскланялся онъ самъ передъ собой.

— Шутъ! — даже отвернулся отъ него Рождественцевъ, на котораго непріятно подѣйствовала эта выходка.

— Кто это шутъ? Я? Ошибаетесь, милый другъ! Шутъ не я, а Абдулъ-Керимъ-паша, турецкій главнокомандующій, который сидитъ теперь въ Рущукѣ да свой кальянъ покуриваетъ... Онъ—шутъ... Я кое-что слышалъ. Наши казачки на тотъ берегъ лазали и языка оттуда привели... Такъ тотъ разсказывалъ, будто сердарь-экремъ этотъ самый объявилъ, что у него скорѣе волосы на ладони вырастутъ, чѣмъ русскіе у Систова Дунай перейдутъ... Если только ты не врешь, такъ его турецкія ручки должны лапами стать... А то я шутъ!

— Перестань, не нужно... Не такой часъ... Что будетъ, если намъ не удастся высадиться?..

— Полно! — беззаботно махнулъ рукой Кораловъ. — Какъ не удастся? Приказано, стало быть, удастся. Должно удаться. Мы—русскіе солдаты, а въ приказѣ нашего дивизіоннаго сказано, что отступленія для насъ нѣтъ... Стало быть, удастся все, какъ по-писанному... А все-таки очень интересно было бы послѣ переправы посмотрѣть на этого Абдула-Керима-пашу... Вѣрно, онъ перчатки надѣнетъ, да такъ ихъ и снимать не будетъ.

X.

Драгомировскій приказъ.

ОСПОДИ силъ, съ нами буди! Инаго бо развѣ Тебе помощника во скорбяхъ не имамы!

Изъ десятка тысячъ солдатскихъ устъ рвутся эти слова... Голоса дрожатъ и срываются... Молитва то и дѣло переходитъ въ громкій лепетъ:

— Господи силъ! Помилуй насъ!..

Пѣснопѣніе обрывается и смолкаетъ; тишина нѣмая на полѣ за Зимницей. Откуда-то издалека чуть-чуть слышны какіе-то заглушенные вѣтромъ удары. Это съ русскаго берега бомбардируютъ справа Ни-

кополь, слѣва Рущукъ. Пушечные выстрѣлы несутся по водѣ. Наконецъ, и они стихаютъ. Близка ночь.

Безъ словъ расходятся солдатики по своимъ мѣстамъ, гдѣ они наканунѣ ночевали. Лица всѣхъ напряженно серьезны. Куда дѣвалась беззаботная веселость. Не до смѣха теперь, не до шутокъ, близится полная смертной тайны для многихъ ночь...

Головы то и дѣло вздымаются къ небу. Тамъ блѣдная луна. Ея серебристый свѣтъ мягко льется сквозь наступившую темноту. Солдатскіе взгляды, обращенные къ ней, смотрятъ далеко не дружелюбно...

— Чего высунулась-то,—тихо шепчетъ, разговаривая самъ съ собой, молоденькій солдатикъ Мягковъ, — чего! что ей нужно? Такая ночь... У—каиновъ ликъ!

Мягковъ воспоминаетъ, что на лунѣ — пусть тамъ ученые господа говорятъ, что хотятъ, а на деревнѣ старики баютъ вѣрно—не горы тамъ какія-то, а самъ братоубійца Каинъ помѣстился.... На землѣ—старики баяли—какъ убилъ онъ своего брата Авеля, мѣста ему не хватало, вездѣ Божье око до него достигало, вотъ, онъ на луну и перебрался, да и засѣлъ тамъ на тысячи-тысячъ годовъ... На всякія подлыя дѣла потому луна способна. Вотъ, теперь, спрятаться-бы ей тамъ, чтобы и помину ей не было, а она выплыла да и свѣтитъ во всѣ лопатки...

Солдатикъ чувствуетъ, что въ этотъ моментъ онъ ненавидитъ эту томную красавицу ночи. И не одинъ онъ посылаетъ ей свои проклятія. Поди, въ этотъ вечеръ самъ Михайло Ивановичъ Драгомировъ не разъ взглядывалъ съ досадой и тревогой на небо. Не въ одинъ десятокъ человѣческихъ жизней обойдется Россіи это кроткое серебристое мерцанье. Этою ночью должно свершиться великое дѣло, кровавое дѣло... Къ разсвѣту, самое позднее къ утру незыблимо твердо должна стать православная святая Русь на томъ турецкомъ берегу. И успѣхъ или неудача—все зависитъ отъ луны. Ея свѣтъ можетъ вы-

дать не во время переправу. Ужъ не въ союзѣ-ли съ турками ночное свѣтило?

Но размышлять, раздумывать времени нѣтъ, пусть хотя само солнце восходитъ среди ночи, русскіе и при его блескѣ все-таки пойдутъ за Дунай...

Главнокомандующій переправой спускается къ протоку, опоясывающему Зимницу. Тамъ у того мѣста, гдѣ вытекаетъ соединительный протокъ, идетъ безшумная работа. Понтонеры и саперы уже спустили на воду паромы, плоты, понтоны и одинъ за другимъ отводятъ ихъ по широкому протоку въ Дунай. Ни одного звука не слышится, даже распоряженія начальствующихъ передаются шепотомъ, а работа кипитъ.

Здѣсь время пролетаетъ незамѣтно. Нѣтъ тоски томительнаго ожиданія, некогда даже и о лунѣ думать, одна забота, какъ бы уставить паромы да понтоны такъ, чтобы изъ-за острова Бужиреску они не выдвигались—выдвинутся, турки замѣтятъ, пропало дѣло!

Въ батальонахъ, которые назначены за Дунай въ первую очередь, люди истомились, изнервничались...

— Чего глазищи-то на̀ небо пялишь,—вдругъ накидывается на Мягкова строгій Савчукъ,—мѣсяца что-ли не видалъ? Нѣтъ въ тебѣ того, чтобы приказъ его превосходительства твердить. Отвѣтствуй, если ты услышишь, и не токмо услышишь, увидишь, что рядомъ нашъ собственный барабанщикъ отбой вдаритъ, что тогда?

— Впередъ пойду, словно бы и не слыхалъ...

— Почему? Развѣ ты смѣешь начальства не слушаться?

— Въ приказѣ сказано, если отбой или отступленіе будутъ поданы, не вѣрить. Такого сигнала не будетъ, это обманъ отъ непріятеля!—бойко отчеканиваетъ Мягковъ.

— Молодца!—А ты, Епифановъ,—оборачивается строгій ефрейторъ къ сосѣду Мягкова,—ну-ка, скажи кто твой начальникъ?

Солдатикъ задумывается и выпаливаетъ:

— Его превосходительство генералъ-маіоръ Драгомировъ, а есть которые и повыше его!..

— Мордва сѣрая,—шипитъ злобно Савчукъ,—ужъ если бы не такое время было!.. Фирсовъ! Кто твой начальникъ?

— А вы, дяденька Василій Андреевичъ, вы мой отдѣленный начальникъ будете, — отвѣчаетъ тотъ.

— Такъ! Молодца: я! А у меня начальство взводный, у взводныхъ полуротный... А что ты будешь дѣлать, скажи мнѣ, другъ любезный, если мы, вотъ, Дунай перейдемъ, а меня, твоего начальника убьютъ, а? Ну-ка?

Фирсовъ отвѣчаетъ, не думая.

— Перекрещусь на упокой души, коли успѣю, а самъ на турку полѣзу, не мѣшкая.

— Такъ! А если я не убитъ буду, а раненъ... Ты идешь, я тебя жалобненько молю: „голубчикъ ты мой Степанъ Ивановичъ, помоги ты мнѣ, смерть моя приходитъ, отнеси къ сторонкѣ“.

— Слушать не буду, — твердо отвѣчаетъ Фирсовъ, на то у насъ санитары есть, а я долженъ свое дѣло помнить и врага ничтожить.

— Такъ! Такъ! Дѣло! Твердо приказъ знаешь... Эй, Юрьевскій! Какъ должно сражаться съ туркомъ?

— Держись кучи, выручай другъ дружку — будетъ хорошо! — отвѣчаетъ солдатикъ словами драгомировскаго приказа. — Стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди впередъ и Богъ наградитъ тебя побѣдою.

— Вѣрно, братъ, твердо вызубрилъ! Одинъ Епифановъ опростоволосился... Да, ребята, твердо помнить, что приказано, пока на водѣ будемъ, умри, а не стрѣляй. Во мракѣ отъ выстрѣла огонекъ блеснетъ, анъ турокъ и замѣтитъ, куда ему палить... Тебѣ же самому хуже будетъ.

Рождественцевъ съ любопытствомъ прислушивался къ этимъ отвѣтамъ. Драгомировскій приказъ поражающе

ПЕРЕПРАВА РУССКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ У ЗИМНИЦЫ 15 іюня 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

дѣйствовалъ на этихъ простыхъ людей. Съ ними говорили вполнѣ понятнымъ имъ языкомъ. Не было иностранныхъ мудреныхъ словъ, смыслъ которыхъ совсѣмъ терялся для русскаго простолюдина. Когда на вечерней зорѣ послѣ „Отче нашъ“ согласно приказу запѣли „Господи силъ“, это прекрасно подѣйствовало на людей. Имъ уже было извѣстно, что за ночь ждетъ ихъ, и обращеніе къ Богу успокоило въ нихъ вполнѣ понятную нервность и волненіе.

— Баринъ, — обернулся къ Рождественцеву Савчукъ, — у тебя часы, глянь-ко, сколько времени?

— Одиннадцатый въ началѣ.

— Охъ, рано еще... хоть бы поскорѣе... Тоска смертная...

Савчукъ широко зѣвнулъ и перекрестилъ лобъ. Въ молчаніи прошло нѣсколько минутъ.

— Отдѣленные! Людей поднимай, капитанъ! — пронеслось тихо отдаленное приказаніе. — Тише только!

Но солдаты сами повскакали на ноги и быстро построились въ шеренги. Къ нимъ шелъ ихъ капитанъ Солонинъ.

— Ребята, сейчасъ мы пойдемъ къ Дунаю, а тамъ, дастъ Богъ, попадемъ и за Дунай... Слушайся своихъ начальниковъ и дѣлай безъ мудрствованій свое дѣло. Убьютъ—бояться нечего. Кто въ честномъ бою убитъ, за того церковь молитъ; кто живымъ останется, тому слава, слава и слава! Покажите себя, ребята! Перейдемъ Дунай благополучно и войнѣ скорый конецъ... Опять миръ настанетъ и всѣ вы по домамъ вернетесь... Не сдавай турку, молодцы... Помни, самъ государь будетъ свидѣтелемъ вашихъ подвиговъ. Передъ нимъ себя лицомъ не ударьте.

Государю Императору только поздно вечеромъ 14 іюня стало извѣстнымъ о переправѣ отъ Зимницы на Систово. Это было для него совершенною неожиданностью. Госу-

дарь такъ-же, какъ и другіе былъ увѣренъ, что переправа пойдетъ отъ деревни Сяки на Никополь, который уже въ теченіе трехъ дней яростно обстрѣливался русскими батареями. Императорская квартира была расположена въ это время въ деревушкѣ Драча и окружавшая государя многочисленная свита также была увѣрена, что переправа будетъ произведена у Никополя.

Капитанъ Солонинъ быстро прошелъ по рядамъ. Для каждаго изъ солдатиковъ онъ находилъ доброе, привѣтливое, полное одобренія слово. Голосъ его звучалъ нѣжною лаской. Люди чувствовали, что смущеніе, тоска окончательно начинаютъ проходить.

Обойдя ряды, Солонинъ подошелъ къ старику, увѣшанному медалями еще за Севастополь, фельдфебелю Рыбакову, и на глазахъ всѣхъ солдатъ обнялъ его.

— Всѣхъ васъ обнимаю и цѣлую въ его лицѣ! — громко сказалъ онъ и, вдругъ мѣняя тонъ, скомандовалъ:—Стройся! По-взводно!..

Мгновенно развернувшаяся шеренга сомкнулась въ взводы; унтеръ-офицера заняли мѣста.

Кругомъ нихъ происходило то-же самое. Строились другія роты, соединялись въ батальоны; стрѣлковыя роты выдѣлились впередъ.

Въ первую очередь переправы назначены были первый и второй баталіоны и всѣ стрѣлковыя роты Волынскаго полка, сотня пластуновъ, шестьдесятъ донскихъ казаковъ 23-го полка и вторая горная батарея. Всего въ первую очередь переправлялось около $2^1/_2$ т. человѣкъ; общее начальство надъ первымъ десантнымъ отрядомъ было поручено командиру волынцевъ, полковнику Родіонову. Переправлялись на понтонахъ, изъ которыхъ каждый поднималъ отъ 30 до 45 пѣхотинцевъ. На каждый понтонъ назначено было шесть—восемь гребцовъ при двухъ рулевыхъ.

Всѣми главными распоряженіями по спуску и проводу

на Дунай и черезъ него понтоновъ распоряжался начальникъ инженеровъ ген. Деппъ,

Отъ мѣста стоянки за Зимницей до мѣста посадки на понтоны отрядъ долженъ былъ пройти по береговой низинѣ, гдѣ кое-какъ наскоро была устроена дорога, да перекинуто два моста черезъ глубокія промоины.

Словно тѣни какія, двигались, безъ шума, безъ разговоровъ роты и батальоны къ дунайскому берегу. Только одинъ разъ радостный шепотъ пронесся по рядамъ. Луна измѣнила своему союзнику — турецкому полумѣсяцу. Неожиданно поднявшійся съ низовьевъ Дуная вѣтеръ нагналъ тучи и небо укуталось въ нихъ; наступила темь, даже Дуная не было видно; слышались только всплески его волнъ.

Рождественцевъ шагалъ бодро. Ничто теперь не волновало его. Всѣ мысли, всѣ невольные страхи ушли куда-то; Сергѣю казалось, что онъ пересталъ уже жить, что вмѣсто него явился какой-то совсѣмъ иной человѣкъ, совсѣмъ иной, у котораго съ прежнимъ Сергѣемъ Рождественцовымъ не было ничего общаго.

Безшумно подошелъ отрядъ къ берегу Дуная. Мѣсто для посадки въ понтоны выбрано было, какъ нельзя болѣе удачно. Поросшій лѣсомъ длинный узкій островъ Бужиреску совершенно укрывалъ собою ту часть лѣваго берега, гдѣ вытянулись готовые къ рейсу понтоны. Тьма сгустилась еще болѣе; съ праваго берега не доносилось ни одного звука.

На небольшой площадкѣ у самой воды подходившій отрядъ встрѣтилъ генералъ Драгомировъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ капитанъ генеральнаго штаба, великій князь Николай Николаевичъ младшій [29]), и генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й. Послѣдній вмѣстѣ съ командиромъ первой бригады, г.-м. Іолшинымъ [30]) шелъ за Дунай охотникомъ.

Тихо, безъ суеты и торопливости разсаживались люди въ понтонахъ. Былъ въ исходѣ уже второй часъ ночи, когда генералъ Драгомировъ, обнажилъ голову и дрогнувшимъ слегка голосомъ довольно громко сказалъ:

— Съ Богомъ, молодцы!

XI.

На турецкомъ берегу.

ВЗДОХЪ вырвался изъ сотенъ грудей, когда матросъ-рулевой на первомъ головномъ понтонѣ ловко оттолкнулся отъ берега и утлое парусинное суденышко закачалось на волнахъ Дуная.

— Господи, благослови, не попусти, помилуй,—тихо зашептали солдатики, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

„Не попусти, помилуй, Господи! Вѣдь, на смерть, на разстрѣлъ идемъ“!—не въ одной головѣ пронеслась гнетущая мысль.

Да! Безропотно, просто, только съ молитвой и вѣрою въ святость дѣла шли эти люди на вѣрную смерть...

Имъ выпало на долю принять на себя первые вражескіе выстрѣлы, первыми обагрить своею кровью турецкую землю. И никто, никто изъ нихъ не думалъ о величіи подъятаго на себя подвига. Все просто у русскаго солдата, все просто, искренне; нѣтъ у него ничего напускного; нѣтъ разсужденій: приказано—и все...

Святая величественная простота, простота истинныхъ героевъ!

Тихо всплескивалась вода Дуная подъ сотнями веселъ. Спустя полчаса послѣ того, какъ отвалилъ отъ берега первый понтонъ, отошелъ уже и послѣдній съ горной артиллеріей. Вытянувшись въ линію, огибали суденышки остроконечную косу острова Бужиреску. Теченіе здѣсь было совсѣмъ незамѣтно. Понтоны держались ровно, точь въ точь, какъ указано имъ. Головной понтонъ ушелъ впередъ далѣе всѣхъ. Когда тотъ понтонъ, гдѣ было отдѣленіе, къ которому принадлежалъ Рождественцевъ, огибалъ оконечность Бужиреску, до слуха людей тихо донеслись среди ночной тьмы восклицанія:

— Прощайте, братцы! Будете въ царствѣ небесномъ, помолитесь за насъ грѣшныхъ!

Солдаты нервно вздрогнули; нѣкоторые схватились было за ружья.

— Не тревожься,— тихо крикнулъ взводный унтеръ-офицеръ Егоръ Пановъ, — тамъ свои, брянцы засѣли въ кусты.

Островъ Бужиреску былъ еще засвѣтло занятъ двумя ротами Брянскаго полка, прикрывшими отъ турокъ работы понтонеровъ. Остальныя его роты, какъ только началъ темнѣть, незамѣтно выбрались на дунайскій берегъ и расположились вмѣстѣ съ сорока орудіями противъ устья Текиръ-дере, готовые и ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ поддерживать переправу товарищей.

И за Бужиреску все шло благополучно. Сравнительно тихое здѣсь теченіе позволяло идти ровно, безъ промед-

леній; шумъ и вой вѣтра заглушалъ удары веселъ и всплески воды.

Послѣ Бужиреску пришлось огибать островъ Адду. Тутъ плыть уже было труднѣе. Около Адды всюду отмели. Теченіе стало замѣтнымъ; понтоны начало сносить. У самой Адды головной понтонъ, а за нимъ два парома съ артиллеріей сѣли на мель.

— Бѣда! Сноситъ!—зашептались солдаты.—Ишь ты, какое волненіе вѣтеръ развелъ... Не выгрести!

— Знай, помалкивай, теперь мы люди рѣшенные! — отвѣчали товарищи, — одно слово, стрѣлки!

Сергѣй услыхалъ тяжкій вздохъ около себя. Его сосѣдъ Мягковъ тяжело задышалъ и тихо всхлипнулъ.

— Чего вы, Никòля? — ласково спросилъ онъ солдатика, чувствуя, что какъ-нибудь нужно ободрить его.

— По деревнѣ взгрустнулось, Сергѣй Васильичъ!— прошепталъ Мягковъ.—Поди, Сонька моя, жена-то, спитъ съ Васюткой нашимъ и во снѣ не видитъ, что мы тутъ дѣлаемъ... Ихъ жалко стало...

Новый вздохъ, Мягковъ хотѣлъ сказать еще что-то.

— Нишкни! — прошипѣлъ сзади него Савчукъ.—Дыханіе затаи, не только языкъ, не видишь что-ли, турки близко...

Лишь только прошли Адду, и тронулись на перерѣзъ волнамъ, въ темнотѣ вырисовались чернѣвшимся издали пятномъ надбрежные холмы праваго берега. Тамъ все было тихо; берегъ казался словно вымершимъ, а между тѣмъ нельзя было думать, чтобы турки не раскинули вдоль него по крайней мѣрѣ цѣпи часовыхъ. Развѣдки выяснили, что около устья Текиръ-дере есть турецкая караулка, откуда турки наблюдали за русскимъ берегомъ. Тамъ непремѣнно должны быть часовые, а между тѣмъ на турецкомъ берегу все еще царило гробовое молчаніе.

На главномъ руслѣ Дуная, лишь только вышла туда флотилія, сразу спутанъ былъ весь порядокъ. Теченіе

здѣсь было такъ сильно, что только случай одинъ могъ донести понтоны до устья Текиръ-дере, куда они были направлены. Рулевые ничего не видѣли въ темнотѣ и правили наугадъ. Нечего было и думать пристать всѣмъ разомъ; понтоны разбрелись по Дунаю и спѣшили только добраться до берега — гдѣ это теперь было уже все равно.

Рождественцевъ чувствовалъ, какъ замираетъ его сердце по мѣрѣ того, какъ понтонъ подходилъ къ берегу. Привыкшіе уже къ темнотѣ глаза различали впереди двигавшіяся темныя пятна—передовыя понтоны.

„О Господи, скорѣе-бы! Поскорѣе-бы все это кончалось,—думалъ онъ,—одинъ-бы конецъ, хотя-бы смерть да поскорѣе“...

Онъ чувствовалъ, какъ то и дѣло нервно вздрагивалъ прижавшійся къ нему плечо къ плечу Мягковъ, а тогда, когда понтонъ покачивался, въ его спину толкался и каждый разъ что-то сопѣлъ ефрейторъ Савчукъ. Другой сосѣдъ Рождественцева Фирсовъ, какъ вошелъ въ понтонъ, такъ и не обмолвился ни однимъ словомъ.

— Степанъ Ивановичъ,—тихо шепнулъ онъ, — скажите, страшно вамъ?

— Нѣтъ, баринъ, чего же? Зачѣмъ теперь страхъ?— также тихо отвѣтилъ Фирсовъ. — Мы теперь не свои—а Божьи.

— Чего вы молчите? Хотя бы словечко...

— Молюсь я, баринъ, какъ же безъ молитвы можно на такое дѣло... Чу!

Среди темноты на турецкомъ берегу вдругъ сверкнулъ, какъ далекая-далекая звѣздочка, огонекъ, щелкнулъ одиночный ружейный выстрѣлъ.

Опять словно шумъ вѣтра пронесся надъ Дунаемъ тихій-тихій шепотъ:

— Началось!...

Вслѣдъ за первымъ одиночнымъ выстрѣломъ опять,

ВЫСАДКА СТРѢЛКОВЪ НА ТУРЕЦКІЙ БЕРЕГЪ.

Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

какъ далекія звѣздочки, замелькали огоньки. Они то вспыхивали по десяткамъ сразу, то поодиночкѣ. Противная ружейная трескотня все усиливалась и усиливалась. Очевидно, пока стрѣляли только еще одни прибрежные сторожевые посты.

Вдругъ съ трескотней турецкихъ ружей слилось, заглушая ее, русское „ура"... Прошла минута другая—„ура" загремѣло уже въ другомъ мѣстѣ, потомъ въ третьемъ... Въ это время понтонъ, гдѣ былъ Рождественцевъ, приткнулся къ береговой отмели. Не дожидаясь команды, спрыгнули солдатики въ воду прямо и побѣжали по отмели...

Было около трехъ часовъ утра...

Первою подошла и приткнулась къ берегу 1-я стрѣлковая рота. Она не попала въ устье Текиръ-дере. Выбрались стрѣлки выше по Дунаю. Сперва они безпорядочной толпою сбились подъ почти отвѣсной береговой кручей. Но смущеніе, овладѣвшее было ими, быстро исчезло.

— Не топчись на мѣстѣ, за мной, ребята! — закричалъ командовавшій ротою штабсъ-капитанъ Остаповъ и, цѣпляясь за выступы и камни, полѣзъ на кручу.

Подсаживая другъ друга, карабкались за нимъ его стрѣлки поодиночкѣ. Кто былъ выше, подавалъ нижнему товарищу руку. Вспомнили о полаткахъ. Тамъ были веревки. Верхніе, утвердившись на какомъ-нибудь выступѣ, скидывали ихъ внизъ и товарищи, придерживаясь за нихъ, вскарабкивались на высоты. У кого были топоры, кирки, или что-либо изъ шанцевого инструмента, взбирался, цѣпляясь имъ, за что попало. Грянуло мощное ура—стрѣлки благополучно взобрались на надбрежную кручу...

— Разсыпься, двигайся цѣпью,—командовалъ Остаповъ,—впередъ, къ Систову...

Стрѣлкамъ уже навстрѣчу несся свинцовый градъ. Турки опомнились. Ихъ пули зажужжали, какъ огромные

пчелиные рои. Они стрѣляли, не цѣлясь и заботясь только о томъ, какъ бы побольше выпустить зарядовъ въ надеждѣ, что въ массѣ пуль многія достигнутъ своей цѣли. Уже нѣсколько стрѣлковъ, обливаясь кровью, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ, упало, но остальные, припадая, приподнимаясь и стрѣляя, бѣжали впередъ. Уже повсюду вспыхивало, какъ пороховые взрывы, то тамъ, то тутъ „ура". Вслѣдъ за ротою Остапова выбралась на берегъ сотня пластуновъ. Словно кошки, сгорбившись, съежившись, шмыгнули въ своихъ мѣховыхъ буркахъ эти молодцы и засѣли на кручи въ полверстѣ отъ берега. Почти у самаго устья Текиръ-дере высадилась третья стрѣлковая рота. Въ разбродъ подъ пулями вскарабкались удальцы на гребень. Ихъ капитанъ Фокъ, едва поднявшись на высоту, кинулся на турецкую караулку, около которой онъ очутился съ нѣсколькими десятками своихъ людей. „Ура" русскихъ и отчаянное „Алла" турокъ слились вмѣстѣ. Нѣсколько минутъ длился отчаянный рукопашный бой. Турки были выбиты изъ караулки. Только теперь вспомнили они о сигнальномъ шестѣ и въ послѣднюю свою минуту успѣли поджечь его. Среди сѣроватой мглы разсвѣта загорѣлся раздуваемый вѣтромъ огненный столбъ; со стороны Систова загремѣли турецкія пушки.

Бой разгорался.

Внизу на рѣкѣ все было въ полномъ хаосѣ. Притыкались на береговую отмель понтоны въ разныхъ мѣстахъ. Солдаты выскакивали на берегъ и первое время безпомощно топтались на мѣстѣ. Въ это время сверху, съ высоты сыпался на нихъ свинцовый градъ. Все спуталось, перемѣшалось, но все-таки люди не пришли въ безпорядокъ, помнили, что имъ нужно дѣлать, куда идти. Подва, по-трое вскарабкивались они на кручи. Передовые гибли, задніе стрѣляли, прикрывшись ихъ трупами, и ползли вверхъ. Люди валились, какъ подкошенные, еще не добравшись до турокъ. На глазахъ Рождественцева

мрачный штабсъ-капитанъ Ящинскій, что-то крикнувъ своей всходившей ротѣ, вдругъ смѣшно замахалъ руками, запрокинулся всѣмъ корпусомъ назадъ и рухнулъ на острые камни. Сергѣй въ первыя мгновенія не понялъ, что съ нимъ. Онъ равнодушно обошелъ Ящинскаго и со штыкомъ на перевѣсъ кинулся впередъ въ низину оврага, по которому тихо струился Текиръ-дере. Справа высился отвѣсной стѣной обрывъ, слѣва берегъ оврага былъ отлогій. Отсюда слышалось и ура и какой-то гомонъ. Рождественцевъ понялъ, что налѣво свои, и кинулся туда. Какой-то прапорщикъ, Сергѣевъ, какъ оказалось послѣ, громко кричалъ, зовя за собой роту убитаго Ящинскаго. Сергѣй, даже не соображая, что это не его рота, примкнулъ къ сбиравшимся около смѣлаго прапорщика солдатамъ. Они не удивились увидя его среди себя, и Рождественцевъ не удивился, очутившись между чужими. Солдаты неистово орали и стрѣляли впередъ, даже не цѣлясь. Черезъ мгновеніе они очутились на лѣвомъ скатѣ оврага, около засѣвшихъ тамъ своихъ. Это были стрѣлки Фока. Притулившись кое-гдѣ за камнями, они стрѣляли изъ-за нихъ по туркамъ. Раздалась команда и соединившіяся части съ ура ударили на правый окопъ въ штыки. Напрасно. Турки тамъ оградили себя непроницаемой стѣной изъ пуль. Русскіе валились одинъ за другимъ, не отходя назадъ, но и не подвигаясь впередъ. Къ нимъ кинулась поддержать только что вскочившая въ оврагъ съ берега послѣ выхода какая-то рота. Рождественцевъ разглядѣлъ только одно — впереди ея былъ подпоручикъ Грегора-Швили. Юношѣ невольно припомнилась ихъ встрѣча въ лагерѣ въ Бею, ласка, улыбка молодого офицера; ему захотѣлось еще разъ взглянуть на него, онъ обернулся въ сторону пробѣжавшей роты и уже не увидѣлъ Грегора-Швили. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ за моментъ до того, кучкой лежало нѣсколько труповъ, шевелившихся еще въ предсмертныхъ судорогахъ. Рота же была отбро-

шена и турки съ высоты праваго откоса на выборъ разстрѣливали обреченныхъ на смерть людей.

„Конецъ! Всѣ здѣсь ляжемъ! Матушка, матушка, прощай“!—подумалъ Сергѣй.

Въ самомъ дѣлѣ вырваться изъ этого ада и нечего было думать. Впередъ не было возможности пробраться. Проливень изъ пуль смелъ-бы передъ собой все живое. Одно еще было счастьемъ для русскихъ, что турки оказывались плохими стрѣлками. Они стрѣляли, какъ попало, не цѣлясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ они подавляли горсточку русскихъ людей своимъ большинствомъ. Откуда-то издали раздался турецкій гомонъ. Къ туркамъ подходило подкрѣпленіе — изъ Вардена бѣжали поднятые по тревогѣ таборы. Участь сбившихся въ оврагѣ русскихъ перемѣшавшихся ротъ была рѣшена—на правый откосъ, гдѣ были турки, имъ не было возможности взобраться.

— Чего стоишь? Иди помирать! — крикнулъ кто-то около Рождественцева.

Онъ оглянулся и увидалъ унтеръ-офицера своего взвода Панова. Лицо солдата было блѣдно, въ то же время потъ катился по нему. Нѣсколько позади Панова онъ увидалъ и скорѣе догадался, чѣмъ узналъ своего же капитана Солонина. Мундиръ его былъ разорванъ, правая перебитая рука болталась, повиснувъ вдоль туловища, все лицо было въ крови; въ лѣвой рукѣ былъ револьверъ.

— Братцы, голубчики, рабы Божіе!—хрипло кричалъ Солонинъ, — идите умирать скорѣй... Два раза не жить..

Онъ смолкъ и присѣлъ. На мѣстѣ праваго глаза вдругъ показалось кровавое пятно.

— Капитана порѣшили!—взвыло съ десятокъ голосовъ.—Идемъ, ур-ра!

Рождественцевъ чувствовалъ, какъ какая-то невѣдомая сила толкнула его впередъ прямо подъ этотъ свинцовый градъ. Глаза его заволоклись словно туманомъ какимъ. Крикъ, шумъ, гомонъ, выстрѣлы ружей, громы-

ханье пушекъ—все слилось вмѣстѣ. Онъ примѣтилъ только промелькнувшаго передъ собой Савчука и кинулся вслѣдъ за нимъ впередъ на правый откосъ оврага. Вверху за камнями, въ клубахъ порохового дыма, краснѣлись турецкія фески, сверху отъ нихъ неслось теперь радостное ура.

XII.

Morituri.

КОГДА Рождественцевъ очнулся, то понялъ, что стоитъ на гребнѣ праваго откоса. Турокъ не было. Сколько прошло времени, много-ли, мало-ли, что произошло — Сергѣй ничего не помнилъ. Какъ случилось, что изъ ложбины русскіе перенеслись на верхъ, на обрывъ ската—онъ тоже не помнилъ. Одно только онъ чувствовалъ теперь—усталость; руки и ноги, словно свинцомъ были налиты; въ головѣ шумѣло; глаза плохо глядѣли впередъ. Онъ оглянулся. Кругомъ, цѣпью раскинулись свои.

„Турокъ, стало быть, вышибли“, —совершенно равнодушно подумалъ онъ.

Сергѣя даже не интересовало теперь, какъ это случилось.

Въ тотъ моментъ, когда отчаявшіеся совсѣмъ солдаты перемѣшавшихся стрѣлковыхъ и линейныхъ ротъ кинулись изъ лощины на высоты праваго ската оврага, по туркамъ, уже начавшимъ ихъ оттуда разстрѣливать чуть что не на выборъ, вдругъ ударили двѣ картечныя гранаты. Разорвавшись и обдавъ низамовъ своими осколками, онѣ смутили ихъ, перепугали неожиданностью своего появленія. Турокъ особенно ободряло до сихъ поръ то, что съ русской стороны не слышно было пушекъ. Турецкіе стрѣлки, увѣренные неприступностью позиціи въ своей безопасности, вели бой правильно, не нервничая, не торопясь даже. Имъ было извѣстно, что русскихъ всего горсть. Какимъ-то образомъ они узнали, что ихъ стрѣлкамъ на берегу пулями удалось потопить понтонъ-паромъ съ русскими пушками, но они не знали того, что погибшій понтонъ-паромъ былъ не одинъ-единственный.

Дѣйствительно, погибъ простр ѣленный пулями въ подводную часть понтонъ только съ двумя орудіями горной баттареи. Никто не успѣлъ спастись съ него. Погибли командиръ батареи, подполковникъ Стрѣльбицкій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ, подпоручикъ Тюбертъ и десять артиллеристовъ. Но въ то время, когда ихъ приняли въ свои пучины дунайскія волны, къ турецкому берегу присталъ другой понтонъ съ двумя пушками. Подпоручикъ Лихачевъ, бывшій на понтонѣ, принялъ командованіе баттареей. Онъ или замѣтилъ, или угадалъ, гдѣ нужна его помощь. Солдаты артиллеристы на рукахъ втащили пушки на крутизны и ихъ гранаты во-время поддержали обезумѣвшихъ стрѣлковъ, помогли имъ взобраться на кручу и даже согнали оттуда турокъ.

Было уже свѣтло. Разсвѣтъ снялъ покровъ ночи съ

кроваваго ужаса. Бой, безпорядочный, но въ то же время безусловно правильный по своимъ конечнымъ стремленіямъ, шелъ въ трехъ мѣстахъ. Въ глубинѣ берега по теченію Текиръ-дере русскіе уже укрѣпились и не подпускали къ себѣ турокъ, тутъ-же то и дѣло кидаясь, шли на нихъ пластуны и полторы линейныхъ роты волынцевъ. Слѣва по теченію рѣки, со стороны Систова сдерживали турокъ перемѣшавшіеся остаповскіе стрѣлки и линейцы. Справа къ Вардену, гдѣ были стрѣлки изъ роты капитана Фока, присоединившаяся къ нимъ 3-я стрѣлковая рота и перемѣшавшіеся между собой линейцы, было самое опасное мѣсто. Сюда направлялись главные удары турокъ, сюда же шли таборы ихъ изъ Варденскаго лагеря. Отступать отсюда русскимъ было некуда — позади нихъ былъ оврагъ, овладѣть которымъ имъ удалось только цѣною крови и жизни товарищей. Здѣсь имъ приходилось или умереть всѣмъ до послѣдняго или во что бы то ни стало отбить турокъ. Помощи ждать, по крайней мѣрѣ въ это время, имъ было неоткуда. Правда, въ резервѣ еще были двѣ роты на берегу у кручъ, но люди ихъ были заняты дѣломъ, отъ котораго нельзя было ихъ оторвать— они съ лихорадочной поспѣшностью работали надъ устройствомъ подъема для тѣхъ товарищей, которые уже плыли черезъ Дунай съ того берега. Оставались еще донцы— ихъ съ первой десантной очередью явилось на турецкій берегъ шестьдесятъ человѣкъ, но ихъ нигдѣ не было видно. Какъ только молодцы выскочили на турецкій берегъ, ихъ сейчасъ услали на Рущукскую дорогу уничтожить тамъ телеграфную линію.

Нѣсколько минутъ отдыха привели въ себя только что пережившихъ ужасы неминуемой смерти людей за оврагомъ Текиръ-дере. Они вздохнули свободно, оглядѣлись и, такъ сказать, на самомъ дѣлѣ сжились съ опасностью и ожиданіемъ неминуемой смерти. Мало того, они сами собою стали сбиваться въ „товарищества“, какъ ука-

зывалъ имъ въ своихъ приказахъ ихъ дивизіонный. Пооглядѣвшись, люди перемѣнились мѣстами—свой становился поближе къ своему и опомнившійся, наконецъ, Рождественцевъ увидѣлъ около себя почти все свое отдѣленіе. Савчукъ, Мягковъ, Фирсовъ, Юрьевскій стояли тутъ-же около него и къ нимъ прибились еще два солдатика-линейца, которыхъ Рождественцевъ не зналъ. Не было только между ними Епифанова.

Сергѣй смотрѣлъ на товарищей и не узнавалъ ихъ. Были какіе-то совсѣмъ новые люди, совсѣмъ не тѣ, которыхъ онъ, вотъ, уже столько мѣсяцевъ видѣлъ изо-дня-въ-день, изъ-часа-въ-часъ. Какія-то особенныя были у нихъ лица: строгія, серьезныя и въ то же время просвѣтленныя. Савчукъ тяжело дышалъ, сжимая стволъ своего бердана. Мундиръ на немъ весь былъ располосованъ и висѣлъ лохмотьями, кепки на головѣ не было. Мягковъ, блѣдный, чему-то все время улыбался и что-то бормоталъ про себя. Тщедушный Юрьевскій вздрагивалъ весь отъ нервнаго волненія и брезгливо отиралъ перепачканныя въ крови руки о полы тоже ободраннаго мундира.

Рождественцевъ вздрогнулъ, увидя окровавленныя руки товарища, и съ ужасомъ взглянулъ на свои. Онѣ были чисты. Онъ кинулъ взглядъ на штыкъ — чуть замѣтная грязь и налетъ покрывалъ его...

„Неужели-же я убилъ кого-нибудь? — пронеслась въ головѣ юноши мысль—о, Господи, да какъ же это“?

Тщетно онъ старался припомнить что-нибудь — память молчала. Все покрывалъ какой-то туманъ. Что произошло въ тѣ минуты, которыя прошли до того, какъ Рождественцевъ увидѣлъ себя на гребнѣ откоса — пропало изъ головы.

— Господи силъ, съ нами буди! — услыхалъ онъ около себя, и оглянулся.

Это былъ Фирсовъ. Солдатъ, придерживая лѣвой

рукой ружье, правой крестился. Увидавъ на себѣ взглядъ Сергѣя, онъ указалъ ему впередъ передъ собой.

Ожило все впереди. Густою цѣпью на жалкую горсть русскихъ двигались турецкіе пѣхотинцы. Ихъ ружья щелкали, сыпя пули. Турки не рѣшались все еще перейти въ аттаку и сбросить противниковъ въ оврагъ. Они предпочитали разстрѣливать ихъ издали. Свѣжіе батальоны подходили со стороны Вардена. Очевидно было, что турки предполагали всей массой кинуться на русскихъ и задавить ихъ тутъ, обезсиливъ прежде своимъ огнемъ.

— Иного бо развѣ Тебѣ помощника въ скорбѣхъ не имамы,—пѣлъ въ полголоса Фирсовъ,—Господи силъ, помилуй насъ!

Рождественцевъ усмѣхнулся

„Ave Caezar! Morituri te salutant!“ *) — припомнилось ему восклицаніе шедшихъ на смерть гладіаторовъ древняго Рима.

Что-же развѣ они не „morituri“, не „обреченные на смерть“? Всѣ, всѣ они лягутъ здѣсь. Въ цѣпи уже всюду прорывы. Тамъ, гдѣ они видны, копошатся раненые. Стоны ихъ смѣшиваются съ выстрѣлами. Побѣдное „алла“ турокъ все растетъ и растетъ, звучитъ все громче и громче— Русскіе подались назадъ,—не было болѣе силъ выдерживать свинцовый градъ.

Съ ужасомъ оглядывались назадъ солдаты. Оглянулся и Сергѣй. Позади чернѣлся оврагъ. Сейчасъ, вотъ-вотъ, сейчасъ сбросятъ туда всѣхъ ихъ наступавшіе враги, охватившіе эту горсть обреченныхъ на смерть людей со всѣхъ сторонъ. Тамъ, на днѣ оврага, все будетъ кончено. Тамъ наступитъ послѣдняя минута для тѣхъ, кто не погибнетъ здѣсь... Послѣдній мигъ... Ужасный мигъ!

---

*) Здравствуй, цезарь! Обреченные на смерть тебя привѣтствуютъ.

Вдругъ Рождественцевъ вздрогнулъ. Неподалеку затрещалъ барабанъ. Сергѣй не вѣрилъ ушамъ: барабанъ билъ сигналъ аттаки...

„Не съ ума-ли Фокъ сошелъ? какая аттака“?— промелькнула было мысль въ головѣ Сергѣя.

Но это было всего одно мгновеніе. Не громкое уже „ура“—мало оставалось людей—понеслось навстрѣчу наступавшимъ туркамъ. Стрѣлки и линейцы со штыками наперевѣсъ кинулись имъ сами навстрѣчу, не дожидаясь, когда подойдутъ къ нимъ враги.

Все перемѣшалось. Рождественцевъ подымалъ ружье, ударялъ впередъ штыкомъ, кричалъ, самъ не слыша своего крика. Ему теперь было все равно. Бой опьянилъ его. На его глазахъ распластался лицомъ въ землю Мягковъ. Савчукъ, повернувъ ружье прикладомъ впередъ, размахивалъ имъ, какъ дубиною, сыпя направо и налѣво тяжелые удары. Только одинъ разъ Сергѣй почувствовалъ — не увидѣлъ, а почувствовалъ, — что его штыкъ вошелъ во что-то мягкое—„словно въ подушку!“ — тогда же подумалъ Рождественцевъ,—что онъ встрѣтилъ на своемъ пути. Сергѣй увидѣлъ замахавшія передъ нимъ по воздуху руки, ясно разслышалъ чей-то болѣзненный вопль. Онъ отвѣтилъ на него хриплымъ „ура“, но даже и не дотянулъ его. „Ура“ оборвалось. Какая-то тупая противная боль вдругъ охватила его голову. Все передъ глазами: турки, свои, холмы, небо, земля закружилось, зашаталось, закричало такъ, что Сергѣй болѣе не могъ держаться на ногахъ и упалъ. Онъ чувствовалъ, какъ давятъ его спину чьи-то тяжелыя ноги; сознаніе оставило его и въ то мгновеніе, когда исчезалъ послѣдній проблескъ сознательной мысли, онъ услыхалъ новое ура, громкое, мощное, побѣдное...

Это подоспѣло подкрѣпленіе.

Когда на надбрежныхъ высотахъ турецкаго берега начался бой, скрываться русскимъ на лѣвомъ берегу

уже было нечего. Загремѣли и ихъ пушки. Мѣсто посадки солдатъ на понтоны перенесено было версты на двѣ ниже. Очереди всѣ были нарушены. Какъ только приходилъ съ праваго берега освободившійся понтонъ, сажали людей и отправляли на тотъ берегъ. Первыми пошли сводная рота почетнаго конвоя и третій батальонъ волынцевъ.

Былъ четвертый часъ утра, когда на правый берегъ отправлены были эти части. Уже разсвѣло настолько, что плывшіе понтоны ясно видны были на поверхности рѣки. Съ Систова и Вардена въ нихъ полетѣли турецкія ядра и гранаты. Въ то время, когда они были уже на половинѣ пути, изъ-за острова Вардена показался турецкій военный пароходъ. Онъ шелъ прямо на понтоны, съ очевиднымъ намѣреніемъ потопить ихъ. Двѣ русскія батареи, однако, заставили его уйти обратно и укрыться въ Варденскомъ рукавѣ. Сводная рота и волынцы успѣли благополучно пристать около устья Текиръ-дере.

Ихъ высадку замѣтилъ капитанъ Фокъ и двинулъ остатки своихъ людей на турокъ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе и дать время прибывшимъ взобраться на правый скатъ.

Первая кинулась въ бой сводная рота. Ея ура и слышалъ, теряя сознаніе, Рождественцевъ.

Турки не подались. Грудь съ грудью, штыкъ со штыкомъ схватились враги. Турокъ было много; изъ Вардена къ нимъ шли все новые батальоны.

Бой все разгорался и разгорался...

Въ сводной ротѣ были уже ранены ея командиръ, флигель-адьютантъ, полковникъ Л.-Гв. Преображенскаго полка Озеровъ и Л.-Гв. Гренадерскаго полка поручикъ Поливановъ. И теперь держаться противъ турокъ было трудно. Они давили своею массою. Русскіе не отступали, но и не подвигались впередъ. Были моменты, когда они даже подавались назадъ.

Новое „ура“ загрохотало справа и слѣва бившихся на смерть стрѣлковъ и конвойцевъ. Это кинулись на турокъ волынцы третьяго батальона. Опять все перемѣшалось; турки, русскіе дрались грудь съ грудью.

Впереди оказалась 12-я рота.

— Ребята! Нашихъ бьютъ, не выдавай! — кричалъ командиръ ея, капитанъ Бряновъ.

Онъ опередилъ свою роту и кинулся впередъ. Раз-

Дунайская армія. Общій видъ города Систова, занятаго русскими войсками 15-го іюня.

дался отчаянный вопль смѣнившійся затѣмъ крикомъ ярости. Солдаты увидали своего командира, поднятаго турками на штыки. Они, какъ обезумѣвшіе, кинулись впередъ и гора труповъ выросла на мѣстѣ, обагренномъ кровью храбреца.

Натискъ подошедшихъ волынцевъ былъ такъ стремителенъ, такъ упоренъ, что турки не выдержали и отодвинулись далеко въ сторону. „Morituri“ сдѣлали свое

дѣло. Немного осталось изъ $4^1/_2$ ротъ, бившихся за оврагомъ Текиръ-дере, но они удержали важнѣйшій пунктъ за собой, обезпечивая остальнымъ уже плывшимъ черезъ Дунай товарищамъ устье рѣки, гдѣ они могли высаживаться въ сравнительной безопасности.

XIII.

Побѣдители.

О побѣды все-таки было еще далеко...

Пока весь бой, весь ужасъ боя былъ на правомъ берегу Текиръ-дере. У Систова было сравнительно спокойно. Не было схватокъ грудь-съ-грудью; тамъ турки не рѣшались кидаться на русскихъ. Они засѣли въ своихъ виноградникахъ и сыпали оттуда пулями. Русскіе отвѣчали имъ, но только этимъ и ограничивались. Третій отрядъ, въ глубинѣ берега, тоже оставался спокоенъ; турки и на него не нападали. За то на Дунаѣ, на самомъ Дунаѣ, лилась русская кровь, гибли русскіе люди.

Переправлялись стрѣлки Минскаго полка и его третій линейный баталіонъ.

Отброшенные волынцами отъ оврага Текиръ-дере,

турки укрѣпились въ надбрежныхъ обрывистыхъ скатахъ дунайскаго берега. Каждый подходившій понтонъ они встрѣчали такимъ огнемъ, что отъ падавшихъ въ Дунай пуль „вода кипѣла около понтоновъ“...

Строго-на-строго запрещено было стрѣлять русскимъ во время самой переправы, и приказъ былъ исполненъ. Выстрѣлами съ рѣки могли бы переправлявшіеся или отогнать турецкихъ стрѣлковъ или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ огонь. Но, нѣтъ! Что приказано, то и исполнено. Ни одного русскаго выстрѣла не раздалось съ Дуная.

Великъ солдатъ русскій!..

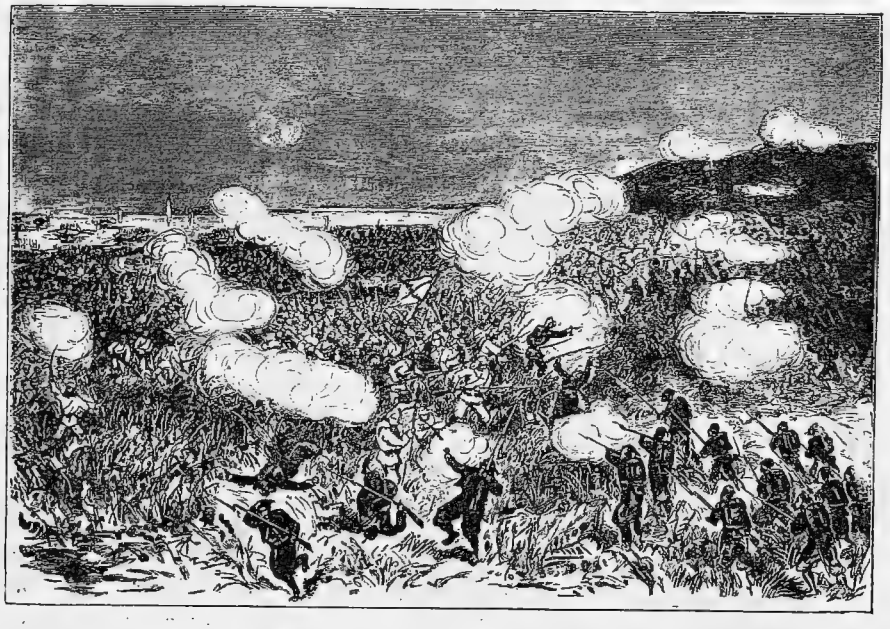
Тихо плыветъ понтонъ. Съ трудомъ выгребаютъ веслами гребцы, преодолѣвая теченіе. Стальной щетиною торчатъ штыки. Пока до праваго берега далеко—все ничего. Но, вотъ, онъ уже близокъ. Льются дождемъ пули. Ихъ не видно. Слышно только ихъ пчелиное жужжанье. Рвутся съ противнымъ шипѣніемъ гранаты, обдавая смерть несущими осколками безмолвныхъ, блѣдныхъ пассажировъ понтона. Понтонъ уже не стремится къ берегу. Онъ, колеблясь, плыветъ, куда несетъ его теченіе. Штыки уже не щетинятся. Они склонились на сторону, какъ склоняются на полѣ побитые градомъ колосья ржи. Мертвецы держатъ ихъ... Турецкія пули смели все живое съ понтона...

Тихо плыветъ другой понтонъ. Онъ только еще отвалилъ отъ берега. Весла мѣрно всплескиваются, погружаясь въ воду. Штыки стоятъ щетиной — правый берегъ далеко еще. Солдаты пока и опасности не видятъ. Вдругъ—тдд-дду-дду—поетъ, рѣжа воздухъ, турецкая граната. Рулевые не расчитали, гдѣ она упадетъ. Крикъ ужаса, вопль предсмертный—граната въ понтонѣ. Взрывъ. Клубы дыма окутываютъ понтонъ. Когда дымъ разсѣялся, только круги идутъ по Дунаю. Понтона нѣтъ—со всѣми своими пассажирами ушелъ онъ подъ сердитыя, холодныя волны...

Три понтона буквально были разстрѣляны *)...

Болѣе всего погибло на тѣхъ понтонахъ, которые сносило теченіемъ ниже устья Текиръ-дере. Тамъ, по выраженію участника переправы, въ русскихъ „не стрѣляли, а разстрѣливали“. На понтонахъ, пристававшихъ выше устья рѣченки, большихъ потерь не было.

Кое-какъ, но сравнительно счастливо, пробрались мимо



Переправа 15 Іюня. Взятіе Систовскихъ высотъ.

рокового мѣста понтоны съ стрѣлками 2-й роты Минскаго полка. Лица солдатъ были желты отъ ярости; губы крѣпко сжаты; глаза такъ и горѣли. На ихъ глазахъ только что погибли разстрѣленные на понтонѣ въ упоръ турками ихъ товарищи. Командовавшій ротой поручикъ Моторный былъ смертельно блѣденъ. Ужасъ сейчасъ лишь пережитой сцены гибели своихъ пробудилъ въ немъ

*) Оффиціальныя свѣдѣнія.

страшную жажду мести. Онъ слышалъ, какъ глухо роптали его солдаты, тоже охваченные пыломъ ярости.

— Ребята! Товарищи гибнутъ! Выбьемъ турокъ!— закричалъ онъ, когда часть его роты, выскочивъ на береговую отмель, укрылась подъ Овружскимъ обрывомъ.

— Выбьемъ, умремъ... выбьемъ!—послышался отвѣтъ.

Около Моторнаго собралось человѣкъ восемьдесятъ. Подошло еще около сорока стрѣлковъ той-же роты, приведенныхъ поручикомъ Донцовымъ.

Эта горсть людей рѣшила пожертвовать собою, чтобы спасти другихъ товарищей отъ неминуемой смерти.

Прикрываясь крутизнами, стараясь ничѣмъ не выдать своего приближенія, вскарабкались минцы на правый берегъ оврага. Тамъ шелъ ожесточенный бой. Маторный не повелъ въ него своихъ. Онъ двинулся къ береговымъ утесамъ, гдѣ засѣли разстрѣливавшіе его однополчанъ турецкіе стрѣлки. Молча, безъ обычнаго даже „ура“, безъ выстрѣла бросились минцы на турокъ.

Для тѣхъ появленіе русскихъ было полною неожиданностью. Разсвирѣпѣвшіе солдаты жестоко отомстили за гибель своихъ. Остатки турокъ разбѣжались въ паническомъ ужасѣ. „Роковое мѣсто“ исчезло. Только очистивъ утесы и кручи отъ враговъ, разразились побѣдители громкимъ побѣднымъ кличемъ и двинулись далѣе вдоль берега, сокрушая остатки турокъ. Имъ на помощь подоспѣли другія роты минцевъ. Поручикъ Лихачевъ успѣлъ перетащить съ лѣваго берега оврага на правый свои пушки—единственныя на турецкомъ берегу. Теперь волынцы и минцы перешли въ наступленіе. Турки отступили, но не прекратили боя. Былъ шестой часъ утра. Въ рукахъ русскихъ было уже 13 верстъ турецкаго берега. Первая бригада 14-й пѣхотной дивизіи была переправлена.

На правый берегъ переѣхалъ главноначальствующій переправой генералъ-маіоръ Драгомировъ. Онъ осмотрѣлъ всѣ позиціи и убѣдился, что ими обезпечивается совер-

шенно переправа для остальныхъ войскъ. Нужно было остановить волынцевъ и минцевъ отъ безполезнаго пока, но истощавшаго ихъ силы и уносившаго людей наступленія на отходившихъ съ боемъ непріятелей. Оказалось, что некого послать къ храбрецамъ за Текиръ-дере — всѣ казаки, эти обычные ординарцы, были разосланы на дорогу между Систовымъ и Рущукомъ.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Тамъ уже прекратился рукопашный бой. Разсыпавшись цѣпью, волынцы залегли на землѣ, то и дѣло переползая впередъ. Отъ турокъ по прежнему градомъ летѣли пули. Всюду на землѣ въ грязи корчились, хрипя, умирающіе, стонали раненые. На поле битвы явились санитары.

Какой-то странный крикъ пронесся по русской цѣпи. Въ немъ слышалось въ одно и то же время и удивленіе, и восторгъ. Солдаты, забывая объ опасности, подымались и смотрѣли во всѣ глаза на молодого красиваго генерала, шедшаго пѣшкомъ вдоль цѣпи. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый китель—единственный въ эту ночь во всемъ отрядѣ, на головѣ его была фуражка подъ бѣлымъ чахломъ. Шелъ генералъ, не торопясь, даже какъ будто умышленно замедляя шагъ. Ему словно нравилось это несносное жужжанье турецкихъ пуль, этотъ рокотъ пу-

шекъ. Онъ равнодушно поглядывалъ по сторонамъ, точно былъ увѣренъ, что не одна пуля не тронетъ его и онъ выйдетъ невредимымъ изъ этого адскаго огня.

Этотъ генералъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Онъ взялся передать войскамъ за оврагомъ приказаніе генерала Драгомирова прекратить наступленіе и только удерживать за собой уже занятыя мѣста, не допуская турокъ прорваться въ четыреугольникъ, образованный русскими позиціями.

Возбуждая восторгъ въ солдатахъ, въ офицерахъ, прошелъ Скобелевъ вдоль всей длинной цѣпи, перестрѣливавшейся съ турками, и ни одна пуля даже не поцарапала его...

Съ тѣхъ поръ создалось мнѣніе въ войскахъ, что Михайло Дмитричъ „отъ ратной смерти заговоренъ“...

Передавъ приказаніе командующаго, Скобелевъ спустился къ берегу, гдѣ высаживались части начавшей переправу второй бригады подъ командою генералъ-маіора Петрушевскаго [31]).

Былъ уже одиннадцатый часъ утра 15 іюня.

Съ двухъ мѣстъ: отъ Систова и Вардена, гдѣ были баттареи у турокъ, обстрѣливали они Дунай. Систовской баттареей, какъ узнали послѣ, командовалъ англичанинъ, артиллерійскій офицеръ, состоявшій на турецкой службѣ. Онъ не только былъ удивленъ, но даже выведенъ изъ себя упорною настойчивостью русскихъ. Разсказывали, что онъ въ гнѣвѣ даже воскликнулъ: „Сколько ихъ не бей, это мужичье все лѣзетъ!“...

„Мужичье“ лѣзло на правый берегъ и гибло на лѣвомъ.

Противъ двухъ турецкихъ баттарей выставлено было сорокъ 9 фунтовыхъ орудій да еще одна баттарея 9-ой артиллерійской бригады. Помочь переправлявшимся артиллеристамъ не было возможности. Турецкой пѣхоты

ВСТРѢЧА РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ СИСТОВѢ.
Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

не обстрѣливали, боясь попасть въ своихъ. Турки въ этомъ отношеніи были свободны. Систовская баттарея не умолкала. Бомбы и гранаты такъ и сыпались на островъ Бужиреску. Съ Варденской баттареи били и по Дунаю и по брянцамъ, окопавшимся на лѣвомъ берегу противъ Текиръ-дере и по славнымъ севастопольцамъ — Елецкому, Сѣвскому, Орловскому полкамъ, готовившимся послѣ переправы всей четырнадцатой дивизіи въ свою очередь перебраться на правый берегъ. Эти полки только-только пришли къ Зимницѣ и, даже не отдохнувъ, готовились къ переправѣ за Дунай.

Выше по Дунаю, на лѣвомъ берегу, около деревеньки Фламунда съ высокаго кургана наблюдали переправу Государь Императоръ и Августѣйшій Главнокомандующій. Государева свита несказанно удивлена была, когда стало извѣстнымъ, что переправляются войска не у Никополя, какъ были всѣ убѣждены, а у Систова.

Въ 9 часовъ утра къ кургану подъѣхалъ командиръ девятаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ [32]) чтобы доложить Главнокомандующему, что къ Сяки до сихъ поръ еще не прислано понтоновъ для переправы его корпуса. Императоръ, услыхавъ это донесеніе, „не говоря ни слова взялъ его за плечи и обернулъ лицомъ къ Систову, гдѣ происходилъ бой; тогда онъ понялъ, что его движеніе было лишь демонстративное *)“.

Переправа второй бригады четырнадцатой дивизіи и четырехъ батальоновъ четвертой стрѣлковой бригады шла быстро. Между берегами уже ходилъ пароходъ „Аннета“ подъ командою капитанъ-лейтенанта Тудера. Войска перевозились на баржахъ.

Теперь оставалось кончить дѣло — взять Систовскія

*) Изданіе Военно-исторической коммисіи Главнаго Штаба; Л. Чичаговъ: «Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.».

высоты, поднимавшіяся надъ надбрежными кручами, выгнать оттуда турокъ и занять Систово.

Неудача обезкуражила защитниковъ Систова. Въ 11 часовъ житомирцы и подольцы пошли на высоты, турки слабо отстрѣливались отъ нихъ и въ два часа дня русскіе были уже на гребнѣ Систовскихъ горъ. Передъ ними былъ Систовъ, весь такъ и утопавшій въ зелени своихъ садовъ. Ярко сверкали на солнечныхъ лучахъ кресты православныхъ храмовъ, слышался радостный колокольный звонъ, на дорогу къ высотамъ вышелъ крестный ходъ...

Дунайская армія.—Встрѣча русскихъ войскъ въ Систовѣ болгарами.

Турки отступали на всѣхъ пунктахъ. Они уходили къ Вардену, Тырново и Рущуку. Русскіе даже не преслѣдовали ихъ... Ихъ главное дѣло было сдѣлано. Они твердо стояли въ Болгаріи, за свободу и спасеніе которой они самоотверженно шли проливать свою кровь.

Въ третьемъ часу дня Систовъ былъ занятъ двумя баталіонами Житомирскаго полка.

Свѣтлымъ праздникомъ былъ этотъ день для болгаръ. Русскихъ солдатъ обнимали, цѣловали. Крестный ходъ встрѣтилъ баталіоны у черты города. Православные священнослужители благословляли пришедшихъ ради дѣла освобожденія православныхъ воиновъ. Почетные граждане, старцы, убѣленные сѣдинами, свидѣтели длиннаго ряда лѣтъ неистовства поработителей-турокъ вышли съ хлѣ-

бомъ-солью. Женщины цѣловали руки офицерамъ; дѣти тянулись къ окровавленнымъ вражеской кровью бойцамъ за ихъ будущую свободу. Дѣвушки бросали подъ ноги солдатъ цвѣты. „Ура“ и „живіо“ не умолкали ни на мгновеніе.

Свершилось великое начало. Болгарская земля была орошена русскою кровью. Трепетали смущенные этой первой рѣшительной побѣдой враги. Султанъ отдалъ подъ-судъ своего сердарь-экрема и систовскаго коменданта.

Потеря русскихъ при переправѣ и затѣмъ въ бою состояла изъ 30 офицеровъ и 782 нижнихъ чиновъ.

XIV.

Въ госпиталѣ.

ГРОМКІЙ говоръ, даже смѣхъ, ясно донесшіеся до слуха Рождественцева, несказанно удивили его. „Кажется, разговариваютъ“,—подумалъ онъ, стараясь разомкнуть словно свинцомъ налитыя вѣки глазъ.

Онъ помнилъ ощущеніе страшной тупой боли въ головѣ, съ которымъ упалъ тогда за оврагомъ Текиръ-дере. Теперь, очнувшись, онъ въ первыя мгновенія не могъ дать себѣ отчета, гдѣ онъ, что съ нимъ, живетъ-ли онъ, или уже умеръ. Голова его страшно, нестерпимо болѣла. Теперь боль была ноющая, обдававшая болевыми ощущеніями весь черепъ. Она на-

чиналась отъ можжичка и расходилась какими то невидимыми лучами къ темени, къ вискамъ, ко лбу. Вѣки глазъ были тяжелы и Сергѣй чувствовалъ, что у него нѣтъ силъ раскрыть ихъ, чтобы оглядѣться вокругъ себя. Однако, онъ все-таки какъ-то ухитрился зашевелиться.

— Лежи, голубчикъ, лежи покойно, родной мой, ради Бога не шевелись!—раздался надъ нимъ ласковый женскій голосъ.

Звуки его поразили юношу.

Голосъ! Голосъ женщины! Стало быть онъ не умеръ, онъ живъ, развѣ мертвецы могутъ что нибудь слышать? Но можетъ быть это голосъ небеснаго ангела?

Съ страшнымъ усиліемъ воли онъ открылъ глаза и увидалъ склонившуюся надъ нимъ съ истинно-заботливой лаской во взорахъ молодую женщину въ бѣломъ головномъ уборѣ и передникѣ, на нагрудникѣ котораго былъ нашитъ красный крестъ.

Это объяснило ему все.

„Сестра! Сестра милосердія, — пронеслась мысль, — стало быть, я въ госпиталѣ? живъ... А что наши? Перешли-ли?“.

Теперь сознаніе окончательно вернулось къ нему. Онъ помнилъ, онъ сознавалъ все—онъ жилъ...

— Ну, вотъ, слава Богу, слава Богу, — говорила сестра, оправляя подушки,—мы теперь очнулись, мы теперь поправимся и опять пойдемъ за вторымъ Георгіемъ...

Она протянула къ Рождественцеву маленькій бѣленькій крестикъ.

— По суду товарищей!—услышалъ Сергѣй,—берите-же, голубчикъ! Или нѣтъ, я сама приколю...

Рождественцевъ изумленно молчалъ.

„Сонъ какой-то все это,—думалъ онъ,—какой Георгій? За что? Товарищи присудили... Да когда-же, когда?.. Вѣдь, онъ только вотъ-вотъ сейчасъ упалъ, оглушенный

по всей вѣроятности турецкимъ прикладомъ, а между тѣмъ—Георгій... За что? За что?...

— Сестра, гдѣ мы?—простоналъ онъ.

— Въ Систовѣ, во временномъ госпиталѣ—послѣдовалъ отвѣтъ,—тутъ и товарищи есть ваши...

— Побѣда, стало быть,—прошепталъ Сергѣй.

— Полная побѣда... Наши уже идутъ къ Тырново... Но будьте покойнѣе... Вамъ не хорошо волноваться...

— Одно еще... Я раненъ?.. Куда?

— Нѣтъ, вы не ранены, голубчикъ, вы были больны... Просто нервная горячка... Теперь поправитесь... Иду, голубчикъ, сейчасъ, родной мой! — крикнула сестра, услыхавъ слабый стонъ сосѣда Рождественцева.

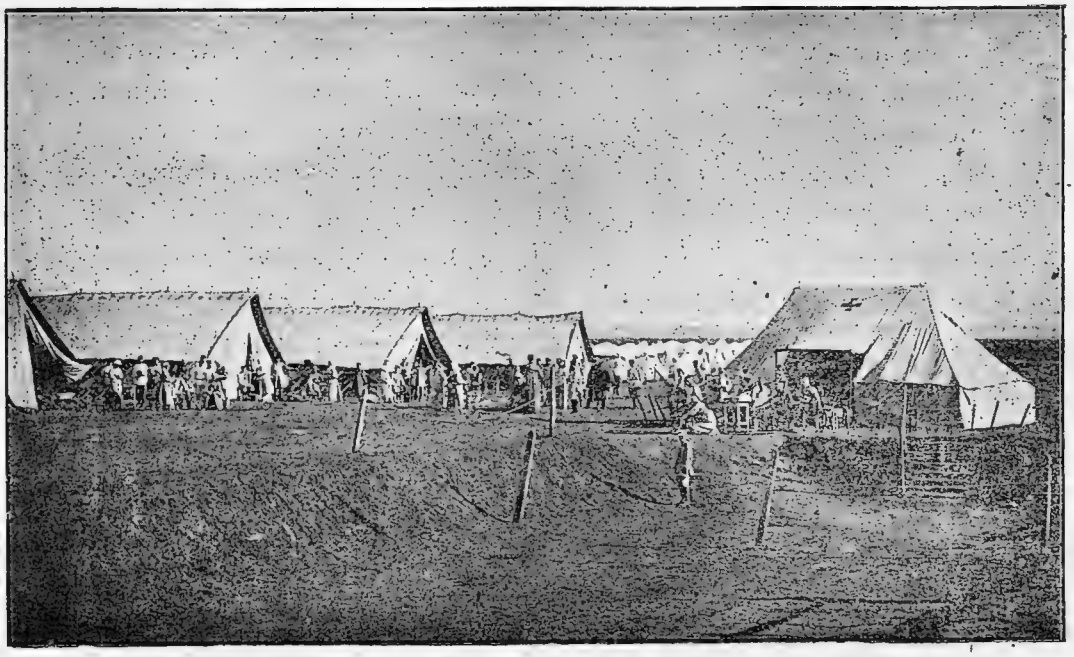
Она отошла, Сергѣй повернулъ съ большимъ усиліемъ голову; небольшая комната была заставлена кроватями. На нихъ въ разныхъ положеніяхъ лежали люди, прикрытые кто сырымъ одѣяломъ, кто просто солдатской шинелью. У однихъ были перевязаны головы, другіе — можно это было замѣтить—были обвязаны по туловищу. Носился противный запахъ іодоформа, пота и крови. Слышны были слабые стоны; изъ одного угла доносилось тяжелое хрипѣнье.

Сергѣй сдѣлалъ движеніе, чтобы приподняться и тутъ замѣтилъ привѣшенный къ его груди бѣлый крестикъ. Словно какая-то сила всколыхнула его. На мгновеніе исчезла болѣзненная слабость. Онъ сорвалъ крестъ съ груди и сталъ смотрѣть на него. Простенькій бѣленькій крестикъ съ изображеніемъ побѣдоносца-воина, поражающаго змѣя. Ленточка двухцвѣтная въ ушкѣ. Только и всего—а между тѣмъ ощущенье необыкновеннаго счастья, чувства радости, гордости, восторга переполнили душу Сергѣя при видѣ этого простенькаго значка. За что ему его дали—Сергѣй еще не зналъ, но и того, что сказала сестра, было довольно: крестъ присужденъ ему его-же товарищами. Они сами признали его достойнымъ этого

знака отличія. Стало быть, онъ дѣйствительно стоилъ его, этого маленькаго, бѣленькаго крестика, чтобы заслужить который, люди кидаются на явную смерть...

Достоинъ! Заслужилъ! Онъ, Сергѣй Рождественцевъ, никогда не мечтавшій доселѣ о славѣ героя, о поляхъ битвъ...

Сергѣй чувствовалъ, что слезы ручьемъ текутъ изъ



Перевязка раненыхъ въ госпиталѣ.

его глазъ. Онъ жадно приникъ губами къ кресту, осыпая его безчисленными поцѣлуями. Рыданія рвались изъ его груди. Крестикъ весь былъ омоченъ его слезами.

— Такъ, баринокъ, такъ! — услыхалъ онъ на право отъ себя тихій голосъ.

Рождественцевъ хотѣлъ было обернуться на него, взглянуть, кто это говоритъ—голосъ показался ему знакомымъ,—но внезапно овладѣвшій имъ порывъ уже про-

шелъ, силы снова оставили его и онъ безпомощно откинулся на подушки въ легкомъ забытьѣ...

Побѣда на Дунаѣ была полная. Грозный сосѣдъ Систова—Варденъ былъ уже занятъ Сѣвскимъ и Брянскимъ полками и артиллеріей. Турки отошли въ глубь страны къ деревенкѣ Бѣла, въ сторону Рущука шелъ Орловскій полкъ съ артиллерійской баттареей. Армія переправлялась по быстро наведеннымъ понтоннымъ мостамъ черезъ Дунай. Къ вечеру 18 іюня около Систова собралось уже сорокъ съ половиной баталіоновъ пѣхоты, шесть сотенъ донскихъ казаковъ, 64 пѣшихъ донца и четырнадцать горныхъ орудій. 16 іюня Систово посѣтилъ Государь Императоръ, прибывъ въ первый занятый русскими войсками болгарскій городъ въ сопровожденіи своего наслѣдника и своихъ сыновей великихъ князей Владиміра, Алексѣя, Сергѣя Александровичей. Главнокомандующій великій князь встрѣчалъ гостей въ Систовѣ. Сформированы были уже три отряда,—Передовой въ 10 т. чел., Рущукскій въ 75 т. и Западный въ 35 тысячъ человѣкъ. Наступила теперь очередь принять боевое крещеніе русской кавалеріи. Въ передовомъ отрядѣ, который велъ генералъ-лейтенантъ Гурко [33]) за Балканы въ долину рѣки Тунджи, были собраны „гусары: кіевцы, драгуны-астраханцы, казанцы и донскіе казаки съ тремя баттареями; съ Передовымъ отрядомъ шли и дружины болгарскаго ополченія. Имъ выпадала на долю далеко не легкая задача расчистить путь по завоевоваемой странѣ для главныхъ силъ арміи, которыя должны были слѣдовать въ горы непосредственно за отрядомъ Гурко, въ успѣшномъ выполненіи задачи которымъ не было сомнѣнія. Рущукскій отрядъ, составленный изъ двѣнадцатаго и тринадцатаго армейскихъ корпусовъ долженъ былъ обложить Рущукъ и оберегать тылъ наступающихъ войскъ. Командиромъ отряда назначенъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ въ Бозѣ почивающій государь императоръ Александръ Александровичъ. Запад-

ному отряду, командиромъ котораго былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ, было дано порученіе взять Никополь, преграждавшій путь русской арміи, и идти черезъ городишко Плевна, гдѣ долженъ быть оставленъ отрядъ для охраны праваго фланга наступавшей арміи также въ горы. Въ составъ отряда входили пѣхотинцы: архангелогородцы, вологодцы, костромичи, галицкіе, пензенцы, томбовцы, козловцы, воронежцы—все славные армейскіе полки и кавалеристы 9-й кавалерійской дивизіи безъ казанскаго драгунскаго и кіевскаго гусарскаго полковъ т.-е. бугскіе уланы и донскіе казаки. Артиллерія отряда состояла изъ 102 орудій и четырехъ съ половиной артиллерійскихъ полковъ.

Командиръ отдѣльнаго Рущукскаго отряда Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и командиръ 12-го армейскаго корпуса Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ (фотогр. снимокъ 1877 г.).

О туркахъ ничего или почти ничего, ничего не было слышно. Русскій отрядъ, перешедшій Дунай у Галаца укрѣпился въ Дубруджѣ, угрожая укрывшимся въ крѣпостяхъ Варнѣ, Шумлѣ и Силистріи на Дунаѣ непріятелямъ. Большія силы были заперты въ Рущукѣ. По свѣдѣніямъ главнаго штаба западнѣе Тырново, на который долженъ былъ прежде всего идти передовой отрядъ со-

всѣмъ не было непріятеля. Турки были только въ древней столицѣ Болгаріи, но о числѣ ихъ и возможномъ сопротивленіи ничего не было слышно. Смутно ходили слухи о какомъ то большомъ турецкомъ отрядѣ, находившемся у Виддина, противъ котораго дѣйствовали румыны изъ Калафата. Начальникомъ этого отряда называли Османа-пашу, но особеннаго вниманія на виддинскій отрядъ не обращали. Силы русскаго западнаго отряда казались вполнѣ достаточными, чтобы преградить путь на правомъ флангѣ.

Таково было положеніе русской арміи въ Болгаріи послѣ перехода черезъ Дунай на Систовъ.

Когда Рождественцевъ пришелъ, наконецъ, въ себя, онъ увидѣлъ, что бокъ о бокъ съ нимъ лежитъ и его товарищъ по фронту Фирсовъ. Солдатикъ былъ не смертельно, но тяжело раненъ пулей въ животъ. Онъ оправлялся, заживленіе пораненія шло превосходно и Фирсовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда ему можно будетъ выписаться изъ госпиталя и присоединиться къ полку.

Онъ разсказалъ Сергѣю, что товарищи были поражены непостижимою смѣлостью, съ какою лѣзъ юноша въ самое жаркое мѣсто боя. Удивлялись болѣе всего тому, что этотъ всегда „субтильный“, какъ называли солдаты Рождественцева,—вольноопредѣляющійся для нихъ явился примѣромъ, того, какъ должно держаться въ бою солдату. Глядя на него, какъ признавались они сами,—они воодушевлялись и увлеченные живымъ примѣромъ, забывали объ опасности, а помнили только о томъ, что всѣ они или должны удержать за собою мѣсто, занятое ими, или всѣ лечь на немъ. Когда въ роту были присланы знаки отличія военнаго ордена, солдатики единогласно присудили Рождественцову одинъ изъ нихъ.

Сергѣй боялся спросить о своихъ товарищахъ по отдѣленію, но Фирсовъ предупредилъ его.

— Я, вотъ, да Мягковъ ранены,—разсказывалъ онъ,—

васъ, Сережа,—Фирсовъ теперь такъ уже называлъ товарища,—турокъ оглоушилъ, можетъ быть, черезъ это вы и спаслись... Василій Андреевичъ безъ царапинки остались, а такъ какъ Пановъ раненъ то они въ взводѣ теперь за него... Епифанову и Юрьевскому—царство небесное, со святыми упокой! Оба преставились. Епифанова на берегу шальная пуля уложила, какъ только съ понтона соскочилъ, а Юрьевскаго турокъ штыкомъ пробилъ, и не крякнулъ бѣдняжечка. Ихъ высокоблагородіе господинъ нашъ капитанъ Солонинъ тоже убиты... Много душъ христіанскихъ освободилось, а все таки побѣда...

Голосъ Фирсова звучалъ довольствомъ и торжествомъ. Солдатикъ видимо гордился тѣмъ, что какъ никакъ, а „наша взяла, всетаки“. Такое-же настроеніе было и у другихъ ихъ сосѣдей. Даже тяжело раненые умирали съ нѣкоторымъ довольствомъ — дѣло было сдѣлано, побѣда осѣнила первый шагъ русскихъ въ Болгаріи.

Говорили всюду и о другихъ скромныхъ не замѣченныхъ сперва герояхъ. Государь императоръ собственноручно возложилъ на грудь умиравшаго отъ девяти штыковыхъ ранъ капитана 12 роты Волынскаго полка Брянова георгіевскій крестъ. Удивлялись матросу Семену Лопатину, съ перебитыми руками спасшемуся отъ турокъ при ночной переправѣ. Государь дважды посѣтилъ Лопатина и главнокомандующій самъ навѣсилъ ему Георгія. Восторгались пластунскимъ урядникомъ Сухоносомъ, перебившимъ въ первый моментъ переправы пятерыхъ турокъ и этимъ давшимъ возможность выскочить на берегъ 1 стрѣлковой ротѣ. Вспоминали, какъ на понтонѣ, гдѣ была батарея поручика Лихачева, уцала и забилась раненная осколкомъ гранаты лошадь, грозя перепугать другихъ лошадей и потопить всѣхъ. Солдаты навалились, задушили лошадь и спасли и понтонъ и всѣ орудія. Словомъ всюду были герои, скромные молчаливые, нетрубившіе о своихъ подвигахъ, но возбуждавшіе ими всеобщій восторгъ.

Въ госпиталѣ навѣстилъ Рождественцева Кораловъ. Онъ былъ цѣлъ и невредимъ. Всѣ его мечты разсѣялись. Георгія у него не было и ему даже не удалось во время переправы совершить ничего такого, что возвышало бы его покрайней въ его же собственномъ мнѣніи.

— Попрощаться пришелъ!—объявилъ онъ пріятелю, поздравилъ его съ Георгіемъ,—ухожу...

— Какъ такъ? Куда?.. удивился Рождественцевъ.

— Говорилъ, что четырнадцатая дивизія для меня не счастливая.,. Перехожу въ криденеровскій корпусъ.

— Да развѣ это возможно...

— При желаніи, милый другъ, все возможно. Похлопоталъ, попросилъ, предлогъ нашелся, счастливая минута вышла, а что нельзя, то, конечно нельзя... Прощай! Выздоравливай.

Рождественцовъ только головой покачивалъ.

— Да,—вспомнилъ Кораловъ,—тебѣ Петко нашъ кланяется... Ихъ ополченіе перешло черезъ Дунай, пойдетъ на Тырново, а оттуда на Балканы... Вотъ, гдѣ покажутъ себя братушки. Кстати. Наша Самара поднесла имъ дружинное знамя. Въ Плоэштахъ большое торжество было, когда знамя передавали. Петко радуется. Ждетъ не дождется когда въ родной городъ попадетъ. А меня прости и порадуйся, что этотъ переводъ мнѣ такъ удался. Позавидуешь. Передовой отрядъ все дѣло сдѣлаетъ и войну кончитъ. Вашей дивизіи развѣ только до Тырново придется дойти, да постоять тамъ; а криденеровскій корпусъ всетаки будетъ штурмовать Никополь. Можетъ быть, мнѣ тамъ придется отличиться.

Кораловъ ушелъ.

Невольно его слова возбудили зависть въ Сергѣѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ему болѣе не придется побывать въ сраженіяхъ, не придется увидать величественно дикой картины боя... Не могло быть сомнѣній въ томъ, что отрядъ Гурко пройдетъ Балканы, а тамъ, когда спуститься

съ горъ, недалеко и до Андріанополя. Въ Андріанополѣ-же миръ.

Такъ думали не одинъ Рождественцевъ [34]), а многіе, почти всѣ въ русской арміи, въ Россіи...

Турки избѣгали рѣшительныхъ сраженій и очищали отъ своихъ войскъ Болгарію.

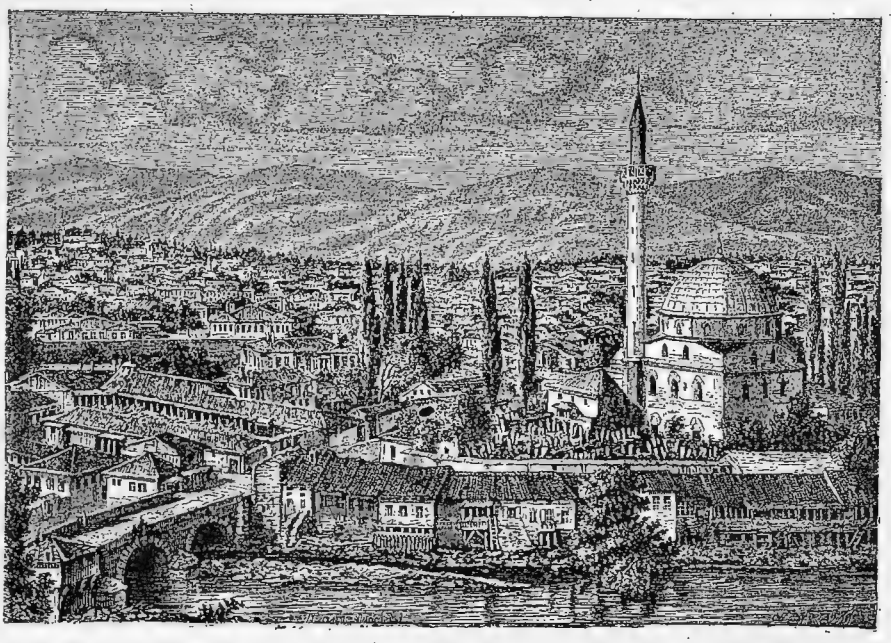
Русскія войска Передового отряда шли все впередъ и впередъ.

XV.

За Балканы.

СЕРЕБРЯЩЕЙСЯ на солнцѣ, синею лентою прихотливо извивается среди утопающихъ въ зелени луговъ и кустарниковъ береговъ одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ Придунайской Болгаріи—Янтра. Недалеко отъ мрачнаго горнаго ущелья, въ которое врывается она въ своемъ стремленіи къ Дунаю, стоитъ древнее Тырново [35])—мать городовъ болгарскихъ—„болгарскій Цареградъ“. Природа не поскупилась на украшеніе этого прелестнаго мѣстечка. Всюду зелень садовъ, покрывающихъ сплошь холмистые берега Янтры. На одномъ изъ холмовъ лѣваго берега, спускаясь почти до самой воды, лѣпились десятки

чистенькихъ бѣленькихъ домиковъ, среди которыхъ виднѣлись и построенные по европейски дома. Это христіанскій кварталъ Тырново. Выше его по берегу раскинулся мусульманскій кварталъ, весь обрамленный зеленью своихъ безчисленныхъ фруктовыхъ садовъ. Подъ низкими однообразнаго типа и архитектуры домами турокъ—бѣлыми, синими, желтыми—гордо высятся, словно опрокинутыя полу-



Дунайская армія. — Общій видъ болгарскаго города Тырнова, занятаго русскими войсками 25 Іюня 1877 г.

шарія, купола мечетей, тянутся къ далскому небу, словно гигантскія иглы, верхушки минаретовъ, съ которыхъ предъ каждымъ наступавшимъ вечеромъ пронзительно визгливымъ голосомъ призываютъ муллы правовѣрныхъ турокъ къ битвѣ съ „москалями“.

Но напрасны эти призывы... Русскіе идутъ и идутъ. Подошли они и къ Тырново.

Драгуны, гусары и, главное, мѣткимъ своимъ огнемъ 16-я конная баттарея отогнали турокъ отъ Тырново. Ни-

замы и редифы, стоявшіе въ городѣ, послѣ перестрѣлки, лѣнивой и вялой, отошли къ Османъ-Базару. Это было 25 іюня. Турецкій губернаторъ Саибъ-паша убѣжалъ изъ столицы Болгаріи пѣшкомъ. Въ 4 часа пополудни урядникъ Кубанскаго полка князь Церетелевъ, только съ началомъ войны вышедшій изъ состава русскаго посольства въ Константинополѣ, ворвался съ сотнею казаковъ въ Тырново, промчался по всѣмъ его улицамъ, а вскорѣ за нимъ вступили и остальные русскіе кавалеристы. „Ура“ и „Живіо царю Александру“ встрѣтили входившихъ въ болгарскую столицу русскихъ. Сіяющіе отъ радости болгары, болгарки, старики, взрослые, юноши, дѣти, густою толпою бѣжали за рядами солдатъ, шедшихъ на площадь тырновскаго собора. Впереди русскихъ войскъ шли съ крестомъ и святою водой болгарскіе священники. Въ соборѣ совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе. Горячо молились недавніе еще жалкіе рабы турокъ за своихъ освободителей, горячо молились освободители за ниспосланную имъ побѣду.

Не одинъ изъ русскихъ людей сильно попризадумывался, поглядывая на чернѣвшуюся къ югу отъ Тырново горную громаду. Это былъ Великій Балканъ, снизу на скатахъ покрытый весь цвѣтущей зеленью и совершенно голый по мѣрѣ того, какъ тянулись все выше и выше его угрюмыя холодныя громады. Перелетать-бы нужно черезъ нихъ, вольной птицею, а вотъ, ихъ перейти придется... да еще какъ перейти? Съ конями, пушками, обозомъ. Вездѣ тамъ въ этихъ горахъ засѣли проклятые турки. Подойди только русскій отрядъ, сразу оживутъ эти молчащія мертвыя твердыни; какъ нежданно упавшія съ далекихъ небесъ облака, окутаютъ ихъ клубы порохового дыма, заговорятъ своимъ громовымъ голосомъ турецкія пушки, затрещитъ безчисленное число турецкихъ превосходныхъ „Мартини-Пибоди“ и ударитъ вдругъ по подходящимъ свинцовый дождь-проливень. И невольный

ОСВЯЩЕНІЕ ЗНАМЕНИ БОЛГАРСКОЙ ДРУЖИНЫ.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

вздохъ рвется изъ русской груди. И это вздохъ не страха за жизнь, не боязни смерти, нѣтъ! Врядъ-ли во время Освободительной войны думалъ кто-либо объ этомъ среди русскихъ воиновъ. Вздохъ этотъ былъ вздохомъ боязни за неуспѣхъ дѣла. Дунай-то перешли, а, вотъ, какъ удастся черезъ Балканы перепрыгнуть?

Подходятъ одинъ за другимъ къ Тырново русскіе полки, пришло, наконецъ, и болгарское ополченіе, окончательно уже сформированное. Заправскими воинами выглядятъ ополченцы — обучились, подправились, подучились—хоть сейчасъ на турокъ. Пока, впрочемъ, ополченцамъ гордиться еще нечѣмъ. Пороху они даже не нюхали, огненнаго крещенія въ бою не успѣли принять. Но боевымъ огнемъ въ битвахъ за родину крещены уже многіе. Въ ряды дружинниковъ сталъ было, да его прикомандировали къ дружинному штабу, отчаянный, тридцать три года боровшійся за свободу своей родины, болгарскій воевода Цеко Петковичъ. Старикъ онъ совсѣмъ—потому только и въ штабѣ онъ, а не въ боевыхъ рядахъ. Двадцать восемь ранъ, полученныхъ въ бояхъ съ турками, бороздятъ его старое тѣло. На шеѣ и затылкѣ слѣдъ отъ турецкой цѣпи, на которой онъ просидѣлъ, прикованный за шею, слишкомъ два съ половиною года въ турецкой тюрьмѣ, но когда раздался призывъ на борьбу за родину, явился старикъ, сталъ въ ряды, служа примѣромъ молодымъ землякамъ, разсказывая имъ объ ужасахъ турецкой неволи, о сладости борьбы за родину...

Гордятся ополченцы своимъ знаменемъ, подъ сѣнью котораго скоро должна была пролиться ихъ кровь. Изъ нѣдръ Великой Руси, съ далекаго Поволжья отъ города Самары прислано имъ это знамя. Оно трехцвѣтное: малиновая и свѣтло-синяя полосы по бокамъ, бѣлая между ними. Знамя изъ шелку. На бѣлой полосѣ въ срединѣ широкій прямоугольный крестъ, шитый золотомъ по черному съ изображеніемъ Богоматери въ своей срединѣ, съ другой стороны такой-же

крестъ съ изображеніемъ славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія; древко серебряное, золоченое, на одной изъ лентъ шитая золотомъ надпись: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“. Плакалъ навзрыдъ отъ умиленія старый Цеко Петковичъ, прибивая къ древку это дорогое знамя, подъ сѣнью котораго на закатѣ своей жизни готовился онъ идти съ своими молодежью-земляками въ мрачныя Балканы, гдѣ каждая тропка ему была извѣстна, гдѣ не одинъ утесъ былъ политъ его кровью.

У дружинниковъ-ополченцевъ уже сложилась и пѣснь, съ которой приготовились они идти на смерть за свободу родины своей...

Вотъ она, эта пѣснь.

„Шуми, Марица, кровью текущая,
„Рыдай, вдова, тяжко израненная.
„Впередъ идемте, друзья-воители,
„Перейдемъ Дунай со всѣми силами
„Идемъ! Идемъ! Вождь нашъ!
„Разъ, два, разъ! Идемъ, дружинники!
„Герой-левъ насъ ведетъ,
„Знамя со львомъ вѣщаетъ побѣду.
„Взгляните, притѣснители, на вождя нашего,
„Послушайте, какъ поемъ мы пѣснь побѣдную!
„Трубы затрубили, впередъ, впередъ!
„Идемте, друзья-воители!
„Идемъ! Идемъ! и т. д.
„Съ острымъ мечомъ окровавленнымъ
„Вождь нашъ идетъ впередъ.
„Передъ нимъ бой грохочетъ,
„За нимъ идутъ храбрецы-дружинники,
„Ради свободы своей родины!

При окончательной сформировкѣ ополченія Петко Гюровъ попалъ въ третью дружину, которой командовалъ маіоръ Калитинъ, уже извѣстный своею храбростью по Туркестану, гдѣ онъ былъ до того. Вмѣстѣ съ дружиною пришелъ Петко въ несчастный городъ, бывшій его родиной. Слезы радости и умиленія невольно закапали изъ его глазъ, когда увидалъ онъ Тырново. Теперь, вѣдь, это былъ не городъ рабовъ, а столица свободныхъ болгаръ.

Ужъ не придется болѣе туркамъ неистовствовать на берегахъ Янтры. Все для нихъ кончено теперь. Отошло ихъ время. Какъ пришли русскіе, совѣтъ лучшихъ тырновскихъ гражданъ вступилъ въ управленіе городомъ. Русскимъ гражданскимъ губернаторомъ Болгаріи назначенъ былъ князь Черкасскій [36]).

Трудно представить, что было въ Тырновѣ. Тырновцы выражали какъ только могли свой восторгъ, свою радость при видѣ „матери будущей болгарской военной силы"— какъ называли тогда ополченіе. Что-то стихійное было въ этомъ восторгѣ и ополченцы не успѣвали отвѣчать на объятія, поцѣлуи, привѣтственные клики.

Когда третья дружина проходила по улицамъ Тырново, Петко кто-то окликнулъ. Голосъ былъ дѣтскій, тонкій. Петко оглянулся. Густая толпа провожала колонну. Никого знакомаго юноша не увидѣлъ. Онъ подумалъ, что ослышался и пересталъ думать объ окликѣ.

Подъ вечеръ, когда дружина размѣстилась въ отведенномъ ей помѣщеніи, молодой болгаринъ отпросился у своего начальника въ городъ. Гюрову хотѣлось взглянуть на то мѣсто, гдѣ стоялъ когда-то его домъ, жила счастливая его семья, отецъ, мать, братья, сестренка. Юношу отпустили. Чуть не бѣгомъ пустился онъ на окраину христіанскаго квартала. Вотъ-вотъ то мѣсто, гдѣ увидѣлъ Петко впервые Божій свѣтъ. Пустое оно. Слѣда нѣтъ какого-бы то ни было жилья. Съ землею сравняли турки цѣлый рядъ болгарскихъ домовъ, вырѣзавъ сперва всѣхъ ихъ обитателей, которыхъ заподозрѣли въ сочувствіи русскимъ. Петко уже побывалъ здѣсь послѣ того, когда пришло извѣстіе о гибели его семьи. Тогда здѣсь еще видна была груда обгорѣлыхъ бревенъ, а теперь все было чисто; только густо разросся кустарникъ на мѣстѣ пожарища.

Петко стоялъ около этого мѣста, гдѣ пролилась кровь дорогихъ ему людей и плакалъ. Тяжелыя, грустныя вос-

поминанія нахлынули на него. Онъ не удерживалъ глухихъ рыданій, увѣренный, что здѣсь онъ одинъ и никто не увидитъ его слезъ.

— Петко, Петко! — вдругъ раздался дѣтскій голосъ, тотъ-же, что окликалъ его на улицѣ.

Юноша вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся. Позади его, спѣша къ нему, бѣжалъ, весь запыхавшись, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати не болѣе. Онъ былъ весь въ лохмотьяхъ, но лицо его такъ и дышало горделивымъ воодушевленіемъ.

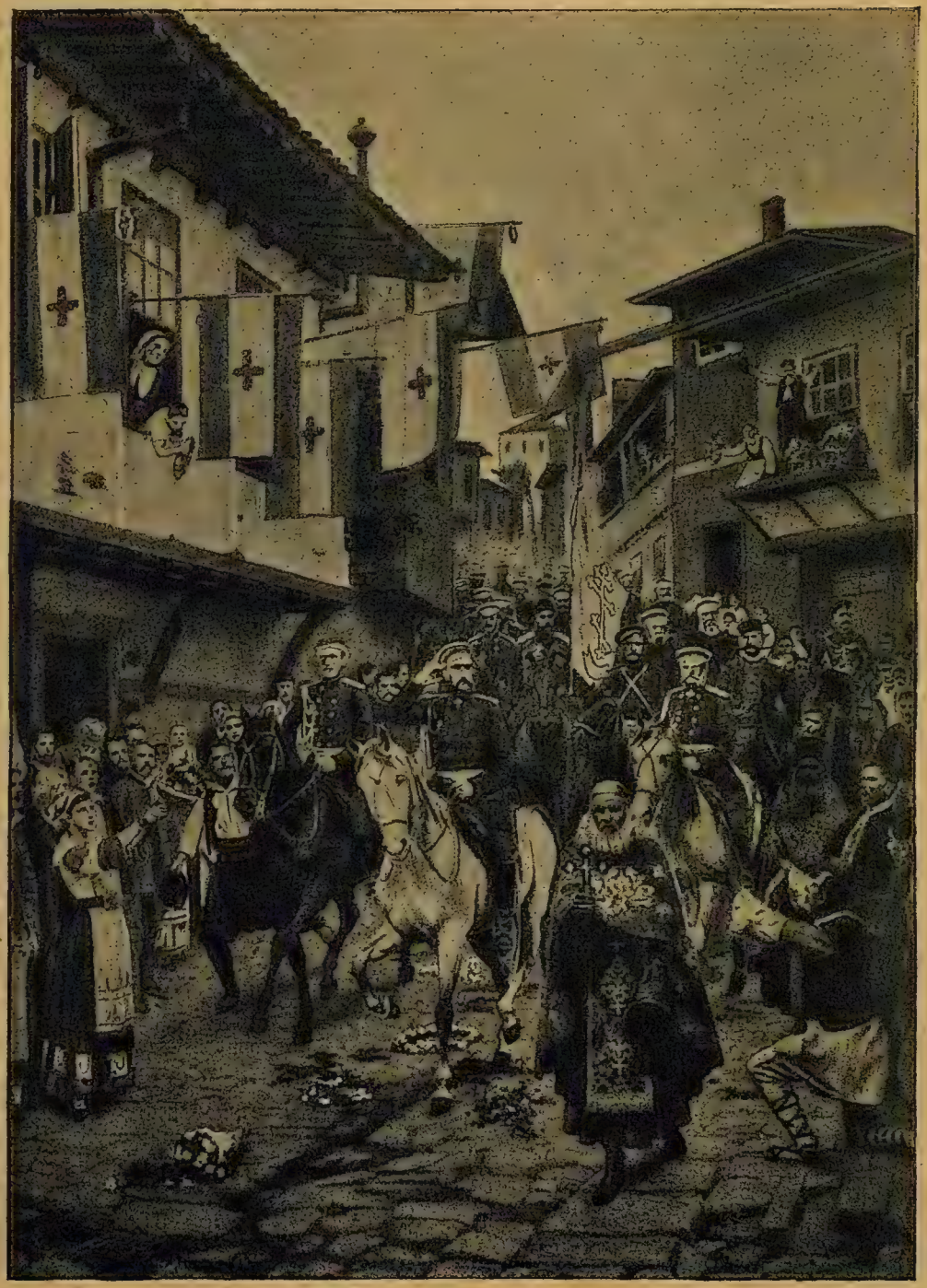
— Петко, Петко мой, здравствуй!—кричалъ онъ поболгарски, — я въ городѣ видѣлъ тебя и окликалъ. Я угадалъ, что ты непремѣнно придешь сюда.

— Лазарь! — воскликнулъ, кидаясь ему на встрѣчу, Гюровъ, — Лазарь, братъ мой! Не изъ мертвыхъ-ли воскресъ ты?

Онъ приподнялъ мальчугана и крѣпко-крѣпко прижалъ его къ груди. Лазарь отвѣчалъ ему своими поцѣлуями. Словъ у нихъ не было, чтобы выразить въ эти мгновенія свои чувства. Слезы, рыданье и поцѣлуи замѣняли ихъ.

Лазарь приходился двоюроднымъ братомъ Петко. Гюровъ, когда былъ въ Тырново до поступленія въ ополченіе, никого не видалъ изъ семьи дяди. Однако, онъ узналъ, что дядя съ своими успѣлъ убѣжать въ горы. Предъ самымъ объявленіемъ войны одинъ изъ бѣглецовъ, явившійся въ Кишиневъ изъ Тырново и тоже попавшій въ ополченіе, разсказалъ Петко, встрѣчась съ нимъ, что турки поймали Косовыхъ — такъ была фамилія его дяди. Самого старика посадили на колъ, остальныхъ или зарѣзали, или повѣсили. Гюровъ былъ увѣренъ въ гибели всѣхъ и теперь внезапно появившійся Лазарь казался ему выходцемъ изъ могилы.

— Ты живъ! живъ! — лепеталъ онъ, когда прошелъ первый восторгъ, — а твой отецъ? твоя мать?



ВЪѢЗДЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ ГОРОДЪ ТЫРНОВЪ
30 іюня 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

Лазарь отвернулся и коротко отвѣтилъ:

— Погублены всѣ!

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Потомъ Лазарь вдругъ кинулся Гюрову на грудь и судорожно зарыдалъ.

— Всѣ, Петко, всѣ, — выкрикивалъ онъ, — сироты оба мы... Я далъ клятву, такую-же какъ и ты, отомстить за нихъ... Я сдержу ее, я достаточно выросъ, чтобы дер-

— Петко, Петко мой, здравствуй!—кричалъ онъ по-болгарски...

жать ружье и стрѣлять изъ него... Ты долженъ помочь мнѣ... Я пристану къ вашему ополченію, я принесу пользу, вѣдь, я знаю всѣ тропинки въ Балканахъ. Русскіе должны взять меня.

Гюровъ даже не засмѣялся въ отвѣтъ на этотъ лепетъ. Для него Лазарь вовсе не былъ ребенкомъ. Мало-ли было болгарскихъ мальчугановъ, въ такомъ-же возрастѣ уже побывавшихъ не въ одномъ бою съ турками...

— Хорошо, Лазарь, мы объ этомъ подумаемъ, — просто сказалъ онъ, — пойдемъ въ нашъ лагерь. Хочешь?

— Да, да! — отвѣтилъ мальчикъ, — я не смѣлъ пробраться къ тебѣ, когда вы пришли, но съ тобой я пойду... пойду, куда ты меня поведешь... Идемъ!

— Помолимся здѣсь за мучениковъ нашихъ! — сказалъ Гюровъ и сталъ на колѣна.

Рядомъ съ нимъ опустился и Лазарь. Тиха и коротка была ихъ молитва, но въ эти мгновенія души ребенка и юноши слились въ ней съ душами тѣхъ, чья кровь обагряла этотъ клочекъ земли.

Лазарь пришелъ въ лагерь и уже такъ и не ушелъ изъ него. Его пробовали прогонять, онъ настойчиво возвращался опять и смотрѣлъ на прогонявшихъ его по приказанію начальства ополченцевъ такъ жалобно, что у тѣхъ духу не хватило гнать ребенка.

Онъ такъ и остался при дружинахъ, когда тѣ выступили изъ Тырново въ дальнѣйшій походъ къ Балканамъ.

Грозны Балканы издали, въ смущеніе и трепетъ приводятъ они вблизи. Дѣйствительно, птицей-бы нужно быть, что-бы въ такое время очутиться за ними. У подошвы Балканъ приткнулся болгарскій городишка Габрово. Отъ него идетъ шоссе черезъ горный хребетъ на городъ Казанлыкъ [37]). Это самая удобная дорога за Балканы въ долину рѣки Тунджи. И пѣхота, и кавалеристы, и артиллерія, и обозы спокойно и безъ утомленія могли-бы пройти по ней. Во время мира здѣсь былъ почтовый трактъ, но теперь пройти этимъ путемъ невозможно безъ страшной кровавой жертвы. Турки заняли этотъ путь. Они укрѣпились и на горѣ Шипкѣ, и на высочайшемъ пунктѣ Великаго Балкана—горѣ св. Николая. Тутъ ихъ главная позиція и чтобы выбить ихъ, нужны цѣлыя моря дорогой русской крови.

Есть и другіе переходы, но они положительно неудобны для цѣлей, которыя преслѣдовали русскіе. Имъ

нуженъ былъ Шипкинскій перевалъ, а чтобы овладѣть имъ, необходимо было зайти туркамъ въ тылъ и разогнать ихъ съ горныхъ вершинъ, гдѣ они засѣли въ твердой увѣренности, что здѣсь русскіе уже не достанутъ ихъ.

Жестоко ошиблись правовѣрные! Забыли они, что не

Іосифъ Владиміровичъ Гурко, начальникъ Балканскаго отряда.

въ первый уже разъ приходится русскимъ солдатамъ орлами перелетать черезъ закутанныя въ облака горы. Въ прошломъ у нихъ были уже Альпы. И черезъ тѣ смогли перелетѣть они съ своимъ чудо-вождемъ Суворовымъ. Тамъ-же не чета туркамъ враги были противъ нихъ. С. Готардъ, Чортовъ мостъ, защищали храбрецы, какихъ

мало — французы. Лучшіе наполеоновскіе генералы гнались за русскими орлами, когда они карабкались сперва и спускались потомъ черезъ С. Готардъ, Росштокъ и Ринненкопфъ. Соперникъ Наполеона — знаменитый Массена былъ отбитъ ими и отброшенъ у Гларисса. Такъ туркамъ-ли остановить было русскихъ!

Генералъ Гурко выслалъ свой отрядъ по проходу, который не былъ нанесенъ ни на одну изъ картъ. Обыкновенно этимъ проходомъ пользовались болгары, когда бѣжали отъ турокъ въ горы. Казалось, онъ былъ доступенъ только для перехода въ одиночку. По нему, однако, генералъ велъ свой передовой отрядъ и вышелъ по ту сторону Балканъ у деревушки Хаинкіой. Русскіе такимъ образомъ оказались въ тылу у турокъ. Казанлыкъ въ долинѣ рѣки Тунджи, первый турецкій городъ за Балканами, перешелъ въ руки русскихъ. Въ то-же время со стороны Тырнова отъ Габрово наступалъ сформированный подъ командой князя Святополкъ-Мирскаго [38]) отдѣльный, предназначенный для этой цѣли Габровскій отрядъ. Турокъ на Шипкѣ семь баталіоновъ при девяти орудіяхъ (4700 челов.) подъ начальствомъ Халюзи-паши. Они сопротивлялись въ своихъ неприступныхъ позиціяхъ отчаянно и даже заставили было отступить отрядъ изъ Габрово. Мало того, они могли-бы задержать здѣсь русскихъ еще на долго, но боязнь остаться безъ провіанта заставила Халюзи-пашу бросить Шипку и отойти.

Русскіе сейчасъ-же сошлись на оставленныхъ непріятелемъ твердыняхъ. Генералъ Гурко блестяще выполнилъ свою задачу — путь русской арміи на Константинополь былъ открытъ.

XVI.

Побѣда, побѣды, слава!

АЛЕКСѢЙ Петровичъ Кораловъ обладалъ замѣчательной способностью быстро устраиваться между чужими людьми, близко сходиться съ ними и становиться между ними своимъ.

Какими то судьбами удалось ему выхлопотать себѣ переводъ въ 17-ый Архангелогородскій полкъ, уже переправившійся черезъ Дунай и стоявшій съ частями девятаго корпуса противъ Никополя. Едва только Кораловъ успѣлъ явиться въ роту, онъ успѣлъ перезнакомиться тамъ со всѣми, а черезъ день-два онъ уже такъ сжился съ своими новыми товарищами, что, казалось, будто онъ цѣлые уже годы

прожилъ съ ними. Его смѣхъ, шутки раздавались съ утра, когда просыпался лагерь. Однако, съ Кораловымъ произошла перемѣна. Онъ, недавно еще безпечно смотрѣвшій на будущее, говорившій, что дальше капитана и служить не будетъ, теперь вдругъ запылалъ необыкновеннымъ честолюбіемъ. Но онъ мечталъ не о совершеніи подвиговъ, а о томъ только, какъ бы поскорѣе ему выдвинуться, отличиться, для этого онъ ухитрился всѣми правдами и не правдами перевестись въ полкъ пятой пѣхотной дивизіи, въ штабѣ которой у него оказался покровитель.

„Здѣсь-то я сумѣю что-нибудь заслужить и на будущее,— разсуждалъ онъ, — что-же въ этомъ дурного? Я честно исполняю свой долгъ, а если думаю, что̀ будетъ со мною, когда кончится война и я останусь живъ, то это вполнѣ понятно и естественно. Пока человѣкъ живъ, онъ непремѣнно о живомъ долженъ думать. Хорошо такимъ, какъ Рождественцевы, быть фанатиками дѣла. Вернется домой, у него тамъ и свой уголъ есть и на черный день матушка его вѣрно что-нибудь скопила, а у меня ничего и позаботиться обо мнѣ некому, самъ о себѣ долженъ стараться“.

Такія разсужденія не мѣшали ему вполнѣ добросовѣстно относиться ко всѣмъ обязанностямъ солдата. Когда приходила его очередь становиться на часы, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ часовыхъ: бдительный, зоркій всегда, находчивый и на словахъ и на дѣлѣ онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе ближайшихъ офицеровъ и даже самъ командиръ архангелогородцевъ полковникъ Розенбомъ не только слыхалъ о вольноопредѣляющемся Кораловѣ, но даже и въ лицо зналъ его.

Только чаще всего бываетъ, что не исполняются въ дѣйствительности никакіе расчеты, никакія, основанныя на эгоистическихъ мелкихъ побужденіяхъ, стремленія, хотя человѣку и кажется, что все выходитъ, какъ задумано имъ.

Такъ, вотъ, точно и было съ Алексѣемъ Кораловымъ... Ему пришлось убѣдиться, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ...

Недостатокъ въ унтеръ-офицерахъ тогда въ русской арміи былъ большой. Вѣдь, прошло еще всего четыре только года послѣ введенія всеобщей воинской повинности. При созданіи новой арміи старались дать ходъ впередъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые хотя сколько нибудь выдѣлялись изъ общаго уровня солдатъ. Кораловъ, успѣвшій обратить на себя вниманіе своего ближайшаго начальства, знавшаго, что онъ участвовалъ въ первой очереди переправлявшихся у Систова войскъ, да имѣвшій еще при томъ кое-кого знакомыхъ, скоро получилъ унтеръ-офицерскія полоски на погонахъ.

Радости его конца не было. Первый шагъ на пути къ будущимъ почестямъ былъ сдѣланъ. Молодой честолюбецъ торжествовалъ и даже не скрывалъ своей радости.

„Эхъ, кабы теперь хорошее сраженіе!—не разъ думалъ онъ, — можетъ быть, и у меня былъ-бы бѣленькій крестикъ“.

Но сраженія пока что не было, хотя извѣстно было, что скоро-скоро девятый корпусъ пойдетъ на Никополь.

Нужно было во чтобы-то ни стало русскимъ развязаться съ этимъ оплотомъ турокъ на Дунаѣ. Никополь всего былъ въ сорока верстахъ отъ Систова. Его пушки постоянно грозили русскимъ переправамъ и сильно затрудняли передвиженіе войскъ къ Зимницѣ и въ рущукскій отрядъ. Потомъ отъ Никополя шла дорога къ Балканамъ, и турки, двинувшись на этомъ пути, могли причинить много вреда главнымъ силамъ русской арміи.

Вести осаду Никополя не стоило, его выгоднѣе было взять съ боя: скорѣе.

Кораловъ оказался образцовымъ унтеръ-офицеромъ. Онъ выказывалъ личную иниціативу, какую, пожалуй, не проявлялъ никто изъ унтеръ-офицеровъ, вышедшихъ

въ начальники прямо изъ строя. Частенько Алексѣй собиралъ своихъ подчиненныхъ въ кружекъ, у него была карта Никополя и его окрестностей. Стараясь говорить какъ можно проще, онъ объяснялъ своимъ солдатикамъ расположеніе турецкихъ войскъ, пріучая ихъ къ названіямъ разбросанныхъ вокругъ Никополя деревушекъ и урочищъ.

— Вотъ, ребята,—говорилъ онъ, показывая на прихотливо извивавшуюся по болотистой равнинѣ рѣку, впадавшую въ Дунай значительно выше крѣпости, — эта рѣка будетъ Осма, а тамъ дальше за ней по Дунаю, выше ея рѣка Видъ. Тутъ мы будемъ бить турокъ.

— Будемъ-ли еще?—какъ-то разъ усумнился одинъ изъ молодыхъ солдатъ Малафѣевъ.

— Отчего не будемъ?

— Будто вы, Алексѣй Петровичъ, не слышали, уходятъ турки, бросаютъ, значитъ, Никополь.

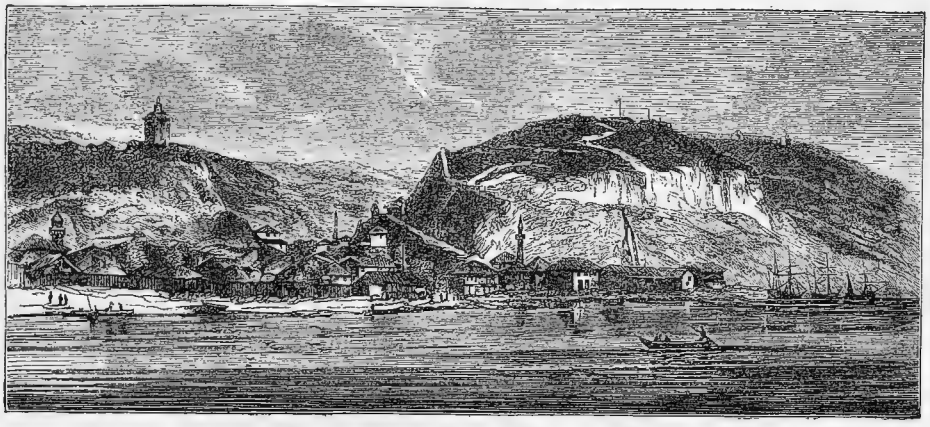
Дѣйствительно, въ Никополѣ было сосредоточено 10,000 гарнизона подъ командою Гассана-паши. Изъ этого гарнизона, прежде чѣмъ русскія войска успѣли вооружить крѣпость, ушло около 2,000 турецкихъ солдатъ, которыми командовалъ Атуфъ-паша, въ сосѣднюю Плевну. Это даже ускорило рѣшительный бой. Генералу Криденеру строго было приказано не выпускать турокъ, и на другой же день послѣ ухода Атуфа-паши Никополь окруженъ былъ русскими отрядами.

— Не уйдутъ, Малафѣевъ, не бойся,—успокоилъ солдатика Кораловъ,—успѣешь еще вдоволь съ турками подраться. Ты лучше сюда смотри. Такъ, значитъ, это рѣки Видъ и Осма. На Осмѣ деревни Черновица и Моселіево. Тутъ намъ придется поработать. Турки здѣсь вездѣ засѣли. Противъ Моселіева деревушка Дзорнова. И въ ней сидятъ турки. Тутъ у нихъ по всей Осмѣ батареи, окопы, редуты, придется выбивать намъ бритолобыхъ.

— Что же, пора и намъ пороху понюхать!—говорили солдатики,—ужъ мы туркѣ не сдадимъ.

Самая крѣпость Никополь была старинной постройки. Только передъ самой войной турки укрѣпили ее, возведя на берегахъ Дуная и на окружавшихъ съ суши Никополь высотахъ новыя сильныя укрѣпленія. Особенно сильно укрѣпленъ былъ Ермолійскій оврагъ ниже Никополя по Дунаю. Баттареи защищали слѣва отъ крѣпости подходы къ ней отъ Осмы. Позади Никополя въ глубь страны на Вабелскомъ плато турки окопались въ укрѣпленномъ лагерѣ.

Позиція была сильная, но все-таки взять ее было нужно во чтобы то ни стало.



Дунайская армія. - Видъ турецкой крѣпости Никополь на Дунаѣ.

Солдаты не долго томились ожиданіемъ, бой назначенъ былъ на третье іюля. Образовано было всего четыре дѣйствующихъ отряда, пятый оставался въ резервѣ.

Было четыре часа утра. За деревнею Вабелъ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Это баронъ Криденеръ давалъ знакъ начать сраженіе. Сейчасъ послѣ него же градъ пуль понесся изъ турецкой цѣпи, раскинувшейся вдали окраины Вабелскаго плато и на надбрежныхъ высотахъ Ермолійскаго ручья. Въ Вабелѣ стоялъ Галицкій полкъ, а у Ермолійскаго оврага двѣ роты пензенцевъ. Вслѣдъ за турецкими ружьями заговорили и турецкія пушки, стрѣлявшія также по Вабелу. Начался артиллерійскій бой. Спе-

реди, шипя, свистя, лопаясь и меча вокругъ себя осколки, носились въ воздухѣ гранаты. Пушечные удары слились въ одинъ общій гулъ. Подъ этотъ нестерпимый громъ вдоль лѣваго берега рѣки Осмы двигался русскій отрядъ изъ вологодцевъ, архангелогородцевъ, бугскихъ уланъ, донскихъ казаковъ, кавказскихъ сотенъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Шильдеръ-Шульднера [39]), направляясь къ сильной турецкой позиціи за деревней Моселіево. Тутъ подступъ къ Никополю прегражда̀ли русскимъ три табора окопавшейся турецкой пѣхоты съ баттареей всего въ три орудія. Турокъ необходимо нужно было прогнать отсюда, потому что именно здѣсь непріятель защищалъ переходы черезъ Осму.

Трепетно билось сердце Алексѣя. Предстояло жаркое дѣло, стало быть, являлся случай отличиться.

„Ужъ только бы добраться до вражеской позиціи!— думалъ онъ,—а тамъ я постараюсь“...

Вдругъ полкъ всталъ. Кораловъ увидалъ, что вологодцы уходятъ впередъ. Что же значитъ, что стоятъ они, не двигаясь съ мѣста? турки, вѣдь, тамъ не далеко. По рядамъ понеслась команда, и вслѣдъ за ней весь полкъ повернулся и пошелъ не на турокъ, а совсѣмъ влѣво въ сторону, къ деревнѣ Градешты, за пѣхотнымъ полкомъ послѣдовали уланы и кавказскія сотни. Въ сторону турокъ пошли только вологодцы, донцы и двѣ артиллерійскія баттареи.

Кораловъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ злости. Онъ такъ надѣялся отличиться, показать себя — вдругъ всѣ надежды рушились. Градешты были совсѣмъ въ сторонѣ отъ боя. А между тѣмъ у турецкихъ окоповъ уже гремѣло „ура“, русскія пушки заставили турецкихъ артиллеристовъ уйти съ своихъ позицій, и два баталіона вологодскаго полка кинулись на окопавшіеся таборы и стали штыками выбивать турокъ изъ ихъ позиціи. Изъ-за Осмы загремѣло новое „ура“. Тамъ подобравшіеся батальоны Коз-

ловскаго полка выбивали турокъ изъ занятой ими деревни Дзерново. Послѣ полудня турки были выбиты съ своихъ позицій и отошли на Никопольскія высоты. Въ два часа по-полудни Криденеръ отдалъ приказаніе всѣмъ войскамъ начать общее наступленіе на Никополь.

Смѣло перебѣжали открытое пространство до никопольскаго оврага линіи Галичскаго полка и ударили въ штыки на первые встрѣченные на пути турецкіе окопы. Турки были выбиты. За галичанами изъ резерва подоспѣли тамбовцы. Предъ русскими теперь былъ Никопольскій оврагъ. Нужно было подняться на его высокій берегъ, гдѣ стояли выбитые изъ окоповъ турки и гдѣ видно было два ихъ лагеря. Дважды кидались галичане на турокъ, засѣвшихъ на высотѣ, и дважды были отбиты. Русская артиллерія громила турокъ, поддерживая эти аттаки, но непріятель держался стойко. Онъ встрѣчалъ попадавшихъ адскимъ огнемъ съ высоты и не въ человѣческихъ силахъ было взобраться подъ градомъ пуль на крутой берегъ оврага. Командующій боемъ послалъ изъ резерва два батальона Тамбовскаго полка. Одна изъ его ротъ подъ командой полковника Артоболевскаго нашла такое мѣсто, гдѣ берегъ оврага былъ пологій. Тамъ были турецкіе окопы, но здѣсь людямъ не нужно было карабкаться поодиночкѣ. Тамбовцы кинулись бѣгомъ, не обращая даже вниманія на турецкія пули и турки были выгнаны изъ нихъ.

Пока происходили эти битвы, со стороны Систова насѣдалъ на турокъ Пензенскій полкъ подъ командою генерала Вельяминова.

Архангелогородцы тоже не остались безъ дѣла. Шесть турецкихъ ротъ съ двумя орудіями, выйдя изъ Никополя, двинулись было къ Градешты, пытаясь выйти на плевненскую дорогу. Командовавшій тамъ генералъ Кнорингъ выслалъ шесть пѣхотныхъ ротъ прогнать ихъ. Опять на долю Алексѣя выпала незадача. Его рота не была въ числѣ посланныхъ! Юноша зубами скрипѣлъ: надежда отличиться пропадала.

Однако, послѣ этого пришлось поработать. Турки у деревни Черновицы встрѣтили надвигавшуюся колонну ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Генералъ Кнорингъ приказалъ аттаковать ихъ. Тутъ какъ будто счастье улыбнулось Коралову. И его рота пошла въ аттаку. Алексѣй чувствовалъ себя на верху блаженства. Такъ страстно жѣлаемый случай отличиться, наконецъ, представился. Увы! Счастье только улыбнулось... Турки оказали слабое сопротивленіе и послѣ вялаго боя отошли къ Дунаю. Теперь Алексѣй отъ всей души возненавидѣлъ подданныхъ султана Абдулъ-Гамида... Никто, вѣдь, другой—они своею вялостью отняли у него случай заслужить Георгія. Не легко давался бѣдному Коралову этотъ маленькій бѣленькій крестикъ. Онъ такъ и ускользалъ изъ его рукъ...

Наступавшая темнота заставила прекратить этотъ длинный рядъ битвъ.

Никополь не былъ взятъ русскими войсками, но они, проведя болѣе 16 часовъ въ непрерывныхъ бояхъ, вогнали турокъ въ крѣпость и тѣсно стали около нея.

На утро слѣдующаго дня назначенъ былъ штурмъ Никополя.

„Ну, ужъ, если и завтра я не заслужу Георгія,—думалъ про себя Кораловъ,—то я уже и не знаю, что это такое будетъ. Нѣтъ, нѣтъ! Завтра—непремѣнно. При штурмѣ да не отличиться! Когда же послѣ этого? Война того и гляди кончится. Эти негодяи-турки отступаютъ вездѣ, гдѣ только появляемся мы. Нѣтъ, завтра! Завтра или меня убьютъ, или у меня на груди будетъ Георгій. Но не по присужденію, какъ у Рождественцева, а именной... Или смерть, или Георгій!

И онъ заснулъ около бивачнаго костра, мечтая объ утрѣ завтрашняго дня.

Но на слѣдующій день бѣдняга Кораловъ и живъ остался и Георгія не получилъ...

Утро оказалось мудренѣе вечера.

XVII.

На Плевну.

Съ первымъ проблескомъ разсвѣта зашевелились, засуматошились биваки раскинувшихся по окрестностямъ Никополя полковъ. Жаркій день предстоялъ. Не одно сердце ёкало. Готовился штурмъ, первый еще въ эту войну. Артиллеристы наканунѣ постарались: мѣткими выстрѣлами въ цитадели была пробита брешь, но все-таки много должно было пролиться крови съ обѣихъ сторонъ.

Кораловъ проснулся прежде всѣхъ своихъ товарищей и выбѣжалъ посмотрѣть на Никополь, словно боялся какъ-бы не исчезъ онъ за ночь. Нѣтъ, Никополь остался на своемъ мѣстѣ. Турецкая твердыня тонула въ полусумракѣ начинавшагося разсвѣта. Оттуда не доносилось ни звука. Алексѣй встревожился не на

шутку. Уже не ухитрились-ли уйти какъ-нибудь турки? Но, нѣтъ, не можетъ быть этого. Съ суши совсѣмъ вплотную окружили турецкую крѣпость русскія войска. За Дунаемъ сторожили турокъ на протяженіи всего берега, спуститься-же на судахъ по рѣкѣ или уйти по ней въ Виддинъ тоже было невозможно: подъ перекрестнымъ огнемъ не пойдешь, да кромѣ того съ обѣихъ сторонъ въ Дунаѣ были заложены минныя загражденія. Какъ тутъ уйти? Тамъ турки, въ Никополѣ, попались, что мыши въ мышеловку...

Алексѣй смотрѣлъ на крѣпость и задыхался отъ волненія. Скорѣй, скорѣе-бы начинался штурмъ!

Вдругъ онъ задрожалъ. Къ Никополю со стороны своего бивака ѣхалъ баронъ Криденеръ со всѣмъ своимъ штабомъ, а на флагштокѣ подъ главными Никопольскими воротами медленно взвивался колеблемый порывами вѣтра бѣлый флагъ.

Крѣпость сдавалась на милость побѣдителя...

Гассанъ-паша понялъ, что взятіе Никополя русскими неизбѣжно. Сопротивленіе только-бы привело къ совершенно напрасному кровопролитію. Пробиться и уйти отъ русскихъ тоже было невозможно.

Увидавъ на крѣпости, одно приближеніе къ которой стоило слишкомъ 1300 человѣкъ, выбывшихъ наканунѣ въ теченіе шестнадцати часовъ непрерывавшихся боевъ, бѣлый флагъ, означавшій, что крѣпость капитулируетъ, генералъ Криденеръ обнажилъ голову. Это былъ для русскихъ неожиданный и счастливый исходъ. Штурма не будетъ, не будетъ, стало-быть, пролито новыхъ рѣкъ крови, множество драгоцѣнныхъ жизней будетъ сохранено.

А съ биваковъ, гдѣ проводили эту ночь полки, уже такъ и неслось радостное „ура“. Бѣлый флагъ былъ замѣченъ тамъ, значеніе его понято. Всѣ сердца забились радостью; можно было вздохнуть; смерть отлетѣла съ поля битвы и ангелъ жизни рѣялъ надъ нимъ.

Даже Кораловъ, когда осмыслилъ значеніе свершающагося факта, пересталъ досадовать.

„Незадача! Что тутъ подѣлаешь?—подумалъ онъ, — можетъ быть, война-то и не кончится такъ скоро. Можетъ быть и успѣю еще и я заслужить бѣленькій крестикъ".

Полки съ биваковъ одинъ за другимъ подходили къ сдававшейся крѣпости. Люди шли и невольно удивлялись, какъ это такъ молчатъ никопольскія пушки, не сыпятся по нимъ со стѣнъ дождемъ турецкія пули...

— Понимаешь-ли ты, другъ мой любезный, — говорилъ Кораловъ шагавшему рядомъ съ нимъ Малафѣеву,— что это побѣда! А что есть побѣда? Побѣда, это надъ супостатомъ одолѣніе и новая слава христолюбивому русскому воинству... Изъ славы, положимъ, намъ съ тобой шубы не сшить, и все-таки пріятно, когда подумаешь, вотъ, что турки вездѣ склоняются предъ силою русскаго оружія.

— Еще-бы непріятно! — подтвердилъ Малафѣевъ, — пожалуй, теперь скоро и по домамъ пойдемъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть, и скоро!—съ нѣкоторой досадой отвѣтилъ Кораловъ.

— Поскорѣе-бы... Право, что тутъ? Съ такимъ непріятелемъ и возжаться долго нечего. Все сдается только! А все-таки, порядочно-таки нашихъ эти самые турки перепортили.

— Да не мало! У насъ всѣ, слава Богу, офицеры на лицо, а въ Вологодскомъ полку командира ранили, а во второй бригадѣ бригаднаго *).

— Что говорить! У насъ мало выбыло... Слава Богу, сдаются, а то сколько-бы сегодня мы своихъ недосчитались... Ухъ, сколько!

Къ утру всѣ участвовавшіе наканунѣ въ бояхъ полки стянулись къ Никополю. Бѣлый флагъ развивался надъ крѣпостью, но ворота ея оставались запертыми. Генералъ

*) Полковникъ баронъ Соловьевъ, Генер.-м. Богацевичъ.

Криденеръ приказалъ взломать ихъ и только тогда явился къ нему Гассанъ-паша со всѣми своими офицерами. Онъ объявилъ, что сдается безусловно на милость побѣдителей, но такъ какъ ему еще до сихъ поръ никогда не приходилось бывать въ такомъ положеніи, то онъ проситъ разъяснить ему, что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ.

Конечно, въ такой просьбѣ не было отказано.

Длинной вереницей потянулись изъ воротъ Никополя ряды оставившихъ въ крѣпости свое оружіе защитниковъ ея. Сумрачно, потупивъ глаза въ землю, не глядя по сторонамъ, шли турки среди выстроенныхъ шпалерами побѣдителей. До семи тысячъ ихъ было. Какъ только они вышли, русскіе сейчасъ-же заняли Никополь.

Такъ пала эта турецкая твердыня—послѣдняя, какъ думали тогда, представлявшая опасность для великаго дѣла, ради котораго пришли за Дунай русскіе полки. Всѣ остальныя дунайскія крѣпости, даже Рущукъ и Виддинъ, казались совершенно безвредными. Взятіе Никополя обезпечивало за русской арміей всѣ дороги къ Балканамъ. Правый берегъ Дуная на шестьдесятъ верстъ былъ занятъ русскими.

Ликовала вся русская армія, ликовала вся Россія послѣ этихъ побѣдъ. Увѣренность въ скоромъ окончаніи войны все росла и росла.

Почему-то явилась увѣренность, что непремѣнно къ 30 августу все будетъ кончено и будетъ въ этотъ день по крайней мѣрѣ о перемиріи, если не о мирѣ объявлено. Все складывалось для русскихъ, какъ нельзя лучше. Побѣды, побѣды и только побѣды. Слава осѣняла своими лучами русскихъ воиновъ.

Веселы солдатики — герои Никополя. Воодушевлены они. Радостью дышатъ ихъ загорѣлыя лица. На сердцѣ у каждаго легко и свободно. Радостно всѣмъ, какъ въ праздникъ.

Но кто доволенъ, такъ это Кораловъ. Его призвалъ

ВЫХОДЪ ТУРОКЪ ИЗЪ НИКОПОЛЯ.

Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

къ себѣ ротный командиръ и выразилъ ему похвалу за расторопность и ревностное отношеніе къ дѣлу.

Чувствуетъ юноша, что и его мечты сбудутся и онъ не простымъ солдатомъ кончитъ войну.

Обычная безпечная веселость, утраченная было, опять вернулась къ Коралову. Онъ уже кое-что знаетъ. У Никополя не долго задержатся русскіе. Девятый корпусъ также пойдетъ къ Балканамъ, а взятую крѣпость передадутъ въ охрану румынамъ. Пока до этого небольшой походъ—что походъ!—просто прогулка предстоитъ... Изъ главной квартиры пришло приказаніе генералу Криденеру занять поскорѣе менѣе уставшими въ бояхъ подъ Никополемъ войсками лежавшій всего въ тридцати пяти верстахъ отъ Дуная и въ шестидесяти отъ Систова болгарскій городокъ Плѣвнь, который русскіе уже переиначили въ Плевну, а чаще, въ разговорахъ между собой просто въ „плевокъ“... Къ Плевнѣ спѣшить приказано. Важнымъ пунктомъ казался этотъ городокъ Августѣйшему Главнокомандующему. Тутъ былъ узелъ путей, пролегающихъ по западной Болгаріи, да и кромѣ того, получено въ главной квартирѣ сообщеніе, что большой турецкій отрядъ вышелъ изъ Виддина и направляется именно на Плевну, гдѣ окопывался съ своими баталіонами Атуфъ-Паша. Три полка: Архангелогородскій, Вологодскій да подходившій отъ Систова Костромской, донцы и кавказская бригада съ сорока шестью орудіями посланы были на занятіе Плевны. Велъ этотъ отрядъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ, такъ успленно ведшій наступленіе на Никополь въ боевой день 3 іюля.

— На Плевну такъ на Плевну,— посмѣиваются солдатики, — послѣ Дуная да Никополя она и плевка для насъ не стоитъ.

Весело пошли они въ новый недалекій походъ.

— Ребята, — шутилъ Кораловъ съ своими товарищами,—насъ-то, я думаю, Плевной не удивишь.

— Чего удивлять-то? — слышатся отвѣты, — давно-ли ее полсотня казаковъ взяла.

Дѣйствительно, еще 26 іюня въ Плевнѣ побывали подъ командой есаула Афанасьева донская казачья полусотня 30 полка. Молодцы влетѣли въ городъ, заставили положить оружіе стоявшій тамъ гарнизонъ и умчались, убѣдившись, что въ Плевнѣ нѣтъ такого количества турокъ, какое могло-бы повредить тылу дѣйствующаго Западнаго отряда при его аттакахъ на турокъ въ Никополѣ.

Плевна совсѣмъ маленькій болгарскій городишка въ долинѣ, образуемой рѣками Видъ, Гривица и притокъ послѣдней Тугеница. Въ сторонѣ Дуная высятся отвѣсно горы, образующія стѣны, съ которыхъ нѣтъ спусковъ; съ противоположной стороны возвышенности болѣе покатыя. Съ юго-востока медленно течетъ среди лѣсистыхъ ущелій Тугеница и передъ самымъ входомъ прорываетъ горы, такъ образуется даже не ущелье, а просто разсѣлина, стѣны которой едва-едва не сходятся другъ съ другомъ. Известняковыя скалы здѣсь голы и почти-почти сходились между собою. Разсѣлина такъ узка, что при проходѣ по дну ея нѣтъ возможности повернуть повозку или орудіе назадъ и приходится пятить ихъ, чтобы выйти изъ ущелья опять на прежнее мѣсто. На самомъ восточномъ выступѣ разсѣлины въ Плевненскую долину на совершенно голомъ отъ всякой растительности склонѣ скалъ видны были какія-то руины. Подъ ними Тугеница врывается въ долину и, пройдя городокъ, впадаетъ съ шумомъ верстахъ въ полутора отъ него въ Гривицу, обтекающую также Плевненскую долину съ востока на западъ. На Гривицѣ верстахъ въ восьми отъ Плевны раскинулось село того-же имени на холму, господствующемъ надъ всей этой мѣстностью. Обойдя долину съ востока, Гривица на сѣверо-западѣ ея впадаетъ въ большую болгарскую рѣку Видъ. Въ долинѣ у Плевны сходятся дороги всей Запад-

ной Болгаріи: отъ Видднна, Никополя, Систова на Ловчу къ Тырново и за Балканы черезъ Орханіе въ Софію. Словомъ, городишка самой природой былъ предназначенъ къ тому, чтобы быть ключемъ въ Болгарію. Самъ по себѣ ничтожный, онъ въ то-же время являлся неприступной позиціей для опытнаго полководца, понявшаго-бы, какія удобства представляетъ эта мѣстность, вся волнообразная отъ множества холмовъ, горушекъ, утесовъ, скалъ, тѣснинъ, разсѣлинъ и ущелій. Три рѣки, обтекавшія долину, представляли естественные рвы...

Въ рукахъ храбраго защитника Плевна дѣйствительно въ скоромъ времени явилась неприступною позиціей...

А восьмого іюля, все еще полнымъ гордостью послѣ Никопольской побѣды, тремъ русскимъ пѣхотнымъ полкамъ, рвавшимся къ бою до того, что каптенармусы и ротные артельщики взялись за ружья, пришлось горькимъ опытомъ убѣдиться, что не все возможно даже и для русскихъ храбрецовъ...

Въ этотъ день выбыло изъ строя 75 офицеровъ 2,326 нижнихъ чиновъ. Пали убитыми командиры Архангелогородскаго полка полковникъ Розенбахъ и Костромского полка полковникъ Клейнгаузъ; раненъ былъ бригадиръ 1 бригады пятой дивизіи ген.-майоръ Кнорингъ. Костромской полкъ оставилъ на полѣ битвы свои ранцы, а шесть ротъ его даже и шинели. Послѣ страшнаго боя наступавшему отъ Никополя отряду пришлось отступить на пути къ Систову, чтобы защищать отъ турокъ единственный пока пунктъ, гдѣ русская армія, дѣйствовавшая въ Болгаріи, сообщалась съ лѣвымъ берегомъ Дуная. Солдаты держались, пока не было дано приказанія отступать, они гибли, но не уходили. Архангелогородскій и Костромской полки вернулись въ этотъ день изъ-подъ Плевны, уменьшившіеся почти на двѣ трети...

Это было то, что очень скоро начали называть въ Россіи „Первой Плевной“. За ней въ самомъ непродол-

жительномъ времени послѣдовала Вторая Плевна и вскорѣ Третья...

Совершенно неожиданно выросла здѣсь преграда для русскихъ дальнѣйшихъ побѣдъ. Русская слава не померкла, а разгорѣлась подъ Плевной еще болѣе яркимъ сіяніемъ, но это стоило уже громадныхъ жертвъ, многихъ тысячъ жизней и главное — три Плевны дали туркамъ возможность ободриться и даже мечтать о побѣдномъ для нихъ исходѣ войны...

Но какъ могло случиться это?

XVIII.

Тяжелое испытаніе.

ВЫСЛАННЫЙ отъ Никополя на Плевну небольшой русскій отрядъ вмѣсто незначительнаго непріятеля встрѣтилъ тамъ сорокъ турецкихъ таборовъ, свѣжихъ, не утомленныхъ боями, рвавшихся къ побѣдамъ надъ непріятелемъ... Многочисленная и превосходная артиллерія, снабженная столь обильно боевыми запасами, что ихъ могло хватить на долгіе мѣсяцы сплошного артиллерійскаго боя, поддерживала, какъ снѣгъ на голову, представшую предъ изумленными русскими турецкую плевненскую армію, которою командовалъ выдающійся турецкій стратегъ Османъ-гази-паша.

Плевна вовсе оказалась не жалкимъ „плевкомъ“ какъ было прозвали ее русскіе. Многихъ тысячъ жизней, милліоновъ рублей, мѣсяцевъ тяжелаго душевнаго волненія

всѣхъ русскихъ людей, трепета за благополучный исходъ всей войны стоилъ этотъ „плевокъ“ Россіи.

Но что-же! что случилось? Какъ могла случиться такая неожиданность?

Турками приводился въ исполненіе основной планъ войны — заманить непріятеля какъ можно дальше въ глубь Болгаріи, даже хотя бы за Балканы и именно неожиданнымъ появленіемъ совершенной свѣжей арміи раздѣлить ихъ главныя силы, разбить на голову и затѣмъ перейти въ наступленіе по всей линіи, сбросить русскихъ за Дунай и вторгнуться черезъ Молдавію и Валахію въ предѣлы Россіи.

Армія Османа-паши укрывалась въ Виддинѣ. Отсюда небольшими отрядами по различнымъ дорогамъ послѣ 28 іюня, вся она пошла на Плевну, гдѣ вышедшій изъ Никополя Атуфъ-паша съ лихорадочной поспѣшностью приготовилъ позицію, окопы, возвелъ редуты; другими словами, укрѣпилъ еще болѣе укрѣпленную самой природою позицію.

Гассанъ-паша въ Никополѣ долженъ былъ бросить свою крѣпость и тоже отойти къ Плевнѣ. Тамъ все было приготовлено къ встрѣчѣ войскъ: сдѣланы были громадные запасы провіанта, заготовлены въ огромномъ количествѣ боевые снаряды и для орудій, и для ружей.

Османъ-паша, полководецъ чрезвычайно талантливый, еще въ Крымскую войну, успѣвшій совсѣмъ молодымъ человѣкомъ проявить свои способности, предполагалъ изъ Плевны удариться на Систовъ, занять Тетевенскія Балканы (у Ловчи), соединиться съ арміей новаго турецкаго главнокомандующаго Ахмета-эюба-паши. Такимъ образомъ между Дунаемъ и Великимъ Балканомъ выросла-бы живая стѣна. Въ это-же время слишкомъ статысячная армія школьнаго товарища Османа-паши—Сулейманъ-паши, дѣйствовавшая до того въ Черногоріи, была посажена въ Антивари на суда и перевезена моремъ до мѣстечка Дяде-

Агачъ, откуда направлена по желѣзной дорогѣ на Адріанополь. Эта армія должна была сбросить русскихъ въ предбалканскую Болгарію прямо на штыки соединившимся арміямъ Османа и Ахмета Эюба-пашей.

Турки разсчитывали на свою численность, на свое превосходное оружіе, на обиліе боевыхъ снарядовъ, наконецъ, на то, что русскіе, уносимые своими первыми громкими побѣдами, потеряютъ осторожность и грандіозный военный планъ будетъ выполненъ безъ сучка и задоринки на ихъ глазахъ.

Османъ-гази-паша.

Много было у турокъ шансовъ на то, что планъ ихъ удастся... Только мужественная доблесть русскихъ храбрецовъ разстроила всѣ ихъ надежды, всѣ начинанія... Въ одномъ лишь оправдались планы турецкихъ стратеговъ: Осману-пашѣ удалось провести въ Плевну изъ Виддина всѣ свои войска совершенно незамѣтно для русскихъ.

Судьба ниспослала Россіи это тяжелое испытаніе.

Телеграмма румынскаго князя Карла, предупреждавшаго, что изъ Виддина скрытно ушелъ большой турецкій отрядъ, не обратила на себя вниманія—изъ румынскихъ источниковъ слишкомъ часто приходили не оправдывавшіяся потомъ тревожныя свѣдѣнія; рядъ удачъ русской арміи повліялъ, видимо, на повышеніе увѣренности ея начальства *). Румыны, съ которыми не состоялось соглашенія относительно совмѣстныхъ дѣйствій за Дунаемъ,

*) Описаніе р.-тур. войны. Изданіе воен. Истор. Ком. Гл. Шт.

отказались принять отъ генерала Криденера сдавшійся Никополь и тѣмъ развязать ему руки. Телеграммы, которыя изъ Никополя приходилось посылать черезъ лѣвый берегъ, гдѣ въ Турни-Могурелли была телеграфная станція, запаздывали: сильныя грозы въ ночь на 4 и 5 іюля и ложная тревога на 6 іюля, заставившая телеграфную станцію временно сняться съ мѣста, задержали телеграмму ген. Криденера, въ которой онъ сообщалъ въ штабъ дѣйствующей арміи о недостаткѣ въ артиллеріи его отряда боевыхъ снарядовъ и о томъ, что Плевна занята четырьмя баталіонами турецкой пѣхоты, двумя эскадронами конницы и черкесами, уже успѣвшими окопаться, посланная изъ Никополя генералу Непокойчицкому пятаго іюля, получена была въ главной квартирѣ только на другой день во второмъ часу по-полудни. Увѣдомленіе румынскаго князя о передвиженіи изъ Виддина къ Плевнѣ сильныхъ турецкихъ отрядовъ совсѣмъ не было передано генералу Криденеру, а результатомъ всего этого было то, что посланный къ Плевнѣ для занятія ея отрядъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера подошелъ къ Плевнѣ въ тотъ самый день, когда вступилъ въ нее со всѣми своими таборами Османъ-паша.

Плевна сразу-же сказалась...

Рождественцевъ, провалявшись около мѣсяца въ госпиталѣ, оправился настолько, что чувствовалъ себя по прежнему сильнымъ, здоровымъ и бодрымъ. Онъ выписался изъ госпиталя и вмѣстѣ съ поправившимся тоже Фирсовымъ и Мягковымъ находился временно въ распоряженіи маіора своего полка Подгурскаго, назначеннаго систовскимъ комендантомъ. Восьмой корпусъ въ это время перешелъ уже въ Тырново и трое оправившихся пріятелей ожидали только, когда составится партія, собираемая въ Тырново на укомплектованіе полка. Жилось въ Систовѣ привольно. Ученій, разводовъ не было, караульной службой выздоровѣвшихъ не тревожили.

Они уже начали скучать своимъ бездѣйствіемъ. Пережитый страхъ смерти сблизилъ между собой троихъ этихъ совершенно различныхъ людей. Рождественцевъ съ величайшимъ уваженіемъ относился къ Фирсову. Его поражала душа этого простого солдата, его чистая простота, увѣренность въ Промыслѣ и, несмотря на храбрость въ бою, голубиная незлобивость. Мягковъ, совсѣмъ молоденькій парнишка, попавшій прямо на войну изъ деревни, тоже былъ простъ, какъ малое дитя. И въ немъ чувствовалась непосредственно чистая душа, добрая, отзывчивая на все хорошее, Рождественцевъ и самъ былъ точно такой-же. Невольно для всѣхъ троихъ установились между ними дружба и воспоминанія о ночной переправѣ, гдѣ всѣ они переживали ужасъ смерти, гдѣ они проливали свою кровь, тѣсно-тѣсно привязало ихъ другъ къ другу.

Первая Плевна прошла въ Систовѣ не замѣтно. Слишкомъ близко была она отъ Никопольской побѣды. Удачи русскихъ отрядовъ въ Балканахъ и за Балканами тоже затушевывали собою не успѣхъ 8 іюля.

— Ну, слава Богу,—говорилъ однажды Сергѣй своимъ пріятелямъ, — послѣзавтра конецъ нашему систовскому сидѣнію...

Это было 18 іюля.

— Слава Богу!—даже перекрестился Фирсовъ,—а то куда, какъ совѣстно сидѣть здѣсь въ холѣ да на покоѣ... Поди, тамъ кровь льется, дерутся товарищи, а мы сидимъ...

Рождественцевъ засмѣялся.

— Пожалуй и въ Тырново сидѣть будемъ,—сказалъ онъ.

— А что такъ?—спросилъ Мягковъ,—развѣ кончимъ скоро войну... Давай-то, Господи!

— Къ этому какъ будто все идетъ! Можно ожидать съ минуты на минуту перемирья.

— Хорошо бы къ государя императора именинамъ покончить совсѣмъ, — задумчиво произнесъ Фирсовъ.—

Вотъ былъ-бы подарочекъ нашему милостивцу-освободителю.

— Кто знаетъ! До тридцатаго августа еще безъ двухъ дней полтора мѣсяца. Много можетъ воды утечь за это время...

Много, охъ какъ много! Въ этотъ самый день 18-го іюля подъ Плевной выбыло изъ строя около пяти тысячъ русскихъ солдатъ. Одинъ только Пензенскій полкъ потерялъ 29 офицеровъ и 1,006 нижнихъ чиновъ...

Это была „Вторая Плевна“. Несмотря на чудеса храбрости, оказанной русскими, отчаянный бой не принесъ никакихъ результатовъ. Русскіе не подвинулись ни на шагъ. Теперь стало извѣстнымъ, что въ Плевнѣ засѣло свыше 60,000 турокъ.

Впрочемъ, кровавый бой 18 іюля, какъ оказалось впослѣдствіи, остался далеко не безрезультатнымъ. Планы турецкихъ стратеговъ были нарушены. Османъ-паша уже не могъ теперь выйти изъ Плевны на соединеніе съ Ахметъ-Эюбомъ. Русскіе въ свою очередь узнали съ какимъ противникомъ имъ приходится имѣть дѣло.

19-го іюня въ Систовѣ о плевненскомъ боѣ наканунѣ носились только смутные слухи. Однако, все было спокойно. Вдругъ поднялся паническій переполохъ.

— Турки, турки идутъ!—пронеслось по всему Систову.

Черезъ Систовъ шла за Дунай большая партія раненыхъ наканунѣ въ плевненскомъ боѣ солдатъ. Всѣ они находились подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ всего нѣсколько часовъ назадъ ужасовъ. Понесенная неудача угнетала ихъ. Тѣ раненые, которые могли идти сами, брели, какъ попало, вразбродъ. Сами они первые разсказывали встрѣчнымъ, что „конецъ пришелъ русскимъ“, что турки наголову разбили войска, отбросивъ всѣ полки далеко-далеко отъ Плевны, что турки по пятамъ преслѣдуютъ русскихъ.

— Ужъ какъ мы то ушли, не знаемъ сами,—плака-

лись нѣкоторые изъ нихъ, — вотъ, тутъ, подъ самымъ Систовымъ, можно сказать, черкесы насъ нагоняли.

Ихъ жадно слушали; безпокойство возрастало.

— Одну партію такъ даже въ плѣнъ взяли,—слышались разсказы, — ужъ черкесы извѣстны, всѣхъ перерѣжутъ...

— Да гдѣ же это было-то? — спрашивали недовѣрчивые.

— Подъ Систовымъ... Поди, часа не пройдетъ, здѣсь будутъ...

Изъ устъ въ уста передавалась ужасная вѣсть: „Турки идутъ, турки близко“. По всему Систову слышны были вопли перепугавшихся болгаръ. Въ довершеніе всего переполоха почти черезъ весь Систовъ промчался казакъ, громко кричавшій:

— Спасайтесь! Турки въ городѣ!

Онъ мчался, размахивая шашкой, прямо къ спуску на мостъ. Въ переполохѣ не замѣтили, что негодяй былъ пьянъ. Нѣсколько человѣкъ болгаръ и казаковъ изъ интендантскаго обоза съ отчаянными воплями, съ искаженными отъ ужаса лицами стремглавъ бѣжали къ дунайской переправѣ. Пьяницу схватили, но уже было поздно. Всѣ систовцы, мужчины, женщины, дѣти въ паническомъ ужасѣ кинулись къ мостамъ. Случилось такъ, что какъ разъ въ моментъ, когда начался переполохъ въ Систовѣ, вступила партія плѣнныхъ турокъ, доставленная сюда изъ Никополя. У страха глаза, какъ извѣстно, велики. Обезумѣвшіе отъ ужаса люди, которые по опыту знали, что такое турки, приняли плѣнниковъ за авангардъ турецкихъ войскъ. Въ безумномъ ослѣпленіи неслись толпы народа къ Дунаю. Интендантскіе чиновники и солдаты, конвоиры транспортовъ, санитары, сестры милосердія, только что набранные рекруты болгарскаго ополченія, кто на лошадяхъ, кто на ослахъ, кто бѣгомъ, сломя голову, неслись на румынскій берегъ. Комендантъ майоръ Подгурскій по-

лучилъ приказаніе отъ генерала Рихтера, завѣдовавшаго переправой, во что бы то ни стало, даже хотя бы силой оружія остановить это обезумѣвшее стадо. Мостъ черезъ Дунай могъ быть уничтоженъ ими и тогда произошла бы страшная катастрофа. Паника между тѣмъ передалась на лѣвый берегъ въ Зимницу. Тамъ вообразили, что турки успѣли подойти къ мосту и берутъ входъ на него силою. Съ румынскаго берега видна была борьба русскихъ солдатъ съ безпорядочной толпой, въ которой болгары въ своихъ красныхъ фескахъ издали дѣйствительно могли сойти за турокъ. Началось безпорядочное бѣгство, госпитали уходили, спасая отъ мнимой опасности своихъ раненыхъ. Мостъ у болгарскаго берега пришлось забаррикадировать. Только энергическія увѣренія генерала Рихтера нѣсколько образумили и успокоили перепугавшихся. Успокоительно подѣйствовало появленіе на позиціяхъ около Систова ротъ Воронежскаго полка и оставшихся на мѣстѣ формируемыхъ ротъ болгарскаго ополченія. На позиціяхъ около Зимницы для успокоенія несчастныхъ трусишекъ также разставлены были войска. Посланные въ разъѣзды по плевненской дорогѣ казаки донесли, что нигдѣ около Систова нѣтъ наступающихъ турокъ и въ поминѣ даже.

Этотъ переполохъ, едва-едва не кончившійся катастрофой, произвелъ на русскихъ солдатъ непріятное впечатлѣніе. Они стали чрезвычайно презрительно относиться съ тѣхъ поръ къ болгарамъ. Очень уже позорнымъ показался русскимъ храбрецамъ, видѣвшимъ лицомъ къ лицу смертельный ужасъ и не отступавшихъ передъ нимъ ни на шагъ, этотъ паническій страхъ предъ мнимою опасностью.

Въ то же время тяжелою скорбью удручались русскія сердца. Вѣдь, подъ обѣими Плевнами, собственно говоря, не было пораженій. Былъ только неуспѣхъ предпріятія, дорого обошедшійся русской арміи, но прежняя бодрость была сохранена; солдаты, какъ и прежде, рвались въ бой

и горѣли теперь желаніемъ отомстить за гибель товарищей.

Въ день своего ухода изъ Систова въ Тырново Рождественцевъ получилъ сразу два письма. Одно было изъ Казанлыка отъ Петко Гюрова; другое изъ-подъ Плевны отъ Кораловa.

И тотъ и другой сообщали Рождественцеву не совсѣмъ утѣшительное...

Гюровъ писалъ, что въ Казанлыкѣ получены извѣстія, пока очень смутныя, будто на нихъ со стороны Адріанополя двигается какая-то, по слухамъ, огромная турецкая армія, такъ что сравнительно небольшому передовому отряду придется отступить въ горы. Кораловъ сообщалъ, что послѣ двухъ неудачъ готовится третій рѣшительный штурмъ Плевны.

„Если и теперь не будетъ удачи!—писалъ Алексѣй,—плохо наше дѣло. Что и будетъ — не знаю. Не правъ я былъ, называя 14-ю дивизію несчастливою. Она начала войну побѣдою, а наши только Никополемъ, да и то сдавшимся и не взятымъ, ничѣмъ инымъ теперь хвастаться не могутъ. Но гордиться все-таки есть чѣмъ. Наши умирали, но не отходили, пока ни получалось отъ начальства строжайшаго приказанія отступить. Ужасы Дуная—ничто предъ ужасами двухъ Плевнъ. Помнишь роковое мѣсто за Текеръ-дере на Дунаѣ?. Такъ такихъ роковыхъ мѣстъ въ обѣихъ Плевнахъ были десятки. Удивляться теперь нужно туркамъ. Стойкость ихъ необыкновенная. Только безполезна она. Слышалъ я тутъ нѣчто. Если рѣшительный штурмъ не удастся, такъ Османа-пашу мы обложимъ со всѣхъ сторонъ, будемъ держать, какъ крысу въ мышеловкѣ. Изморомъ возьмемъ, а все-таки возьмемъ. Какъ никакъ, а онъ попался тутъ намъ съ своей Плевной. Туркамъ тутъ крышка. Все таки-же война еще надолго затянется“.

Далѣе Кораловъ сообщалъ, что по какой-то счастливой

случайности онъ остался до сихъ поръ цѣлъ и невредимъ. Ни одна шальная пуля не тронула его, хотя онъ откровенно говорилъ, что былъ въ адскомъ огнѣ, вскакивалъ первымъ въ турецкія укрѣпленія, но все у него проходило незамѣтнымъ: Столь желанный бѣленькій крестикъ не давался ему...

— Не везетъ Алексѣю Петровичу!—усмѣхнулся Рождественцевъ и съ гордостью взглянулъ на своего Георгія.

XIX.

Болгарская дружина.

ЕТКО бодро совершилъ переходъ черезъ Большой Балканъ съ своей третьей дружиной и вмѣстѣ съ русскимъ передовымъ отрядомъ болгарскіе ополченцы стали на отдыхъ въ городѣ Казанлыкѣ. Лазарь былъ вмѣстѣ съ дружинниками. Настойчивость его подѣйствовала, командиръ дружины маіоръ Калитинъ въ концѣ-концовъ махнулъ рукой и если не разрѣшилъ мальчугану остаться при дружинѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и не препятствовалъ этому. Маленькій воинъ очень гордился своимъ новымъ положеніемъ.

— Ты увидишь меня, Петко, когда придетъ время,— говорилъ онъ.—Я покажу себя!

Гюровъ теперь только улыбался брату, но въ душѣ одобрялъ его. Иногда Лазарь вдругъ пропадалъ, потомъ появлялся и всегда приносилъ какое-нибудь извѣстіе.

Послѣ отдыха въ Казанлыкѣ, передовой отрядъ по-

шелъ даже впередъ. Передъ нимъ были Малыя Балканы, у подножія которыхъ ютились, защищая проходы, два городка—лѣвѣе отъ Казанлыка: Эни-Загра или Новая Загора, какъ называли этотъ городъ болгары, и наискось, тоже влѣво, Эски-Загра или Старая Загора.

Генералъ Гурко рѣшилъ овладѣть Эни-Загрой, какъ началомъ пути на Адріанополь. По донесеніямъ тамъ было всего только пять таборовъ турецкой пѣхоты. Идти рѣшено было тремя колоннами—средняя изъ Казанлыка, лѣвая изъ Хаинкіоя—Елецкій и Сѣвскій полки—и правая черезъ Эски-Загру, уже занятую русскими. Въ правой была кавалерія принца Лейхтенбергскаго и болгарское ополченіе.

Передъ самымъ выходомъ болгарскихъ дружинниковъ явился пропавшій дня за три до того Лазарь. Лицо мальчугана было серьезно и самъ онъ казался испуганнымъ.

— Турки, много турокъ!—таинственно сказалъ онъ Гюрову.—Сильно драться придется...

— Гдѣ ты видѣлъ турокъ?—спросилъ Петко, нѣсколько встревоженный сообщеніемъ брата.

— Тамъ за горами, за Эски-Загрой—кивнулъ тотъ въ сторону Малыхъ Балканъ, — столько никогда не было... Много, много... Милліонъ! Сто тысячъ... Еще подходятъ.

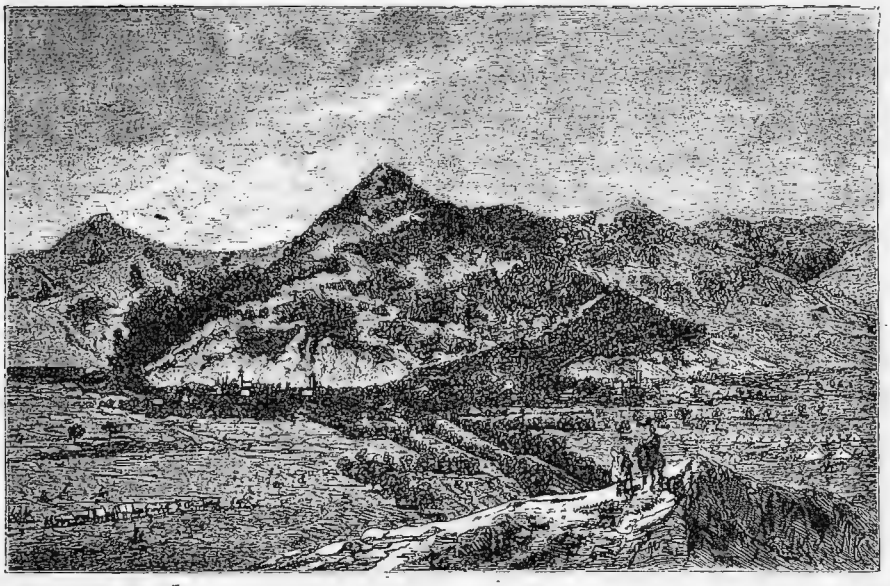
Гюровъ зналъ, что Лазарю можно вѣрить; онъ отправился къ своему командиру Усову и сообщилъ ему о свѣдѣніяхъ, принесенныхъ братомъ.

— Обязанности солдата не разсуждать, а драться!—обрѣзалъ его тотъ.—Въ штабѣ нашемъ есть всѣ свѣдѣнія. Въ Эски-Загрѣ четыре турецкихъ табора и намъ приказано проглотить ихъ. Болгарскимъ ополченцамъ пора принять боевое крещеніе.

Отрядъ пошелъ „глотать“. Однако, сразу же за Эски-Загрой пришлось заботиться о томъ, чтобы самимъ не быть „проглоченными“. Турки, словно изъ-подъ земли, выросли. Высоты верстахъ въ трехъ отъ города были

заняты ими и ихъ пушки громили оказавшуюся передъ ними болгарскую дружину. Отвѣчать дружинникамъ было не изъ чего. Пальнули-было изъ крошечной пушеночки, но зарядъ и трети разстоянія не пролетѣлъ. Дальнѣйшая стрѣльба была безполезною тратой снарядовъ.

Около 11 часовъ утра 19-го іюля бой начался уже по всей линіи. Противъ болгарскихъ дружинъ былъ авангардъ только что прибывшей изъ Черногоріи арміи Сулеймана-паши.



Общій видъ Шипкинскаго перевала со стороны Казанлыка.

Турки замѣтно переходили въ наступленіе. Ихъ правый флангъ готовилъ рѣшительный ударъ ополченцамъ.

Командиръ 3-ей дружины замѣтилъ это.

— Молодцы! — закричалъ онъ, указывая дружинникамъ на густую турецкую цѣпь,—видите, турки... Покажемъ себя... За свободу Болгаріи! За болгарскихъ мучениковъ! Ура!

Онъ кинулся впередъ; вся его дружина со штыками на перевѣсъ бѣжала вслѣдъ за нимъ.

Самарское знамя развѣвалось среди нападавшихъ. Его золоченный наконечникъ такъ и сверкалъ на лучахъ полуденнаго солнца. Гюровъ смотрѣлъ въ знамя. Онъ только его и видѣлъ въ этомъ первомъ наступленіи болгарскихъ дружинъ. О туркахъ онъ думалъ мало. Они такъ близко, что только, вотъ, перебѣжать эту долину, а тамъ „ура“ и натискъ — турки, не переносившіе въ силу своей нервности боевого клича русскихъ, сдадутся и уйдутъ на свои высоты.

— За поруганную родину! За погибшихъ отцовъ и братьевъ! Смерть невѣрнымъ!..—гремѣло со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ самарское знамя странно заколебалось. Крикъ ужаса смѣнилъ побѣдный кличъ дружинниковъ. Прямо въ лицо имъ несся градъ вражескихъ пуль. Знаменщикъ былъ пораженъ на смерть. Калининъ, однако, успѣлъ подхватить знамя и, высоко поднявъ его надъ головой и размахивая имъ, закричалъ, покрывая голосомъ шумъ боя:

— Знамя цѣло! Впередъ, ребята! За родин...

Онъ не докончилъ и упалъ. Турецкая пуля впилась въ его грудь и туркестанскій храбрецъ легъ подъ накрывшимъ его трупъ болгарскимъ знаменемъ. Къ упавшему знамени кинулся фельдфебель 1-ой роты и снова поднялъ его. Черезъ мгновеніе и онъ лежалъ убитымъ. Двое унтеръ-офицеровъ дружинниковъ тогда вынесли знамя изъ боя; древко его было перебито, но само оно все-таки уцѣлѣло.

Турки не выдержали, какъ и всегда, „ура“. Они забыли, что передъ ними не русскіе, а ихъ недавніе рабы, и отошли на высоты. Но ополченцамъ было это не легче. Они попали подъ градъ турецкихъ пуль; со стороны непріятелей послышался какой-то сигналъ. Таборы снова перешли въ наступленіе и враги быстро начали охватывать съ обоихъ фланговъ сражавшихся противъ нихъ

дружинниковъ. Кромѣ Калинина, убиты были офицеры Федоровъ, Поповъ, Усовъ.

Болгарское ополченіе, „мать будущей болгарской арміи“, приняло свое боевое крещеніе. Противъ него, какъ оказалось послѣ, было 30 черногорскихъ таборовъ Сулеймана-паши[41]).

Подъ Эни-Загрой и Джуранли, гдѣ противъ турокъ дѣйствовали русскіе полки казанлыкскаго и хаинкіоскаго отрядовъ русскіе вышли побѣдителями.

Сулейманъ-паша.

Однако, несмотря на это, всему собравшемуся за Большимъ Балканомъ отряду пришлось начать полное отступленіе. Теперь было извѣстно, кто находится предъ недавними побѣдителями. Сулейманъ-паша уже достаточно прославилъ свое имя въ Черногоріи. Его солдаты были закалены въ постоянныхъ бояхъ съ горцами, горная война была имъ не новостью.

По первымъ слухамъ, у Сулеймана-паши было уже сорокъ таборовъ (таборъ около 700 человѣкъ) испытаннаго войска съ прекрасной артиллеріей, съ огромнымъ количествомъ всякаго рода боевыхъ запасовъ. Небольшому передовому отряду русскихъ нечего было сходиться въ долинѣ съ новой турецкой арміей. Исходъ борьбы представлялся рискованнымъ. Турки могли обойти русскихъ,

прорваться къ Шипкѣ и, занявъ тамъ неприступныя позиціи, отразить Передовой отрядъ и въ то же время, спустившись съ горъ въ Предбалканскую Болгарію, кинуться на дѣйствовавшую тамъ русскую армію, у которой такъ неожиданно связаны были руки внезапно выросшей, словно изъ-подъ земли, Плевною, ради которой на театръ военныхъ дѣйствій потребованъ уже былъ гвардейскій корпусъ.

Генералъ Гурко рѣшилъ отвести свой отрядъ въ горы и укрѣпиться на Шипкѣ.

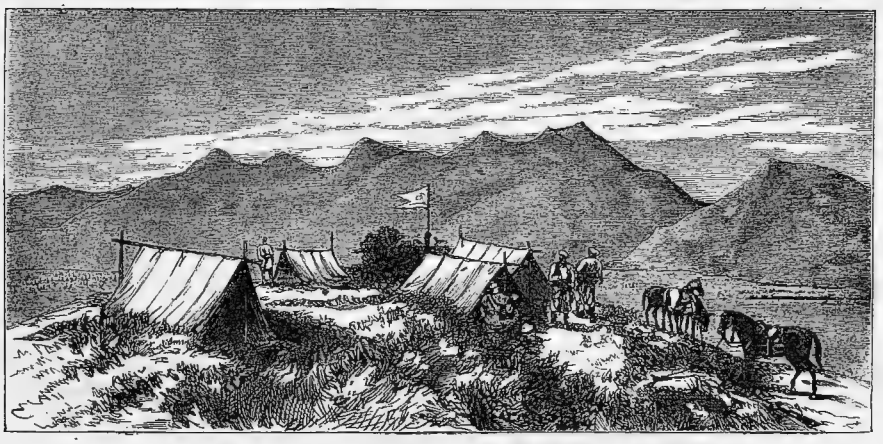
Одинъ за другимъ отходили отряды и жалкіе остатки болгарскаго ополченія; турки ихъ не преслѣдовали.

Медленно втягивались русскіе по шипкинскому шоссе въ мрачныя ущелья. Раненые были пропущены впередъ. За ними уже тянулись одинъ за другимъ отходившіе отряды. Высились по прежнему равнодушно молчаливыя вершины. Онѣ принимали съ такимъ же спокойствіемъ въ свои неприступныя твердыни освободителей Болгаріи, съ какимъ такъ еще недавно таили свирѣпыхъ османовъ. Теперь русскимъ хорошо уже были извѣстны эти молчаливые скаты, утесы, обрывы, эти голыя скалы, эти ущелья, пропасти, которыя, словно поясомъ, охватывало шедшее изъ Казанлыка на Габрово шоссе.

Вотъ высшая точка всего Шипкинскаго перевала—гора св. Николая. Отлогіе обрывы ведутъ къ ней. Крутизна страшная. Если взглянуть съ вышины св. Николая, виденъ только маленькій клочекъ шоссе. Все остальное уходитъ изъ глазъ — такова крутизна. Передъ горой со стороны Шипки тянется высокая голая скала, падающая внизъ необыкновенно крутымъ обрывомъ. Это „Орлиное гнѣздо“. Влѣво отъ „св. Николая“ выросъ, высясь надъ этой горой, небольшой хребетъ изъ трехъ горныхъ вершинъ: Тырсово — Малый Бадекъ, на 12 саженъ выше св. Николая и всего въ 2 съ небольшимъ верстахъ отъ него, и болѣе близкіе—Демиръ-тепе—„Сахарная голова“, связанная съ горою св. Николая сѣдловиной и Деміевизъ—

„Сосокъ“. Вправо отъ св. Николая, образуя съ шоссе своей линіей острый уголъ, вытянулся гребень изъ трехъ горъ: Волынской, Лѣсной и Лысой, связанныхъ съ переваломъ сѣдловинами. За горой въ сторону Габрова три крутѣйшіе подъема: Узунъ-кутъ, Кидійская стѣна и Среднее Беклеме. Шипка—не деревня, а гора въ полуторыхъ верстахъ по шоссе.

Позиція русскими была избрана на горѣ св. Николая. Здѣсь, какъ только пришли первые отряды, закипѣла работа. Дружинники и орловцы, оставленные для защиты,



Главная квартира Сулеймана-паши при аттакѣ на Шипкинскій перевалъ.

перерывали ложементы, возводили баттареи, готовясь къ встрѣчѣ гостей изъ оставленнаго ими Казанлыка.

Пока было все спокойно. Турки оставляли русскихъ, выжидая, чѣмъ кончатся плевненскіе бои, не прорвется-ли Османъ-паша, чтобы сразу съ двухъ сторонъ ударить на русскихъ.

Сулейманъ не сомнѣвался, что ему съ своими таборами удастся вытѣснить противниковъ съ шипкинскаго перевала.

Полки 14-ой дивизіи отдыхали подъ Тырновомъ. Съ какой радостью встрѣченъ былъ Рождественцевъ, когда онъ вернулся въ свою роту. Савчукъ, уже унтеръ-офи-

церъ, привѣтствовалъ его съ такой простодушной лаской, что тепло и хорошо стало на сердцѣ у Сергѣя. Ласка и любовь, вѣдь, всегда трогательно дѣйствуютъ на человѣческое сердце. Вспомнили Дунай, товарищей, павшихъ на полѣ битвы, порадовались за себя. Теперь и Рождественцевъ, произведенный въ унтеръ-офицеры, сталъ отдѣленнымъ начальникомъ, и деликатный хохолъ называлъ его по имени и по отчеству—равными они стали.

— Гдѣ-то намъ придется послужить царю-батюшкѣ?—сказалъ разъ Савчукъ Рождественцеву.—Подъ Плевну-бы теперь... вотъ, гдѣ наше мѣсто...

— Погодите, пожалуй и ближе Плевны пошлютъ: на Шипку!— отвѣчалъ Сергѣй,—тамъ много всѣмъ дѣла будетъ!

— Будетъ дѣло — поработаемъ! Теперь, можно сказать, турки намъ не въ новинку: не страшны! А радъ я, — перемѣнилъ солдатъ тему, — что вы поправились: словно къ родному привыкъ...

— Спасибо! Вотъ и Фирсовъ и Мягковъ тоже молодцами стали...

— Ничего, выкарабкались... Опять въ работу пойдутъ. А почему это, Сергѣй Васильевичъ, такъ много про этого самаго Сулеймана-пашу теперь говорятъ? Въ чемъ его сила-то?

Сергѣй, какъ умѣлъ, объяснилъ, что солдаты Сулеймана-паши долго сражались въ Черногоріи, гдѣ привыкли вести войну на горахъ.

— Стало-быть, сулеймановскіе-то воины не то, что здѣшніе?—спросилъ Савчукъ,—отъ одного „ура“ бѣгутъ.

— Нѣтъ, у Сулеймана-паши, говорятъ, все, какъ на подборъ,—храбрецы.

— Хорошо это! — задумчиво произнесъ солдатъ, — здѣшнихъ, хотя-бы, вотъ, и дунайскихъ, просто бить противно... Ни тебѣ храбрости, ни тебѣ солдатской чести. Полоумные: палятъ безъ толку, гаркнешь „ура“—въ разсып-

ную... И противно, и жалко! Вѣдь, если такъ говорить, колю я турка штыкомъ, на смерть, значитъ. А что онъ мнѣ сдѣлалъ? Да ничего! Бью его по долгу присяги. А какъ подумаешь... У каждаго бритолобаго дома, поди, жена, ребятки. И ему ради нихъ пожить на бѣломъ свѣтѣ хочется, и ему я—а меня-то онъ и въ глаза не видѣлъ—вдругъ причиняю смерть. Другое совсѣмъ, если непріятель храбрый. Тамъ, по крайней мѣрѣ, чувствуешь, что онъ тебя достоинъ, равенъ тебѣ. Ты его не убьешь,—онъ тебя изничтожитъ. А съ трусами не приведи Богъ дѣло имѣть. На душѣ остается этакое нехорошее. Поскорѣй-бы съ сулеймановскими перевѣдаться. Ужъ я имъ, нехристямъ!..

Ждать долго не пришлось... Шестого августа съ Шипки пришло извѣстіе, что Сулейманъ-паша съ безчисленными таборами идетъ на укрѣпившуюся на горѣ св. Николая горсть русскихъ и болгарскихъ ополченцевъ. 4-ая стрѣлковая бригада была переведена подъ самыя Балканы въ Габрово. 14 пѣхотной дивизіи былъ объявленъ походъ на Шипку.

XX.

Адъ подъ небесами.

ЖИЛИ, заговорили, загремѣли молчаливыя Балканы. Пушки уже не гремятъ, а просто ревутъ: ихъ выстрѣлы сливаются въ этотъ несмолчный ревъ. Ружей совсѣмъ не слышно; только развѣ одни ружейные залпы можно отличить среди пушечнаго рева. Когда, совершенно случайно, на мгновеніе все стихаетъ, слышно протяжное „Алла“, „Алла“ и въ отвѣтъ имъ вспыхиваетъ не особенно громкое „ура“...

Это таборы Сулеймана-паши ведутъ безпрерывныя аттаки на засѣвшую среди утесовъ горы св. Николая горсть русскихъ. Мало, совсѣмъ мало ихъ... На Шипкинскомъ перевалѣ засѣлъ Орловскій полкъ съ двумя баттареями 9-ой артиллерійской бригады, съ шестью орудіями второй горной баттареи. Съ орловцами пять сотенъ спѣшенныхъ казаковъ и пять неполныхъ дружинъ болгар-

скаго ополченія. Только и всего. Противъ нихъ сто таборовъ турецкой пѣхоты — Сулейманъ-паша присоединилъ къ себѣ всѣ ранѣе его бывшіе въ Забалканской Болгаріи силы Реуфа-паши, да притянулъ еще выбитый русскими, только что взявшими укрѣпленный турецкій лагерь Ловчу, ея гарнизонъ. Силы совсѣмъ неравны. Войска Сулеймана— настоящія войска. Его солдаты храбры, настойчивы, спокойны въ бою, артиллеристы опытны въ стрѣльбѣ на горахъ. Трудно сопротивляться имъ.

На горѣ св. Николая засѣлъ третій батальонъ орловцевъ съ второй баттареей 9-ой бригады и съ „стальной“ баттареей. Въ этой послѣдней орудія хорошо знакомыя туркамъ. Прежде они принадлежали имъ. Русскіе отбили ихъ при взятіи турецкихъ позицій и теперь жерла стальныхъ чудовищъ несутъ смерть своимъ бывшимъ хозяевамъ. На правомъ флангѣ укрылись въ ложементахъ второй и третій баталіоны орловцевъ, за которыми высились „средняя“ и „круглая“ баттарея съ орудіями пятой баттареи 9-ой бригады и два донской конные. Изъ второго баталіона орловцевъ двѣ роты засѣли въ „Орлиномъ гнѣздѣ“. На правомъ флангѣ вторая, третья и пятая дружины болгаръ-ополченцевъ. У подошвы горы, въ сторону къ шоссе, гдѣ была турецкая караулка, въ резервѣ стали три орловскія роты и 1-ая и 4-ая болгарскія дружины.

Турки заняли Тирсово—Малый Бадекъ. Тамъ у нихъ баттареи ярусами. Орудій же у Сулеймана-паши столько, что всю гору уставить можно. Справа они на Лысой и Лѣсной горахъ—здѣсь они укрѣпились отъ русскихъ всего на разстояніи версты съ небольшимъ.

Съ семи часовъ утра 9 августа начался на Шипкѣ кромѣшный адъ. Десять разъ и все новые таборы турокъ ходили въ аттаку на защитниковъ горы. Изумительно было ихъ упорство и энергія. На подступахъ были зажжены фугасы. Двигается штурмующаая турецкая колонна... Вотъ-вотъ уже она близко совсѣмъ. Сейчасъ должны ки-

нуться враги на русскіе ложементы. Вдругъ вздрагиваетъ земля, раздается глухой ударъ и сейчасъ же выростаетъ груда трепещущихъ въ предсмертной агоніи тѣлъ. Отхлынетъ на мгновеніе волна живого моря, а ей на смѣну уже катится новая.

Петко Гюровъ, ослѣпленный всѣмъ ужасомъ, обезумѣвшій отъ всего этого ада, бился въ передовомъ ложементѣ. Онъ, какъ во снѣ, видѣлъ предъ собою и турокъ и своихъ товарищей. Ни до тѣхъ, ни до другихъ ему не было дѣла. Юношѣ представлялось, будто только онъ одинъ сидитъ здѣсь въ ямѣ и сдерживаетъ всѣхъ этихъ людей въ красныхъ фескахъ. Петко ожесточился, остервенился, жизнь перестала существовать для него. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы побольше сбить съ ногъ своихъ враговъ.

Рядомъ съ нимъ билась съ такимъ же ожесточеніемъ женщина. Это была болгарка Райна, приставшая къ ополченію въ Казанлыкѣ. Турки только что незадолго до прихода русскихъ перерѣзали ея семейство и она пошла въ ряды ополченія, чтобы отмстить палачамъ за смерть близкихъ.

По другую сторону Гюрова, мало въ чемъ уступая взрослымъ, дрался Лазарь. Теперь никто на него не обращалъ вниманія и не прогонялъ изъ рядовъ ополченцевъ. Все-таки это были лишнія руки, которыя могли дать по туркамъ не одинъ лишній выстрѣлъ. А сколько было выстрѣловъ, настолько меньше становилось и число наступавшихъ враговъ.

Около полудня подошелъ къ защитникамъ перевала Брянскій полкъ съ бригаднымъ командиромъ, генераломъ Дерожинскимъ.[42]) Этимъ подкрѣпленіемъ пока приходилось довольствоваться. Остальные ближайшіе полки 9-ой дивизіи, Сѣвскій и Елецкій, вмѣстѣ съ Орденскимъ драгунскимъ защищали противъ турокъ сосѣдніе перевалы Елененскій, Бобровскій и Хаинкіоскій, гдѣ ожидались не менѣе бѣшеныя аттаки турецкихъ таборовъ.

Немножко какъ-будто легче стало. Брянцы подошли, турецкія аттаки стали не такъ упорны.

Невыносимый зной томилъ защитниковъ Шипки; отовсюду слышались отчаянные крики: „воды“, „пить, ради Создателя!“ и у разгоряченныхъ непомѣрными усиліями людей не было, чѣмъ утолить свою жажду, освѣжить запекшіяся губы...

— Я знаю, тутъ недалеко есть ручей! —сказалъ Лазарь Гюрову.

— Ну такъ что же? Къ нему развѣ проберешься?—сурово отвѣтилъ тотъ.

— Я попробую!

Петко посмотрѣлъ на брата своими воспаленными глазами и равнодушно сказалъ:

— Попробуй...

Мальчуганъ, словно змѣя, выскользнулъ изъ ложемента.

На его исчезновеніе не обратили даже вниманія.

Генералъ Дерожинскій.

Лазарь, между тѣмъ, совсѣмъ припавъ къ землѣ, ползъ, прикрываясь камнями. Ему самому страшно хотѣлось пить; онъ даже и не думалъ, сколько онъ можетъ принести воды своимъ товарищамъ. Вдругъ онъ увидалъ прямо передъ собою двигавшуюся впередъ турецкую колонну. Это шли турки въ новую аттаку на русскіе ложементы. Колонна только что, очевидно, была введена въ бой. Турки шли густою цѣпью безъ выстрѣловъ, держа

на перевѣсъ штыки. Русскія пули ни на мгновеніе не останавливали ихъ. Картечь и гранаты съ русскихъ батарей тоже не производили на нихъ впечатлѣнія. Падали сразу десятками и сейчасъ же цѣпь смыкалась и продолжала наступленіе.

„Возьмутъ теперь, все погибло! — съ отчаяніемъ подумалъ Лазарь, притаившійся за большимъ камнемъ.— Измучились всѣ... не выдержать... Что дѣлать?“

Взглядъ его упалъ на виднѣвшійся изъ-подъ земли обрывокъ фугасной трубки. Онъ слышалъ еще утромъ, что нѣсколько заложенныхъ въ землѣ фугасовъ не взорвались.

„Что, если попробовать? Можетъ быть, не взорвавшійся!“—блеснула въ головѣ мальчугана мысль.

Онъ зналъ, какъ взрываются фугасы. Еще въ это утро вмѣстѣ съ саперами 7-го баталіона Лазарь самъ закладывалъ ихъ. Размышлять, обдумывать не было времени. Мальчикъ зажегъ фугасъ... Послѣдовалъ взрывъ. Своею неожиданностью онъ на этотъ разъ смутилъ турокъ. Ничего подобнаго они не могли ожидать съ этой стороны. Замѣшательствомъ воспользовались дружинники и присоединившіеся къ нимъ брянцы. Часть ихъ, не дожидаясь турокъ, выскочила изъ ложементовъ и кинулась на смущеннаго непріятеля. Приступъ былъ отбитъ. Это былъ послѣдній—десятый въ этотъ день.

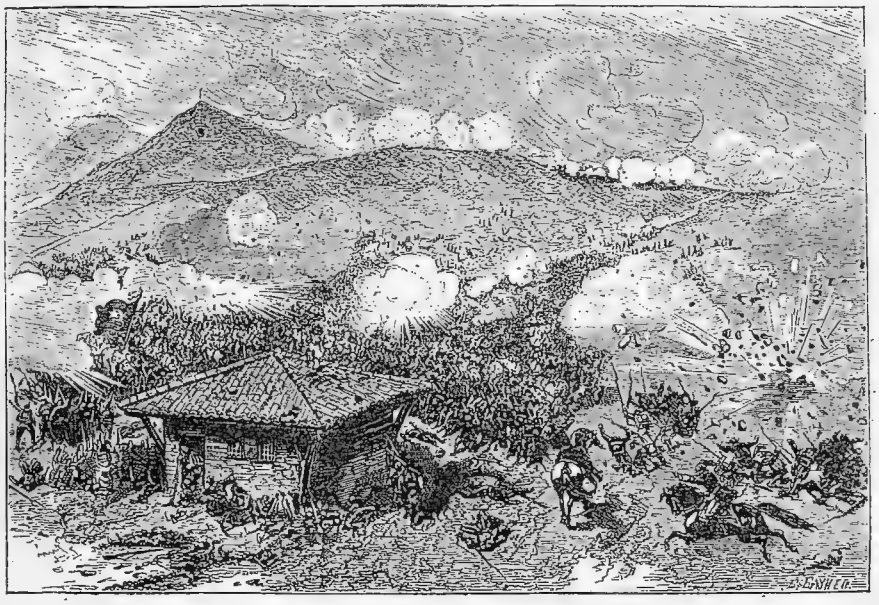
Лазарь, надѣявшійся спуститься по откосамъ къ ручью, пробивавшемуся, какъ ему было хорошо извѣстно, подъ кручами, только теперь сообразилъ, что не въ чемъ ему захватить воды товарищамъ. Но онъ не потерялся. Одна мысль навела его на другую. Онъ даже отъ радости громко вскрикнулъ, когда эта новая мысль пришла ему въ голову. Вѣдь онъ зналъ, что въ этихъ горахъ скрывается въ ущельяхъ множество бѣжавшихъ послѣ выхода русскихъ изъ Казанлыка болгарскихъ семей. Его знаютъ, онъ сумѣетъ убѣдить земляковъ съ Габровской

стороны натаскать солдатамъ воды. Только бы не замѣтили его турки...

Довольный собой, онъ поползъ по кручамъ, попрежнему прячась за камнями и выступами скалъ.

Въ ложементахъ, между тѣмъ, настало спокойствіе. Враги болѣе не насѣдали, а къ пальбѣ ихъ пушекъ солдаты и ополченцы успѣли уже достаточно привыкнуть.

Стало замѣтно вечерѣть. Солдаты успѣшную защиту



Взрывъ русскихъ динамитныхъ минъ среди турецкихъ аттакующихъ колоннъ.

своей позиціи откровенно приписывали товарищамъ-артиллеристамъ. Мѣткій огонь русскихъ пушекъ только и сдерживалъ турецкія аттаки. Для рукопашнаго боя слишкомъ мало было людей.

Наступилъ вечеръ; пушечный громъ не умолкалъ съ обѣихъ сторонъ. Подошедшіе турки возводили новыя батареи и ложементы и даже два изъ нихъ не болѣе, какъ въ ста шагахъ отъ русской позиціи. Помѣшать имъ было

нельзя—каждый солдатъ теперь былъ драгоцѣнностью. Даже рвавшихся на вылазку охотниковъ не пустили разогнать копавшихся въ землѣ турокъ. Вмѣсто этого, закипѣла работа: исправляли поврежденія въ окопахъ, относили трупы, отправляли раненыхъ.

Лазарь сдѣлалъ-таки свое дѣло; едва только бой началъ стихать на русскихъ позиціяхъ, появились болгарскія женщины и дѣти съ кувшинами воды и хлѣбомъ. Мальчуганъ нашелъ бѣглецовъ болгаръ и убѣдилъ ихъ принести воды къ истомленнымъ зноемъ и усталостью защитникамъ перевала. Самъ ген. Дерожинскій, командовавшій позиціями, потрепалъ мальчика по головѣ и сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ.

Слѣдующій день прошелъ спокойно, т.-е. не было атакъ на русскіе окопы. Зато съ пяти часовъ утра и до семи вечера, ни на минуту не переставая, били и артиллеристы и стрѣлки по русскимъ позиціямъ изъ близкихъ и далекихъ баттарей пушечными и ружейными выстрѣлами. Русскія пушки только изрѣдка отвѣчали имъ. Оставалось всего 80 снарядовъ, и ихъ берегли на случай атаки. Впрочемъ, и въ этотъ день турки девять разъ кидались на русскихъ, но съ очевиднымъ намѣреніемъ только утомить ихъ, ослабить ихъ энергію.

Наступило 12 августа.

Ярко-ярко залило своими лучами съ далекаго голубого неба и горы, и русскихъ и турокъ радостное солнце. Весело сіяло оно, какъ-будто хотѣло пробудить жажду жизни въ горсточкѣ самоотверженныхъ людей, едва-едва державшихся отъ крайняго утомленія на ногахъ.

Они знали, что въ этотъ ясный солнечный день все будетъ кончено для нихъ въ этой жизни. Свѣжіе многочисленные таборы новыхъ войскъ подошли къ Сулейману, а съ русской стороны горсточкѣ шипкинцевъ ни подкрѣпленій, ни огнестрѣльныхъ снарядовъ ранѣе слѣдующаго дня нечего было и ожидать.

Молчатъ богатыри. Ни звука не слышно. Крѣпко сжимаютъ только ихъ пальцы ружейные стволы. Въ сегодняшнемъ бою надежда вся на штыкъ да на прикладъ. Патроновъ всего на нѣсколько залповъ, а тамъ—въ рукопашную. Штыками, прикладами, лопатами, топорами, кулаками, зубами пойдетъ этотъ послѣдній бой; всѣ до послѣдняго лягутъ здѣсь подъ вражескимъ напоромъ остатки орловцевъ, брянцевъ, болгаръ. Только память отъ нихъ останется, что, вотъ, здѣсь они, среди этихъ утесовъ, на вершинѣ одинокой горы всѣ легли до послѣдняго, а не уступили врагу добытое своею кровью мѣсто.

Съ Тирсовой, Лысой и Лѣсной льется на вершину св. Николая градъ гранатъ и частятъ ружейныя пули. Не даромъ Сулейманъ воевалъ съ черногорцами. Онъ сумѣлъ воспользоваться этимъ проклятымъ мѣстомъ, этими проклятыми горами. Тирсова и Лысая выше Николая—не на много, на сажень всего, а все-таки выше. Артиллеристамъ все равно, зато стрѣлки бьютъ по русскимъ снизу вверхъ.

— О, Господи!—вырывается иногда жалобный вздохъ изъ настрадавшейся солдатской груди.

Петко сурово смотритъ передъ собою. Ему теперь жаль, что онъ пошелъ въ ополченіе. Черезъ часъ—два, когда пойдутъ турки, онъ умретъ—будетъ убитъ, и отецъ съ братьями останутся не отомщенными. Лучше-бы остаться на свободѣ; изъ-за скалъ въ горахъ можно болѣе пролить турецкой крови, чѣмъ, вотъ, въ такомъ бою, гдѣ одна лишь смерть неизбѣжна.

Его зависть беретъ и досада, когда онъ взглядываетъ на Лазаря и Райну. Райна все время громко хохочетъ, какъ сумасшедшая, болтаетъ безъ устали всякій вздоръ; Лазарь какъ-то странно сосредоточенно спокоенъ. Послѣ того, какъ самъ Дережинскій погладилъ его по головѣ, мальчуганъ вдругъ словно выросъ, сталъ настоящимъ солдатомъ. Онъ съ удивленіемъ вглядывается въ лица

своихъ ближайшихъ товарищей и только удивляется, отчего это такъ они блѣдны?

Солнце разгорается на далекомъ небѣ; зной такъ и паритъ,—не на солнопекѣ, а въ тѣни 40 градусовъ. Голые камни скалъ и утесовъ раскалились...

Съ горъ, занятыхъ турками, завыли сигнальные турецкіе рожки. Ревъ орудій словно удвоился, утроился, учетверился... Словно новыя пушки заговорили о неминуемой гибели шипкинцевъ; голоса ихъ слились всѣ вмѣстѣ. Ревѣло не умолкая ни на минуту, ни на мгновеніе, какое-то страшное чудовище, исчадье ада, и подъ этотъ ревъ съ трехъ сторонъ скатывалась къ подступамъ на Николая красная лавина турецкихъ таборовъ. Густыя тучи порохового дыма окутали ихъ, когда вѣтеръ разорвалъ этотъ бѣлый туманъ, турки уже начали подниматься на русскую гору. Они даже не особенно торопились. Шпіоны донесли въ турецкій лагерь, что у русскихъ почти нѣтъ патроновъ, что подкрѣпленія не успѣютъ подойти къ нимъ, что только къ Габрову тамъ за Балканами стягивается армія гяуровъ... Чего же торопиться? Часомъ раньше, часомъ позже — все равно русскіе не уйдутъ.

— Уходи прочь!—услыхалъ около себя Лазарь.

Онъ оглянулся. Это крикнулъ одинъ изъ офицеровъ ополченцевъ.

— Зачѣмъ?—недоумѣвающе спросилъ Лазарь,—я умру съ вами...

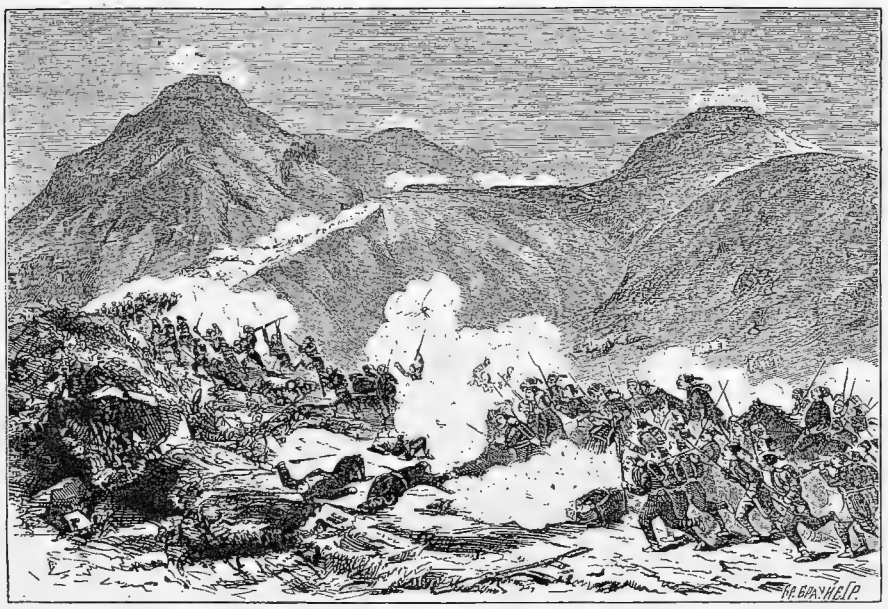
Офицеръ что-то крикнулъ—что—Лазарь не слыхалъ. Онъ даже не догадался, что тому просто стало жалко ребенка. Дюжія руки схватили мальчугана. Лазарь попробовалъ отбиваться, но напрасно. Онъ громко заплакалъ.

— Иди къ Габрову, — закричалъ ему по-болгарски Петко,—тамъ скажешь, что всѣ мы здѣсь перебиты!

„Габрово! Габрово! Зелено-Древо! Да, вѣдь, тамъ теперь сбираются русскіе полки! — озарила мальчугана

мысль, — Они и не знаютъ, что творится здѣсь. Можетъ быть, они придутъ и прогонятъ турокъ".

До перекрестка, гдѣ сходились два шоссе съ Габрово и деревни Зелено-Древо на Шипку было около 12 верстъ. Лазарь вспомнилъ, что у резервовъ были казачьи лошади и рѣшилъ, что помчится туда, скажетъ тамъ о гибели защитниковъ Шипки; вѣдь, турокъ, пока не укрѣпятся здѣсь, не такъ еще трудно будетъ прогнать.



Аттака турокъ на Шипку.

Онъ подчинился своей участи и побѣжалъ къ тому, что такъ громко называлось „резервами".

Въ этихъ резервахъ были только рота со знаменами да казаки-коневоды...

Турки совсѣмъ перестали торопиться. Они своей медленностью дразнили русскихъ артиллеристовъ, выжидая момента, когда замолчатъ русскія пушки, разсѣявъ во вражескія массы всѣ свои снаряды.

Былъ четвертый часъ дня, когда враги послѣ ряда

аттакъ, предпринятыхъ для утомленія защитниковъ св. Николая, кинулись на нихъ съ трехъ сторонъ своею красно-синею массою. „Алла“ заглушило и „ура“ и стоны раненыхъ и вопли погибающихъ. Въ русскихъ окопахъ появились красныя фески. Все было кончено. Всякое сопротивленіе истощилось. Турки давили шипкинцевъ своею массою. Ихъ было такъ много, что они голыми руками перехватали-бы всѣхъ этихъ измученныхъ трехдневнымъ боемъ людей.

Все больше и больше красныхъ фесокъ за русскими окопами. Тамъ уже идетъ не битва, не честный бой, а отвратительная бойня. Молча гибнутъ шипкинцы, только и стараясь въ свои послѣднія предсмертныя минуты лишь о томъ, чтобы какъ можно дороже стоила врагамъ каждая ихъ жизнь...

Но что это? Что? Какая это сила вдругъ словно отшвырнула турокъ. Откуда кинулись на нихъ съ яростнымъ, ужасъ наводящимъ ура еще русскіе? Ужъ не съ неба-ли они упали въ кипучій ужасъ рукопашнаго боя? Великъ Богъ земли русской! Онъ прибѣжище и сила Руси православной...

Истомленные зноемъ тащились по дорогѣ, взбираясь на крутые скаты, съ перекрестка стрѣлки 4 бригады. Сердце ихъ замирало отъ ужаса при одной только мысли, что теперь происходитъ съ ихъ товарищами. Сердце замирало, разумъ мутился, но нехватало силъ ускорить шагъ подъ палящимъ зноемъ. Еще наканунѣ они сдѣлали долгій форсированный переходъ. Люди не птицы, чтобы ни было а летѣть они не могутъ, когда усталыя ноги отказываются шагать. Съ воемъ и рыданіями валились изнемогшіе солдаты на землю, стараясь хоть ползти впередъ, если нельзя было идти на ногахъ: хоть ползкомъ, да ближе къ погибавшимъ товарищамъ.

Топотъ лошадиныхъ копытъ по высохшей до твердости камня землѣ остановилъ отрядъ. Первой мыслью

каждаго было, что на Шипкѣ все кончено. Турки овладѣли горой Николай и выслали впередъ черкессъ на развѣдки. Судорожно схватились солдаты за ружья. Топотъ все ближе; густая пыль кутаетъ всадниковъ. Вдругъ вздохъ облегченія пронесся по рядамъ.

— Слава Богу! Наши!

Стрѣлки услышали хорошо знакомое казацкое гиканье...

Когда сталъ виденъ весь отрядъ, то прежде всѣхъ увидѣли на казацкой лошади мальчика въ лохмотьяхъ изодранной одежды, безъ шапки. Онъ бросилъ поводья и кричалъ, что только было силъ въ его маленькой груди:

— Турки, турки!

Слѣдомъ за нимъ, ведя въ поводахъ кто одну, кто двѣ лошади, скакали казаки-коневоды.

— Садись!—орали они еще издали,—садись, кто въ Бога вѣруетъ, турки къ нашимъ врываются, врываются...

Стрѣлки поняли, что требуется отъ нихъ. Въ одно мгновенье ружья на погонныхъ ремняхъ вскинуты были за спину. Еще мгновеніе, кто сидѣлъ на крупѣ казацкой лошади, охвативъ руками коневода, кто карабкался самъ въ сѣдло, помогая товарищу примоститься позади себя. Казаки, у которыхъ были посильнѣе лошади, сбросили стремена; солдаты сейчасъ же воспользовались ими, какъ подножками. Уцѣпившись руками за всадника, одной ногой на-вѣсу, другой въ стремена, по-трое на одной лошади, несся отрядъ этотъ на помощь погибавшимъ товарищамъ.

Какъ громъ небесный, грянуло ихъ ура, когда они кинулись въ самую гущу боя.

Турки, уже торжествовавшіе побѣду, ничего подобнаго ожидать не могли. Они на мгновеніе растерялись. Этого мгновенія достаточно было, чтобы русскіе выбросили ихъ за окопы. Теперь уже они перешли въ наступленіе, тѣсня растерявшагося непріятеля. Въ натискѣ стрѣлковъ было что-то нечеловѣческое, стихійное. Турки прогнаны были

въ отдаленные свои ложементы. Наступила тишина. Отдыхали измученные съ обѣихъ сторонъ бойцы. Но не долго длился этотъ отдыхъ. Сулейманъ снова кинулъ свои таборы на русскихъ.

А въ это время изъ Габрова вслѣдъ за стрѣлками подоспѣли полки 14-ой дивизіи. Прямо съ похода подошедшіе первыми житомирцы и подольцы кинулись на турокъ. Ихъ нельзя было удержать, такъ велико было ихъ боевое увлеченіе. Они очутились съ поразительной быстротой на Тырсовой и штыками стали выбивать турокъ изъ ихъ ложементовъ. Между тѣмъ это былъ совершенно безполезный подвигъ. Былъ восьмой часъ вечера и въ темнотѣ представлялось невозможнымъ удержать за собой позиціи, если бы даже онѣ и были взяты.

Въ этотъ день не было героевъ, потому что всѣ были герои...

Двѣнадцать часовъ безъ перерыва длился бой 12 августа. Истомленные герои за все это время не пили и не ѣли. Только когда появились среди нихъ прибѣжавшіе и изъ Габрова теперь болгары и болгарки съ водой и хлѣбомъ, могли они утолить и голодъ и жажду.

Какъ будто, знаменуя всѣ ужасы этого страшнаго дня, затмилась луна на небѣ. Величественное явленіе природы началось въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи. Ясный дотолѣ дискъ ночной красавицы началъ заволакиваться дымкою. Словно трауромъ по погибшимъ въ этотъ день человѣческимъ жизнямъ одѣвалось ночное свѣтило. Ровно въ полночь произошло полное затменіе. Турки продолжали канонаду. Какъ огни, вспыхивали выстрѣлы ихъ пушекъ; съ далекой выси укутанныхъ въ ночной мракъ небесъ смотрѣла на землю, разливая огненно-кровавый отсвѣтъ, затмившаяся луна.

ЛАЗАРЬ НА КАЗАЦКОЙ ЛОШАДИ.
Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

XXI.

Ночь на Лѣсной горѣ.

КОГДА на другой день Волынскій полкъ подходилъ къ Шипкинскому перевалу, то издали еще слышенъ былъ ревъ турецкихъ орудій. Турки не осмѣливались теперь штурмовать русскія позиціи и громили ихъ болѣе, чѣмъ изъ ста горныхъ орудій.

Ничего подобнаго Рождественцевъ не только не слыхалъ никогда, но даже не могъ представить себѣ, что бы сливались въ одинъ общій ревъ разновременные пушечные выстрѣлы.

— Совсѣмъ, какъ въ аду! — тихо проговорилъ Фирсовъ, каждый разъ вздрагивавшій, когда ударялъ какой нибудь одиночный выстрѣлъ.

— Да, да, Степанъ Ивановичъ, какъ въ аду!—машинально проговорилъ Сергѣй, и, вотъ, мы идемъ въ этотъ адъ!

— Ничего не подѣлаешь! — сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ солдатикъ,—приказано—пойдешь...

По пути ротамъ то и дѣло встрѣчались раненые. Рѣдко можно было видѣть кого-либо изъ нихъ на ногахъ. Такіе послѣ перевязки сейчасъ же возвращались въ свои роты.

— Успѣемъ еще! Госпитали для тяжелыхъ, — говорили они,—а мы—легкіе! Можемъ еще ружье держать... Такъ надо постараться, все равно умирать.

Въ Габровскій госпиталь уносили и увозили только такихъ, которые не могли двигаться.

— Ребята! — услышалъ Рождественцевъ, когда его рота пропускала встрѣтившійся транспортъ съ ранеными Житомірскаго полка, — слышали? Нашего дивизіоннаго убили!

Вся рота, всѣ волынцы такъ и замерли...

Убили! Драгомирова убили... Второго Суворова... что-же теперь дѣлать?

И вдругъ встрепенулись подъ вліяніемъ этой мысли всѣ люди, охваченные всѣ одною мыслью, что нѣтъ въ живыхъ ихъ вождя — вождя, съ которымъ они перешли Дунай, потерявъ сравнительно съ другими послѣдующими побѣдами и пораженіями очень немного товарищей.

Драгомирова нѣтъ! Убитъ! — И всѣ волынцы опрометью, бѣгомъ кинулись къ шипкинскимъ позиціямъ.

Къ счастію для Россіи кумиръ ея солдатъ былъ только раненъ шальной турецкой пулей въ ногу. Опасности для жизни не было, но все-таки оставаться съ своей дивизіей Драгомировъ не могъ. Командованіе дивизіей перешло къ генералу Петрушевскому.

Съ чувствомъ величайшаго облегченія вздохнули волынцы, когда узнали, что живъ ихъ дивизіонный.

А турецкія пушки продолжали ревѣть.

Больше было людей на Шипкѣ, больше къ ночи было и жертвъ.

Однако, теперь уже не турки кидались на русскихъ, а уцѣлѣвшіе брянцы, житомірцы, минцы ходили въ аттаки, подбираясь мало-по-малу къ турецкимъ ложементамъ.

Много унесъ русскихъ жизней этотъ день.

Разсказываютъ, что когда одинъ изъ генераловъ обходилъ позиціи, то увидѣлъ за однимъ изъ передовыхъ ложементовъ лежавшихъ въ разныхъ позахъ солдатъ. Около нихъ стоялъ весь въ крови, струившейся изъ ранъ, одинокій офицеръ. Генералу показалось, что солдаты утомились и съ усталости уснули. Были уже сумерки, и произведенное лежавшими впечатлѣніе вполнѣ понятно.

— Что это они у васъ отдыхаютъ?—спросилъ генералъ у офицера, сдѣлавшаго ему подъ козырекъ,—спятъ?

— Да, ваше превосходительство! — послѣдовалъ отвѣтъ,—спятъ... и не проснутся никогда уже...

Генералъ понялъ, что передъ нимъ убитые.

— Такъ вы чего же здѣсь ждете?—воскликнулъ онъ.

— Своей очереди, ваше превосходительство, — тихо, но совершенно покойно отвѣтилъ офицеръ.

Послѣ цѣлаго дня постоянныхъ аттакъ на турокъ русскимъ все-таки не удалось сбить ихъ съ позицій. Въ особенности много вреда наносили русскимъ турки, укрѣпившіеся на Лѣсной и Лысой горахъ. Противъ нихъ въ обходъ высланы были еще 12 августа баталіонъ Житомірскаго полка и затѣмъ 13 августа роты стрѣлковъ 14 баталіона и 3 роты брянцевъ.

Но Шипкинской позиціи теперь главное командованіе принадлежало командиру 8-го армейскаго корпуса; съ ними были ставшій за выбытіемъ изъ строя Драгомірова дивизіоннымъ командиромъ генералъ Петрушевскій и командиръ 2-й бригады 14 дивизіи Дерожинскій. Кромѣ нихъ былъ еще на позиціи старичекъ генералъ-инженеръ Кренке [43]).

Радецкій и Дерожинскій съ биноклями въ рукахъ

наблюдали съ горы св. Николая за передвиженіями отрядовъ, наступавшихъ на Лѣсную гору.

— Посмотрите, ваше превосходительство, — говорилъ Драгомировъ, — они сыпятъ пулями, право, какъ будто горохомъ.

— Не мудрено, — отозвался Радецкій, смотря въ бинокль, — ихъ стрѣлкамъ выдается по 220 патроновъ на день.

Легкій вскрикъ заставилъ его оторваться отъ наблюденій. Онъ обернулся въ сторону своего собесѣдника. Дерожинскій тяжело рухнулъ на землю. Это произошло въ одно мгновеніе. Шальная пуля турецкаго стрѣлка впилась ему въ сердце.

— Счастливецъ! Убитъ наповалъ, безъ мукъ ушелъ!— прошепталъ Радецкій и даже не сталъ прощаться съ погибшимъ товарищемъ. Онъ замѣтилъ движеніе на Лѣсной горѣ. Всѣ три высланныя имъ штурмовыя колонны шли на приступъ.

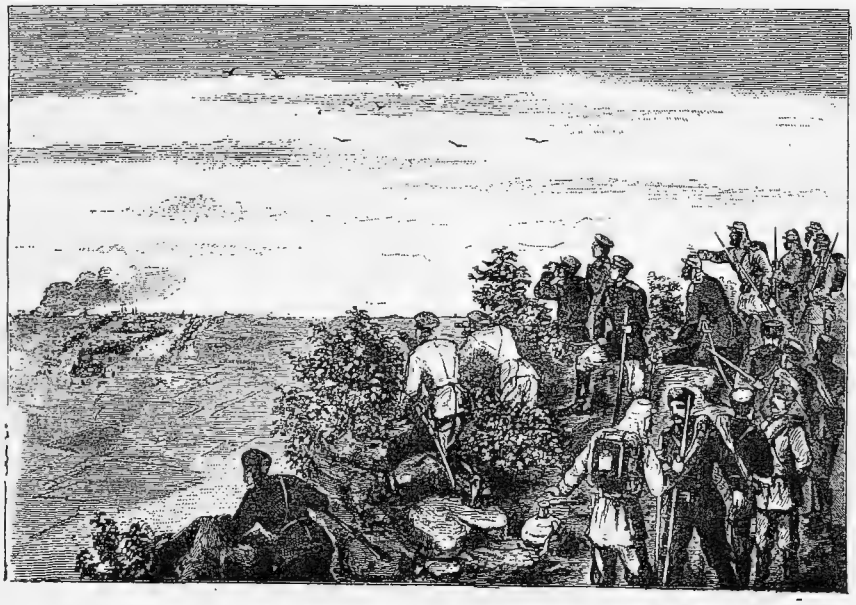
Натискъ былъ такъ дружевъ и стремителенъ, что турки были выбиты изъ своихъ окоповъ. Однако, они быстро оправились, замѣтили, что наступавшихъ на нихъ русскихъ въ сравненіи съ ихъ числомъ было ничтожное количество и сами бросились съ яростнымъ крикомъ на смѣльчаковъ. Начался рукопашный бой. Турки не выдержали его и ударились въ бѣгство; съ Лѣсной горы сталъ быстро отступать и ихъ резервъ. Разгоряченные боемъ солдаты по пятамъ преслѣдовали ихъ и кинулись было на сосѣднюю Лысую гору.

Отсюда ихъ вернули, подкрѣпивъ баталіономъ волынцевъ. Два дня боя истощили резервы и генералъ Радецкій рѣшилъ ограничиться удержаніемъ за русскими только одной Лѣсной горы. Штурмовавшіе отошли, свѣжіе, еще не бывавшіе здѣсь на Шипкѣ въ бою волынцы, заняли гору.

Былъ близокъ вечеръ, въ турецкихъ лагеряхъ на го-

рахъ зажглись костры. Противники отдыхали, только пушки не знали отдыха и въ наступавшей темнотѣ то тамъ, то тутъ на горахъ вдругъ прорѣзывалъ предвечерній сумракъ блескъ ихъ выстрѣловъ.

Волынцы на Лѣсной горѣ безъ страха, но съ любопытствомъ оглядывали окрестныя горы. Кругомъ нихъ были турки. Сосѣдняя Лысая гора или „Малышъ“ была опять уже занята турками. Пока что, они сидѣли спо-



Русскіе слѣдятъ съ горы Св. Николая за передвиженіями турокъ.

койно, но близость ихъ чувствовалась; Лысая была такъ близко, что до русскихъ оттуда совершенно ясно доносился гортанный турецкій говоръ, бряцаніе и лязгъ оружія.

Волынцы были покойны, потому что были увѣрены, что турки ночью штурмовать занятой ими позиціи не будутъ; ночь-же становилась все ближе и ближе; мракъ сгущался и Балканы быстро тонули въ немъ.

— Эхъ-хе! Прикурнуть надобно!—сказалъ Савчукъ, примащиваясь поудобнѣе на своемъ мѣстѣ въ окопахъ.

Но отдохнуть, подремать ему не удалось. Едва только стемнѣло, командиръ баталіона, занявшаго Лѣсную отдалъ приказаніе выйти изъ позиціи и вырыть ложементы нѣсколько ниже по скату горы съ той стороны, откуда могли-бы скорѣе всего подойти турки.

Тихо, насколько только это было возможно, закипѣла работа. Сергѣй Рождественцевъ рядомъ съ Фирсовымъ и Мягковымъ копали землю, не говоря между собой ни слова. Около нихъ такъ же беззвучно рылись лопатами въ затвердѣвшей отъ солнечнаго зноя почвѣ ихъ товарищи. Ложементъ выросъ быстро и солдатики, кончивъ его, тихо посмѣивались: если турки пошли-бы ночью, то они встрѣтили отпоръ, тамъ, гдѣ и не думали его встрѣтить.

— Угостимъ дорогихъ гостей!—перешептывались солдатики.

— Подай-то Господи отбиться!—тихо шепталъ Фирсовъ.

Въ голосѣ его чувствовалось какое-то дрожаніе; обыкновенно спокойный, всегда религіозно настроенный солдатъ теперь замѣтно волновался.

— Вы, Сережа, мою просьбу исполните-ли?—зашепталъ онъ на ухо Рождественцеву.

— Какую, Степа?—спросилъ тотъ.

— Чувствую я, что смерть моя близка!

— Что вы, что вы, Степанъ Ивановичъ! Перестаньте, всѣ мы здѣсь...

Рождественцевъ не договорилъ. Фирсовъ перебилъ его:

— Знаю, что всѣ мы... а о себѣ, вотъ, говорю, что никогда я ничего такого не чувствовалъ, какъ сейчасъ. Душа мутится и духъ пропалъ. Умру я. Такъ будете когда вы въ Россіи, помяните за упокой души моей, безродный я совсѣмъ и помолиться за меня некому. Одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ я... Помолитесь? Панихидку справите?

Голосъ его дрожалъ слезами. Сергѣй понялъ, что всякія убѣжденія, уговоры будутъ излишни.

— Каркай, ворона!—ткнулъ его въ бокъ очутившійся, когда всѣ отдѣленія при работѣ перемѣшались, Савчукъ,— эка невидаль, что умрешь! На то и шелъ сюда!..

— Знаю я это, дяденька Василій Андреевичъ,—отозвался Фирсовъ,—а къ тому я только, что сердце щемитъ.

— А ты на него плюнь! До сердца-ли теперь... Дрожать нечего.

— По человѣчеству я, Василій Андреевичъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не договорилъ; тихій, едва уловимый, какъ дуновеніе легонькаго набѣжавшаго вѣтерка шопотъ, пронесся среди солдатъ, засѣвшихъ въ снова выкопанномъ ложементѣ:

— Турки!

Первую вѣсть объ этомъ принесли высланные впередъ подъ гору секреты. Они заслышали турокъ и, снявшись, вернулись къ своимъ. Стихло все въ новомъ ложементѣ. Сердца только бились такъ, какъ будто готовы были вырваться изъ груди. Шопотомъ было отдано приказаніе не стрѣлять, пока непріятель не подойдетъ совсѣмъ близко.

Гробовая тишина на Лѣсной горѣ. Турецкія баттареи на Лысой молчатъ. Турки хотѣли застать противниковъ врасплохъ. Они не идутъ на штурмъ, а ползутъ на гору. Густая передовая цѣпь ихъ крадется, выгибаясь въ три погибели. Много, много турокъ. Какъ и всегда, они надѣются на свою массу: дѣйствуя массой, они всегда могутъ разсчитывать, что слабый противникъ будетъ задавленъ. Они даже не стрѣляютъ. Сулеймановскіе солдаты настоящіе воины, гордые, смѣлые, храбрые, они умѣютъ ходить на врага и со штыкомъ. Турки знаютъ, что вершина Лѣсной, гдѣ засѣлъ русскій баталіонъ, еще высоко. Ихъ глаза приглядѣлись въ темнотѣ и они среди мрака ясно различаютъ далекую вершину горы.

Вдругъ, всего шагахъ въ ста отъ нихъ вспыхиваетъ огненная полоса. Трра-рарахъ гремитъ въ темнотѣ согласный залпъ и передовую цѣпь словно смело. Остальные изумленные неожиданностью, остановились, какъ вкопанные. Что такое? Откуда это? Кто стрѣляетъ? Русскіе? Такъ они выше! Гремитъ новый залпъ, бѣлыя облака порохового дыма клубятся въ ночной темнотѣ. Турки, изумленные, недоумѣвающіе топчутся на мѣстѣ. Еще мгновеніе, ура-ура-ура! раздается около нихъ. Темь, мракъ, не видно ни зги. Чьи-то штыки впиваются въ турецкія груди. Кто-то невидимый поражаетъ ихъ. Не выдержали турки и побѣжали. Стройный, согласный залпъ и побѣдное „ура“ несется въ слѣдъ имъ. Побѣдители возвратились въ свои окопы.

— Ловко проучили!—слышатся среди солдатъ веселые довольные голоса,—теперь не сунутся, поди...

Сергѣй, ходившій на эту ночную вылазку, вернулся весь въ поту. Ночной бой разгорячилъ его. Радость побѣды возвысила его духъ. Онъ, какъ и всѣ его товарищи, былъ увѣренъ, что до утра турки не вернутся. Теперь, устроившись, онъ съ тревогой и тяжелымъ чувствомъ оглядывался вокругъ себя, тихо звалъ Фирсова и Мягкова. Ихъ около него не было. Ночь словно поглотила ихъ. Ранены-ли они, убиты—кто теперь могъ знать? Ихъ не было, стало быть... стало быть... Упокой, Господи, ихъ души... Прими ихъ въ царство небесное, въ селеніи праведныхъ упокой... Думать больше времени не было. Какъ только приступъ былъ отбитъ, турецкія баттареи открыли огонь. Гранаты полетѣли со свистомъ и шипѣніемъ на Лѣсную гору. Пули визжали, жужжали, пѣли. Турки и въ темнотѣ сыпали снарядами, надѣясь, что случайно хотя нѣкоторые изъ нихъ достигнутъ цѣли. Едва разсвѣло, волынцы увидѣли послѣдствія своей ночной работы. Скатъ Лѣсной горы, гдѣ подходили турки, весь былъ усѣянъ трупами, побросаннымъ орудіемъ. На каменистой почвѣ

ШИПКА. ЗАЩИТА ОРЛИНАГО ГНЕЗДА.
Картина А. Н. Попова.

кровь стояла большими лужами. Раненые корчились, стараясь отползти въ сторону, а внизу горы уже краснѣлись своими фесками турецкіе таборы, готовившіеся снова ринуться на Лѣсную гору.

Мягкова и Фирсова не было—теперь Сергѣй окончательно убѣдился въ этомъ. Увидѣвъ Савчука, онъ ему обрадовался, какъ близкому родному. Хохолъ былъ раненъ, но оставался въ строю. Рождественцевъ поглядывалъ на его большую голову, обмотанную грязной тряпицей, сквозь которую просачивалась кровь, но лицо солдата не выражало никакого болевого ощущенія; Савчукъ весело посмѣялся, и, пользуясь возможностью говорить громко, глумился и зубоскалилъ надъ прогнаннымъ врагомъ. Рядомъ съ Рождественцевымъ очутился теперь добродушный тоже, но глуповатый солдатикъ, тоже Степанъ, но только Симагинъ по фамиліи. Симагинъ зналъ доброту и деликатность своего отдѣленнаго и былъ очень доволенъ очутиться въ близости къ нему.

Но думать не приходилось. Краснѣвшіяся въ дали живыя волны, рокоча, то и дѣло обрушивались на Лѣсную.

Съ бѣшенымъ упорствомъ кидались нѣсколько разъ турки на русскую позицію, но каждый ихъ приступъ былъ отбитъ. Однако, ясно можно было видѣть результатъ ночного боя. Волынскій баталіонъ, подкрѣпленный двумя брянскими ротами, истощался съ каждой турецкой атакой. Людей становилось все меньше. Командовавшій позиціей флигель-адъютантъ полковникъ графъ Адлербергъ послалъ просить новыхъ подкрѣпленій. Въ отвѣтъ пришло приказаніе оставить позицію и отойти къ горѣ св. Николая. Разсвѣтъ 14 августа засталъ защитниковъ Шипкинскаго перевала изнемогавшими отъ усталости. Могли послѣдовать новыя аттаки со стороны турокъ, а въ резервѣ у русскихъ былъ всего только одинъ единственный линейный полкъ. Повинуясь приказанію, медленно ушли

волынцы и брянцы съ Лѣсной горы, гдѣ они выдержали цѣлую ночь жаркаго боя.

Вся отчаянная храбрость испытанныхъ солдатъ Сулеймана-паши пропала въ борьбѣ съ стойкою доблестью горсти русскихъ. Не дешево, однако, обошелся Россіи шестидневный этотъ бой за Шипкинскій перевалъ. Около 3,500 солдатъ и болѣе ста офицеровъ выбыло съ 9 по 14 августа изъ строя убитыми и ранеными...

XXII.

На Шипкѣ все спокойно.

ГДѢ ВЪ СТО, А ТО И БОЛѢЕ глотокъ ревѣло неутомимое чудовище — турецкая артиллерія, визжали милліоны пуль, лилась кровь и ручьями и рѣками, спокойно стало.

Турки притомились сами. У храбрецовъ Сулеймана руки опустились, энергія пропала, смѣшались и смутились они. Сулейманъ не осмѣливался болѣе кидать свои таборы на русскихъ. Ихъ необходимо было привести въ порядокъ послѣ шести дней непрерывнаго боя.

На Шипкѣ все спокойно. Гремятъ, правда, турецкія баттареи, такъ что-же? Пусть ихъ! Русскіе солдатики привыкли къ ихъ грому. Турецкія пушки русскимъ удаль-

цамъ даже спать и сны золотые видѣть не мѣшаютъ. Одно скверно, турки по св. Николаю палятъ лѣниво; зато на дорогу на Габрово, позади него, гдѣ проходятъ туда транспорты съ ранеными, а оттуда съ провіантомъ, водой, боевыми запасами, гдѣ идутъ на Шипку новые полки и баталіоны въ подкрѣпленіе, турки обратили особенное свое вниманіе. Съ окрестныхъ высотъ имъ хорошо видно все шоссе. Турки бьютъ по нему изъ своихъ орудій, ихъ стрѣлки съ утра и до темноты такъ и частятъ на перекрестъ своими пулями. По дорогѣ на Габрово ни пройти, ни проѣхать, развѣ только ночью, да и то въ тишинѣ. Каждый день уноситъ десятка два-три русскихъ жизней, но нѣтъ бѣшеныхъ штурмовъ и — на Шипкѣ все спокойно!

Когда улеглось первое возбужденіе послѣ полныхъ величайшаго нервнаго напряженія шести дней боя и все мало-по-малу пришло въ нѣкоторое подобіе порядка, сразу же ликованіе началось на Шипкѣ. Дивились теперь русскіе солдатики сами себѣ, своему прямо чудесному подвигу, дивились офицеры, въ восторгъ приходили генералы отъ своихъ чудо-богатырей.

— Ай да мы, четырнадцатая дивизія!—говорилъ въ восторженномъ изумленіи Савчукъ, поглядывая на Тырсово, Сахарную голову, Лысую, Лѣсную горы, усѣянныя безчисленными турецкими укрѣпленіями съ бѣлѣвшимися за ними тысячами палатокъ турокъ, — ну да мы! И на Дунаѣ, и на Шипкѣ, вездѣ—орлы драгомировскіе.

Въ своемъ увлеченіи хитроватый хохолъ забывалъ, что вмѣстѣ съ нимъ бились и брянцы и орловцы, принадлежавшіе къ бригадѣ убитаго генерала Дерожинскаго и входившіе въ составъ 9 пѣхотной дивизіи и стрѣлки „желѣзной“ бригады, донскіе казаки, болгарскіе ополченцы и, главное, артиллеристы, на долю которыхъ должна выпасть равная со всѣми слава.

Рождественцевъ ходилъ самъ не свой. Его грызла

тоска по оставленнымъ на мѣстѣ боя товарищамъ. Онъ, да и никто другой, не могъ сомнѣваться, что они погибли.

Шумѣлъ, гомонилъ цѣлый день радующійся побѣдѣ людъ. Восторгамъ, казалось, и конца не будетъ. Волынцы, житомирцы, брянцы, орловцы, стрѣлки, казаки, артиллеристы, ополченцы, всѣ перемѣшались въ своемъ ликованіи, всѣ были полны упоенія своей побѣдою. Дѣлились теперь на свободѣ пережитыми впечатлѣніями, разсказывали о случайно замѣченныхъ подвигахъ товарищей, о лунномъ затменіи въ полночь послѣ страшнаго дня, вспоминали павшихъ, хвалили враговъ, оказавшихся, несмотря на свою неудачу, достойными противниками русскихъ героевъ.

Чаще другихъ вспоминалось во всѣхъ группахъ имя Лазаря Коссова. О немъ говорили, какъ о героѣ. Стрѣлки „желѣзной“ бригады разсказывали, какъ они увидали его мчавшагося съ казаками-коневодами. Говорили даже, будто это онъ надоумилъ казаковъ погнать лошадей навстрѣчу головной части подходившаго подкрѣпленія. Вспоминали, какъ онъ дрался бокъ-о-бокъ съ турками въ страшный день 12 августа.

Сергѣй, какъ только стало возможнымъ, пошелъ на лѣвый флангъ, гдѣ стояли ополченцы, въ ожиданіи пока ихъ не смѣнятъ новыми отрядами и не отведутъ въ резервъ. Идти пришлось далеко, черезъ всю гору св. Николая, гдѣ была средняя или круглая баттарея. Вездѣ и всюду было одно и то же ликованіе. Отдыхавшіе герои уже пообѣдали, зарыли своихъ убитыхъ, отнесли раненыхъ. Смерть отлетѣла отъ нихъ и жизнь явилась ей на смѣну. Богъ знаетъ откуда, у какого-то солдатика явилась гармоника, вокругъ него собрался кружокъ весельчаковъ, и подъ разудалые звуки „камаринскаго“ начался лихой разухабистый трепакъ, какъ будто совсѣмъ и не существовало въ поминѣ шести дней боя за Шипку, какъ

будто турецкія орудія не аккомпанировали гармоникѣ, а ихъ гранаты не рвались надъ этой-же самой круглой баттареей.

Петко только опомнился отъ всѣхъ перенесенныхъ, пережитыхъ, переиспытанныхъ ужасовъ, приходилъ въ себя, начиналъ вѣрить, что онъ живъ, что турки прогнаны... Немного осталось отъ его дружины, да и все ополченіе сильно поубавилось въ своемъ числѣ. Почти всѣ офицеры были перебиты, а большинство оставшихся въ живыхъ было переранено, но болгары тоже гордились тѣмъ, что на Шипкѣ они вполнѣ загладили свой неуспѣхъ подъ Эски-Загрой.

Объятіями встрѣтились друзья, не видавшіеся съ самаго Кишинева. Слезинки навернулись у нихъ на глазахъ, когда, присѣвъ у насыпи ложемента, они стали вспоминать все пережитое, всѣ бои, въ которыхъ они дрались съ врагомъ. Петко съ восхищеніемъ смотрѣлъ на георгіевскій крестъ Сергѣя. Тотъ въ свою очередь высказывалъ удивленіе храбрости и стойкости болгаръ въ бою.

— А гдѣ вашъ мальчикъ?—спросилъ онъ,—про него всѣ, кто говоритъ, отзываются, какъ о героѣ.

— Да вонъ онъ съ Райной, у насъ ополченки есть,—улыбнулся Петко и крикнулъ:—Лазарь!

Мальчуганъ подбѣжалъ къ нимъ.

— Взгляни-ка,—сказалъ Петко,—вотъ, тотъ солдатъ, о которомъ говорилъ я тебѣ... Сергѣй, это братъ мой!

Лазарь кинулся на шею Рождественцеву и залепеталъ мѣшая болгарскія слова съ русскими:

— Ты—храбрый, я тебя буду много, много любить...

Ребенокъ-герой, плакавшій, когда ему не позволили умереть вмѣстѣ съ взрослыми и нашедшійся въ тѣ минуты, когда все казалось погибшимъ, произвелъ на Сергѣя сильное впечатлѣніе. Народъ, только-что вырвавшійся изъ неволи, уже имѣлъ героевъ: дѣти, юноши, женщины, старики бились за родину, но въ то же время невольно

Сергѣю вспоминалось, что здоровые, полные физическихъ силъ мужчины разбѣгались при одномъ только слухѣ, что подходятъ турки, разбѣгались, оставляя беззащитными варварамъ—баши-бузукамъ своихъ дѣтей, свои семьи и заботясь только о спасеніи одной своей жизни; вспоминалось, что такіе-же здоровяки-мужчины, ползавшіе съ рабски-собачьей униженностью у ногъ своихъ господъ— турокъ, начинали грабить и убивать мирныхъ турецкихъ жителей, нисколько не хуже баши-бузуковъ и черкесовъ, какъ только являлись русскіе, и сила переходила на ихъ сторону; вспоминалось, что русскіе должны были часто грозить болгарамъ военной расправой за грабежи, и только страхъ удерживалъ недавнихъ рабовъ отъ неистовства и звѣрства надъ мирными магометанами.

„Это нарождается новая Болгарія — думалъ Рождественцевъ, глядя на Лазаря, Петко и Райну,—новая, свободная, освобожденная Россіей Болгарія... Эти-то уже скоро позабудутъ гнетъ, рабство, а ихъ дѣти будутъ вспоминать, вотъ, объ этихъ временахъ, которыя переживаютъ ихъ будущіе отцы, какъ о далекомъ времени, которое никогда уже не вернется“.

Пробыть долго вмѣстѣ, наговориться до сыта друзьямъ не пришлось. Подошли изъ резерва смѣнявшія ихъ свѣжія части и болгарскіе ополченцы перешли сперва въ резервъ, чтобы затѣмъ уйти изъ горъ въ деревню Зелено-Древо и стать тамъ для охраны начала шоссе по Шипкинскому перевалу.

Возвращался назадъ Рождественцевъ нѣсколько инымъ путемъ—черезъ расположеніе „желѣзной“ бригады. Сергѣй шелъ, не особенно торопясь. Ему приходилась очередь въ эту ночь стать въ секретахъ за позиціями, но онъ чувствовалъ, что нервы его такъ еще напряжены, что прежде чѣмъ лечь спать, онъ долженъ находиться до изнеможенія, устать физически, иначе сонъ не сомкнетъ его глазъ.

Когда онъ подошелъ къ палаткамъ стрѣлковъ, то

увидѣлъ густую толпу ихъ, собравшуюся въ кружокъ около громко горланившаго какую-то пѣсню унтеръ-офицера, закинувшаго назадъ голову, размахивавшаго руками и притоптывавшаго въ тактъ своему пѣнію ногами; къ нему присоединилось съ десятокъ товарищей. Пѣли хоромъ.

— Эй, вольноопредѣляющійся! — окрикнулъ Рождественцева знакомый стрѣлокъ, — иди-ка къ намъ, нашъ Шмаковъ про Шипку пѣсню поетъ. Вотъ разучиваютъ, послушай.

Рождественцевъ подошелъ, вмѣшался въ кругъ стрѣлковъ и сталъ прислушиваться къ словамъ только что сочиненной подъ впечатлѣніемъ пережитаго боя новой солдатской пѣсни.

„Вспомнимъ, братцы, какъ стояли
„Мы на Шипкѣ въ облакахъ –

— выводилъ теноркомъ Шмаковъ, и товарищи дружно подхватывали вслѣдъ за нимъ:

„Турки насъ атгаковали,
„Да остались въ дуракахъ!
„Только утро разсвѣтаетъ,
„Разнесетъ вокругъ туманъ,
„И на Шипку наступаетъ
„Вновь упорный Сулейманъ.

Турецкія пушки громыхали, а подъ пушечные выстрѣлы желѣзная бригада, вспоминая шестидневный бой, такъ и разливалась своей новой пѣснью:

Сулеймановы аскеры
Крѣпко въ Шипку били лбомъ,
А мы били ихъ безъ мѣры
И прикладомъ, и штыкомъ.
Сорокъ таборовъ свалили,
Навалили груду тѣлъ...
Поздно турки отступили:
Сулейманъ ихъ всѣхъ поддѣлъ!
Плохо было одну пору—
Дрались турки жестоко
И, какъ черти, лѣзли въ гору,
Да взошли не высоко!

Какъ стрѣлочки прискакали
На казачьихъ лошадяхъ,
Турки разомъ закричали
Свой „аманъ“ и свой „Аллахъ“!

Утомленные пѣсенники остановились перевести дыханіе.

— Ай да Шмаковъ!—Ай да Антоша! Молодчага! Словно и впрямь сочинитель заправскій!—раздались со всѣхъ сторонъ одобрительныя восклицанія.

— Постой, братцы-ребята,—предупредилъ польщенный одобреніемъ слушателей поэтъ,—у меня еще есть...

И онъ, закинувъ голову, запѣлъ новые, только-что сочиненные имъ куплеты:

Вотъ была тогда потѣха,
Наши грянули „ура“!
Разомъ турки побѣжали,
И досталась намъ гора.
Было, братцы, плоховато,
Да помиловалъ насъ Богъ—
Отъ разсвѣта до заката
Отдохнуть никто не могъ,
На-крестъ пули и гранаты
День и ночь надъ головой,
Холодъ, голодъ... Эхъ, ребята,
Будемъ тверды мы душой!

— Все,—объявилъ Шмаковъ, отирая выступившій на лбу потъ.

Его окружили товарищи, жали ему руки, самъ фельдфебель его сказалъ, что доложитъ о новой пѣснѣ командиру...

Рождественцевъ отошелъ никѣмъ незамѣченный. О, какъ дороги ему были эти простые сердцемъ люди, эти не показные, а настоящіе герои, даже въ величайшихъ подвигахъ своего духа не видѣвшіе ничего особеннаго, кромѣ своей обязанности до послѣдняго конца исполнять свой долгъ предъ родиной.

„Какъ бы интересно посмотрѣть на европейскихъ солдатъ въ такія минуты,—думалъ Рождественцевъ, теперь

уже спѣшно шагая къ своему баталіону,—французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, австрійцевъ... Какъ у нихъ... У нихъ-бы въ трубы трубили, въ колокола звонили, а у насъ—одна солдатская пѣсня, да и то безъ малѣйшаго признака бахвальства, а просто разсказъ о событіяхъ... Нѣтъ... Свята эта простота, уже одна она величайшее геройство. Врядъ-ли гдѣ кромѣ Руси есть способные на нее".

И чѣмъ дольше онъ думалъ, тѣмъ все болѣе росло въ его душѣ чувство искренняго восторга и изумленія предъ этими людьми, предъ этими русскими чудо-богатырями...

На своемъ бивакѣ, утомленный ходьбой, Рождественцевъ заснулъ очень скоро и проснулся только-только къ расчету. Лежать въ секретѣ было всегда однимъ изъ труднѣйшихъ дѣлъ на войнѣ. Требовалось ничѣмъ невозмутимое хладнокровіе, рѣшительность. Въ секретѣ необходимо было чуть что не подъ землей видѣть и слышать, и о томъ, что дѣлалось надъ землей, знать было необходимо. Получивъ пароль и лозунгъ, Рождественцевъ вышелъ вслѣдъ за разводящимъ вмѣстѣ съ небольшой кучкой своихъ товарищей. Залечь въ секретъ съ нимъ долженъ былъ Симагинъ; правѣе лежалъ въ секретѣ Савчукъ съ солдатомъ изъ своего отдѣленія. Далѣе раскинуты были секреты изъ людей той же роты. Ночь была не совсѣмъ темная, прикрытая набѣгавшими то и дѣло тучками; луна разливала мглистый полусумракъ Издали тѣни казались однимъ цѣлымъ со всѣмъ тѣмъ, отъ чего онѣ падали; все такимъ образомъ выросло вдругъ, увеличилось въ своихъ размѣрахъ; чтобы разглядѣть впереди, нужно было сильно напрягать зрѣніе.

Секретныхъ безшумно выпустили за цѣпь часовыхъ Солдаты, перекрестившись, простились съ товарищами и тихо поползли впередъ къ заранѣе намѣченнымъ ямамъ, гдѣ они должны были лежать, зорко вглядываясь въ сумракъ ночи, густою пеленою разостлавшійся передъ ними.

Секретъ Рождественцева и Симагина выдался далеко впередъ. Тутъ приходилось удвоить свою бдительность. Впереди могли быть тоже секреты—турецкіе. Кто тамъ знаетъ, что кроется въ этой темнотѣ! Сергѣй лежалъ, то и дѣло приподнимая голову. Чего только ему не мерещилось! Нервы опять напряглись до крайней степени. Послѣ знойныхъ дней неубранныя турками тѣла начали разлагаться, и въ воздухѣ носилось уже трупное зловоніе. На нервы также дѣйствовало не мало и то, что всюду кругомъ секрета валялись застывшіе въ предсмертныхъ судорогахъ мертвецы. Еще днемъ ужасенъ былъ ихъ видъ, ночью-же впечатлѣніе обострялось, воображеніе разыгрывалось и рисовало совсѣмъ уже сверхъестественные ужасы.

Болѣе часу лежали въ секретѣ Сергѣй Рождественцевъ и Симагинъ. Все было тихо. Вдругъ Симагинъ насторожился.

— Баринъ, слышишь?—шепнулъ онъ.

Сергѣй кивнулъ ему въ отвѣтъ и чуть приподнялъ голову, сжимая стволъ ружья. Какъ разъ въ это мгновеніе луна выплыла изъ-за тучъ и довольно яркій свѣтъ озарилъ ближайшую даль.

— Господи, Боже мой!—чуть не во весь ротъ вскрикнулъ Симагинъ,—съ нами крестная сила!

Невольно задрожалъ и далеко не суевѣрный Рождественцевъ. Прямо на нихъ озаренное лучами мѣсяца двигалось какое-то чудовище. Сергѣй ясно видѣлъ двѣ головы и четыре руки. Туловище чудовища было необыкновенно велико: словно сложили двухъ человѣкъ вмѣстѣ, чтобы составить одну страшную фигуру. Свѣтъ луны придавалъ двигавшейся массѣ уродливыя очертанія. Казалось, на солдатъ двигалось что-то безформенное, нечеловѣческое...

— Палить что-ли?—зашепталъ Симагинъ.

— Т-съ,—остановилъ его Рождественцевъ, до слуха котораго донеслись какіе-то нечленораздѣльные звуки, какъ

будто стонъ, храпъ, пыхтѣніе,—ползи, Степанъ, къ сосѣдямъ, къ Савчуку, скажи тамъ...

— А ты?...

— Я „это“ приму... Живо...

Чрезъ мгновеніе Рождественцевъ остался одинъ; чудовище все надвигалось и надвигалось...

— Господ... помог!...—ясно донеслось теперь до слуха Сергѣя.

„Нашъ тамъ! Что такое?—вздрогнулъ онъ и, вылѣзши изъ ямы, быстро поползъ впередъ, громко шепча: — Кто идетъ?

— Не трожь, не пали,—раздался хриплый голосъ,—свои...

Теперь Рождественцевъ понялъ, въ чемъ дѣло...

То, что издали казалось безобразнымъ чудовищемъ, былъ Мягковъ, тащившій на спинѣ какого то товарища!

— Ложись,—крикнулъ Сергѣй, но и безъ его окрика обезсилившій солдатъ вмѣстѣ съ ношей рухнулся на землю.

Рождественцевъ подползъ къ нимъ.

— Николя, вы?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Я... я... Никакъ это вы, Сережа? Богъ васъ послалъ,—послышался прерывистый отвѣтъ.

— А кто съ тобой?—спросилъ Сергѣй, сердце котораго трепетно билось,—кого ты притащилъ?

— А дядю Степана... Только онъ, кажется, сейчасъ померши...

Сергѣй схватилъ за руку притащеннаго Мягковымъ товарища, руки были еще теплыя; тогда онъ повернулъ къ свѣту голову Фирсова; лицо было спокойно, улыбка еще играла на полуоткрытыхъ губахъ, но глаза смотрѣли, не мигая... Фирсовъ былъ мертвъ.

— Все дядя Степанъ улыбался, а тутъ, какъ къ своимъ подойти, взялъ да и померъ,—разсказывалъ Мягковъ,—все молитвы да „Спаси Господи люди твоя“ читалъ...

Сергѣю хотѣлось плакать, рыдать, но онъ быстро подавилъ свое волненіе.

— Зачѣмъ вы его, Коля, тащили?—спросилъ онъ.

— А какже? Мы цѣлый день въ канавкѣ пролежали. Вотъ мука то, Сереженька, была!... Пить хочется, а боялись; Степанъ-то Ивановича въ грудь и голову пуля хватила, а меня въ плечо... Говядину малость попортила, кость, должно, расщепила—рукой не дѣйствую... да еще оглоушили въ рукопашной... Такъ и лежали... А ночь пришла, поползли... Тутъ дядя Степанъ помирать собрался... Я его на кокуришки и взвалилъ...

Раздались шорохъ и шопотъ; подползли Савчукъ и Симагинъ.

— И чего ты, дурья голова, мертваго-то волокъ?—накинулся, повторяя вопросъ Рождественцева, Савчукъ.

— Жалко бросить... Свой, вѣдь... Предъ смертью, Василій Андреевичъ, вамъ поклонъ наказывалъ, да Сергѣю Васильевичу...

Савчукъ шопотомъ принялся распекать Мягкова:

— Вотъ, погоди, достанется тебѣ отъ Егора Кириллыча, Пановъ-то у насъ за фельдфебеля, онъ тебя на хлѣбъ да на воду...

Но въ голосѣ строгаго хохла слышались не досада, не сердце, а дрожали нотки душевнаго умиленія.

— Ну, ползи въ цѣпь,—шепнулъ онъ.

Мягковъ не двинулся.

— Чего еще?—окрысился на него Савчукъ.

— А дядя Степанъ-то? Дозвольте, какъ-нибудь сволоку...

— Пшелъ, и безъ тебя покойника уберутъ,—вдругъ всхлипнулъ Савчукъ и, чтобы скрыть это всхлипываніе, ткнулъ ни съ того ни съ сего Мягкова въ спину.

XXIII.

Неудачи и побѣды.

Е всюду было такъ спокойно, какъ на Шипкѣ... Турки теперь приводили въ исполненіе свой геніально-задуманный планъ. Въ Предбалканской Болгаріи, словно изъ-подъ земли, выростали свѣжія турецкія арміи по нѣсколько десятковъ тысячъ каждая. Только одна непоколебимая стойкость русскихъ войскъ, совершавшихъ нечеловѣческія усилія, выказывавшихъ непостижимое мужество, сдерживала турокъ. Лишь одной непоколебимости сыновъ своихъ, самоотверженно ложившихся костьми на поляхъ брани, но не уступавшихъ и пяди разъ занятаго мѣста, обязана Русь тѣмъ, что съ честью вышла она изъ жестокаго испытанія, которому подвергалась осенью и зимой 1877 года.

Подъ Разградомъ, въ сферѣ дѣйствій Рущукскаго

отряда, выросла сорокатысячная турецкая армія подъ командованіемъ Эюбъ-паши. Онъ укрѣпился у Аяслара, городка верстахъ въ 30 отъ Разграда. Въ теченіе почти всего августа въ долинѣ рѣки Лома происходили чуть что не ежедневныя сраженія, въ которыхъ русскія войска—ими здѣсь командовалъ генер. Леоновъ[44])—то отступали подъ напоромъ турокъ, то опять брали у нихъ съ боя оставленныя позиціи. Крупнѣйшими и стоившими наибольшаго числа жертвъ битвами были здѣсь сраженія у Карахасай-Кіоя, Кады-Кіоя, Кацелево и Аблова. Съ обѣихъ сторонъ не было ни рѣшительныхъ побѣдъ, ни рѣшительныхъ пораженій.

Мегметъ-Али-паша.

Новый турецкій главнокомандующій Мегметъ - Али - паша, умнѣйшій и талантливѣйшій стратегъ, дѣйствовалъ съ истиннымъ пониманіемъ своей задачи. Онъ стремился, чтобы всѣ турецкія арміи, арміи Эюба, Османа и Сулеймана пашей съ трехъ сторонъ сошлись предъ Балканами и, соединившись фронтомъ своимъ, стали-бы тѣснить русскихъ къ Дунаю съ намѣреніемъ сбросить ихъ на лѣвый берегъ и затѣмъ вторгнуться въ Румынію, а за нею и въ предѣлы Россіи.

Планъ этотъ удался-бы, если бы не непоколебимая стойкость русскихъ.

Части Рущукскаго отряда сдерживали и не пускали

впередъ Эюба-пашу; восьмой корпусъ Радецкаго съ „драгомировской“ четырнадцатой дивизіей не только задержалъ, но и разстроилъ лучшую и испытанную армію Сулеймана-паши, направленную въ Балканы; Западный отрядъ, въ которомъ начальство надъ русскими и присоединившимися къ нимъ теперь румынскими войсками перешло къ румынскому князю Карлу, помощникомъ котораго назначенъ генералъ Зотовъ [45]), задержалъ Османа-пашу въ Плевнѣ.

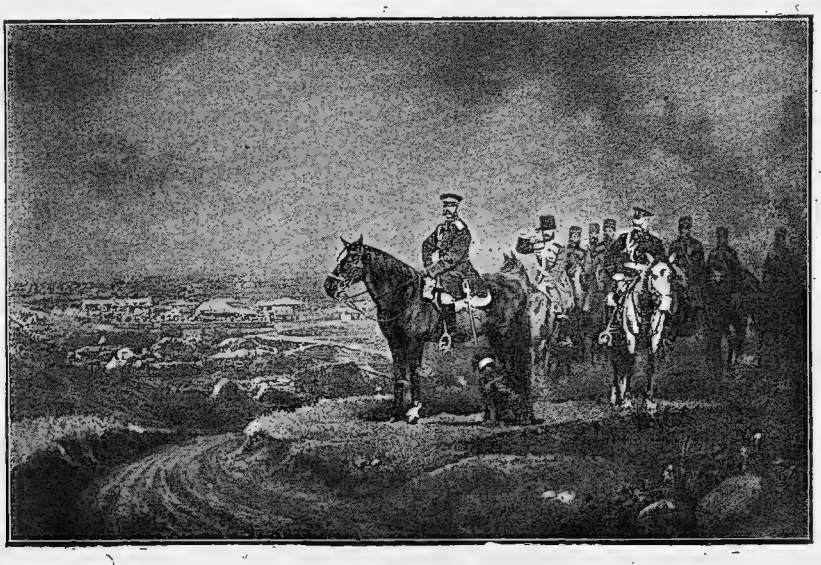
Планъ турецкихъ стратеговъ нигдѣ не оправдался..

Главная квартира русской дѣйствующей на Дунаѣ арміи теперь была изъ Тырнова перенесена въ Горный Студень, поближе къ району Плевненскаго отряда; туда-же прибыла и императорская квартира. Всѣ сложныя, труднѣйшія и опасныя операціи свершались теперь на глазахъ государя императора Александра Николаевича.

23 августа генералы Скобелевъ-сынъ и свѣтлѣйшій князь Имеретинскій [46]) порадовали своего государя взятіемъ крѣпчайшей послѣ Плевны турецкой позиціи Ловчи, откуда турки постоянно угрожали русской арміи своимъ прорывомъ къ Осману-пашѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ съ 25 августа начался знаменитый „Плевненскій шестидневъ“—„Третья Плевна“, какъ называли тогда грандіозную борьбу русскихъ и румынъ съ крѣпко засѣвшими въ Плевнѣ таборами Османа-паши.

Это была битва какихъ-то титановъ. Свыше ста тысячъ русскихъ и румынъ бѣшено кидались на Плевну и возвращались каждый разъ отбрасываемые турками на свои позиціи. „Александровъ день“—30 августа—былъ, собственно говоря, тою знаменитою „третьей Плевной“, о которой сейчасъ-же послѣ войны стали слагаться въ русскомъ народѣ фантастическія легенды, съ которыми теперь неразрывно связывалось имя „бѣлаго генерала“ Михаила Дмитріевича Скобелева, начинавшаго становиться „героемъ, побѣдами Суворову равнымъ“.

Офицеры, генералы, солдаты—пѣхотинцы, кавалерія, артиллеристы, румынскіе доробанцы и калараши и всѣ, кто только ни былъ въ эти шесть дней подъ Плевной, доказали величайшее геройство военнаго духа. „Въ этотъ шестидневный бой,—говоритъ оффиціальный рапортъ,—всѣ чины отряда свято и безупречно исполнили свой долгъ, и русскій солдатъ доказалъ еще разъ, что для него нѣтъ неразрѣшимыхъ задачъ, за исключеніемъ



Портретъ императора Александра II, снятый въ Горномъ Студнѣ 11 октября 1877 года худ. Пановымъ.

тѣхъ, полное разрѣшеніе которыхъ лежитъ превыше человѣческихъ силъ". Около 300 офицеровъ и 12,500 солдатъ русскихъ, 60 офицеровъ и свыше 3,000 румынъ выбыло изъ строя, но Османъ-паша все-таки по прежнему оставался въ Плевнѣ, и только Гривецкій редутъ, одна изъ выгодныхъ позицій у Плевны, перешла въ русскія руки.

Третья Плевна всколыхнула Русь. Съ ужасомъ стали ожидать русскіе люди извѣстій изъ Дунайской арміи. Тревожились всѣ, кто только представлялъ себѣ истинное положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ трепе-

томъ встрѣченъ былъ приказъ двинуть на Дунай гвардейскій корпусъ; еще болѣе затрепетали русскія сердца, когда стало извѣстнымъ, что подъ Плевну вытребованъ герой Севастополя, генералъ Тотлебенъ, что Систовскія высоты на правомъ берегу Дуная спѣшно укрѣпляются. Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось испытаніе, ниспосланное свыше Руси, послѣ многихъ милостей...

Только „драгомировцы“ на Шипкѣ продолжали радовать русскія сердца надеждою.

„Все спокойно было на Шипкѣ“ до 4 сентября. Все спокойно! Канонада съ занятыхъ турками высотъ, да небольшія схватки съ то и дѣло прорывавшимися партіями черкесовъ, нападавшихъ на казаковъ и Габровскую дорогу, ни во что не считались. Десятокъ-другой убитыхъ и раненыхъ также не привлекали особеннаго вниманія. Шипкинцы отдыхали.

До 23 августа турки стрѣляли по русскимъ вяло, лѣниво; потомъ вдругъ бомбардировка усилилась, занятыя турками горы стали оживать; замѣчалось передвиженіе таборовъ; лазутчики принесли извѣстіе, что къ арміи Сулеймана-паши пришли на подкрѣпленіе турецкая гвардія и арабистанскія войска... Не оставалось сомнѣнія, что Сулейманъ затѣваетъ что-то рѣшительное.

„Драгомировцы“ насторожились.

— Опять „въ баню“ попадемъ,—толковали въ своихъ окопахъ молодцы.

— Сами какъ бы опять Сулейману бани не задали!—слышались отвѣты,—скоро они что-то нашу науку позабыли!

Однако, невольная тревога закрадывалась даже въ эти мужественныя сердца. Вѣсти о неудачахъ на Ломѣ и о третьей Плевнѣ уже пришли на Шипку; знали шипкинцы, что теперь надежда всей Руси покоится на нихъ. Задавитъ ихъ здѣсь Сулейманъ,—одинъ Богъ знаетъ, что можетъ выйти въ Предбалканской Болгаріи,

когда туда спустится, шагая по трупамъ шипкинцевъ, сулеймановская армія... И невольно трепетали закаленныя сердца. И невольно глаза, словно магнитомъ какимъ, тянулись къ турецкимъ высотамъ, съ каждымъ днемъ оживлявшимся все болѣе и болѣе.

Съ перваго сентября опять заревѣло во весь свой голосъ турецкое чудовище, только ревъ его сталъ еще громче, еще оглушительнѣе. Заговорили новыя жерла, затрещали десятки новыхъ орудій... Турки начали бомбардировать русскія позиціи изъ мортиръ.

Шипкинцы съ лихорадочною поспѣшностью готовились къ пріему гостей. Возводились окопы на сосѣдней Зеленой (Травень) горѣ, на Бадекѣ, укрѣплялась дорога къ Габрову и самое Габрово; приготовлялись туры и фашины; распредѣлялись по мѣстамъ части полковъ.

„Орлиное гнѣздо“ и скалы передъ св. Николаемъ, оборонять котораго назначенъ былъ Подольскій полкъ съ своимъ оправившимся послѣ полученной при переправѣ черезъ Дунай раны командиромъ Духонинымъ, занимали двѣ роты подольцевъ, подкрѣпленныхъ житомирцами; въ резервѣ были волынцы.

Мягковъ, несмотря на рану, не ушелъ изъ своего полка, хотя и не могъ остаться въ строю. Онъ устроился при походномъ лазаретѣ, гдѣ подавали первую помощь раненымъ. Чутко чувствуютъ русскіе простые люди душу въ человѣкѣ, и порывы ея никогда не проходятъ не замѣченными ими. Когда среди товарищей узнали объ его подвигѣ, парня такъ и засыпали со всѣхъ сторонъ похвалами. Солдатикъ, на котораго мало кто дотолѣ обращалъ вниманіе, сталъ теперь общимъ любимцемъ.

Фирсова, тѣло котораго притащилъ Мягковъ, съ честью похоронили и даже въ отдѣльной могилѣ, какъ просили о томъ и Мягковъ, и Рождественцевъ, и Савчукъ.

Пять дней и ночей подъ-рядъ ревѣли турецкія орудія; наступила ночь на пятое сентября.

Турки не шли. Даже въ лагеряхъ ихъ не замѣчалось ничего такого, что бы указывало на близость штурма. Лазутчики не приносили никакихъ вѣстей. Сулейманъ, какъ казалось шипкинцамъ, или чего-то выжидалъ, или хотѣлъ извести противника изморомъ.

Ночь на пятое сентября была непроницаемо мрачная. Даже луны не было. Въ двухъ шагахъ не видѣлось ни зги. Подольцы, лежавшіе на скалахъ предъ св. Николаемъ, измучились, истомились, изнервничались. Былъ уже третій часъ ночи.

Вдругъ какой-то тяжелый предметъ, за нимъ другой, третій, десятый тяжело брякнулись о землю среди подольцевъ и тотчасъ раздался рядъ взрывовъ. Откуда, что это? — въ первыя мгновенія не могъ никто сообразить даже. Поняли только, что это не камни. Развѣ камни могутъ взрываться? Но это не были и пушечные снаряды— гдѣ-же было попасть изъ пушекъ въ темнотѣ съ такой небывалой мѣткостью. Взрывы между тѣмъ слѣдовали, оглушая растерявшихся солдатъ, одинъ за другимъ. На св. Николаѣ и Зеленой горѣ поднялась тревога. Одно только было ясно: турки подходили, мало того: уже подошли.

Громкое тягучее „алла“ зазвучало на всѣхъ скалахъ. Турки неслышно подкрались, снявъ русскіе секреты, къ передовымъ позиціямъ противниковъ. Прежде чѣмъ кинуться на штурмъ, они забросали подольцевъ ручными гранатами... Никто не замѣтилъ приближенія врага. Въ нѣсколько минутъ отъ двухъ ротъ осталась ничтожная горсть людей; четыре офицера были убиты; роты, смѣшавшись, оставили позицію; турецкое „алла“ звучало побѣдою. Турки укрѣпились на скалахъ и, какъ змѣи, массами сползали на гору св. Николая, и въ то-же время ихъ саперы выставили знакъ, что здѣсь находится перевязочный пунктъ, а сами подъ охраною этого знака быстро сооружали баттареи и рыли траншеи.

Русскимъ уже было извѣстно положеніе дѣла. Въ ложементы въ помощь подольцамъ немедленно явившійся на позицію генералъ Радецкій выслалъ роты брянцевъ и житомирцевъ. Огненными лентами опоясывался св. Николай. Залпъ взгромыхивалъ за залпомъ. Теперь уже на турокъ лился свинцовый дождь-проливень. Пули сметали ряды враговъ, но Сулейманъ видимо рѣшилъ покончить на этотъ разъ съ русскими. Его солдаты гибли, а все-таки лѣзли впередъ. Нужно было бы во что бы то ни стало задержать ихъ движеніе. Пошли остальныя подольскія роты, подкрѣпленныя житомирцами. Идти приходилось по узкой сѣдловинѣ. И справа и слѣва зіяли пропасти. Турки встрѣтили кинувшихся было въ штыки ружейнымъ огнемъ. Много тутъ погибло жизней. Три атаки пропали даромъ. Люди напрасно только растрачивали свои сплы. Гибли и подъ пулями, и въ пропастяхъ... Наступленіе непріятеля не удалось остановить. Турки все лѣзли и лѣзли на всѣ скалы.

Генералъ Радецкій.

Ихъ аттака направлялась сразу на всѣ позиціи русскихъ.

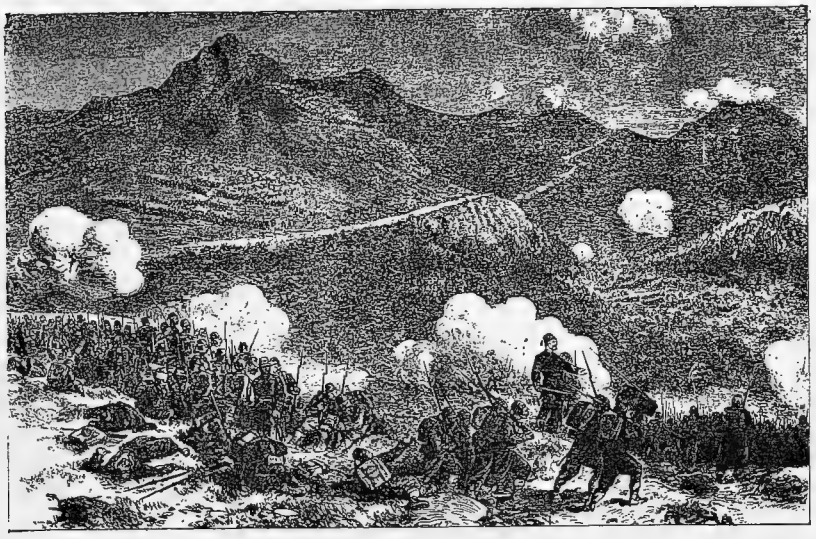
Къ счастію для оборонявшихся, разсвѣло. Теперь могли дѣйствовать по непріятелю и русскія пушки. Загремѣли всѣ баттареи на св. Николаѣ. Четыре роты всего—одна подольская, двѣ житомирскихъ и одна волынская—дра-

лись противъ турокъ. Какъ ни близки были подкрѣпленія, но они не могли за столь короткое время поспѣть на Шипку. На правомъ флангѣ позиціи—по Зеленой горѣ, гдѣ стояли волынцы, шелъ ожесточенный бой. И туда, такъ-же какъ къ Орлиному гнѣзду и св. Николаю, турки успѣли подобраться совершенно незамѣтно. Тамъ, впрочемъ, они могли укрыться въ лѣсу, покрывавшемъ здѣсь всѣ горы и не вырубленномъ по одному недостатку времени. Въ пять часовъ кинулись они на волынцевъ. Здѣсь секреты успѣли предупредить о нападеніи. Начался бой не на животъ, а на смерть. Дрались грудь съ грудью. Рождественцевъ видѣлъ передъ собой только одно море красныхъ фесокъ. Море это волновалось, рокотало, катясь впередъ къ русскимъ ложементамъ. Сергѣй сперва стрѣлялъ не цѣлясь въ эту движущуюся массу, потомъ, когда услыхалъ „ура“ товарищей, крестясь на ходу, кинулся вмѣстѣ съ ними на враговъ. Опять, какъ тогда на Дунаѣ, затмилось его сознаніе. Онъ кололъ штыкомъ, билъ прикладомъ. Когда ложе его ружья разлетѣлось въ щепки, онъ схватилъ первое, что попало ему подъ руки и продолжалъ бой. Аттака была отброшена. Трижды повторялись онѣ и капитанъ Остаповъ, тотъ самый, который выскочилъ первымъ на турецкій берегъ при переправѣ черезъ Дунай, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ подпускалъ турокъ на пятьдесятъ шаговъ и начиналъ давать по нимъ залпы, сметавшіе на такомъ разстояніи цѣлые ряды. Въ десять часовъ утра турки ушли и уже оставили въ покоѣ Зеленую гору. Волынцы съ своимъ подполковникомъ отличились и на этотъ разъ.

На св. Николаѣ еще шелъ становившійся все болѣе упорнымъ бой. Тамъ обѣ стороны проявляли дерзкую по своей отчаянности храбрость. Въ началѣ боя убитъ былъ командиръ 1-ой артиллерійской бригады флигель-адъютантъ полковникъ князь Мещерскій. Оставшійся командовать послѣ него поручикъ Сидоринъ рѣшилъ, что изъ-за бру-

створа выстрѣлы дѣйствуютъ не такъ удачно. Подъ градомъ пуль онъ выкатилъ орудія изъ ложемента на болѣе удобное мѣсто и сталъ бить по штурмовавшимъ гору турецкимъ колоннамъ. Ихъ удалось разогнать, но самъ Сидоринъ, получившій двѣ раны, замертво вынесенъ былъ изъ строя.

Въ этомъ аду подъ градомъ пуль, среди рева пушекъ и стоновъ раненыхъ всюду появлялась одна фигура, на



Аттака турокъ на Шипкинскій перевалъ, занятый русскими войсками 5 сентября 1877 г.

всегда запечатлѣвшаяся въ памяти шипкинцевъ. Это былъ священникъ Минскаго полка о. Дормидонтъ. Презирая опасность, съ однимъ только крестомъ въ рукѣ, шелъ онъ всюду, гдѣ кипѣлъ отчаянный бой, ободрялъ борцовъ, утѣшалъ раненыхъ, напутствовалъ умирающихъ и ни одна пуля не коснулась его въ этомъ аду подъ небесами...

Появленіе его всюду дѣйствовало ободрительно и гдѣ только показывался этотъ скромный герой,—съ беззавѣтной храбростью кидались шипкинцы на непріятеля...

Силы защитниковъ всѣ истощились, а бой уже разгорѣлся. Въ резервѣ оставались всего только двѣ роты Житомирскаго полка. Тогда генералъ Радецкій двинулъ на турокъ имѣвшійся у него въ запасѣ баталіонъ житомирцевъ подъ командою полковника Тяжельникова. Едва житомирцы очутились на св. Николаѣ, они вмѣстѣ съ дравшейся тамъ волынской ротой составили штурмовую колонну. Тяжельниковъ въ это время былъ раненъ, и колонна кинулась подъ турокъ съ волынскимъ подполковникомъ княземъ Хилковымъ. Что только произошло здѣсь! Русскіе герои сталкивали непріятеля въ пропасти, сами срывались и гибли, оставшіеся кололи турокъ на мѣстѣ. Нельзя было держаться противъ такого отчаяннаго, дерзкаго натиска. Турки показали тылъ. Вдогонку имъ посыпались пули. Весь скатъ съ горы былъ усѣянъ турецкими трупами.

Ровно въ полдень снова „на Шипкѣ все было спокойно". Турки скрылись, преслѣдовавшіе ихъ побѣдители возвратились въ свои ложементы; начались обычныя перестрѣлки изъ траншей.

Эта ночь, или, вѣрнѣе, нѣсколько часовъ этой ночи, обошлись шипкинцамъ въ 31-го штабъ-и оберъ-офицера и болѣе 1,000 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя.

За то этой цѣною—цѣною русской крови возстановлена была русская слава, начинавшая было блѣднѣть на поляхъ Болгаріи...

Рождественцевъ вышелъ невредимымъ изъ боя. Савчукъ и Симагинъ были легко ранены.

Солдатики радостно цѣловались, обнималисъ, поздравляя другъ друга съ новой побѣдой. Трудно было-бы теперь думать, что дважды отброшенный съ жесточайшимъ уономъ Сулейманъ снова повторитъ свои попытки.

Теперь шипкинцамъ оставалось только держаться, пока не придетъ приказаніе идти впередъ туда, въ долину Тунджи, гдѣ земля уже окроплена была русскою кровью.

Пришлось порядочно долго ждать этого...

Плевна крѣпко приковала къ себѣ массу русскихъ силъ. Пока она существовала, пока такъ или иначе, а Османъ-паша съ своими таборами оставался въ ней, ни о какомъ движеніи впередъ не приходилось даже и мечтать...

XXIV.

Гвардія въ огнѣ.

ВСЕ уже и ужо стягивалось съ каждымъ днемъ живое кольцо вокругъ Плевны. Начиная съ 3-го октября, началась блокада этой турецкой твердыни, внезапно остановившей Русь въ ея такъ блестяще начатомъ движеніи на Царьградъ. Всѣ, какія только можно было взять вокругъ, высоты были уже взяты; вездѣ на турокъ смотрѣли своими жерлами русскія пушки, но болѣе уже не кидались къ Плевнѣ русскіе герои. Слишкомъ дорого обошлась Россіи отчаянная храбрость ея вѣрныхъ сыновъ. Безъ малаго въ 17 тысячъ выбывшихъ такъ или иначе изъ строя насчитывались русскія потери къ дню начала обложенія Плевны.

Но силенъ еще врагъ, не пали еще духомъ правовѣрные. Пока Османъ-паша въ Плевнѣ, не пропграно еще

ихъ дѣло: есть надежда, что какъ-нибудь удастся имъ побѣдить „москововъ“.

Ловча взята, но есть еще на Софійскомъ шоссе внезапно выросшія укрѣпленія Дольній и Горній Дубняки и Телишъ. Два послѣднихъ, если не ключи къ Плевнѣ, то ея магазины. Въ предгорьяхъ Балканъ въ городахъ Орханіе, Этрополѣ, Правцѣ и Врачешѣ стоитъ сильная турецкая армія; здѣсь-же собраны огромные запасы продовольствія и снарядовъ. Оттуда все получаетъ Османъ-паша: людей, провіантъ, боевые запасы. 10 сентября съ этой стороны по шоссе подъ защитою Телиша и обоихъ Дубняковъ въ помощь своему „Гази-пашѣ“ пробился съ 10,000 пѣхоты и обильнымъ обозомъ ловчинскій паша, а ночью на 24-ое сентября прорвалось въ Плевну еще четыре тысячи турокъ.

А въ это время подъ Плевной уже былъ Тотлебенъ. Что ни утро, то новые и новые укрѣпленія, траншеи, окопы и все ближе вырастаютъ передъ Плевной, которую русскіе шутники-солдатики теперь перестали уже называть „Плевкомъ“. Не по многу, а постоянно и постепенно подходятъ русскіе къ роковому для нихъ мѣсту.

Старый севастополецъ видитъ своимъ зоркимъ наблюдательнымъ окомъ, что нужно дѣлать. У Османа-паши есть всего три выхода, по которымъ онъ можетъ пробиться: на Софійское шоссе, на рѣку Видъ и оттуда къ Тетевенскимъ Балканамъ и на рѣку Искеръ, по которой онъ можетъ вернуться въ Виддинъ. Стало-быть, нужно заградить ему эти пути, „уединить“ Плевну такъ, чтобы „птица туда не пролетала“, не только чтобы прорывались цѣлые таборы. Впрочемъ, пусть ихъ идутъ въ Плевну! Чѣмъ больше ихъ соберется тамъ, тѣмъ скорѣе взовьется бѣлый флагъ надъ плевненскими твердынями: скорѣе уничтоженъ будетъ запасенный провіантъ, и тогда пусть Османъ-паша не сдается — бѣлый флагъ надъ Плевной выкинетъ всемогущій голодъ...

И суживается день ото дня все тѣснѣе и тѣснѣе живое кольцо вокругъ Плевны.

А кругомъ все идетъ „своимъ порядкомъ". Сулейманъ-паша бросилъ Шипку, обошелъ Балканы и вышелъ къ Разграду противъ Шипки; только, чтобы сдерживать русскихъ отъ вторичнаго наступленія, остался съ своими таборами Реуфъ-паша. Тамъ теперь все покойно. Идутъ перестрѣлки, канонада, иногда турки кидаются на русскія позиціи, но тамъ, среди драгомировскихъ героевъ, не обращаютъ вниманія на такіе пустячки.

Кое-что есть радостное для русскаго сердца. На малоазіатскомъ театрѣ войны въ упорныхъ бояхъ 2 и 3 октября былъ разбитъ на голову подъ Авліяромъ и позорно бѣжалъ съ поля битвы тамошній турецкій главнокомандующій Ахметъ-Мухтаръ-паша, а три не успѣвшія скрыться дивизіи, которыми командовалъ Омеръ-паша, капитулировали предъ побѣдителями-русскими.

Вскорѣ порадовала и Россію, и ея царя прибывшая за Дунай гвардія, этотъ цвѣтъ русской военной силы, до той поры только и знавшая разводы, смотры, парады да маневры.

Теперь предстояли уже не парады и не маневры, а кровавое дѣло на полѣ брани...

Къ этому времени выяснилось уже положеніе русскихъ.

Нельзя сказать, чтобы уныніе, но вполнѣ понятная грусть и тоска охватили русскихъ храбрецовъ, когда стало извѣстнымъ, что подъ Плевною придется засѣсть на долго... Наступила дождливая мозглая осень, а это былъ врагъ болѣе опасный, чѣмъ всѣ непріятельскія арміи. Вѣрнѣе пушекъ и ружей дѣйствовали тифы, дизентеріи, лихорадки... Такъ и косили они человѣческія жизни и, пожалуй, горше, чѣмъ армейскимъ солдатамъ, доставалось отъ нихъ не обвыкшимся, не обтерпѣвшимся гвардейцамъ, прямо изъ Петербурга явившимся подъ Плевну. Необходимо было уже по одному этому какъ

можно скорѣе развязаться съ Османомъ-пашею или по крайней мѣрѣ запереть его въ Плевнѣ такъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ ни одна птица безъ вѣдома осаждающихъ не могла къ нему пролетѣть, не то, чтобы могли пройти обозы съ провіантомъ или подкрѣпленія изъ Софіи отъ турецкой Балканской арміи.

Чтобы создать для Османа такое положеніе, русскимъ необходимо было овладѣть Горнимъ и Дольнимъ Дубняками и Телишемъ. Честь совершить этотъ подвигъ выпала на долю гвардейцевъ.

Что за войско, что за молодцы—эти солдаты! Великанами они кажутся въ сравненіи съ низкорослыми армейцами; грудь колесомъ, въ плечахъ сажень косая—всѣ одинъ къ одному, залюбоваться на каждаго можно. Мундиры ихъ не обтрепались еще—чистенькіе, будто съ иголочки; сапоги не протоптанные, безъ дыръ, сквозь которыя пальцы глядѣли-бы, шинели только слегка помятыя. И издали, и вблизи поглядѣть—не солдатъ, а картинка. Да и видъ-то у нихъ особенный. Замѣтны и въ походкѣ, и въ движеніяхъ, и въ самомъ расположеніи на бивакахъ особенная выправка, отчетливость, умѣнье лицомъ показать себя съ внѣшней, для перваго по крайней мѣрѣ раза, стороны.

И это казовое войско, цвѣтъ, краса и гордость русской военной силы тоже приносилось на жертву дѣлу освобожденія угнетенныхъ братьевъ по крови и вѣрѣ.

Генералъ-спартанецъ, какъ называли его въ арміи, Іосифъ Владиміровичъ Гурко, герой перваго іюльскаго похода за Балканы, назначенный командиромъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ подъ Плевной за рѣкою Видомъ, съ восторгомъ объявилъ на смотру прибывшихъ въ половинѣ сентября въ Болгарію гвардейскихъ полковъ, что для него большое счастье и честь стать начальникомъ лучшаго въ Россіи войска...

И гвардейцы доказали, что они вполнѣ стоятъ этого отзыва своего спартанца-командира...

Мглистая осенняя ночь съ 11 на 12 декабря окутала своимъ сырымъ туманомъ и турокъ въ Плевнѣ и русскихъ подъ Плевною. Все стало затихать. Даже громъ выстрѣловъ стихъ и только впереди деревни Чуриково, раскинувшейся у Софійскаго шоссе, замѣтно движеніе. Скрытые въ ночномъ туманѣ, подходятъ одинъ за другимъ пѣхотные полки. Тутъ москвичи, гренадеры, павловцы, измайловцы, финляндцы, гвардейскіе стрѣлки и саперы—на завтра бой.

Тускло свѣтятся, уныло мигая среди тумана, немногіе костры. Погрѣться бы передъ боемъ, да нельзя. Костры выдали бы туркамъ расположеніе ихъ противниковъ. Генералъ и то много сдѣлалъ, что позволилъ кое-гдѣ—въ двухъ, трехъ мѣстахъ всего—развести огонь. Впрочемъ, чего грѣться въ ночь, когда съ разсвѣтомъ всѣмъ будетъ жарко, какъ въ самый знойный день...

Въ тылу отдѣльныхъ отрядовъ расположились лазареты Краснаго Креста. Тутъ тоже царитъ томительное молчаніе. Всѣмъ здѣсь: и врачамъ, и фельдшерамъ, и очень немногочисленнымъ сестрамъ милосердія, и санитарамъ вдоволь на завтра предстоитъ работы, и какой работы? адской! Не ходя въ сраженіе, всѣ здѣсь завтра будутъ купаться въ крови, уши всѣхъ здѣсь завтра оглохнутъ отъ стоновъ и воплей раненыхъ, отъ хриповъ умирающихъ—на завтра вѣдь бой, рѣшительный бой...

Въ томительномъ ожиданіи разсвѣта всякій, кто могъ, на подготовленныхъ къ утру перевязочныхъ пунктахъ старался прикурнуть, дабы набраться силъ... Всѣ здѣсь знали, что будущую ночь спать уже не придется...

У одного изъ костровъ, которые здѣсь позволено было развести, прикурнулъ прямо на голой сырой землѣ долговязый худощавый юноша, украшенный повязкой съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, свидѣтельствовавшей о томъ, что онъ принадлежитъ къ санитарному отряду.

Этотъ юноша былъ Николай Гранитовъ, сынъ настоя-

теля собора въ Энскѣ, родномъ городѣ Рождественцева. Письма Сергѣя, его товарища дѣтства, воспламеняюще подѣйствовали на него. Еще то письмо, которое прислалъ Рождественцовъ предъ переходомъ черезъ Дунай, и которое было прочитано о. Петромъ, всколыхнуло душу юноши. Но онъ не о битвахъ грезилъ, не о славѣ героя... Другое чувство влекло его туда, гдѣ лилась русская кровь... Чудились юношѣ муки раненыхъ, видѣлъ онъ какъ будто предъ собою ихъ искаженныя страданіемъ лица и тогда родилось и у него страстное желаніе послужить святому дѣлу, отдавъ всѣ свои силы тѣмъ, кто ради этого дѣла самъ становится безпомощнымъ. Николай рѣшился поступить въ санитарный отрядъ. Медицинскихъ познаній у него не было, за то было желаніе, и юноша не задумался пойти на дѣло простымъ санитарнымъ служителемъ...

Но не одинъ онъ ушелъ на поля Болгаріи изъ дома отца...

Во всѣ свои думы, всѣ свои мысли Николай посвящалъ свою сестру Катю и она также прониклась его чувствами. Дѣвушка, почти дѣвочка еще тогда, вся отдалась порыву. Ей чудилось, что ее зовутъ невидимые голоса туда, гдѣ слышатся вопли и стоны, гдѣ изо дня въ день широкими рѣками льется кровь ея братьевъ...

И Катя тоже пошла за Дунай...

Николай сталъ санитаромъ, Катя сестрою милосердія.

Какъ ни больно было о. Петру отпускать своихъ дѣтей, но онъ понялъ, какое святое чувство любви влечетъ ихъ на величайшій подвигъ и благословилъ сына и дочь на свершеніе его.

Такъ Николай Гранитовъ, другъ дѣтства Сергѣя Рождественцева, очутился сперва подъ Плевною, а потомъ, когда произошло новое распредѣленіе войскъ, и въ томъ санитарномъ отрядѣ, который слѣдовалъ за гвардейскими полками, направленными на Горній Дубнякъ.

Катя была неподалеку отъ брата—на главномъ перевязочномъ пунктѣ отряда Гурко. Она поступила нѣсколько иначе, чѣмъ братъ: явилась она на поле сраженія съ нѣкоторой подготовкой къ дѣлу ухода за ранеными и, несмотря на кажущееся физическое безсиліе, изъ нея вышла неутомимая работница въ борьбѣ со смертью.

Теперь Гранитовъ, лежа у костра, невольно вспомнилъ о сестрѣ.

„Худенькая, тщедушная,—раздумывалъ онъ,—въ чемъ только душа держится, и вотъ, поди... Въ своемъ дѣлѣ здоровяку-солдату не уступитъ... Тѣ отъ устали порой съ ногъ валятся, а Катя—хоть-бы что... дни и ночи на-пролетъ... Откуда только у ней силы берутся! Вотъ бы увидѣлъ ее теперь Рождественцевъ... Тоже не узналъ-бы“...

Гранитовъ не видалъ за Дунаемъ Рождественцева, но онъ зналъ, что на крутизнахъ у Шипки засѣла горсть русскихъ орловъ и всѣ бѣшеные натиски турецкихъ ордъ разбивались объ нее...

„А каково-то имъ тамъ?—подумалъ Николай,—намъ здѣсь не сладко, а имъ тамъ... на голыхъ вершинахъ...“

Но человѣкъ эгоистиченъ по природѣ своей. О Рождественцевѣ Николай сейчасъ-же пересталъ думать. Даже о сестрѣ не вспоминалъ онъ. Всѣ его мысли сосредоточились на близкомъ утрѣ, которое для многихъ должно было быть послѣднимъ въ жизни...

Онъ сталъ припоминать всѣ какіе только слышалъ разсказы о Горнемъ Дубнякѣ и Телишѣ, которые приказано было взять гвардейскимъ полкамъ въ день 12-го октября.

До войны Горній Дубнякъ и Телишъ были обыкновенныя болгарскія деревушки; когда же вдругъ ударилъ плевненскій громъ, турки ухитрились создать изъ нихъ почти неприступныя крѣпости.

Безпредѣльная унылая подъ осень равнина начинается сразу-же отъ плевненскихъ высотъ. Кое-гдѣ на ней высятся холмы, кое-гдѣ, словно пятна, выдѣляются дубовыя

рощи да бѣдныя болгарскія деревушки, ютившіяся по сторонамъ софійскаго шоссе. Сѣренькій унылый видъ! Лѣтомъ, когда все въ зелени, глазу есть на чемъ остановиться, но подъ осень видъ этой равнины можетъ вызывать только одно тоскливое чувство.

По этой равнинѣ, со стороны Балканъ, проходитъ, скрываясь въ лощинѣ Плевненскихъ высотъ, шоссе, по которому въ мирное время проходили тяжело нагруженные обозы за Балканы, а оттуда въ столицу Болгаріи—Софію. Шоссе не обезлюдило и тогда, когда разразилась военная гроза. По нему въ Плевну шли обозы съ провіантомъ, аммуниціей, боевыми припасами, къ засѣвшему тамъ Осману пашѣ. Предусмотрительны были турецкіе стратеги! Они предвидѣли возможность осады Плевны и такъ укрѣпили путь въ нее изъ-за Балканъ, что осажденные рѣшительно ни въ чемъ не имѣли нужды.

Верстахъ въ 15 отъ Плевны выросъ Дольній Дубнякъ, за нимъ по шоссе въ шести верстахъ на высокомъ холмѣ, совершенно обнаженномъ отъ всякой растительности, явился Горній Дубнякъ и въ 10 верстахъ за нимъ Телишъ преградилъ путь на Орханіе, городъ, откуда начиналась дорога на Балканы.

Самымъ мощнымъ изъ этихъ укрѣпленій былъ Горній Дубнякъ.

На вершинѣ отлого спускавшагося въ лощину холма турки возвели огромный редутъ, съ котораго можно было обстрѣливать всѣ четыре стороны. Высокій земляной валъ опоясывалъ редутъ, а ровъ его былъ настолько глубокъ, что попавшій въ него врядъ-ли бы могъ выкарабкаться безъ посторонней помощи. Во всѣ стороны отъ редута, какъ паутина громаднаго паука, протянулись до самой лощины безчисленные ровики для стрѣлковъ. Направо въ сторону Плевны почти на самомъ скатѣ холма возведенъ былъ второй меньшій редутъ, около котораго пролегало шоссе. За этимъ вторымъ редутомъ холмъ пе-

реходилъ въ лощину и за нею поднимался новый холмъ, поросшій дубовымъ кустарникомъ и лѣсомъ.

Оба эти укрѣпленія представляли твердыню, созданную и искусствомъ людей и самой природой и эту твердыню должна была сокрушить русская сила.

Однѣми только пулями на разстояніи болѣе, чѣмъ на три версты могли-бы защитники редута уничтожить всѣхъ, кто рѣшился бы подойти подъ выстрѣлы... Въ тоже самое время сами они были укрыты за своими окопами и могли чувствовать себя за ними въ полной безопасности.

Другое турецкое укрѣпленіе—Телишъ по своему расположенію было похоже на Горній Дубнякъ. Первый и главный редутъ его возведенъ былъ на самомъ шоссе, какъ разъ тамъ, гдѣ оно начинаетъ подниматься въ гору. Шоссе было поперекъ дороги пересѣчено имъ и дальнѣйшій путь оказывался здѣсь прегражденнымъ. За укрѣпленной возвышенностью залегла лощина, въ которой приткнулась деревенька Телишъ, а тотчасъ за нимъ возвышался новый холмъ также съ редутомъ на своей вершинѣ.

На Горній Дубнякъ генералъ Гурко направилъ гвардейскихъ стрѣлковъ съ артиллеріей, казаками и полки лейбъ-гвардіи: Московскій, Гренадерскій, Павловскій, Финляндскій и кромѣ того должна была явиться еще Кавказская казачья бригада. Преображенцы, семеновцы, измайловцы составляли пѣхотный резервъ, а лейбъ-уланы Его Величества и гродненскіе гусары—кавалерійскій. Чтобы помѣшать туркамъ выйти на помощь своимъ изъ Плевны и Дольняго Дубняка, выставлены были въ селахъ Медованъ, Горніе Метрополье кавалерійскіе отряды, а на Телишъ, откуда тоже могли кинуться турки къ Горнему Дубняку, посланы были гвардейцы егеря, лейбъ-уланы и Кіевскіе гусары, которые должны были преградить выходъ туркамъ изъ Горняго Дубняка на Телишъ.

Такимъ образомъ 12 октября русская гвардія должна была принять боевое крещеніе...

„Эхъ, хотя бы разсвѣтъ скорѣе!—съ тоской думалъ, припомнивъ все это, Гранитовъ,—чѣмъ скорѣе начнется весь этотъ ужасъ, тѣмъ скорѣе и кончится онъ... Крови-то, крови сколько прольется!“

Мракъ ночи едва замѣтно сѣрѣлъ. Начинался разсвѣтъ... Со стороны Плевны грянула пушка, за ней другая, третья... Весь гвардейскій бивуакъ зашевелился. У палатки генерала Гурко засуетились его ординарцы и конвойные казаки. Еще нѣсколько минутъ, замѣнявшій дверь пологъ отпахнулся и изъ-за него раздался мощный, властный голосъ генерала-спартанца:

— Сѣдлать коней! Черезъ четверть часа выступленіе!

Было пять часовъ утра.

Гулъ орудій у Плевны все усиливался. Пушки съ обѣихъ сторонъ заговорили во весь свой голосъ. Начинался боевой день. Одинъ за другимъ снимались съ бивуаковъ и расходились по направленію къ шоссе, на каждый по своему назначенію штурмующія коллоны: стрѣлки вправо, въ сторону Плевны, московцы, гренадеры и саперы прямо на покрытый дубовымъ лѣсомъ холмъ. Павловцы и финляндцы должны были забраться со стороны Телиша въ тылъ непріятелю. Пока не было еще на-лицо кавказской казачьей бригады. Артиллеристы мчали уже свои орудія на назначенныя для баттарей курганы.

При первомъ же движеніи русскихъ впередъ, на шоссе затрещали выстрѣлы. Это вынеслись туда первыми казаки, которымъ приказано было оборвать телеграфные проводы въ Плевну. Залегшіе въ кустахъ у шоссе турецкіе аванпосты встрѣтили удальцовъ выстрѣлами; сейчасъ же съ редутовъ Горняго Дубняка защелкали пули, но молодцы ловко выполнили порученіе, проволоки были оборваны почти въ одно мгновеніе.

Солнце показалось на небосводѣ. Вопреки ожиданіямъ день выдался ясный, даже непохожій на осенній. Яркіе золотистые лучи такъ и лились съ небесной выси, озаряя

всю эту картину начавшагося ужаса. Туманъ исчезъ, но вмѣсто него шоссе, холмы, курганы, равнины закутались въ облака порохового дыма. Начался артиллерійскій бой. Горній Дубнякъ весь такъ и клубился. Издали онъ казался чудовищемъ, дышащимъ огнемъ и облаками. Русскія баттареи громили турокъ, и въ то же время гвардейцы окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Казачья бригада явилась какъ разъ въ назначенное время и Горній Дубнякъ оказался въ живомъ кольцѣ.

На первыхъ-же порахъ боя труднѣе всего пришлось гренадерамъ. Имъ выпало на долю самое опасное мѣсто— штурмъ со стороны обросшаго лѣсомъ холма. Полку для этого нужно было спуститься въ лощину, подняться на холмъ съ укрѣпленіемъ, взять малый редутъ и тогда уже идти на штурмъ главнаго редута.

Сосредоточенно серьезны были лица и офицеровъ и солдатъ, когда полкъ вошелъ въ дубовый лѣсъ. Тамъ уже летали турецкія пули. Казалось, будто градъ идетъ надъ лѣсомъ. Трещали подбиваемыя вѣтки деревьевъ, шурша сыпались листья, но людямъ пока еще пули вреда не причиняли. Командиръ полка Любовицкій остановилъ здѣсь въ лѣсу на нѣсколько минутъ людей, чтобы дать имъ привыкнуть къ мысли о томъ, что ждетъ ихъ вотъ сейчасъ, какъ только они выйдутъ изъ-за этихъ деревьевъ и станутъ лицомъ къ лицу съ грознымъ непріятелемъ. Но эти минуты прошли, раздалась команда и стрѣлковый батальонъ гренадерскаго полка, по привычкѣ стройно, будто на парадъ, началъ спускаться съ холма въ лощину. Слѣдомъ за нимъ шелъ второй батальонъ съ командиромъ во главѣ. Чѣмъ ниже спускались стрѣлки, тѣмъ все рѣже и рѣже становился лѣсъ, пошелъ уже кустарникъ, но непріятельскихъ укрѣпленій все еще не было видно. Вдругъ раздались отчаянные крики, скорѣе вопли. Нѣсколько человѣкъ свалилось съ ногъ, нѣсколько человѣкъ были покрыты кровью. Это были первые ра-

неные. Лицо командира полка Юліана Викторовича Любовицкаго было блѣдно. Турецкая пуля угодила ему въ ногу, но и легкаго восклицанія не вырвалось у героя. Онъ шелъ, прихрамывая нѣсколько, и солдаты, видя, что ихъ раненый командиръ даже не поморщился отъ боли, слѣдовали за нимъ полные геройскаго воодушевленія.

Только что пережитая минута была критическая. Впервые еще гвардейцы увидали кровь и страданія товарищей. Они, доселѣ выступавшіе лишь на смотрахъ, парадахъ и маневрахъ, очутились лицомъ къ лицу со смертью, предъ которой въ этотъ день ровно полгода стояли уже ихъ армейскіе товарищи. Первое впечатлѣніе могло быть ужаснымъ по послѣдствіямъ, но, глядя на своего командира, гренадеры прониклись его примѣромъ и лавиною выкатились изъ лѣса...

Теперь передъ ними было грозное, закутавшееся въ облако порохового дыма чудовище—Горній Дубнякъ.

Ни живой души не было видно за земляными валами. Слышны были только залпы. На скатѣ холма дымъ поднимался полосами—тамъ были ровики съ турецкими стрѣлками. Пули неслись на встрѣчу гренадерамъ сплошнымъ градомъ. Люди, очутившись предъ ужасомъ, какого они и представить себѣ не могли, затоптались на мѣстѣ. Не то чтобы страхъ овладѣлъ ими, нѣтъ, этого не было, но какъ будто у нихъ пропала на мгновеніе способность мыслить. Имъ представлялось невозможнымъ идти впередъ. Чувство долга удерживало ихъ отъ возвращенія назадъ, животный инстинктъ держалъ ихъ на мѣстѣ...

Все это длилось мгновеніе, но опять это мгновеніе могло бы стать роковымъ...

— Впередъ, молодцы, за мной,—раздался хриплый голосъ Любовицкаго, и хромая, онъ съ обнаженной саблей кинулся къ турецкому редуту первымъ, крикнувъ первое еще въ это утро „ура“!

Словно невидимою волною вдругъ всколыхнуло гре-

надеръ, услыхавшихъ боевой кличъ! Покрывая собою жужжанье пуль, трескотню выстрѣловъ, пушечный гулъ, пролилось надъ этимъ полемъ смерти грозное уже, полное мощи „ура“! Гдѣ-то за клубами дыма не то отдалось, какъ эхо, не то зазвучало въ отвѣтъ другое „ура“, такое же грозное, такое-же мощное. Гренадеры услыхали его уже на-бѣгу. Развернувшись въ линію, они бѣжали къ малому редуту, выбивая изъ ровиковъ турокъ. Мгновеніе и гренадеры, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, уже были у насыпи. Опять загремѣло „ура“. Турки, не ждавшіе къ себѣ такъ скоро русскихъ, растерялись и безпорядочною толпою часть ихъ, перебросившись черезъ насыпи, ударилась бѣжать къ главному редуту. Какой-то турецкій офицеръ, забывая объ опасности, вскочилъ на насыпь и громко кричалъ, останавливая бѣгущихъ. Гренадеры въ это время ворвались за окопы. Первыми вскочившими на насыпь были поручики Шейдеманъ и Мачеваріановъ. Выстрѣлъ—и смѣлый турокъ свалился въ ровъ, убитый наповалъ. Въ редутѣ между тѣмъ шелъ рукопашный бой. Всѣ турки, не успѣвшіе убѣжать, были переколоты, а удальцы-побѣдители уже открыли огонь изъ занятаго ими малаго редута по большому.

Всякая нерѣшительность давнымъ-давно исчезла. Съ великой честью для себя приняли гренадеры свое боевое крещеніе... Теперь до штурма главнаго редута миновала для нихъ непосредственная опасность; подъ непріятельскимъ огнемъ посланные генерала Гурко саперы уже рыли для гренадеръ прикрытіе...

Съ малаго редута ясно слышно было, какъ всюду, словно взрывы невидимаго вулкана вспыхивали „ура“ подходившихъ къ главному редуту колоннъ. „Ура“ раздавались все ближе и ближе, и вмѣстѣ съ этимъ Горній Дубнякъ все чаще и чаще начиналъ вздыхать на всѣ стороны своимъ чудовищнымъ зѣвомъ, съ каждымъ этимъ дыханіемъ извергая тысячи пуль, гранаты, картечь. Гре-

надеры, уже привыкшіе къ этому аду, свыклись съ мыслью о непремѣнной гибели, съ кличемъ „ура“ кинулись изъ занятаго ими редута по отлогому скату холма на страшную, не знавшую ни порчи, ни утомленія живую митральезу на его вершинѣ. Изумительною оказалась привычка къ смотровой службѣ. Не смотря на пылъ боя, на явную опасность, эти, обрекавшіе себя на смерть удальцы шли правильнымъ строемъ, которому не измѣнили даже попавъ подъ губительный огонь турокъ. Но увы! Свинцовый градъ пройти было невозможно. Горній Дубнякъ въ самомъ дѣлѣ оказывался защищеннымъ стѣною изъ несшегося впередъ свинца и желѣза. Перебѣжать приходилось всего 80 — 100 саженъ, но этотъ клочекъ пространства былъ настоящимъ адомъ на землѣ. Лишь только шарахнулись въ сторону откинутые огнемъ Горняго Дубняка удальцы, на томъ мѣстѣ, гдѣ только что побывали они, сразу выросла гора человѣческихъ тѣлъ. Къ грохоту пушекъ, хлопанью ружей, свисту и жужжанью пуль теперь прибавились еще стоны, вопли и крики раненыхъ, торжествующее „алла“ турокъ. Все это слилось въ одинъ хаосъ звуковъ и этотъ хаосъ производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто разверзшаяся земля вдругъ породила какое-то невидимое, адски стонущее чудовище, надрывавшееся въ своемъ послѣднемъ издыханіи...

Юліанъ Викторовичъ Любовицкій, видя возвращеніе назадъ своихъ гренадеръ, попытался было возбудить ихъ опять своимъ примѣромъ.

— Барабанщикъ! За мной!—закричалъ онъ и кинулся съ насыпи малаго редута прямо подъ пули.

Слѣдомъ за командиромъ, не отставая отъ него, кинулся барабанщикъ Рындинъ.

— Бить аттаку! — загремѣлъ полковникъ, но, увы! барабанъ молчалъ...

Рындинъ, убитый наповалъ, растянулся у ногъ своего командира... Любовицкій одинъ остался подъ свинцовымъ

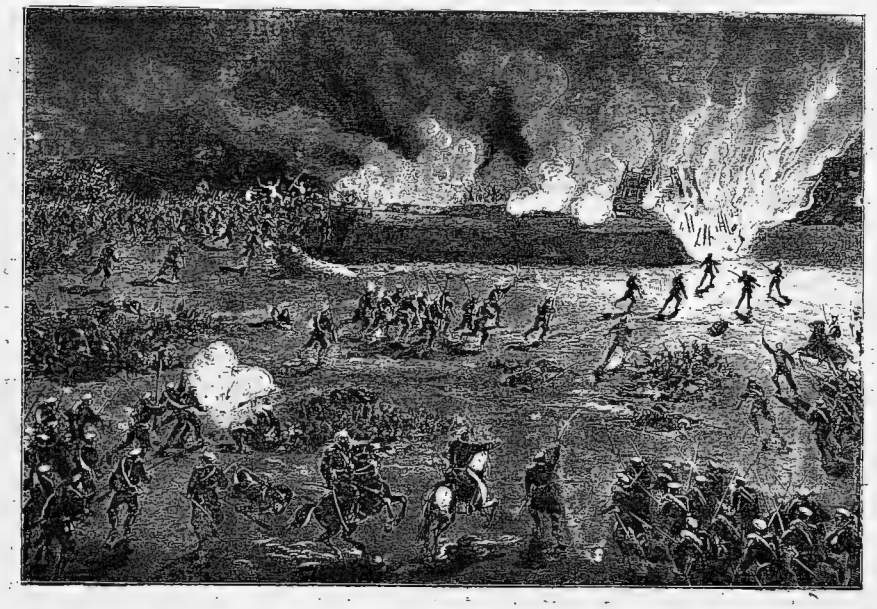
градомъ... Но присутствіе духа не измѣнило герою. Онъ схватилъ барабанъ Рындина, накинулъ его на плечо и поднялъ палки, чтобы самому ударить сигналъ аттаки, но и у него барабанъ не издалъ ни звука. Турецкая пуля пронизала плечо храбреца и руки его безпомощно повисли. Забывая страшную боль, Любовицкій подошелъ не спѣшнымъ шагомъ ко рву ставшаго русскимъ редута и приказалъ ударить аттаку одному изъ барабанщиковъ, лежавшихъ тамъ за прикрытіемъ. Теперь барабанъ загремѣлъ и, заслыша его, изъ рвовъ, ложементовъ и за насыпи посыпались на проклятое мѣсто гренадеры. Только тогда Любовицкій, изнемогавшій отъ кровоизліянія, приказалъ отнести себя на перевязочный пунктъ.

„Ура“ между тѣмъ гремѣло со всѣхъ сторонъ Горняго Дубняка. Штурмующія колонны подходили все ближе и ближе. Живая митральеза на холмѣ лила на нихъ убійственный градъ. Напрасно кидались подъ него удальцы. Финляндцевъ, павловцевъ, москвичей, стрѣлковъ постигла участь гренадеръ. Когда они пошли на штурмъ, казалось, ожилъ и заговорилъ весь холмъ. По скатамъ его всюду, кромѣ ровиковъ для стрѣлковъ, понадѣланы были соломенные заслоны. Невидимые наступающимъ стрѣлки били отсюда на выборъ. Офицеры падали одинъ за другимъ. Изъ свиты начальника 2-й дивизіи графа П. А. Шувалова къ концу боя осталось всего только двое. Оба бригадира той-же второй дивизіи генералъ Зедделеръ и Розенбахъ были тяжело ранены. Командиръ финляндскаго полка г.-м. Лавровъ тоже былъ раненъ смертельно. Жертвъ все прибавлялось, и въ то же время этотъ адъ все разгорался и разгорался. Со стороны Плевны несся сплошной, несмолкавшій ни на мгновеніе ревъ орудій — тамъ Скобелевъ кинулся на турокъ, чтобы не допустить ихъ выйти на помощь Горнему Дубняку. Выстрѣлы гремѣли и подъ Дольнимъ Дубнякомъ и подъ Телишемъ, въ особенности со стороны послѣдняго, гдѣ разгорячившіеся

егеря полѣзли на штурмъ, забывая, что ихъ всего только одинъ полкъ противъ превосходнѣйшихъ силъ непріятеля. Гурко потребовалъ изъ резерва измайловцевъ и кинулъ ихъ въ бой.

— Помните вашихъ дѣдовъ, героевъ Бородина! — кричалъ онъ имъ, когда они проходили мимо него.

Измайловцы только перекрестились на-ходу. Скоро ихъ „ура“ уже гремѣло подъ Дубнякомъ. Полки у страш-



Битва подъ Горнимъ Дубнякомъ 12 октября.

наго редута всѣ перемѣшались. Наконецъ, свершилось невозможное: генералъ Гурко получилъ извѣстіе, что штурмующія колонны одолѣли стѣну изъ пуль, прошли черезъ огонь и добрались къ рву, опоясовавшему турецкій редутъ...

Наступилъ рѣшающій моментъ боя; оставалось всего только перейти ровъ, но перейденъ онъ не былъ; каждая попытка сдѣлать послѣдній шагъ кончалась сотнями смертей.

Живая, нахлынувшая было волна разбилась о турецкую твердыню и отхлынула прочь отъ нея...

Семь часовъ подрядъ шелъ безостановочно кровавый бой. Семь долгихъ часовъ носилась смерть надъ холмомъ, вырывая каждую минуту все новыя и новыя жизни. День, какъ на грѣхъ, вышелъ вовсе не осенній. Солнце пекло сражавшихся бойцовъ, наводя на нихъ усталость и истому. Командующій приказалъ остановить бой. На отдыхъ дано было всего 20 минутъ. Все стихло вокругъ. Замолчалъ даже Горній Дубнякъ. Пороховой дымъ началъ разсѣиваться. Неприступная твердыня, стоившая Россіи цѣлаго моря крови ея сыновъ, стояла молчаливая, грозная, готовая каждый моментъ послать тысячи смертей къ непріятелю...

Въ три часа начался артиллерійскій бой.

Во рву подъ Горнимъ Дубнякомъ разыгрывалась драма. При тщетныхъ попыткахъ перейти его, туда попало порядочное число солдатъ. Въ первое время эти несчастные сидѣли во рву, не шевелясь. Турки были надъ ихъ головами, но очень скоро оказалось, что ровъ былъ самое безопасное мѣсто подъ Горнимъ Дубнякомъ. Турки не могли стрѣлять въ него ни изъ пушекъ, ни изъ ружей... Для этого имъ нужно было бы выйти изъ укрѣпленій. Опасность для гвардейцевъ, попавшихъ въ ровъ, теперь грозила со стороны своихъ. Въ ровъ попадали русскія гранаты. Ими, не говоря уже о солдатахъ, смертельно ранены были во рву полковникъ Руновъ и штабсъ-капитанъ Ширманъ. Попавшимъ въ эту западню приходилось сидѣть сложа руки и дрожать, каждый разъ, какъ съ противнымъ визгомъ пролеталъ русскій снарядъ. Большинство засѣвшихъ во рву были павловцы. Вдругъ среди нихъ появились лейбъ-гренадеры. Словно съ неба свалились эти герои. Великъ русскій солдатъ! Великъ не только храбростью, но и остроумнѣйшею сметкою... Въ сторонѣ малаго, занятаго гренадерами редута, по непро-

стительной для себя и своего дѣла разсѣянности, турки оставили не снесенными караулку, нѣсколько шалашей и стогъ сѣна. Гренадеры, и солдаты и офицеры, залегшіе въ канавѣ шоссе, сами безъ всякаго указанія начали въ то время, когда русскія орудія громили Дубнякъ, перебѣгать по одиночкѣ изъ канавъ за караулку, оттуда за стогъ сѣна. Много ихъ тутъ легло. Пали тутъ отъ турецкихъ пуль перебѣгавшіе отъ канавы къ караулкѣ капитанъ Гаммеръ и шт.-капитанъ Сероцинскій, но все-таки въ концѣ концовъ за ничтожными прикрытіями накопилось столько людей, что помѣститься они тамъ не могли и оказались всѣ подъ турецкими выстрѣлами. Гибель ихъ была несомнѣнна. Между тѣмъ изъ рва кто-то крикнулъ:

— Иди, братцы, сюда, тутъ нашего брата никакая пуля не беретъ!

Этотъ окликъ сразу далъ толчокъ солдатской сообразительности. По одиночкѣ, по двое, по трое побѣжали отчаянные удальцы черезъ пространство между стогомъ, караулкой и редутомъ. Кто бѣжалъ согнувшись въ три погибели, кто ползъ, кто прямо катился по землѣ. Турки не могли помѣшать этому движенію—каждый ихъ стрѣлокъ, высовавшійся изъ-за насыпи, падалъ подъ мѣткою русскою пулею изъ глубины рва — да и не знали тогда, вообразить даже себѣ не могли защитники Горняго Дубняка, что выйдетъ очень скоро изъ этого движенія, которымъ русскіе герои, какъ казалось со стороны, сами себя заперли въ ловушку...

Въ это-же время артиллерійскій бой такъ и кипѣлъ. Ближайшая къ Дубняку русская баттарея была всего въ трехстахъ саженяхъ. Турецкія орудія замолкали одно за другимъ. Изъ Горняго Дубняка сыпался градъ пуль на курганъ, гдѣ былъ генералъ Гурко со свитой. Только по счастливой случайности никто не былъ тамъ раненъ. Ровно въ пять часовъ дня данъ былъ сигналъ снова

начать штурмъ. Всѣ люди, пролежавшіе два часа въ канавахъ, кустахъ, отбитыхъ у турокъ ровикахъ, перемученные постояннымъ ожиданіемъ смерти, поднялись на ноги, соединились въ части, растянулись въ цѣпи и опять кинулись на неприступный холмъ.

Радостное, торжествующее „ура“ загремѣло вокругъ кургана, гдѣ былъ со своимъ штабомъ Гурко. Надъ Горнимъ Дубнякомъ былъ выкинутъ бѣлый флагъ: твердыня сдавалась, турецкій комендантъ Ахметъ-Хивзи-паша понялъ, что его сопротивленіе ведетъ лишь къ безполезному кровопролитію.

Но радость, восторгъ, чувство облегченія и торжества мгновенно исчезли...

Бѣлый флагъ развѣвался надъ Горнимъ Дубнякомъ, а бой не только не останавливался, но даже разгорѣлся еще сильнѣе... Прошло еще нѣсколько минутъ; флагъ пропалъ и Горній Дубнякъ опять обратился въ смерть, посылающую адскую машину.

Что-же случилось?

Когда былъ данъ сигналъ къ штурму, лейбъ-гренадеры, въ строй которыхъ вернулся ихъ герой, командиръ Любовицкій, немедленно пошли на страшный редутъ. Эти герои шли на смерть, какъ на смотръ: музыканты были впереди, развернутыя знамена колыхались надъ полкомъ... Картина была величественная и грозная...

О появленіи бѣлаго флага надъ редутомъ никто не предупредилъ гренадеръ; сами они не могли его съ своей стороны увидѣть. Не зная, что Дубнякъ сдается, удальцы кинулись на штурмъ... Турки, всегда злоупотреблявшіе бѣлымъ флагомъ, вообразили, что и русскіе таковы-же, какъ и они. Ими овладѣло остервенѣніе и бой снова начался...

Уже темнѣло. Вечеръ подходилъ все ближе и ближе. Въ Горнемъ Дубнякѣ начался пожаръ. Горѣли шалаши и палатки. Яркое зарево встало надъ страшнымъ реду-

томъ. Русскіе опять добрались только до рокового для нихъ рва...

Мрачный, какъ осенняя ночь, ходилъ взадъ и впередъ по своему кургану Гурко. Всѣ признаки неудачи были на лицо. Громъ залповъ изъ Дубняка не смолкалъ по прежнему. Русское „ура“ уже гремѣло не такъ грозно, какъ гремѣло оно днемъ. Ночь спускалась и о новомъ штурмѣ нечего было и думать. Пролиты были моря крови, погибло множество жизней и все это было напрасной жертвой: Горній Дубнякъ по прежнему оставался въ рукахъ непріятеля...

Рѣшено было остановить бой до слѣдующаго утра. Наступала ночь... ночь, полная тоски, ожиданія, трепета. Османъ-паша ночью могъ сдѣлать вылазку изъ Плевны, могли прорваться турки изъ Телиша, гдѣ ихъ уже цѣлый день сдерживали, кидаясь въ аттаки, лейбъ-егеря, у которыхъ выбыло изъ строя убитыми, ранеными и контуженными 26 офицеровъ и 935 нижнихъ чиновъ. Да, наконецъ, неудачи этого дня могли уронить духъ гвардейцевъ, но ничего иного не оставалось, какъ заботиться уже не о сегодняшнемъ, а о завтрашнемъ днѣ...

Гурко подозвалъ къ себѣ начальника своего штаба Нагловскаго, имъ подали фонарь и оба генерала, тяжело вздохнувъ, принялись составлять диспозицію на ночь...

Ночь смѣнила вечеръ. Зарево надъ Дубнякомъ поднималось все выше, клубы порохового дыма были отъ него ярко багровы. Трескотня выстрѣловъ вдругъ стала настолько сильною и частою, что никто около генерала не могъ сообразить, какъ ухитрялись турки стрѣлять такъ. Теперь что-то стихійно-безсмысленное слышалось въ этой трескотнѣ. Правильныхъ залповъ не было, просто слышенъ былъ непрерывный трескъ...

Около генерала среди темноты вдругъ очутился всадникъ. Это былъ ординарецъ Гурко, ротмистръ Скалонъ.

Конь его хрипѣлъ отъ быстрой скачки, самъ онъ едва-едва переводилъ духъ.

Гурко смотрѣлъ на ротмистра, ожидая, когда онъ отдышится настолько, что сможетъ вымолвить хотя слово. Всѣ кругомъ стихли; несомнѣнно, что ротмистръ привезъ извѣстіе огромной важности...

— Генералъ... редутъ...—послышался въ темнотѣ то и дѣло обрывавшійся голосъ Скалона, — редутъ нашъ!.. взятъ!

Гурко откинулся въ сторону.

— Что?—раздалось его восклицаніе,—взятъ? редутъ нашъ?

— Сію минуту... наши ворвались... послѣдняя схватка... турки сдаются...

— Ура! — вырвалось у генерала и этотъ любимый кличъ подхватили вслѣдъ за нимъ всѣ, кто только былъ около него на курганѣ; отсюда кличъ долетѣлъ до артиллерійскихъ баттарей, оставшихся въ резервахъ частей, и всюду по равнинѣ, гдѣ трещали выстрѣлы, понесся онъ, радостный, торжествующій, полный восторга...

— Коня!—кричалъ Гурко,—что значатъ безсмысленные выстрѣлы?

— Взрываются побросанные турками въ огонь патроны, — доложилъ Скалонъ, но врядъ-ли уже генералъ слышалъ его.

Онъ во весь опоръ мчался къ Дубняку...

Оказалось слѣдующее.

Засѣвшіе во рву герои бездѣйствовали очень недолго Они штыками, тесаками, прямо руками рыли въ земляной стѣнѣ рва одну за другой ямки, въ которыя могли бы стать хотя только пальцами ноги. Такимъ образомъ явились въ землѣ приступки; карабкаясь по нимъ, эти герои полѣзли на брустверъ. Лейбъ-гренадеры, измайловцы, павловцы, финляндцы забрались на самый верхъ насыпи, и въ то-же время ихъ товарищи, засѣвшіе во рву со стороны

Телиша, нашли „ахиллесову пяту“ Горняго Дубняка: такое мѣсто, гдѣ насыпь можно было перепрыгнуть, не взбираясь на нее...

Турки растерялись, увидя русскихъ внутри редута, который они считали неприступнымъ. Гренадерское знамя уже рѣяло надъ насыпью, турецкій комендантъ вторично выкинулъ бѣлый флагъ, а его офицеры, ослѣпленные ужасомъ,—бранью, кулаками, саблями заставляли своихъ солдатъ бороться съ побѣдителями.

Внутри редута начался послѣдній молчаливый, но грозный и ужасный рукопашный бой, озаренный заревомъ пожара...

На ярко багровомъ фонѣ поднимавшагося къ небу пламени ясно выдѣлялась стоящая на краю насыпи фигура человѣка съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ. Это былъ самъ Ахметъ-Хивзи-паша, въ ужасѣ видѣвшій, что бой продолжается и всему гарнизону Дубняка грозитъ истребленіе...

„Слушайте всѣ!“—раздался съ русской стороны сигналъ. Это командующій боемъ увидѣлъ пашу съ бѣлымъ флагомъ и приказалъ ударить „отбой“.

Ужасъ рукопашной схватки прекратился. Озаренный пламенемъ, въѣхалъ въ страшный редутъ генералъ Гурко. „Ура“ гремѣло, звенѣло, лилось неудержимой рѣкой навстрѣчу ему. Тысячи кепокъ летѣли въ воздухъ. Другія тысячи ихъ очутились на штыкахъ. Живое море окружило Іосифа Владиміровича, на лицѣ котораго ясно отражалось волненіе...

— Ура, ура, ура!—не смолкалъ ни на мгновеніе побѣдный кличъ.

— Скажите государю, — пущай не сумлевается,—мы сдержали свое слово! — кричали вокругъ, — поддержимъ старыя побѣды!

Генералъ снялъ фуражку.

— Спасибо, дѣти, спасибо, молодцы! — дрожащимъ

голосомъ произнесъ онъ и въ тонѣ его звучали такія трогательныя, за душу берущія нотки, какихъ никто никогда еще не подмѣчалъ у генерала-спартанца...

Только-что ворвались удальцы въ турецкій редутъ, исчезло, наконецъ, на холмѣ проклятое пространство, гдѣ каждаго вступавшаго въ него ожидала смерть,—весь холмъ покрылся маленькими, безпорядочно двигавшимися по всѣмъ направленіямъ огневыми точками. Смерть еще витала надъ Горнимъ Дубнякомъ—въ редутѣ шелъ рукопашный бой,—а около него уже началось дѣло христіанской любви и милосердія. На страшный холмъ, залитый русской кровью, усѣянный тѣлами русскихъ героевъ, явились санитары съ ручными фонарями, и огоньки въ нихъ и были движущимися свѣтящимися точками.

День 12-го октября и въ особенности ночь послѣ него остались навсегда памятными юному Гранитову. Насквозь, какъ одинъ мигъ, не складывая рукъ, пришлось ему провести ихъ за работой, и за какой работой! Тотъ ужасъ, который днемъ въ пылу боя былъ незамѣтенъ, теперь явился воочію со своими непремѣнными послѣдствіями. Пока Горній Дубнякъ сыпалъ пули, пока русскіе герои шли подъ нихъ и падали сметаемые ими, раздумывать не было времени, разглядывать тоже, санитарамъ впору было только подхватывать, гдѣ оказывалось возможнымъ, раненыхъ и оттаскивать ихъ подальше отъ турецкихъ пуль. Видъ страданій, самыхъ ужасныхъ, самыхъ разнообразныхъ, притупилъ всякую чувствительность, но за то потомъ, когда бой утихъ и вернулось сознаніе дѣйствительности, сердце заговорило и при видѣ безконечныхъ мукъ товарищей слезы невольно выступали на глаза, горло стискивало какими-то невидимыми клещами, руки сами собой опускались.

Гранитовъ въ теченіе дня все время оставался съ товарищами-санитарами у холма съ Горнимъ Дубнякомъ. Они оттаскивали раненыхъ и, уложивъ на носилки, чуть

не бѣгомъ доставляли на перевязочный пунктъ, гдѣ, также не покладая рукъ, работали доктора, фельдшера и сестры милосердія. Если на холмѣ было царство смерти, то тутъ, на перевязочномъ пунктѣ, было царство страданій. Доктора въ залитыхъ кровью фартукахъ работали зондами, пилами, оперативными ножами. То и дѣло въ палаткахъ раздавались пронзительные, за душу хватающіе вопли — это докторъ или вытаскивалъ изъ раны пулю, или ампутировалъ какую-нибудь пораженную часть тѣла. Тутъ же рядомъ работали сестры милосердія, обмывавшія раны, накладывавшія на нихъ перевязки.

Катя Гранитова работала въ этомъ аду. Въ самомъ дѣлѣ, выносливость этой дѣвушки, скорѣе даже дѣвочки, была поразительна. Отъ одного раненаго она кидалась къ другому; облегчивъ его муки, насколько это было для нея возможно, она спѣшила къ третьему, четвертому; тому она тихо шептала слова утѣшенія, съ этимъ вынуждала себя улыбаться и даже весело смѣяться, замѣчая, что веселость дѣйствуетъ ободряюще на несчастнаго. Даже видавшій всякіе виды докторъ и тотъ, на мгновеніе поднимая голову, съ удивленіемъ взглядывалъ на этого подростка.

— Эй, сестра Гранитова,—выкрикивалъ онъ,—вы бы отдохнули!..

Но Катя только головой покачивала отрицательно, да взглядомъ показывала на новыхъ, то и дѣло подносимыхъ съ поля битвы мучениковъ.

Да и до отдыха ли было тутъ!

— Сестра, се-е-стрица! — стонали на всѣ лады десятки жалобныхъ голосовъ.

— Что, милый?—подбѣжала Катя къ чуть-что не саженнаго роста гренадеру,—какъ мы?

— Ни-и-чего!—захлебываясь своими муками, стоналъ тотъ,—животъ быдто у меня не животъ, а камень!

У него развилась уже гангрена, роковой конецъ былъ близокъ...

— Богъ дастъ пройдетъ... утѣшала все-таки страдальца сестра,—поправишься... сейчасъ осмотритъ докторъ.

— Не... не надо... подожду... которые тяжелѣе есть... послѣ...

Неожиданно раздавшійся взрывъ смѣха заставилъ Катю метнуться въ сторону его.

Тамъ на землѣ прямо лежалъ гренадеръ съ унтеръ-офицерскими нашивками на погонахъ.

Онъ и ближайшіе къ нему товарищи хохотали.

— Чего это они?—удивилась Катя.

Унтеръ засмѣялся, засмѣялись рядомъ и еще двое-трое раненыхъ. Какъ-то удивительно странно звучалъ этотъ раскатистый смѣхъ среди стона, воплей и хриповъ. Гранитовой пришло въ голову, что эти несчастные подъ вліяніемъ пережитаго ужаса и боли начинали терять разсудокъ.

— Чего это вы, голубчики? — недоумѣвая спросила она.

— На турку, сестрица,—засмѣялся гренадеръ,—глупый онъ...

— Ильченко и въ канавѣ смѣшилъ... — отозвался сосѣдъ, — тутъ пули жужжатъ, а онъ, знай, себѣ хохочетъ... Ноги ему насквозь прострѣлили, а онъ такъ и ржетъ!..

Этотъ гренадеръ, дѣйствительно, не ушелъ съ боя даже тогда, когда турецкія пули пронизали ему обѣ ноги. Это было послѣ занятія гренадерами малаго редута. Ильченко такъ прибодрился, что вмѣсто понятныхъ въ его положеніи стоновъ началъ, не переставая стрѣлять, глумиться надъ турками и увѣрять товарищей, что рана эта совсѣмъ пустое дѣло...*).

Онъ и теперь, ничѣмъ не выдавая своей боли, началъ было разсказывать, какъ лежавшіе въ канавѣ гре-

*) Отмѣченный въ корреспонденціяхъ фактъ.

надеры, потѣшаясь надъ турками, выставляли на штыкахъ свои кепки, чтобы заставить непріятеля выпустить напрасно нѣсколько сотенъ пуль; но Гранитовой не было времени слушать разсказъ, она уже склонилась надъ смертельно раненымъ стрѣлкомъ, тихо-тихо позвавшимъ ее.

— Что, что тебѣ, голубчикъ? — спрашивала она,— пить?

— Не... куда ужъ,—упавшимъ голосомъ залепеталъ онъ,—командиръ нашъ?.. Принесли?..

— Какой командиръ? Кто?

— Его высокородіе полковникъ Эбелингъ... видѣлъ, какъ онъ упалъ... Принесли-ли?

Умиравшій солдатъ въ послѣднія мгновенія своей жизни весь былъ полонъ думами о своемъ командирѣ, котораго онъ видѣлъ сраженнымъ вражеской пулей. Катя обѣщала узнать и сказать ему, но, когда она вернулась, мученикъ уже пересталъ страдать: онъ былъ мертвъ...

Утро забрезжилось, а на перевязочномъ пунктѣ все кипѣла работа. Тѣхъ раненыхъ, которые могли вынести переѣздъ, укладывали на телѣги и увозили въ госпитали; на перевязочномъ пунктѣ оставались только такіе, которыхъ или нельзя было пока тронуть, или жить имъ оставалось очень-очень недолго...

Смерть царила здѣсь. Злополучная деревнюшка Чириково была ея пріютомъ. Начали приносить раненыхъ, съ начала штурма валявшихся на холмѣ и подобранныхъ только, когда наступилъ разсвѣтъ. Принесли гренадера Мочалова, на тѣлѣ котораго было 23 раны отъ семнадцати пуль... Стали приносить турокъ, пораженныхъ въ рукопашномъ бою. И имъ нужно было оказать помощь. Недавніе враги теперь лежали бокъ-о-бокъ — близость смерти совершенно примиряла ихъ и даже турки забывали о всякой враждѣ... Гибли люди теперь отъ гангрены, раз-

вившейся въ тѣ часы, которые имъ пришлось пролежать на холмѣ безъ всякой помощи... Смерть вырывала свои жертвы и изъ среды солдатъ, и изъ среды офицеровъ. Умеръ на перевязочномъ пунктѣ смертельно раненый командиръ финляндцевъ, генералъ Лавровъ [47]); уже по-полудни стало извѣстнымъ, что убитъ и полковникъ Финляндскаго полка Ожаровскій, ранены полковники Киснимскій и Прокопе. Въ рѣдкомъ полку не былъ раненъ или убитъ его командиръ. Меньшія сравнительно съ другими потери понесъ Московскій полкъ.

Около полудня Катя, истомившаяся, измученная, на мгновеніе выбѣжала изъ палатки и присѣла прямо на землю, чтобы вздохнуть воздухомъ, не зараженнымъ запахомъ крови и іодоформа. Она чувствовала, что еще-еще не много и не хватитъ силъ выдерживать весь этотъ адъ. Тяжело дыша, сидѣла молодая дѣвушка, ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ позовутъ ее опять къ раненымъ и опять она увидитъ десятки новыхъ смертей, услышитъ новые предсмертные вопли и хрипы. Мимо нея пробѣгали съ носилками санитары, подносившіе все новыя и новыя жертвы вчерашняго боя. Издалека еще замѣтила Катя брата, бѣгомъ несшаго съ другимъ санитаромъ носилки. Она быстро вскочила на ноги и кинулась къ нему. Появленіе родного человѣка несказанно обрадовало ее. Какъ дорогъ ей показался теперь Николай, какъ счастлива она была видѣть его цѣлымъ и невредимымъ! Она кинулась было къ нему, но братъ на-ходу крикнулъ:

— Погоди!

Въ это время откуда-то совсѣмъ издалека донесся раскатъ русскаго „ура“.

— Что тамъ!—тревожно воскликнула дѣвушка—опять бой?

— Нѣтъ... великій князь объѣзжаетъ Горній Дубнякъ,— отвѣтилъ на-ходу Николай, — пожалуй, и сюда будетъ...

— Великій князь! — раздался голосъ съ носилокъ,— ура! ура!

Катя взглянула на раненаго, находившагося въ забытьи и лишь на мгновеніе пришедшаго въ себя.

— Кто это?—спросила она тихо у брата.

— Полковникъ Эбелингъ!—также тихо отвѣчалъ тотъ.

— Что съ нимъ?

— Умираетъ... всю ночь пролежалъ на холмѣ... Гангрена...

Тѣло убитаго 12 октября князя Сергія Максимиліановича Романовскаго, Герцога Лейхтенбергскаго, выставленное въ Болгарской церкви.

Катѣ живо вспомнился умиравшій стрѣлокъ, въ послѣднюю свою минуту спрашивавшій о своемъ батальонномъ командирѣ...

Она остановилась и закрыла лицо ладонями рукъ.

„Сколько жизней, сколько лучшихъ жизней погибло!— промелькнула у нея мысль,—и за что? за что? За чужую свободу, за народъ, который думаетъ, что свобода—это возможность грабить беззащитныхъ“...

Къ этому времени русскіе уже близко познакомились съ „братушками“. Грабежи въ тылу русскихъ войскъ, гдѣ осмѣлѣвшіе болгары собирались въ шайки и грабили, не хуже башибузуковъ, открыли глаза на нихъ и теперь этотъ народъ, за который пролилось уже столько крови, не казался такимъ симпатичнымъ, какимъ онъ былъ въ началѣ войны.

— Новости, сестренка!—услыхала она голосъ брата, сдавшаго раненаго командира стрѣлковъ и возвратившагося къ ней,—герцогъ Лейхтенбергскій [48]) убитъ.

— Какъ? что?—въ ужасѣ отступила отъ брата дѣвушка.

— Да на повалъ... Подъ Іованъ-Чафтликомъ во время рекогносцировки.

Онъ торопливо разсказалъ всѣ подробности смерти князя Сергѣя Максимиліановича.

— Николай! Да вѣдь это-же ужасъ!—воскликнула она,—столько крови, столько жизней!

— Теперь ничего не подѣлаешь, сестра! Войну должно закончить непремѣнно, и сколько жертвъ потребуется для этого—одному Богу извѣстно... Вонъ къ туркамъ все такъ и прибываютъ подкрѣпленія, явились войска египетскаго хедива... У насъ уже ополченіе [49]) потребовано... А Плевна все стоитъ!

Онъ еще хотѣлъ что-то прибавить, но въ это время Катю потребовали къ раненымъ. Братъ и сестра наскоро простились.

— Возьмемъ Телишъ! — крикнулъ въ слѣдъ Катѣ Николай,—и тогда за Балканы пойдемъ... въ Софію!...

Дѣвушка даже не обернулась на эти слова, она спѣшила опять въ царство смерти и мукъ...

Флигель адъютантъ полковникъ Эбелингъ [50]), командиръ л.-гв. 1-го стрѣлковаго батальона упалъ однимъ изъ первыхъ. Онъ подбѣжалъ почти къ самому редуту и пуля, ударивъ въ ногу выше колѣна, раздробила ему кость. Скорая

ампутація ноги спасла бы его, но упалъ Эбелингъ очень близко отъ редута, такъ что подобрать его не было никакой возможности, и пролежалъ на холмѣ безъ всякой помощи до 10 часовъ утра; гангрена развилась съ замѣчательной быстротой и онъ умеръ вскорѣ послѣ того, какъ попалъ на перевязочный пунктъ.

На полѣ у Горняго Дубняка такъ и гремѣло ура. Тамъ никто не думалъ о смерти. Ужасы, пережитые наканунѣ, были забыты. О боѣ, который предстоялъ подъ Телишемъ, пока тоже никто не думалъ. Тысячи людей жили одною только наступившей минутой, а эта минута была торжественная. Великій князь главнокомандующій объѣзжалъ ряды побѣдителей и благодарилъ ихъ. Низко склонилось предъ братомъ любимаго царя турецкое знамя, взятое въ Горнемъ Дубнякѣ въ самый жаркій моментъ рукопашнаго боя рядовымъ Павловскаго полка Овчинниковымъ. Громко вспыхивало „ура“, гордо смотрѣли побѣдители на своего вождя и съ большей еще гордостью взглядывали на стоявшую нѣсколько поодаль конную группу уланъ, среди которыхъ виденъ былъ также на конѣ средняго роста тепло одѣтый пожилой турокъ съ пріятнымъ лицомъ, обрамленнымъ красивою русою бородой; это былъ ферикъ Ахметъ-Хивзи-паша, комендантъ Горняго и Дольняго Дубняка и Телиша. Конвой изъ уланъ долженъ былъ доставить его въ подплевненское селенье Баготъ, куда перенесена была уже главная квартира Балканской арміи.

Какъ ни высокъ былъ, однако, подъемъ духа гвардейцевъ послѣ этой побѣды, а все-таки не одно сердце трепетно забилось, когда спустя два дня побѣдители подъ Горнимъ Дубнякомъ, вмѣстѣ съ егерями, гвардейскими лейбъ-уланами и кіевскими гусарами отправлены были подъ Телишъ и съ какимъ чувствомъ величайшаго облегченія узнали побѣдители, что штурмъ будетъ произведенъ только въ случаѣ крайней необходимости. Генералъ Гурко

рѣшилъ ограничиться на этотъ разъ однимъ только артиллерійскимъ боемъ. Особенной быстроты, которая была такъ необходима при Горнемъ Дубнякѣ, подъ Телишемъ не нужно было. Теперь если бы Османъ кинулся изъ Плевны, дорогу ему преградилъ бы Дубнякъ, ставшій неприступнымъ въ русскихъ рукахъ и благодаря этому честь побѣды надъ Телишемъ можно было предоставить уже одной русской артиллеріи.

Въ 10-мъ часу утра 16 октября семьдесятъ два русскихъ орудія полукругомъ стояли въ грозномъ молчаніи противъ Телишскихъ высотъ. Предъ ними залегли Московскій и Гренадерскій полки. На одномъ флангѣ пѣхоты стояли гвардейскіе гусары и лейбъ-уланы, на другомъ—къ Дольнему Дубняку лейбъ-гусарскій, драгунскій и конно-гренадерскій полки, которымъ было поручено вмѣстѣ съ гусарами кіевцами и отрядомъ генерала маіора Арнольди, съ которымъ была и румынская пѣхота, отвлечь на себя вниманіе плевненскихъ турокъ и не допустить ихъ къ Телишу, если-бы они сдѣлали вылазку. Съ самаго разсвѣта гвардейскіе саперы копались въ землѣ, возводя насыпи и окопы для баттарей. Башибузуки и черкесы пытались было помѣшать имъ, но съ ними схватились уланы и заставили ихъ убраться въ укрѣпленія. Нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ произошло въ теченіе этого утра до прибытія Гурко къ Телишу. Ровно въ 11 часовъ генералъ снялъ фуражку, перекрестился и подалъ знакъ начать бой. Грянулъ первый выстрѣлъ. Со свистомъ полетѣла къ туркамъ первая граната. За первымъ выстрѣломъ можно еще было различить второй, третій, но затѣмъ голоса орудій и русскихъ и отвѣчавшихъ имъ изъ Телиша турецкихъ слились въ одинъ несмолкавшій ни на мгновеніе ревъ. Русскія баттареи укутались въ пороховой дымъ. Артиллеристы пристрѣлялись по обоимъ телишскимъ редутамъ съ замѣчательной быстротой. Снаряды ложились въ непріятельскія укрѣпленія

туда, куда наведено было русское орудіе. Генералъ Гурко молчаливый, серьезный сидѣлъ на высокомъ холмѣ немного далѣе линіи русскихъ баттарей. Турецкіе снаряды со свистомъ и шипѣньемъ лопались вокругъ, многіе изъ нихъ рвались тутъ же около холма и только по счастливой случайности никто не былъ раненъ около генерала. Гурко словно не замѣчалъ грозившей ему опасности. Онъ глазъ не отрывалъ отъ бинокля, слѣдя за каждымъ снарядомъ своихъ баттарей. По временамъ по лицу генерала пробѣгала нервная судорога; вѣроятно, при мысли, что Телишъ придется также штурмовать, припомнились ему слишкомъ четыре тысячи жертвъ Горняго Дубняка, весь ужасъ этого несчастнаго боя и ему становилось неловко.

— Не завидую я туркамъ!—раздался позади генерала чей-то голосъ.

Гурко встрепенулся, откинулъ бинокль и приказалъ остановить артиллерійскій бой.

Мгновенно все смолкло. Вмѣсто оглушительнаго грохота настала мертвая тишина. На насыпи телишскихъ редутовъ вдругъ вырисовалась совершенно ясно какая-то красная кайма. Это турецкіе солдаты, удивленные и испуганные внезапнымъ прекращеніемъ канонады, не понимая, въ чемъ дѣло, повысовывались изъ-за бруствера.

— Послать къ телишскому пашѣ парламентера!—приказывалъ Гурко,—пусть скажутъ, наши пушки снесутъ всѣ ихъ укрѣпленія,—во избѣжаніе напраснаго кровопролитія паша долженъ сдать Телишъ. Князь Цертелевъ! возьмите пятерыхъ турокъ изъ плѣнныхъ и отправляйтесь.

Хорунжій изъ дипломатовъ сдѣлалъ честь генералу и черезъ нѣсколько минутъ вмѣстѣ съ пяткомъ турокъ, взятыхъ въ Горнемъ Дубнякѣ, былъ на пути къ Телишу.

Пушки молчали, молчали теперь и люди. Томительно долго тянулись минуты ожиданія, рѣшался вопросъ жиз-

ни и смерти для сотенъ людей. Если командовавшій въ Телишѣ Измаилъ-Хаки-паша откажется сдать укрѣпленіе—штурмъ неизбѣженъ, а съ нимъ неизбѣжны всѣ ужасы кровопролитія. Не одна душа въ эти мгновенія обращалась съ горячей молитвой къ небу, прося какъ величайшей милости, появленія бѣлаго флага надъ турецкими твердынями. Вдругъ съ той стороны, гдѣ впереди баттарей залегли москвичи и гренадеры, крикнули „ура“, но не грозное боевое, а радостное, ликующее... Изъ редута по направленію къ ожидавшему отвѣта князю Цертелеву вышелъ турокъ, размахивавшій бѣлымъ флагомъ. Это Измаилъ-Хаки-паша посылалъ своего полковника къ русскому полководцу. Турецкій генералъ вообразилъ, что ему удастся что-нибудь выгадать, но Гурко даже и слушать не сталъ его посланца.

— Я требую, — загремѣлъ его голосъ, когда Цертелевъ представилъ ему полковника-турка,—чтобы ваши солдаты вышли изъ редута, бросили оружіе и безъ него шли за нашу цѣпь. Иначе я открываю огонь и прикажу всѣмъ своимъ полкамъ штурмовать Телишъ. На размышленія—полчаса!

Опять потекли томительныя, безконечно долгія минуты тоскливаго ожиданія... Опять то учащенно бились, то замирали многія сердца. Мучительный вопросъ рѣшался: сдастся Телишъ, или придется штурмовать эту твердыню? Всякій, кто могъ, ежесекундно взглядывалъ на часы. Но Телишъ молчалъ грозный по прежнему, томительно таинственный...

Въ этомъ молчаніи такъ близко стоявшихъ другъ противъ друга враговъ чуялось нѣчто неизбѣжно роковое. Что Телишъ долженъ былъ пасть предъ русской силой — это было неизбѣжно, но что если на помощь Измаилу-пашѣ подоспѣетъ со стороны Балканъ, чернѣвшихся на горизонтѣ своею бездушною массою, Шефкетъ-паша? Вѣдь, онъ совсѣмъ близко; развѣдчики донесли,

что софійская турецкая армія стоитъ частью въ Радомирцахъ и Яблоницѣ у подошвы Балканъ, частью въ Орханіе и Этрополѣ — горныхъ городкахъ. Если только успѣетъ Шефкетъ-паша бросить къ Телишу свои таборы редифовъ, низамовъ и мустахфизовъ[51]) упорная и кровопролитная битва тоже была неизбѣжна.

Затихли всѣ, кто былъ на курганѣ около генерала, самъ Гурко хотя съ виду сохранялъ спокойствіе, но все-таки на его лицѣ было волненіе, затихли и гренадеры съ московцами, лежавшіе подъ баттареями. Со стороны Телиша тоже не доносилось ни звука.

Къ лежавшимъ подъ прикрытіемъ полкамъ уже подобрались съ своими носилками санитары, эти грозные предвѣстники наступающаго ужаса. Солдатики только косились на ихъ носилки и не хватало у бѣдняковъ силы воли отдѣлаться отъ мысли о томъ, кому-то изъ нихъ придется въ этотъ день лежать на этомъ пропитанномъ кровью, затвердѣвшемъ отъ нея холстѣ...

Гранитовъ, подобравшійся къ линіи солдатъ вмѣстѣ съ товарищами, лежалъ не шевелясь. Имъ овладѣло всецѣло впечатлѣніе переживаемой минуты, онъ понималъ эту мертвую тишину на предтелишской равнинѣ и точно также какъ и всѣ, кто ни былъ здѣсь, страшился того мгновенія, когда пройдутъ роковые полчаса, и когда, если надъ турецкими укрѣпленіями не появится бѣлаго флага, съ кургана, гдѣ былъ генералъ, поданъ будетъ сигналъ начать штурмъ...

Вздохъ тысячи человѣческихъ грудей, словно шелестъ налетѣвшаго вѣтерка, пронесся по полю... Надъ переднимъ редутомъ Телиша медленно вползало на флагштокъ бѣлое знамя... Турецкая твердыня сдавалась безусловно на милость побѣдителя...

Поле мгновенно ожило. Солдаты кидались въ объятія другъ друга, артиллеристы со слезами на глазахъ обнимали и цѣловали свои пушки... Вѣдь, это онѣ въ этомъ

бою предупредили всѣ ужасы кровопролитія, благодаря только имъ, разгромившимъ турецкую твердыню, не понадобилось штурма... Трепещущее, радостное, восторженное „ура“ раздалось по долинѣ. Бѣлый флагъ надъ Телишемъ колыхался, развѣваемый вѣтромъ, толпами выходили на шоссе и бросали ружья защитники редутовъ, показался на шоссе сидѣвшій верхомъ на лошади маленькій толстенькій человѣчекъ—Измаилъ-Хаки-паша, комендантъ Телиша...

Сурово обошелся съ нимъ генералъ Гурко. Въ злополучный день 12 октября, когда егеря кинулись на штурмъ Телиша, на полѣ битвы остались ихъ раненые товарищи. Что случилось съ ними, было неизвѣстно... На вопросъ Гурко, гдѣ раненые?—турецкій генералъ смутился, раскраснѣлся и, путаясь въ словахъ, отвѣтилъ, что не знаетъ...

А въ это время изъ подъ Телиша неслись уже негодующіе крики русскихъ воиновъ: они узнали, что сталось съ ихъ товарищами, они нашли ихъ...

Когда много лѣтъ спустя Николай Гранитовъ сравнивалъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ-подъ Горняго Дубняка и изъ подъ Телиша, при одномъ воспоминаніи о томъ зрѣлищѣ, которое явилось его взорамъ на полѣ подъ выстрѣлами турецкихъ телишскихъ редутовъ, гнѣвъ всегда одолѣвалъ имъ, всегда миролюбивымъ и беззлобнымъ, искренно проникнутымъ чувствомъ всепрощенія и состраданія къ людямъ... руки его невольно сжимались въ кулаки, глаза увлажнялись слезами...

Тамъ подъ Горнимъ Дубнякомъ была смерть вездѣ и всюду, но тамъ была смерть героя, смерть воина. Люди шли туда и знали, что ихъ ждутъ страданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и были увѣрены, что какъ только будетъ возможно, страданія ихъ будутъ облегчены. Здѣсь подъ Телишемъ смерть была полна невозможнаго мученія, дикаго звѣрства и совершенно непонятной въ человѣческомъ существѣ, совершенно ненужной жестокости...

Николай Гранитовъ однимъ изъ первыхъ вмѣстѣ съ санитарами подбѣжалъ къ полю подъ выстрѣлами Телиша. Тамъ онъ увидалъ плачущихъ солдатъ и понялъ причину этихъ слезъ... Повсюду, вокругъ редутовъ въ тѣхъ направленіяхъ, гдѣ шли 12 октября егеря на штурмъ, валялись обнаженные трупы... это были павшіе на полѣ битвы русскіе воины. Всѣ оставшіеся подъ Телишемъ

Панихида на братской могилѣ егерей. Съ картины В. В. Верещагина.

егеря, не мертвецы, а лишь пораненые, были добиты турками, и злодѣи, видимо, тѣшили свои звѣрскія сердца ихъ предсмертными муками. Кто былъ убитъ на мѣстѣ, тѣла тѣхъ оставались нетронутыми. Раненые-же умирали медленною смертью: изверги замучивали ихъ... Отрѣзанныя головы и сосчитать было трудно, одни тѣла озвѣрѣвшіе люди—люди только по имени—буквально изрѣшетили ударами штыковъ, ножей и сабель, у другихъ выры-

вали изъ живого тѣла куски мяса, у многихъ труповъ вырѣзаны были бока, раскрыты груди, у нѣкоторыхъ вырваны были сердца. Находили тѣла съ вырубленными на нихъ сабельными ударами крестами и турецкими надписями. Были трупы съ обожженными лицами, головами, руками и ногами, на груди нѣкоторыхъ мучениковъ звѣри въ человѣческомъ образѣ разводили огонь...

И не было сомнѣній, что эти звѣрства были совершены надъ мучениками еще заживо...

Теперь Гранитовъ слышалъ, какъ солдаты громко высказывали сожалѣніе, что не было штурма... Яростный ропотъ ихъ несся по всему полю. Блѣдныя лица, орошенныя слезами, были искажены гнѣвомъ. Казалось, что сойди кто-нибудь изъ нихъ съ ума отъ этого ужаса и кинься на сдавшихся враговъ въ эти мгновенія, за нимъ послѣдуютъ всѣ, забывая даже о дисциплинѣ, но къ счастію этого не случилось... Долгъ удержалъ гвардейцевъ отъ мести за замученныхъ товарищей.

На другой день, совершая панихиду по убіеннымъ и мученикамъ, горькими слезами плакалъ священникъ, плакалъ ему помогавшій служка-солдатъ, плакало, какъ будто, само небо, крупными каплями дождя проливавшееся надъ полемъ смерти и муки...

Въ братской могилѣ преданы были землѣ тѣла почившихъ на полѣ брани егерей. 18 октября въ Горнемъ Дубнякѣ похоронены были погибшіе подъ Телишемъ полковникъ егерей Мебесъ [52]), командиръ 1-го баталіона и ротные командиры Шильдбахъ, Перепилица и Созимскій, тѣла которыхъ перевезены были сюда съ мѣста ихъ ужасной кончины. Остатки егерскаго полка провожали своихъ офицеровъ. Уныло, за душу хватая неслись подъ сѣренькимъ осеннимъ небомъ звуки похороннаго марша. Хмурые, съ увлажненными глазами шли за носилками—съ прахомъ мучениковъ и офицеры и солдаты. На курганчикѣ, у селенія Горняго Дубняка выкопаны были могилы, об-

ложенныя внутри соломой. Гробовъ не было, ихъ замѣнили простынями. Рыданія слышались вокругъ, когда тѣла героевъ-мучениковъ всѣ вмѣстѣ были опущены въ ихъ послѣднее земное убѣжище. Захлебываясь слезами возгласилъ священно-служитель вѣчную память, прибавивъ къ четыремъ именамъ похороненныхъ еще два имени офицеровъ, тѣла которыхъ остались не розысканными. Солома покрыла убіенныхъ, надъ ними выросъ могильный курганъ, и уныло воздвигнулся, простой деревянный крестъ словно выросъ изъ его рыхлой земли. Прогремѣли залпы, еще нѣсколько минутъ и могила русскихъ мучениковъ среди болгарской равнины осталась одинокою...

Послѣдствія побѣды надъ Горнимъ Дубнякомъ и сдачи Телиша не замедлили обнаружиться. Армія Шефкета-паши изъ Радомирцевъ и Яблоницъ ушла въ Орханіе и Балканы, гдѣ, по донесеніямъ развѣдчиковъ и лазутчиковъ, турки принялись укрѣплять высившуюся надъ горнымъ перевалomъ, по которому проходило софійское шоссе, гору Шандорникъ. Плевненскіе турки покинули сами безъ боя Дольній Дубнякъ и присоединились къ арміи Османа-паши. Укрѣпленіе занято было немедленно русскими, теперь ставшими у самыхъ Плевненскихъ высотъ и при томъ какъ разъ у выхода изъ нихъ въ предбалканскую равнину.

Императорская гвардія блистательно выдержала свой боевой экзаменъ. Горній Дубнякъ и Телишъ всегда будутъ озарять полки ея немеркнущей славой...

Наступило первое воскресенье послѣ этихъ двухъ боевыхъ дней. За р. Видомъ около главной баттареи, смотрѣвшей на Плевну жерлами своихъ восьми орудій, выстроились въ четвероугольникъ герои Телиша и Дубняка—Егерскій и Измайловскій полки. По срединѣ площадки, образованной вытянутыми линіями солдатъ, устроенъ былъ изъ пяти барабановъ аналой. Около него облаченный въ сінія ризы священникъ съ хоромъ изъ солдатиковъ-

пѣвцовъ ожидалъ прибытія генерала Гурко, объявившаго, что въ этотъ день, пользуясь нѣсколькими часами свободы, слѣдуетъ непремѣнно помолиться Богу, даровавшему Россіи двѣ побѣды. День выдался сѣренькій, сырой. Чувствовалась въ мозглявомъ воздухѣ близкая зима. Вся земля кругомъ баттареи была изрыта турецкими снарядами. Отсюда какъ разъ видны были увѣнчанныя редутами плевненскія высоты. Гремѣли съ Гривицкаго редута осадныя пушки; рядомъ правильными залпами громили турецкій редутъ румынскія баттареи, и въ это же время съ баттареи, гдѣ совершаемо было молебствіе, неслись звуки богослужебныхъ пѣснопѣній и горячо молились простые сердцемъ и душой русскіе люди, готовившіеся къ новому величайшему подвигу...

Гвардія открыла русскому воинству путь къ Балканамъ, теперь ей-же выпадала на долю честь одолѣть не только людей, но и природу, перейдя горы, мало проходимыя даже лѣтомъ, въ зимнюю пору...

— Спасибо вамъ, молодцы! — загремѣлъ генералъ Гурко, выѣхавъ, когда молебствіе было закончено, на средину каре,—великое спасибо вамъ! Теперь одно намъ нужно, чтобы турки разбились вдребезги о наши груди, какъ о каменныя стѣны...

Полное воодушевленія и энергіи „ура“ было отвѣтомъ любимому генералу. Раздались звуки церемоніальнаго марша, стройно, какъ въ Петербургѣ на Марсовомъ полѣ, прошли передъ Гурко оба гвардейскихъ полка. Изумленные звуками музыки турки въ редутѣ за Видомъ высунули изъ-за насыпей свои головы, стараясь понять въ чемъ дѣло, граната съ баттареи, однако, сейчасъ укротила ихъ любопытство.

Послѣ пережитыхъ дней гвардейцамъ дано было нѣсколько времени на отдыхъ. Стало значительно легче. Ни схватокъ, ни сраженій подъ Плевною не было; одинъ за другимъ выростали новые укрѣпленія и редуты. Только

въ госпиталяхъ и лазаретахъ по прежнему кипѣла адская работа.

Осень сказывалась, развивался все сильнѣе тифъ...

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней октября Катю Гранитову вызвали изъ госпиталя. Пришелъ Николай Гранитовъ, чтобы проститься съ сестрою.

— Въ Балканы уходимъ,—объявилъ онъ,—я съ отрядомъ...

— Какъ? Теперь? — воскликнула Катя,—вѣдь подходитъ зима!

— Такъ что-же? пока до снѣгу... Да, сестра! Тяжеловато приходится всѣмъ намъ здѣсь... Думали мы съ тобой, что война красивое дѣло... Нѣтъ! Ужаса, страданія много, а красоты что-то не замѣтно... Поскорѣе-бы все кончалось...

Катя съ тоскою смотрѣла на брата. Она видѣла, что онъ началъ разочаровываться если не въ подвигѣ, подъятомъ на себя Русью, то въ результатахъ, которые вѣнчали этотъ подвигъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала она и то, что трудовъ и жертвъ было слишкомъ много, такъ много, что о какой бы то ни было внѣшней красотѣ ихъ нечего было думать. Это казалось только издали, вблизи же все выходило совсѣмъ не то, что рисовало воображеніе.

Чтобы ободрить брата, Катя сказала:

— А о Гурко со Скобелевымъ на редутѣ Мирковича слыхалъ?

Николай махнулъ рукой.

— Развѣ это не красиво?—настаивала Катя.

Она говорила о встрѣчѣ двухъ любимцевъ солдатъ на одномъ изъ редутовъ подъ Плевной. Этотъ редутъ—Мирковича, какъ называли его, былъ на разстояніи не болѣе двухъ верстъ отъ турецкихъ укрѣпленій и турки такъ пристрѣлялись къ нему изъ своихъ орудій, что бросали снаряды безъ промаха въ самую его середину. Встрѣтившись здѣсь, Скобелевъ и Гурко повели дѣловой разговоръ

на барбетѣ. Они были совершенно открыты для турецкихъ выстрѣловъ. Съ непостижимымъ присутствіемъ духа разговаривали оба героя подъ турецкими гранатами и сошли съ барбета только, когда турки перестали стрѣлять...

Скобелевъ въ то время былъ уже признанный кумиръ солдатъ. Они шли за нимъ, „какъ за знаменемъ“ *), но и генералъ Гурко также былъ близокъ къ солдатскому идеалу. Недаромъ-же и прозвали его „генераломъ-спартанцемъ“. Едва только начинало свѣтать, онъ уже выходилъ изъ турецкой лачуги на Іени-Беркачъ, гдѣ стояла подъ Плевной его часть, и раздавалось суровое: „Соболевъ, сѣдлать!“

Что-бы ни было, какая-бы ни стояла погода, а ровно въ семь часовъ генералъ въ сопровожденіи дежурнаго ординарца, переводчика и своего деньщика Соболева и десяти казаковъ уже ѣхалъ на позицію. „Здорово, гусары, здорово, стрѣлки!“—сурово привѣтствовалъ онъ встрѣчавшіяся ему по пути части. Улыбка не появлялась на его лицѣ, но эта суровость, въ которой чувствовалась сила, влекла къ нему солдатскія сердца. Съ восторгомъ и удивленіемъ разсказывали, что „генералъ-спартанецъ“, какъ называли его офицеры, одинъ выѣзжалъ на аванпосты, за цѣпь и тамъ, взобравшись на какой-нибудь холмъ, осматривалъ изъ бинокля турецкія позиціи, даже вниманія не обращая на пули. Въ его храбрости не было порывовъ, это была не храбрость сердца, какъ у Скобелева, а храбрость ума и воли надъ самимъ собою.

Двое такихъ полководцевъ были подъ Плевной, а Османъ-паша все еще держалъ около себя русскую армію...

— Что же ты молчишь?—повторила вопросъ Катя, на которую сцена въ редутѣ Мирковича произвела сильнѣйшее впечатлѣніе,—развѣ не красота?

---

*) А. Н. Куропаткинъ. «Дѣйствія отрядовъ ген. Скобелева въ Русско-турецкую войну 1877—78 г.г.»

— Да, пожалуй, это и красиво,—согласился Николай,—но и Скобелевъ и Гурко поступали и поступаютъ какъ должно имъ поступать, какъ повелѣваетъ имъ ихъ долгъ, они знаютъ, что тысячи паръ глазъ смотрятъ на нихъ, тысячи сердецъ рвутся послѣдовать ихъ примѣру, но не тебѣ-бы говорить о красотѣ, когда ежедневно на твоихъ глазахъ умираютъ десятки людей, также только исполняющихъ свой долгъ предъ родиной. Ни о какой красотѣ они и не думали.

Гурко и Скобелевъ подъ огнемъ.

Вотъ мы идемъ въ Балканы. Ты сама испугалась, когда услышала отъ меня объ этомъ походѣ, а каково думать о немъ тѣмъ, кто будетъ его участниками? Зима наступаетъ, снѣговыя тучи плывутъ, а тамъ еще турки залегли за каждой скалой... Нѣтъ, сестра,—горячо закончилъ Николай,—есть величайшій подвигъ, но нѣтъ въ немъ никакой красоты. Съ полной покорностью Промыслу выполняютъ этотъ подвигъ наши герои-солдаты, даже не постигая величія своего дѣла, но ихъ дѣло все-таки ужасно

и каждому живущему на землѣ нужно неустанно молить Бога о томъ, чтобы воцарился вѣчный миръ между народами и по землѣ не лилась бы въ войнахъ святая братская кровь ея дѣтей.

И братъ, и сестра, словно охваченные однимъ и тѣмъ впечатлѣніемъ, взглянули въ ту сторону, гдѣ чернѣлся горный хребетъ, перелетѣть который предстояло русскимъ орламъ...

Холодомъ и смертью вѣяло отъ погруженныхъ въ мертвое безмолвіе Балканъ. Лѣтомъ еще замѣтна и на нихъ, бездушныхъ, кое-какая жизнь: зеленѣютъ лѣса, кое-гдѣ журчатъ рѣчки, ручьи и водотоки, но лишь наступаетъ зима, всякая жизнь исчезаетъ, ослѣпительно ярко блистаетъ снѣгъ на вершинахъ, вѣтеръ воетъ и реветъ въ ущельяхъ, долинахъ и разсѣлинахъ, и чѣмъ дальше идетъ зима, тѣмъ все больше наметаютъ мятели и бури снѣгу, тѣмъ все менѣе и менѣе проходимыми становятся чуть замѣтныя тропки и дороги, вьющіяся подъ тянущимися къ небу кручами, по обрывамъ безднъ и пропастей.

Скатъ Балканъ въ сторону Дуная представляетъ собою рядъ созданныхъ природою крѣпостей. Горные кряжи высятся тутъ одинъ надъ другимъ. Такъ и бросаются въ глаза ихъ то острыя, какъ сахарныя головы, то тупыя, какъ куполъ, вершины. Однѣ изъ нихъ совершенно голы, другія поросли кустарникомъ и лѣсомъ. Спускаются эти кряжи къ своимъ подошвамъ глыбами громадныхъ голыхъ камней, по которымъ вверхъ нѣтъ ни проѣзда, ни прохода...

Гдѣ тутъ пройти человѣку, да еще не одному? Гдѣ тутъ провезти возы, какъ поднять на высоту такую тяжесть, какъ пушки?..

На каждой горной вершинѣ, за каждой скалой засѣли турки. Снизу, съ Софійскаго шоссе, видны ряды ихъ палатокъ, ихъ редуты съ молчащими пока орудіями. Только подойди къ нимъ, этимъ безмолвнымъ холмамъ,

сразу-же посыпятся отовсюду гранаты, картечь, пули, а между тѣмъ идти нужно: съ каждой верстою пройденнаго пути близится радостный день мира, а вмѣстѣ съ нимъ и конецъ всѣхъ этихъ непосильныхъ для человѣка трудовъ, всѣхъ этихъ лишеній...

Настали, наконецъ, тяжелые дни...

Идетъ въ Балканы гвардія—идетъ „по-суворовски", точь-въ-точь, какъ ходили въ Альпахъ чудо-богатыри великаго полководца. Засѣлъ врагъ на горной вершинѣ, такъ, чтобы выбить его оттуда, нужно забраться повыше его и уже выстрѣлами съ высоты выбивать его изъ его же укрѣпленій. Турки переходятъ съ горы на гору, русскіе неотступно слѣдуютъ за ними. Появился непріятель на высотѣ — прошелъ часъ-другой и уже откуда-то сверху, будто съ неба, сыпятся пули, летятъ гранаты...

Внизу, у подошвы горы, какъ только стали наступать гвардейцы изъ-подъ Плевны, турки быстро отошли въ горы, стремясь поскорѣе достичь своей главной позиціи на укрѣпленномъ горномъ кряжѣ.

Русскимъ прежде всего приходилось одолѣвать горныя вершины. Нужно было не только самимъ взобраться на нихъ, но и втащить на эти голыя вершины еще пушки...

Въ предгорьяхъ Балканъ пріютились города Орханіе и Этрополь. За ними уже начинались перевалы; главный Баба-канакъ,—главный изъ всѣхъ, онъ возвышается на 3,400 футовъ надъ уровнемъ моря; дорога въ него ведетъ изъ Орханіе и по выходѣ, спустившись въ котловину, выходитъ къ Стриглинскому перевалу, куда есть также путь изъ Этрополя. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, вправо отъ подходившихъ войскъ былъ Златицкій перевалъ, который турки даже и не подумали защищать въ виду его непроходимости [53]).

На Стриглинскомъ перевалѣ турки укрѣпили высочайшую гору Шандорникъ, соединявшуюся съ находившимися позади нея укрѣпленіями ихъ, на горномъ хребтѣ Арба-

канакъ. Путь сюда русскимъ прегражденъ былъ укрѣпленіями въ деревнѣ Врачешъ, находившимися на томъ мѣстѣ, гдѣ Софійское шоссе входитъ въ ущелье рѣки Бебреша. Отсюда по шоссе и начинается подъемъ на главный перевалъ.

9-го ноября вошла гвардія, усиленная двумя армейскими полками, въ предгорья. Безъ особыхъ усилій выбиты были турки изъ долины рѣки Правеца; заняты были скоро послѣ неудачнаго дѣла у Навачина Орханіе и Этрополь и Златицкій перевалъ, но, чтобы пройти горы и спуститься съ нихъ къ Софіи, приходилось во что бы то ни стало прогнать турокъ съ Шандорника и Арбаканака а для этого нужно было обойти ихъ.

Но турки такъ укрѣпились въ горахъ, что нечего было и пробовать выгнать ихъ отсюда штурмомъ: мало людей было въ Балканахъ; волей-неволей приходилось ждать, когда закончится великая драма подъ Плевной и соберутся всѣ освободившіяся тамъ войска.

ВЗЯТІЕ ПРИСТУПОМЪ ГРИВИЦКАГО РЕДУТА 30 августа 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

XXV.

Живое кольцо.

А тамъ, по всему было видно, близилась желанная развязка...

22-го октября къ Дольнему Дубняку прибылъ, чтобы на слѣдующій день посмотрѣть отличившихся гвардейцевъ и проститься съ ними предъ походомъ въ горы, государь императоръ Александръ Николаевичъ. Ночевать онъ изволилъ въ селѣ Медованъ, куда прибылъ изъ Богота подъ Плевною и августѣйшій главнокомандующій со всей своей многочисленною свитою.

Скромная избушка медованскаго турка Дервишъ-эфенди пріютила царя-Освободителя. Всего двѣ крохотныя горенки съ оклеенными газетною бумагой окнами были

застланы по полу фуражными мѣшками. Ветхій коверъ закрывалъ дверь. На бѣлыхъ глиняныхъ стѣнахъ казаки, готовившіе государю ночлегъ, наставили мѣломъ крестовъ: „Не подобаетъ, дескать, православному царю ночевать въ некрещеномъ домѣ!“ Походную кровать государь захватилъ съ собой. Складной столикъ принесли изъ палатки главнокомандующаго, а два складныхъ стула нашлись у командира астраханскихъ драгунъ Мацѣлевича, столовая была устроена въ примыкавшей къ горенкамъ конюшнѣ. Среди такой обстановкѣ и провелъ ночь Освободитель.

На другой день такъ радостно гремѣло ура гвардейцевъ, встрѣчавшихъ своего государя, что турки, высыпавшіе въ удивленіи на Плевненскія свои высоты, смотрѣли только на происходившее въ Дольнемъ Дубнякѣ, но даже огня не открывали.

Русскіе гвардейцы и армейцы, и вмѣстѣ съ ними и вся румынская армія, послѣ этого стѣснили еще болѣе Плевну. Генералъ Тотлебенъ[54]) еще съ 11-го октября началъ бомбардировку этой твердыни. Ровно въ пять часовъ девяносто осадныхъ и дальнобойныхъ орудій привѣтствовали изъ своихъ жерлъ Османа-пашу и защитниковъ Плевны „съ добрымъ утромъ“. Девяносто снарядовъ, жужжа, шипя, свистя, разрываясь въ воздухѣ, неслись въ намѣченный наканунѣ пунктъ. Этотъ чудовищный дождь ниспадалъ на обреченное ему мѣсто, и его какъ не бывало. Турки сейчасъ-же кидались исправлять поврежденія и тогда по нимъ открывался огонь съ ближайшей баттареи. Точно такимъ-же залпомъ между 5 и 6 часами вечера русскіе желали своему противнику „спокойной ночи“. Послѣ такого „пожеланія“ все стихало и только раздавались одиночные выстрѣлы по работавшимъ надъ исправленіемъ баттарей врагамъ.

Кромѣ Гривицкаго редута былъ и еще „ключъ“ къ Плевненской позиціи. Это были такъ-называемыя „Зеленыя горы“ подъ Плевной. Отсюда осаждавшіе могли

мѣшать всякому движенію Османа-паши въ тылу. Здѣсь-же преграждался ему всякій выходъ на шоссе, ведшее къ Софіи, и, при попыткѣ прорваться къ рѣкѣ Виду, отсюда могли-бы кинуться русскія войска на арріергардъ уходящей арміи.

Но эта позиція, важнѣйшая и опаснѣйшая, была въ рукахъ турокъ.

Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

На Кришанскихъ высотахъ, совсѣмъ въ виду „Зеленыхъ горъ“, расположилась 16-ая пѣхотная дивизія: владимірцы, суздальцы, угличане и казанцы. Какъ только наступила осень, выросъ цѣлый городокъ, заселенный солдатами этихъ полковъ. Выкопаны были просторныя землянки, отапливавшіяся печами. Ни дождь не проникалъ въ нихъ, ни осенняя мозглость не страшна была солдатамъ. Всѣмъ имъ было уютно и покойно, насколько это было возможно въ ихъ положеніи. Во всемъ лагерѣ, несмотря на ухудшавшуюся день-ото-дня погоду, оставались только два холщевыхъ намета. Въ одномъ изъ нихъ никогда не смолкалъ говоръ, смѣхъ. Въ другомъ, гдѣ было всегда тихо, стояли только походная кровать, простой столъ и походные табуреты. Эти наметы, доступные дождю, слякоти, мозглости, были столовой и спальной командира 16-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Михаила

Дмитріевича Скобелева, героя „третьей Плевны“—„бѣлаго генерала“.

Подъ вечеръ 28-го октября Скобелевъ взялъ „Зеленыя горы“ и укрѣпился на нихъ. Туманъ позволилъ охотникамъ изъ стрѣлковъ 9-го баталіона подобраться незамѣченными къ турецкимъ ложементамъ. Охотниковъ было всего 70 и велъ ихъ на рискованное дѣло подпоручикъ Тарасенковъ. Первый рядъ турецкихъ ложементовъ взятъ былъ моментально. Турки, не ожидавшіе нападенія въ туманѣ, выскочили, потерявъ въ одно мгновеніе около 80 человѣкъ. Стрѣлки бросились къ слѣдующему ряду окоповъ, а подоспѣвшіе саперы уже поворачивали въ сторону непріятеля фронтъ взятыхъ укрѣпленій. Когда туманъ порѣдѣлъ, нѣсколько таборовъ турокъ кинулось было на штурмъ отбитаго у нихъ укрѣпленія, но стройные, правильные залпы заставили ихъ уйти прочь. „Зеленыя горы“ перешли въ русскія руки.

Скобелевъ перенесъ сейчасъ-же сюда свое пребываніе. Для него солдаты вырыли ямку въ уровень съ дномъ передовой траншеи. Въ ней на санитарныхъ носилкахъ спалъ Михаилъ Дмитріевичъ, переселившійся на „Зеленыя горы“ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба капитаномъ Алексѣемъ Николаевичемъ Куропаткинымъ[55]). Сюда-же явились весь 9-ый стрѣлковый баталіонъ, Владимірскій полкъ, двѣ стрѣлковыя роты Ярославскаго полка, саперы, двѣ сотни донскихъ казаковъ Нагибина съ артиллеріей въ четыре картечницы. Вмѣстѣ со Скобелевымъ это была уже внушительная сила.

Турки попробовали было возвратить отбитую позицію въ первую же ночь, но опять были отбиты. На слѣдующій день „Зеленыя горы“ были приготовлены къ достойной встрѣчѣ своихъ недавнихъ хозяевъ.

Ночь на 30-ое октября спустилась надъ Плевной. Прикурнули въ траншеяхъ на „Зеленыхъ горахъ“ солдатики; тихо дремлютъ вмѣстѣ съ ними офицеры. Покойны всѣ;

АТАКА ЗЕЛЕНЫХЪ ГОРЪ 27 августа 1877 г.

Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

знаютъ, что Скобелевъ бодрствуетъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ. Когда придетъ пора — всѣхъ поднимутъ на ноги. А между тѣмъ, казалось бы, спокойнымъ быть нельзя.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Изъ секрета прибѣжалъ и прямо къ генералу одинъ изъ залегшихъ тамъ солдатъ. Что онъ говорилъ—не узнали, но это не спроста. Турки что-то затѣваютъ. Но генералъ

не отдаетъ приказанія, стало быть, нѣтъ еще никакой надобности.

— Вставай! — шопотомъ проносится по траншеямъ приказаніе.

Люди вскакиваютъ безъ шума, безъ суеты, бодрствовавшіе товарищи растормошили крѣпко уснувшихъ. Каждый въ темнотѣ знаетъ свое мѣсто, потому что еще днемъ оно указано ему. Знаетъ каждый, что ему дѣлать, все это объяснено заранѣе, потому-то и нѣтъ никакой безтолковой суматохи.

— Турки подходятъ,—также шопотомъ несется новое приказаніе,—стрѣлять по свистку!

Сотни паръ глазъ напряженно устремляются въ мракъ осенней ночи. Тамъ ничего не видно, но за то слышно. Слышенъ какой-то хрустъ, шумъ, съ каждой секундой все возрастающій и возрастающій. Наконецъ, и во мракѣ даже вырисовывается темная колеблющаяся масса. Она замѣтно надвигается; слышно пыхтѣнье, сопѣнье, шепотъ. Траншея все еще молчитъ. Турки уже въ пятидесяти шагахъ... Вотъ-вотъ они всей своей массой бросятся на русскихъ храбрецовъ... Вдругъ мертвую тишину прорѣзываетъ короткій свистъ. Звуки его еще не затихли, а съ траншеи уже блеснула огненной змѣей молнія выстрѣловъ и грянулъ стройный залпъ. Въ отвѣтъ ему несутся отчаянные вопли, стоны отъ нестерпимой боли, проклятья. Гремитъ новый залпъ. Масса будто порѣдѣла, заколебалась, разстроилась. Она теперь чернѣетъ уже значительно дальше, чѣмъ предъ первымъ русскимъ залпомъ. До слуха русскихъ доносится турецкая брань. Турки начинаютъ стрѣлять, но стрѣляютъ безпорядочно. Руки, видимо, у нихъ трясутся. Все-таки пули такъ и сыпятся. Но солдатики лишь посмѣиваются. Безпорядочная стрѣльба пропадаетъ даромъ. Послѣ часовой безполезной перестрѣлки, турки спѣшно отступаютъ. „Зеленыя горы“ остались въ русскихъ рукахъ. Скобелевцы удачно и безъ особенныхъ потерь

отбили и этотъ штурмъ. Рады они: взятіе „Зеленыхъ горъ“ и отбитая аттака стоили имъ всего 26 убитыхъ товарищей.

Еще меньше теперь надежды уже на спасеніе у Османа-паши. Султанъ за Третью Плевну пожаловалъ своему „гази“ золотую саблю за храбрость, но теперь уже

Полковникъ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ, начальникъ штаба отряда генерала Скобелева.

ничто не поможетъ „непобѣдимому“. Съ каждымъ днемъ роковой для него исходъ все ближе и ближе.

А къ русскимъ идутъ радостныя вѣсти. 6-го ноября палъ самый грозный оплотъ турецкаго могущества въ Малой Азіи—неприступный Карсъ.

Однако, счастье слѣпо. Оно разсыпаетъ свои дары, само не зная, куда попадаютъ они...

22-го ноября произошло несчастное для освободителей Болгаріи дѣло у Маренп и Елены. Выбыло изъ строя полсотни офицеровъ и 1,800 нижнихъ чиновъ; потеряно было одиннадцать орудій; семь изъ нихъ достались въ руки туркамъ...

Но все-таки роковая Плевна была при послѣднемъ издыханіи...

Это по всему было замѣтно. Османъ-паша выгналъ изъ Плевны всѣхъ жителей, съ ихъ уцѣлѣвшимъ домашнимъ скарбомъ даже. Онъ, вѣроятно, надѣялся на милосердіе русскихъ, но на этотъ разъ ошибся. Плевненцевъ загнали обратно. Вѣдь они были лишними ртами въ Плевнѣ; русскимъ-же было уже извѣстно, что и солдатамъ Османа-паши не хватаетъ довольствія, что порцію защитниковъ Плевны уменьшили до послѣдней степени...

Тогда Османъ-паша прогналъ изъ Плевны башибузуковъ, черкесовъ и всѣхъ, кто не былъ ему полезенъ; русскіе и ихъ вернули ему обратно.

Появились перебѣжчики. Перебѣгали не только находившіеся въ рядахъ османовской арміи болгары и европейцы, которыхъ было у Османа порядочное количество, прибѣжалъ къ русскимъ обезумѣвшій отъ голода дезертиръ-татаринъ, передавшійся туркамъ еще при первой здѣсь съ ними встрѣчѣ русскихъ.

Всѣ они говорили, что въ Плевнѣ голодъ, что солдаты Османа ропщутъ, что со-дня-на-день можно ожидать или сдачи Плевны, или попытки прорваться.

Ждать — ждали съ нетерпѣніемъ, но живое кольцо все-таки суживалось.

Жестоко каялся Алексѣй Петровичъ Кораловъ на то, что бросилъ казавшуюся ему несчастливою 14-ю драгомировскую дивизію. Онъ побылъ и подъ Первой и подъ Второй Плевнами, но все-таки на груди у него не было бѣлаго крестика, а самъ чувствовалъ, что заслуживаетъ его... Вездѣ онъ кидался первымъ въ огонь, вскакивалъ

первымъ на брустверы. Богъ уже знаетъ по какой случайности всѣ его подвиги проходили незамѣченными даже товарищами. Слишкомъ много было храбрецовъ въ Архангелогородскомъ полку, чтобы кого-нибудь тамъ могъ удивить рвавшійся постоянно въ бой вольноопредѣляющійся. Кораловъ злился, бѣсился, но ничего не могъ подѣлать. Бѣлаго креста не выпросишь—его нужно сумѣть заслужить.

А тутъ послѣ „Второй Плевны“ увели отъ нея всю пятую дивизію, ее смѣнили румыны и плевненскіе герои, архангелогородцы и вологодцы, только 25 ноября явились опять на рѣку Видъ, гдѣ и заняли позиціи въ самомъ тылу осаждавшихъ въ этомъ мѣстѣ Османа-пашу гвардейскихъ дивизій.

Нельзя сказать, чтобы для Коралова прошли безполезными эти мѣсяцы, проведенные въ бояхъ. Онъ былъ все время на виду у своихъ начальниковъ. Если-бы у него былъ сданъ экзаменъ въ военномъ училищѣ, онъ былъ-бы давно уже офицеромъ, но экзаменъ не былъ сданъ, и Алексѣй всегда являлся только лишь „исправляющимъ должность“. Это, однако, не удовлетворяло его; онъ страстно желалъ, что-бы на его груди висѣлъ бѣленькій крестикъ, а тутъ судьба, словно играя, обходила его, и съ отходомъ дивизіи отъ Плевны пропала и возможность отличиться въ бою.

Когда Архангелогородскій полкъ явился къ Виду, надежды Коралова опять воскресли, онъ воспрянулъ духомъ, сталъ веселъ и скорбѣлъ только лишь о томъ, что архангелогородцы не выдвинуты на передовыя позиціи, а стоятъ въ самомъ тылу. Онъ было сдѣлалъ попытку какъ-нибудь присоединиться къ скобелевцамъ на Зеленыхъ горахъ, но это не удалось.

Однако, на Скобелевской позиціи ему все-таки какъ-то выпалъ случай побывать. Онъ былъ крайне удивленъ, узнавъ, что главная траншея носила тамъ громкое названіе

„Невскаго проспекта“. Объ этомъ свидѣтельствовали даже прибитыя къ столбамъ надписи, на которыхъ такое пышное наименованіе четко было выведено углемъ. Въ „Невскій проспектъ“ на Зеленыхъ горахъ вдавалась и „Большая Морская“—боковая широкая траншея. Здѣсь отдыхавшіе солдатики гуляли въ свободные часы и чувствовали себя гораздо лучше, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ или Большой Морской далекаго Петербурга.

— Эхъ, кабы отсюда пошелъ на насъ Османъ-то!—говорилъ Коралову знакомый ему унтеръ-офицеръ, къ которому онъ пришелъ въ гости,—уже постарались-бы мы, поднесли-бы нашему Михайлѣ Дмитричу подарокъ...

Вездѣ и всюду были свои мечты, свои надежды. Кораловъ мечталъ о Георгіѣ для себя, скобелевцы мечтали, какъ бы порадовать своего кумира новою побѣдою.

Кораловъ пробылъ на Зеленыхъ горахъ, пока не начались сумерки; идти ему было къ своему полку очень далеко. Приходилось торопиться.

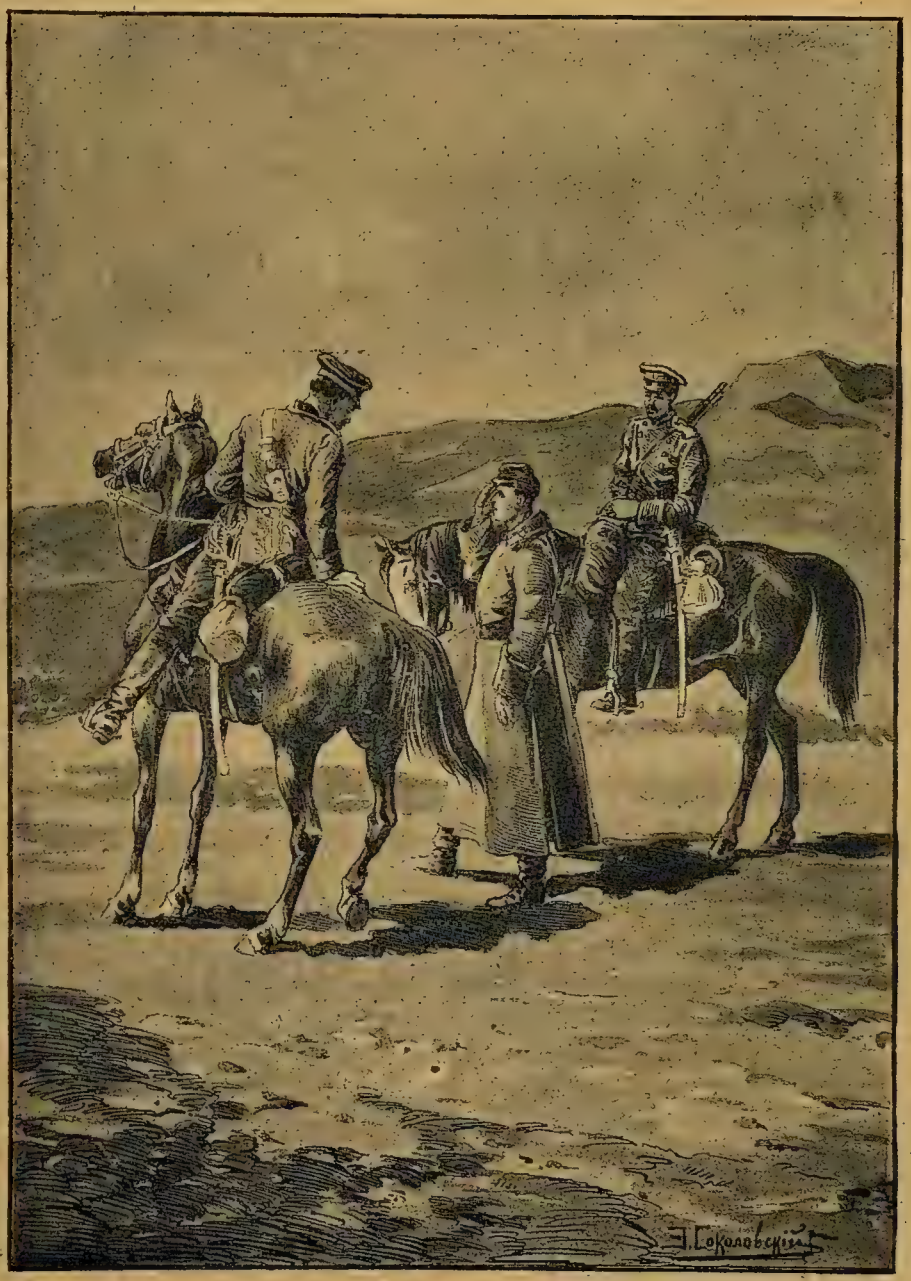
— Что-то сегодня турки стихли!—сказалъ, провожая его, пріятель.

— А и въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ даже и не стрѣляютъ,—согласился Кораловъ, давно уже замѣтившій, какъ постепенно все стихала и стихала обычно несмолкавшая турецкая стрѣльба.

Онъ ушелъ, думая объ этомъ.

Внезапное молчаніе турецкихъ стрѣлковъ не прошло не замѣченнымъ и на Зеленыхъ горахъ. Болѣе уже часа ни одна пуля не просвистѣла надъ „Невскимъ проспектомъ“. Это уже совсѣмъ небывалое событіе! Такого часа давнымъ давно никто не помнилъ. Турки и ночью сыпали на русскихъ своими пулями.

Скобелевъ выслалъ особый секретъ посмотрѣть, что дѣлается въ сосѣднихъ траншеяхъ и на близкомъ редутѣ. Секретъ возвратился и донесъ, что траншеи пусты, а редутъ покидается турками... Не было сомнѣнія, что тур-



ВОЗВРАЩЕНІЕ КОРАЛОВА НА РУССКУЮ ПОЗИЦІЮ.
Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

ки уходили изъ Плевны... Куда? На Зеленыхъ горахъ, конечно, знать этого не могли; одно только было ясно „Бѣлому генералу“, что Османъ минуетъ его и выходитъ своими таборами на кого-то другого...

Честь плѣнить знаменитаго полководца ускользала отъ русскаго героя.

«Третья Плевна». Генералъ Скобелевъ 2-й во главѣ своихъ войскъ беретъ турецкій редутъ.

Дѣлать было нечего...

Къ главнокомандующему съ Зеленыхъ горъ полетѣла телеграмма...

Это былъ вечеръ 28 ноября!

Кораловъ между тѣмъ шагалъ по дорогѣ къ расположенію своего полка. Большую часть глуши ему удалось

проѣхать на повозкѣ, подвозившей съѣстные запасы къ одному изъ гренадерскихъ полковъ. Шагать все-таки приходилось порядочно далеко. Чтобы сократить себѣ разстояніе, Алексѣй смѣло пошелъ по огромной лощинѣ, надѣясь, что турки не углядятъ одинокаго пѣшехода. Онъ шелъ, все еще думая о странной тишинѣ въ турецкихъ траншеяхъ противъ Зеленыхъ горъ.

„Словно у насъ въ тылу,—размышлялъ онъ,—пуля рѣдкость... А еще прославленные герои, еще говорятъ про Зеленыя горы: опаснѣйшій пунктъ!“

Странный шумъ заставилъ остановиться Алексѣя. Онъ насторожился и прислушался, потомъ прилегъ на землю и приложилъ ухо къ ней. До него ясно донеслись отдаленное скрипѣнье колесъ, неясный говоръ. Все это, какъ можно было судить, происходило еще очень далеко, но инстинктъ подсказалъ Коралову, что̀ это значитъ...

„Турки уходятъ!“—сообразилъ онъ и, вскочивъ на ноги, кинулся бѣжать въ сторону русскихъ аванпостовъ.

Послѣ долгаго бѣга онъ наткнулся на передовыхъ гвардейскихъ кавалеристовъ. Его приняли было за перебѣжчика и рѣшили отправить подъ конвоемъ на позицію. Кораловъ и самъ того же желалъ.

— Турки вышли изъ Плевны!—крикнулъ онъ.

— Опоздалъ, братецъ, знаемъ эту новость,—смѣясь отвѣтилъ гусаръ, провожавшій его,—изъ главной квартиры пришла телеграмма... Самъ Ганецкій [56]) насъ сюда выслалъ.

На позиціи дѣло объяснилось и Коралова отпустили къ его полку, пригрозивъ, впрочемъ, взысканіемъ за позднее возвращеніе.

Опять не повезло бѣднягѣ! Онъ бѣжалъ, что только было силъ въ ногахъ, въ надеждѣ первымъ принести столь желанное всей русской арміей извѣстіе и былъ не только уже предупрежденъ, но еще попалъ подъ замѣчаніе.

Положительно, судьба была противъ Коралова...

А великое событіе готово было свершиться, самъ собою развязывался крѣпко стянутый плевненскій узелъ...

Цѣлую ночь все ближе и ближе къ Виду раздавалось скрипѣнье колесъ безчисленнаго обоза, все ближе и ближе слышалось дребезжаніе орудій, гулъ отъ массы скоплявшихся въ одно мѣсто людей и животныхъ. Ясно стало, что турки рѣшили прорваться черезъ слабѣйшее мѣсто русскаго обложенія—за Видъ чрезъ тыловую позицію, гдѣ начальствовалъ всѣмъ завидскимъ отрядомъ командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ Ганецкій.

Иванъ Степановичъ Ганецкій.

Гренадерамъ - сибирякамъ, шефомъ которыхъ былъ Августѣйшій Главнокомандующій, выпадала честь принять на себя первый натискъ всей турецкой арміи. Къ генералу Ганецкому ежеминутно неслись съ аванпостовъ одно за другимъ донесенія:

„Турки близко, турки подошли, турки вошли бродомъ въ Видъ!“

Кончалась долгая зимняя ночь; поздній разсвѣтъ чуть-чуть брезжился. Правый берегъ Вида все еще окутывала предразсвѣтная не расплывавшаяся туманная мгла.

Наконецъ, раздернулась туманная дымка. Широкая чизина, лежавшая между Олонецкими и Терапинскими

высотами, упиравшаяся прямо въ берегъ Вида, гдѣ былъ каменный мостъ черезъ эту рѣку, недавно запушенная только что выпавшимъ снѣжкомъ, теперь чернѣлась тысячами тысячъ людей. Покатости высотъ тоже покрыты были роившимися, какъ пчелиный огромный улей, турками. Громадный обозъ былъ уже вогнанъ въ Видъ; черезъ рѣку явился новый мостъ, накинутый по повозкамъ.

Передъ русскими была вся армія гази Османа-паши.

Предразсвѣтная мгла еще не разсѣялась, когда надъ русскими завидскими позиціями взвилась сигнальная ракета. Она не успѣла разсыпаться въ ночномъ сумракѣ, какъ глухо зарокотали барабаны тревогу. Безъ суеты и суматохи выстроились готовые къ бою гренадеры и стали въ грозныя боевыя колонны.

Былъ восьмой часъ утра.

Густо сплотившись, плечо къ плечу, безъ выстрѣла, безъ звука вступили на мостъ турецкіе таборы; на ихъ мѣсто въ низину сползли съ возвышенностей новые, а вмѣсто нихъ сейчасъ же появились изъ прохода еще и еще, казалось, безконечныя все новыя массы людей.

Голова турецкаго авангарда по мосту перешла Видъ. Взвилась новая ракета, все настойчивѣе и настойчивѣе грохотали тревогу русскіе барабаны; генералъ Ганецкій на конѣ промчался по фронту своихъ гренадеръ.

Перешедшія Видъ турецкія колонны въ боевомъ порядкѣ безъ выстрѣла, съ штыками на перевѣсъ, бѣгомъ неслись на русскія траншеи. На ихъ мѣсто изъ-за Вида, по двумъ уже мостамъ вползали на лѣвый берегъ новые таборы.

Обрекли сами себя на смерть эти несчастные, закалившіеся въ два мѣсяца осады храбрецы. Свинцовый дождь-проливень, лившійся на наступавшихъ съ русскихъ траншей, клалъ ихъ на землю цѣлыми рядами; турки не останавливались. По трупамъ павшихъ товарищей,

ПОСЛѢДНІЙ БОЙ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ И ВЗЯТІЕ ВЪ ПЛѢНЪ ВСЕЙ АРМІИ ОСМАНА-ПАШИ 28 ноября 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

какъ ураганъ, мчались они три версты, отдѣлявшія русскихъ отъ берега Вида. Иногда вспыхивалъ у нихъ не то побѣдный, не то привѣтственный кличъ. Съ русской позиціи ясно былъ виденъ турецкій генералъ на рыжемъ конѣ. Онъ командовалъ всей этой безумно-бѣшеной аттакой; по мановенію его руки съ громкимъ, радостнымъ кличемъ шли на неминуемую смерть всѣ эти люди...

Это былъ самъ гази Османъ-паша.

Что-то нечеловѣческое, стихійное было въ наступленіи турокъ. Не люди неслись на русскія траншеи, а обезумѣвшіе демоны въ человѣческомъ только образѣ, существа, вообразившія себя безсмертными, потерявшія всякую воспріимчивость къ физическимъ страданіямъ. Если это и были люди, то люди, увѣрившіе сами себя, что они должны умереть, что на землѣ нѣтъ болѣе для нихъ мѣста!

Безъ выстрѣла они ворвались въ первую траншею. Сибирцы-гренадеры приняли ихъ. Не дологъ былъ бой. Гренадеры, бывшіе въ траншеѣ, легли подъ турецкими штыками. Немногіе спаслися изъ нихъ. Прошло очень мало времени, а турки ворвались уже въ находившуюся за траншеей земляную баттарею, гдѣ стояли орудія 2-ой гренадерской дивизіи. Орудійная прислуга была переколота, турки ворвались во второй рядъ траншей. Тутъ ихъ приняли гренадеры Малороссійскаго графа Румянцева-Задунайскаго полка. Неистовые демоны въ человѣческомъ образѣ прорвали и ихъ, но здѣсь они встрѣтились со своими давнишними знакомцами—архангелогородцами и вологодцами.

Генералъ Ганецкій въ это время разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи. Онъ понялъ, что эта бѣшеная аттака турокъ была только стратегическимъ маневромъ. Жертвуя здѣсь тысячами, Османъ-паша въ то-же время, думая, что ему удалось отвлечь вниманіе противника, направилъ десятки тысячъ прямо на Дунай, гдѣ онъ могъ пробиться и уйти отъ русскихъ.

— Кукурузники!—кричалъ Ганецкій случайно уцѣлѣвшимъ ротамъ сибирскихъ гренадеръ, предъ которыми стлалось впереди кукурузное поле, — и думать не смѣй объ отступленіи.

— Патроновъ нѣтъ, — кричали въ отвѣтъ солдаты, показывая пустыя подсумки,—все разстрѣляли!

— Наплевать, коли нѣтъ! Этакіе молодцы однимъ штыкомъ непріятеля протурятъ и свою баттарею назадъ возьмутъ.

— Рады стараться, ваше пр-ль-ство! — гаркнули сибирцы,—приказывай, отецъ командиръ, впередъ идти!

— Не торопись, ребята, будетъ впереди время, — кричалъ Ганецкій, — назади не останетесь, всѣмъ дѣла хватитъ... вонъ патроны везутъ *).

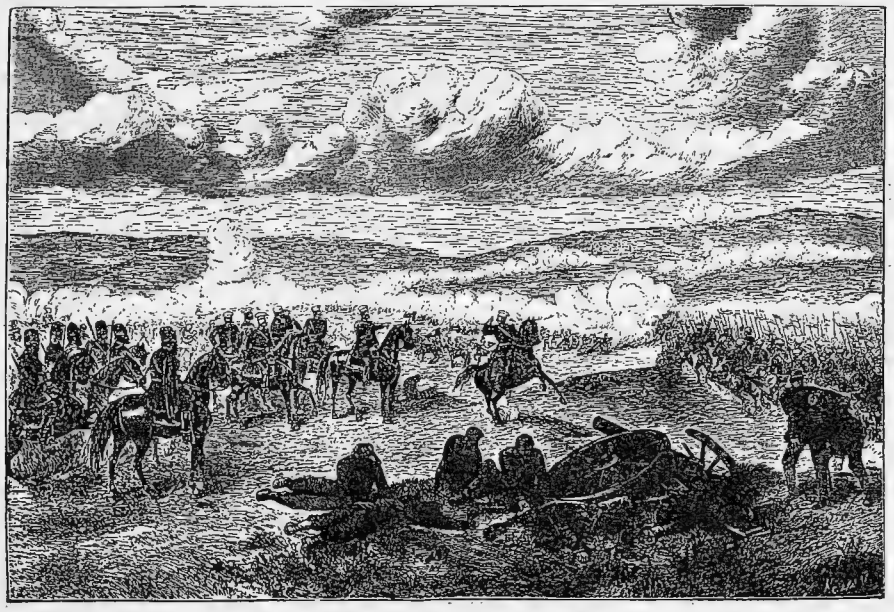
Турки успѣли уже перетащить на лѣвый берегъ свои орудія. Ихъ гранаты рвались въ русскомъ резервѣ. Вызвана была изъ Дольняго Дубняка вторая гренадерская дивизія. Архангелогородцы и вологодцы удержали своимъ огнемъ турокъ, но не смогли заставить ихъ очистить занятыя траншеи и баттарею. Турки оставили лѣвый флангъ и бѣшено рванулись на центръ. Ударъ ихъ—ударъ живого тарана—разбился здѣсь объ астраханскихъ и самогитскихъ гренадеръ. Ослабла-ли послѣ изумительнаго напряженія энергія, или овладѣла турками усталость, только они были вышвырнуты изъ траншей. Ихъ орудія, перевезенныя первыми на лѣвый берегъ Вида, были отбиты, вмѣстѣ съ зарядными ящиками, оказавшимися отбитыми въ свою очередь турками у русскихъ еще въ Первую Плевну. Одно изъ орудій было взято безъ помощи товарищей, только одними своими силами, лейбъ-казакомъ 4-го эскадрона Арсеньемъ Нефедьевымъ. Онъ, когда турки увозили свои орудія, догналъ послѣднее изъ нихъ, сва-

*) По корреспонденціи «Правит. Вѣстн.» изъ Богота отъ 28—29 ноября 1877 г.

лилъ съ лошадей двухъ ѣздовыхъ и, подъ-уздцы повернувъ всю упряжку, примчалъ пушку на свою позицію; рядовой Астраханскаго гренадерскаго Наслѣдника Цесаревича полка, Егоръ Ждановъ, отбилъ знамя. Турки были отброшены, русскіе вернули себѣ свои позиціи.

Было половина одиннадцатого часа утра.

Всего на разстояніи ближняго ружейнаго выстрѣла стояли другъ противъ друга враги. Теперь шелъ горячій



Вторая аттака Плевны.

стрѣлковый бой. Съ обѣихъ сторонъ сыпались безчисленныя пули. Трескотнѣ ружейныхъ выстрѣловъ неистово вторили и турецкія, и русскія пушки. Турки разстрѣливали русскихъ, русскіе — турокъ. И тѣ, и другіе пришли въ какое-то безумное остервенѣніе. Жизни ни для кого изъ нихъ не существовало, о ней забыли, на-лицо была только смерть.

Османъ-паша, безстрастный, какъ и въ первый моментъ боя, хладнокровно распоряжался, направляя въ

самое пекло огненнаго ада на лѣвомъ берегу новые таборы. Его конь, подарокъ султана, горячился подъ всадникомъ. Вдругъ невыносимо-жалобный кличъ отчаянія пронесся по турецкимъ массамъ, и въ отвѣтъ ему съ русской стороны грянуло, разливаясь въ морозномъ воздухѣ тысячами перекатовъ, радостное ура. Рыжій жеребецъ вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ скрылись съ сотенъ тысячъ слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ послѣдняго глазъ. Турки потеряли своего вождя. Всюду въ ихъ массахъ разнеслось извѣстіе, что Османъ-паша убитъ. Все пропало: энергія, воодушевленіе, жажда побѣды. Неистовые храбрецы, съ яростью освирѣпѣвшихъ львовъ лѣзшіе такъ еще недавно на русскія траншеи, смутились, задрожали и въ полномъ безпорядкѣ отскочили къ самому берегу Вида подъ натискомъ кинувшихся на нихъ въ штыки гренадеръ. Разомъ измѣнилась вся картина. Все поле предъ мостами покрылось копошащейся въ паническомъ испугѣ человѣческой массой. Турки бѣжали, падали, слѣдовавшіе сзади спотыкались объ упавшихъ и падали сами, на нихъ напирали, не давая имъ подняться на ноги, новыя толпы. Въ паническомъ ужасѣ, ослѣпленные отчаяніемъ, несчастные карабкались, какъ на горы, на кучи живыхъ своихъ товарищей, копошившихся въ напрасномъ стремленіи подняться и встать. Кто добирался до берега, кидался въ воду. На мостахъ шла свалка. На каменномъ мосту оборвались перила. Орудія, повозки, лазаретныя фуры, зарядные ящики, люди, животныя сыпались въ Видъ. А въ это время далеко-далеко впередъ лихо вынеслась артиллерійская бригада флигель-адъютанта полковника Щеголева — того самаго, который съ жалкими пущенками отстаивалъ въ Крымскую войну Одессу отъ турецкаго флота. По массѣ ополоумѣвшихъ, превратившихся въ стадо животныхъ людей загремѣли пушки. Сдѣлавъ невѣроятное усиліе, турки въ большей части перебрались за Видъ. Тѣ, которые остались на

Императоръ Александръ II со своимъ штабомъ при Плевнѣ. — Съ картины В. В. Верещагина.

лѣвомъ берегу, безсмысленно топтались на одномъ мѣстѣ. Въ то-же время за Видомъ на высотахъ продолжали канонаду турецкія орудія; турецкіе стрѣлки, не переходившіе Видъ, сыпали пулями. Но это было уже послѣднее издыханіе Плевны. На русской сторонѣ было извѣстно, что Османъ-паша раненъ въ икру лѣвой ноги на вылетъ и не можетъ командовать боемъ. Нельзя было не-воспользоваться такимъ положеніемъ; полки выстроились въ боевыя колонны и каждое мгновеніе готовы были кинуться на непобѣдимаго до того врага.

На каменномъ мосту черезъ Видъ среди порохового дыма появилось бѣлое знамя; армія Османа-паши сдавалась; чудовище, поглотившее столько тысячъ русскихъ жизней—Плевна,—издыхало; крѣпчайшій изъ завязанныхъ турками узловъ развязался...

Еще трещали по всей линіи выстрѣлы турецкихъ и русскихъ ружей, еще вспыхивали кое-гдѣ взрывы снарядовъ, но не могло быть никакого сомнѣнія, что Плевна—страшная, томительная Плевна, сушившая и угнетавшая столько русскихъ сердецъ, лежавшая тяжелѣйшимъ камнемъ на множествѣ русскихъ душъ,—пала—безвозвратно пала...

Отъ баталіона къ баталіону, отъ роты къ ротѣ, къ Императорскому редуту, гдѣ съ 12 часовъ дня наблюдалъ за ходомъ боя государь, неслось неудержимое, полное искренняго душевнаго восторга побѣдное ура.

У каменнаго моста черезъ Видъ стоялъ присланный генераломъ Ганецкимъ генералъ Струковъ. Ему на встрѣчу пробирался чрезъ скучившуюся на мосту толпу недавнихъ еще героевъ, а въ эту минуту жалкихъ, дрожащихъ отъ страха, мертвенно-блѣдныхъ людей, молодой, красивый турецкій генералъ.

— Начальникъ штаба плевненской арміи Тевфикъ-паша!—отрекомендовался онъ генералу Струкову.

Русскій генералъ поспѣшилъ назвать себя.

— Плевненская армія сдается, нашъ главнокомандующій Османъ-паша также!—сказалъ Тевфинъ.

Онъ сталъ сейчасъ-же просить, чтобы его раненому главнокомандующему была оказана милость. Османъ-паша не имѣлъ силъ явиться самъ и въ то-же время сдача цѣлой арміи была настолько серьезнымъ дѣломъ, что Осману не хотѣлось, чтобы кто-нибудь кромѣ него велъ неизбѣжные переговоры. Поэтому онъ просилъ, чтобы въ виду его особеннаго положенія генералъ Ганецкій при-

Домъ, въ которомъ жилъ императоръ Александръ II во время осады Плевны.

былъ къ нему въ караулку на шоссе, гдѣ только что раненому была наложена перевязка.

И барабаны и кавалерійскіе рожки дали уже сигналъ отбоя. Битва прекратилась, но люди были въ высшей степени нервнаго напряженія. Кому-нибудь могло просто что-нибудь померещиться, громкій крикъ, шалый выстрѣлъ— и полки кинулись-бы на эту беззащитную массу. Справа и слѣва подходили къ туркамъ Скобелевская дивизія и Литовскіе и Кексгольмскіе гренадеры.

Ганецкій послалъ къ Османъ-пашѣ Струкова.

Совсѣмъ недалеко по шоссе приткнулась къ начинавшейся горѣ бѣлая мазанка съ черепичной кровлей. Это и была турецкая караулка, гдѣ пріютился побѣжденный „непобѣдимый“. Кругомъ нея стояли паши, беи, эфенди — генералы, полковники, офицеры сдававшейся арміи. Генералъ Струковъ, пробравшись чрезъ безмолвно стоявшія толпы, вошелъ въ дверь мазанки. Въ переднемъ покоѣ, повитые клубами табачнаго дыма, стояли нѣсколько турецкихъ офицеровъ.

— Османъ-паша здѣсь?—спросилъ Струковъ.

Одинъ изъ турокъ молчаливымъ кивкомъ указалъ ему на дверь впереди. Генералъ отворилъ ее и очутился въ убогой каморкѣ съ закоптѣлыми отъ дыма изъ очага стѣнами. У противоположной отъ входа стѣны, на деревянной скамейкѣ, откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ, сидѣлъ далеко не старый еще турецкій генералъ въ черномъ военномъ сюртукѣ съ нашитыми на рукавѣ галунами. Онъ, какъ можно было судить по его фигурѣ, былъ средняго роста, коренастый, дородный. Лицо его съ грубыми, крупными чертами обрамляла небольшая, темная, начавшая уже сѣдѣть борода. Изъ подъ характерно выгнутыхъ бровей смотрѣли небольшіе каріе глаза, отражавшіе несомнѣнный умъ, непреклонную энергію и несокрушимую силу воли. Это и былъ знаменитый Османъ-паша. Его лѣвая раненая нога была вытянута впередъ и лежала на ящикѣ изъ-подъ патроновъ. На плечи Османа было накинуто турецкое военное пальто, спускавшееся съ одного плеча. Ни одного ордена не было на его груди, на перевязи съ лѣваго бока висѣла кривая сабля — подарокъ султана въ память его храбрости. На колѣняхъ предъ пашою стоялъ его докторъ, оканчивавшій перевязку, оставленную имъ, лишь только вошелъ русскій генералъ. Вдоль стѣны каморки, грустные, понурые, стояли дивизіонные и бригадные паши.

Струковъ, держа руку подъ козырекъ, назвалъ себя.

Османъ съ видимымъ усиліемъ приподнялся со скамейки, сдѣлалъ привѣтственный знакъ и первый протянулъ посланцу руку.

— Вы ранены, прошу васъ сѣсть, генералъ!—съ чувствомъ проговорилъ Струковъ и почтительно помогъ Осману сѣсть на скамейку.

Разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, при чемъ все-таки приходилось прибѣгать къ услугамъ переводчика.

Османъ знакомъ руки пригласилъ Струкова садиться рядомъ, но русскій генералъ, какъ младшій чиномъ, остался на ногахъ.

— Я сюда явился по приказанію генерала Ганецкаго,—заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—чтобы привѣтствовать ваше высокопревосходительство съ блестящею аттакою и вмѣстѣ съ тѣмъ передать вамъ, что генералъ Ганецкій, не имѣя никакихъ приказаній отъ его высочества главнокомандующаго, можетъ предложить вамъ полную, безусловную сдачу, какъ васъ самихъ, такъ и всей вашей арміи.

Побѣжденный паша молчалъ. Потомъ, поднявъ голову, тихо, съ грустью въ голосѣ сказалъ:

— Дни не равны день за днемъ слѣдуетъ, но нѣтъ двухъ сходныхъ: одинъ счастливый, другой несчастный.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Османа, но онъ быстро справился съ собой и спокойно докончилъ:

— Я вполнѣ покоренъ желаніямъ главнокомандующаго вашей арміи!

Трудно было сказать побѣжденному эти немногія слова. Голосъ его дрогнулъ, губы скривились, по потемнѣвшему лицу пробѣжала замѣтная судорога.

— Паша, на все воля Всевышняго!—тихо сказалъ въ отвѣтъ ему Струковъ.

Отвѣта не послѣдовало. Османъ-паша сидѣлъ, весь

понурившись. Глаза его устремлены были на противоположную стѣну. Докторъ снова сталъ на колѣни и принялся доканчивать перевязку. Русскій генералъ вышелъ, чтобы послать увѣдомленіе своему начальнику.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса прискакалъ генералъ Ганецкій, только что вышедшій побѣдителемъ изъ рокового боя. Порывисто вошелъ онъ въ каморку, снялъ фуражку съ своей сѣдой головы и, протягивая руку недавнему противнику, громко, съ простотою стараго солдата сказалъ:

— Поздравляю васъ; вы чудно вели аттаку!.. Прикажите класть оружіе...

Онъ сѣлъ рядомъ съ Османомъ. Побѣдитель и побѣжденный какъ будто исподтишка окидывали другъ друга пытливыми взорами. Ни тотъ, ни другой не говорили ни слова. Да и что имъ было говорить? Развѣ слишкомъ два мѣсяца борьбы, упорной, кровавой, не познакомили ихъ близко другъ съ другомъ. Все-таки вполнѣ понятное волненіе владѣло въ эти минуты ими обоими.

— Ваше превосходительство,—сказалъ, взглянувъ на свои часы Струковъ, обращаясь къ Ганецкому,—не будетъ-ли поздно, теперь пятый часъ... Не благоволите-ли вы подтвердить свое приказаніе?

Ганецкій встрепенулся и приказалъ переводчику еще разъ передать Осману-пашѣ требованіе безусловной сдачи.

Словно отъ тяжелаго сна очнулся Османъ-паша. Онъ поднялъ голову, мутнымъ взоромъ посмотрѣлъ на стоявшихъ поодаль пашей и глухо сказалъ:

— Адиль-паша!

Выдвинулся старикъ, дивизіонный генералъ. Османъ махнулъ ему рукой. Адиль по восточному скрестилъ на груди руки, низко поклонился Ганецкому и своему вождю и безъ слова пошелъ къ двери. За нимъ послѣдовалъ Струковъ. Едва они вышли, Османъ порывистымъ дви-

женіемъ сдернулъ съ себя свою саблю, поглядѣлъ на нее, въ глазахъ блеснуло что-то похожее на слезу; онъ точно въ раздумьѣ закивалъ головой, какъ-бы прощаясь съ этимъ оружіемъ, свидѣтелемъ его подвиговъ и, чуть слышно вздохнувъ, съ поклономъ подалъ саблю Ганецкому.

А вокругъ караулки происходила поразительная сцена. Словно столбнякъ нашелъ на турецкихъ солдатъ, когда они услыхали приказаніе Адиля. Офицерамъ пришлось заставлять ихъ класть оружіе. Турки съ остервенѣніемъ кидали свои такъ много послужившія имъ скорострѣлки, стараясь ударить ихъ о камень и разбить. Почти всѣ выбрасывали и втаптывали въ грязь свои патроны, чтобы не доставлять ихъ побѣдителямъ.

Сдались десять пашей, 126 штабъ- и 2,000 оберъ-офицеровъ, 40,000 нижнихъ чиновъ и артиллеристовъ, 1,200 всадниковъ; побѣдителямъ досталось 77 орудій, безъ числа ружей и огромное количество патроновъ, 6,000 турокъ пало въ бою. Потери русскихъ простирались: убитыми 2 штабъ- и 7 оберъ-офицеровъ и 409 нижнихъ чиновъ; раненъ одинъ генералъ и 3 штабъ- и 47 оберъ-офицеровъ и 1,263 нижнихъ чиновъ; у архангелогородцевъ и вологжанъ, сдерживавшихъ своимъ огнемъ натискъ турокъ, убитыхъ не было, раненъ только одинъ оберъ-офицеръ и 47 нижнихъ чиновъ.

Едва турки начали сдавать свое оружіе, ихъ тѣснымъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ окружили русскіе полки—теперь уже не было никакой возможности побѣжденнымъ выбраться изъ живого круга.

Къ караулкѣ примчался назначенный русскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ Скобелевъ-сынъ.

Бѣлый генералъ сейчасъ-же прошелъ къ своему недавнему боевому врагу.

— Скажите пашѣ,—приказалъ Скобелевъ переводчику,— что каждый человѣкъ по своей натурѣ болѣе или

менѣе завистливъ, и я, какъ военный, завидую Осману въ томъ, что онъ имѣлъ случай оказать своему отечеству услугу, задержавъ насъ на четыре мѣсяца подъ Плевною.

Османъ-паша, уже знавшій Михаила Дмитріевича, съ скромной улыбкой отвѣчалъ:

— Генералъ еще такъ молодъ годами, а между тѣмъ успѣлъ уже такъ много и хорошо заявить себя на военномъ поприщѣ, что я не сомнѣваюсь, что если не я, то, можетъ быть, мои дѣти отдадутъ ему почтеніе, какъ фельдмаршалу русской арміи!

Увы! Не оказался Османъ-паша пророкомъ...

Скобелевъ и Ганецкій вскорѣ разстались съ Османомъ и отправились къ своимъ частямъ. Въ это время знаменитому вождю подали коляску. Паши на рукахъ вынесли его и уложили, какъ можно спокойнѣе. Рядомъ съ коляской Османа верхомъ сталъ генералъ Струковъ, свита турецкаго полководца тоже размѣстилась по бокамъ, позади выстроился почетный конвой.

Взглянувъ на него, Османъ поморщился. Въ конвоѣ были румынскіе кавалеристы.

— Я сдался русскимъ,—натянуто улыбаясь, сказалъ онъ,—и было бы пріятно, чтобы провожали меня мои побѣдители...

— Это распоряженіе не отъ меня зависѣло,—отвѣтилъ Струковъ,—но прошу ваше высокопревосходительство взглянуть: въ вашемъ почетномъ конвоѣ есть русскіе уланы.

Османъ-паша успокоился.

Поѣздъ вышелъ длиннымъ: за коляской своего главнокомандующаго слѣдовали всѣ сдавшіеся паши, весь главный штабъ его арміи, даже слѣдовали ихъ личные слуги: турки, арабы, негры, египтяне.

Поѣздъ направлялся къ Плевнѣ и былъ на половинѣ пути, когда перекатилось внезапно вспыхнувшее ура.

ВСТРѢЧА ОСМАНА-ПАШИ СЪ КНЯЗЕМЪ КАРЛОМЪ РУМЫНСКИМЪ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ПЛЕВНЫ.
Картина И. Шенберга.

Догоняя героя Плевны, мчался на конѣ самъ августѣйшій русскій главнокомандующій. Османъ приподнялся, поддерживаемый врачемъ. Великій князь протянулъ ему руку и сказалъ лестное привѣтствіе. Паша молча кланялся. Въ это время главнокомандующаго нагналъ румынскій князь Карлъ и вмѣстѣ съ его высочествомъ отправились въ Плевну; плѣннаго пашу повезли туда же.

Плевна была уже занята русскими войсками. Военная музыка грянула гимнъ, когда прибылъ въ покоренный, наконецъ, городъ главнокомандующій. Ревѣло теперь уже вмѣсто пушечнаго грома русское ура. Торжествующіе солдаты охрипли отъ побѣднаго клича. Болгары, которыхъ оказалось не мало въ Плевнѣ, со слезами радости на глазахъ выходили къ побѣдителямъ, падали предъ ними на колѣни, цѣловали жесткія солдатскія руки.

Теперь путь на Константинополь преграждало одно послѣднее препятствіе: Балканы и послѣдняя оставшаяся тамъ армія турокъ*).

А подъ Плевной, уже занятой русскими войсками, въ это время былъ государь, пожелавшій принести благодареніе Богу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла ставка сдавшагося Османа-паши...

Впервые еще молились здѣсь русскіе люди и пушечный громъ не прерывалъ ихъ молитвъ...

Послѣ молебствія государь отправился въ Плевну. Печальную картину разрушенія представлялъ этотъ городъ. Всюду видны были груды мусора, обломковъ, гніющихъ труповъ животныхъ и людей. Уцѣлѣвшіе дома всѣ носили на себѣ слѣды русскихъ гранатъ, но вся эта печальная картина скрашивалась необыкновеннымъ оживленіемъ, царившимъ повсюду по пути, по которому про-

*) Въ настоящей главѣ разговоръ генераловъ Струкова и Ганецкаго съ Османомъ-пашею въ виду особой его исключительности приведенъ по корреспонденціи «Правит. Вѣстн.».

ѣзжалъ государь. Тысячи болгаръ и плевненскихъ жителей, уже сбѣжавшихся въ Плевну изъ окрестностей, встрѣчали императора радостными криками. Дорога, по которой онъ ѣхалъ, была устлана миртовыми вѣтвями. Каждый болгаринъ явился съ миртами на встрѣчу освободителю своей родины. Изъ православной церкви вышелъ крестный ходъ. Государь приложился къ кресту и среди выстроенныхъ въ ряды плѣнныхъ турокъ прослѣдовалъ въ приготовленный для него домъ, кругомъ котораго, волнуясь, какъ волнуется море, толпились тысячи плевненскихъ болгаръ, громкими криками выражавшихъ свою радость.

Государь завтракалъ съ членами своей семьи, румынскимъ княземъ Карломъ и высшими представителями своей арміи, когда подъ окнами раздались громкія восклицанія:

— Браво! Османъ-паша! Браво!

Передъ домомъ подъ открытымъ небомъ накрыты были столы для лицъ свиты государя и князя. Всѣ они повскакали изъ-за столовъ и разступились, образуя двѣ живыя стѣны, чтобы пропустить въ домъ государя недавняго защитника Плевны, Османа-пашу.

Опираясь одною рукою на плечо своего адъютанта Хаибъ-бея, другой—на плечо гвардейца-корнета—князя Дедашкиліани шелъ плевненскій герой къ своему побѣдителю.

Государь встрѣтилъ защитника Плевны милостиво и говорилъ съ нимъ при посредствѣ драгомана Мокѣева.

— Что васъ побудило прорваться? — прежде всего спросилъ онъ.

— Какъ солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, я долженъ былъ сдѣлать эту попытку,—отвѣтилъ Османъ-паша, — утѣшаюсь тѣмъ, что моя неудача доставила мнѣ честь быть представленнымъ вашему величеству.

— Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости...

— Государь! — почтительно склоняясь, произнесъ Османъ,—я исполнялъ лишь свой долгъ и надѣялся, что заслужу этимъ не только признательность своего отече-

Видъ Плевны послѣ сдачи.—Акварель Петра Соколова.

ства, но и милостивое вниманіе вашего величества и уваженіе вашей арміи.

Императоръ предложилъ нѣсколько вопросовъ относительно того, извѣстно-ли Осману-пашѣ, въ какомъ положеніи находятся воюющія стороны. Османъ откровенно отвѣтилъ, что въ теченіе сорока пяти дней послѣ взятія Горняго Дубняка никакая вѣсть извнѣ не проникала въ

Плевну и сознался также, что пищевыхъ запасовъ у него оставалось всего на пять дней.

— Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости,—сказалъ государь, заканчивая разговоръ,—я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ въ Россіи, гдѣ, надѣюсь, вы не будете имѣть причинъ къ какому-бы то ни было неудовольствію!

Османъ съ видимымъ чувствомъ признательности низко поклонился государю и вышелъ поддерживаемый тѣми-же офицерами.

На дворѣ, замѣтивъ, что онъ нуждается въ отдыхѣ, ему подали стулъ. Его окружили густою толпою офицеры и наперерывъ выражали удивленіе столь стойкой защитѣ Плевны. Комендантъ главной квартиры главнокомандующаго г.-м. Штейнъ вручилъ Осману его оружіе, отъ болгарскаго населенія Плевны поднесена была ему миртовая вѣтвь...

Побѣжденный герой не могъ жаловаться на недостатокъ вниманія. Всю неудачу попытки прорваться онъ принималъ на себя, объясняя, что ошибся въ разсчетѣ времени на одинъ часъ Не будь этого лишняго часа 20 тысячъ свѣжихъ резервовъ явились бы въ бой.

4 декабря Османа-пашу увезли въ Россію.

Государь въ знаменательный „Плевненскій“ день 28 ноября былъ въ восторженномъ настроеніи и даже помолодѣлъ *).

А второго декабря подъ Плевной происходило великое торжество: праздникъ изъ праздниковъ. Всѣ войска, участвовавшія въ плевненской драмѣ, выстроены были на низинѣ передъ городкомъ. Предстоялъ высочайшій смотръ. Государь императоръ Александръ Николаевичъ пожелалъ самъ лично вмѣстѣ съ своими чудо-богатырями возблагодарить Бога за дарованную имъ побѣду.

---

*) Л. Чичаговъ. «Дневникъ пребыванія царя-освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.»

РАНЕНЫЙ ОСМАНЪ-ПАША У ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

Привѣтственное, радостное, совсѣмъ не такое, какое слышалъ врагъ, ура ихъ пронеслось по Плевненскому полю: показалась коляска, въ которой ѣхалъ къ войскамъ государь *).

Коляска остановилась, государь привсталъ, сбросилъ съ себя шинель и, опершись одной рукой о козлы, другой снялъ фуражку съ головы... Надъ окружавшей коляску толпою возвышалось его нѣсколько болѣзненное, но доброе, сіявшее радостью и улыбающееся лицо.

Онъ сдѣлалъ жестъ.

Все вокругъ смолкло и раздались привѣтливыя, ласковыя царскія слова:

— Нѣтъ, нѣтъ... Вамъ, всѣмъ вамъ великое спасибо... Не мнѣ—вамъ „ура“...

И государь съ непокрытой головой, махая своей фуражкой, вышелъ изъ коляски и обнялъ своего августѣйшаго брата.

Черезъ минуту всѣ увидѣли, что государь надѣлъ великому князю чрезъ плечо ленту ордена св. Георгія 1 степени. Великій князь такъ и оставался въ ней.

Новое восторженное ура привѣтствовало слова государя и эту награду всей Дунайской арміи въ лицѣ ея главнокомандующаго.

Затѣмъ были розданы награды и другимъ начальникамъ. Государь обошелъ войска, горячо благодаря ихъ за подвиги, труды и лишенія.

Потомъ начался молебенъ.

На коврикѣ впереди всѣхъ стоялъ государь, нѣсколько отступя—румынскій князь Карлъ и великій князь Николай Николаевичъ. За ними толпа офицеровъ и свита.

Среди молебна государь подозвалъ діакона и шепнулъ

---

*) Нижеслѣдующая историческая сцена приведена здѣсь по воспоминаніямъ извѣстнаго публициста Г. К. Градовскаго, бывшаго корреспондентомъ на дунайскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

ему нѣсколько словъ. Тотъ передалъ ихъ священнику. Скоро въ надлежащемъ мѣстѣ раздалась молитва за упокой души тѣхъ, кто палъ на брани, кто жизнь свою отдалъ за отечество, не посрамивъ земли русской, кто умеръ за ближнихъ, освобождая родственный, но мало даже извѣстный народъ.

Много ихъ пало подъ Плевной, десятки тысячъ легли по всей Болгаріи и Малой Азіи. Государь избѣгалъ этого кровопролитія, но сила событій и общее настроеніе рѣшили иначе, и царь-Освободитель лично видѣлъ и пережилъ всѣ неудачи и ужасы войны.

При первыхъ-же звукахъ заупокойнаго пѣснопѣнія, государь опустился на колѣни, припавъ къ землѣ, оставаясь тамъ до конца поминовенія павшихъ. Когда императоръ поднялся, то на его глазахъ—глазахъ царя-Освободителя—ясно виднѣлись слѣды слезъ.

Еще мигъ и раздался торжественный возгласъ, но уже не о мертвыхъ, а о живыхъ.

— Христолюбивому побѣдоносному воинству,—возглашалъ діаконъ,—многая лѣта!

— Многая лѣта, многая лѣта,—подхватили возгласъ пѣвчіе,—многая, многая...

И они не успѣли докончить. Со всѣхъ баттарей, со всѣхъ укрѣпленій, на пятьдесятъ верстъ окружавшихъ Плевну, ударилъ по сигналу, поданному ракетой, оглушительный залпъ изъ всѣхъ орудій. Въ послѣдній разъ гремѣли подъ Плевной русскія пушки. На этотъ разъ не смерть, не разрушеніе, а радость и близость славнаго мира вѣщали онѣ...

Государь еще разъ обошелъ фронтъ и благодарилъ войска. Съ мѣста молебствія Его Величество отбылъ въ Плевну.

Освободительная война кончалась, но не кончилась! Впереди у русскихъ были еще Балканы.

XXVI.

Въ Балканахъ.

О шипкинцевъ только рѣдко-рѣдко приходили вѣсти о томъ, что дѣлалось подъ Плевной. До того-ли имъ было, чтобы особенно интересоваться вѣстями изъ внѣшняго міра? Вѣдь, здѣсь у нихъ тоже была „своя Плевна“, да что Плевна! Противъ нихъ, лишь только началась зима, поднялся новый суровый врагъ—морозъ...

— Эхъ, кабы знато да вѣдано,— толковали шипкинцы, — развѣ пришли-бы мы, вотъ, такъ—налегкѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, круто приходилось защитникамъ Шипки. Зима въ горахъ наступила ранняя, у нихъ не было ни полушубковъ, ни теплой обуви, а морозы начались уже съ 11 сентября и 14-го пошелъ снѣгъ, устанавливалась зима.

Рождественцеву вмѣстѣ съ другими приходилось плохо. Стужа донимала куда сильнѣе, чѣмъ турецкій

огонь. Въ наскоро не выкопанныхъ, а насыпанныхъ поверхъ почвы землянкахъ было тепла совсѣмъ мало, а въ тѣхъ, которыя были выкопаны, каждое утро послѣ ночлега выступала вода и ночевавшимъ волей-неволей приходилось принимать холодныя ванны...

— Смередушка!—жаловался Симагинъ Савчуку.

— А ты терпи,—наставительно отвѣчалъ тотъ,—на барина взгляни, — кивалъ онъ въ подтвержденіе своихъ словъ на Рождественцева,—не наша кость—бѣлая, а держится—не пикнетъ!

Дѣйствительно, никогда никто не слышалъ ни одной жалобы отъ Рождественцева. Впрочемъ, и солдаты не жаловались, не роптали, они видѣли, что и ихъ дивизіонный генералъ Петрушевскій, замѣнившій раненаго Драгомирова, съ преемникомъ своимъ по бригадѣ генераломъ Бискупскимъ жили не лучше ихъ. Въ генеральской землянкѣ постоянно стояла вода. Чѣмъ глубже врывались въ землю, тѣмъ больше было ея. Мокрое платье при выходѣ на воздухъ все покрывалось сразу же льдомъ и люди въ такія мгновенія казались какъ-будто обросшими ледяной корой.

Теперь рады были бы шипкинцы и турецкимъ аттакамъ, но турки не стали особенно баловать ихъ ими. Весь октябрь, ноябрь прошли совершенно спокойно. Разъ только—20 октября—кинулись было турки на русскихъ, но эта ихъ аттака была такъ нерѣшительна, что шипкинцы отбили ее безъ потерь.

Сергѣй въ концѣ-концовъ такъ обтерпѣлся, что холодъ пересталъ даже особенно дѣйствовать на него. Словно какой-то внутренній огонь согрѣвалъ его кровь. Онъ въ вьюгу выстаивалъ на часахъ, лежалъ въ секретахъ и возвращался цѣлымъ и невредимымъ въ свою землянку.

— Застылъ, поди?—заботливо спрашивали его товарищи.

— Есть малость! Въ Райской долинѣ—куда теплѣй!— отвѣчалъ онъ, стараясь шутить.

Эта не мудрая острота всегда вызывала среди солдатъ смѣхъ.

— Куда-какъ горячо въ „Райской-то“! — подхватывали солдаты и какъ-то невольно со страхомъ поглядывали въ долину позади одной своихъ нагорныхъ баттарей, — „Райскую“—какъ они сами прозвали ее.

Это было страшное мѣсто. Долина находилась подъ турецкими выстрѣлами и едва кто-либо показывался тамъ днемъ, на смѣльчака начинали сыпаться турецкія пули и даже гранаты.

— Отсюда христолюбивому воину прямая дорога въ рай,—говорилъ генералъ Мольскій [57]), первый окрестившій эту долину „Райской“.

Турки такъ пристрѣлялись къ этому мѣсту, что даже ночью могли обстрѣливать его по готовому прицѣлу и, наконецъ, не стало смѣльчаковъ, которые днемъ рѣшились бы показываться по дорогѣ, проходившей черезъ эту долину въ Габрово.

Въ ноябрьскую темную непроглядно-мрачную ночь вдругъ понеслись съ турецкихъ баттарей безчисленные выстрѣлы. Солдатики проснулись, повыскакали изъ землянокъ, недоумѣвая, чтобы могли значить эти выстрѣлы, когда не слышны были сигналы тревоги. Обыкновенно, такая пальба начиналась, когда турецкія войска шли въ аттаку, здѣсь же на турецкой сторонѣ незамѣтно было никакого движенія.

— Черкесы что ли прорываются? — слышались тревожные вопросы.

Фельдфебель той роты, гдѣ былъ Рождественцевъ,— Егоръ Пановъ, куда-то исчезнувшій, вдругъ появился среди своихъ товарищей.

— Братцы, голубчики,—задыхаясь отъ волненія, говорилъ онъ,—тамъ-то, тамъ въ „Райской“...

— Что? что? — засуетились волынцы, предчувствуя недоброе.

— Наши тамъ... подводы шли... турки подбили всѣхъ... Одинъ прибѣжалъ... Лошадей перебили... Товарищи остались. Сейчасъ охотниковъ вызовутъ... Не посрамитесь, идите въ Райскую на выручку...

— А подольцы отъ нихъ ближе?—раздался вопросъ.

Подольскій полкъ былъ расположенъ въ землянкахъ какъ разъ за Райской долиной.

— И они пойдутъ... и вы идите!

Словно что всколыхнуло Рождественцева. Обыкновенно, турки не спускались никогда въ Райскую долину, имъ бы самимъ могло прійтись очень плохо, но по ночамъ особенно, когда тамъ оставались раненые, пробирались туда свирѣпые башибузуки и шипкинцамъ было уже извѣстно, что ожидаетъ ихъ несчастныхъ товарищей въ этомъ случаѣ.

— Я пойду! — объявилъ Сергѣй, выступая первымъ впередъ.

— И я, и я, и я!—сразу отвѣтило болѣе десятка голосовъ.

Пановъ доложилъ ротному и позволеніе спуститься охотникамъ въ Райскую долину было дано.

Пошло шестеро. Савчукъ и вернувшійся въ строй Мягковъ были въ томъ же числѣ. Рождественцевъ назначенъ былъ старшимъ. Тихо скользнули солдаты на Габровскую дорогу и почти безшумно выбрались въ страшное мѣсто. „Райская долина“ была узка. Кручи неприступными стѣнами высились по обѣ ея стороны. Земля вся тутъ была изрыта артиллерійскими снарядами. Когда пробрались въ долину охотники, тамъ было тихо. Сами они шли, затаивая дыханіе. Вдругъ всѣ они стали, какъ вкопанные.

— Слышишь, баринъ? — шепнулъ Рождественцеву Савчукъ.

Сергѣй только головой кивнулъ въ отвѣтъ. Впереди передъ ними,—ихъ глаза достаточно привыкли къ темнотѣ,—что-то чернѣлось. Это была живая масса. Замѣтно было движеніе въ ней, слышался легкій шумъ. Не было сомнѣнія, что около брошенныхъ подводъ находились люди.

— Башибузуки орудуютъ!—опять шепотомъ замѣтилъ Савчукъ.

— Пригнись, братцы, ползи!—тихо произнесъ Рождественцевъ.

Утопая въ высокомъ снѣгу, то и дѣло проваливаясь въ ухабы, то припадая, то поднимаясь, пошли впередъ эти шестеро людей, но невозможно было двигаться совершенно безшумно. Хозяйничавшіе у повозки турки замѣтили приближавшихся охотниковъ. Блеснули огоньки, грянуло нѣсколько выстрѣловъ. Русскіе удальцы, не дожидаясь команды, отвѣтили на нихъ и бросились было впередъ. Въ этотъ моментъ турецкая баттарея, назначенная для обстрѣливанія Райской долины, вся освѣтилась. Съ аванпостовъ и траншей передъ нею понесся градъ пуль; надъ горстью смѣльчаковъ разорвалась, осыпая ихъ дождемъ изъ пуль, картечная граната. Они теперь уже не скрывались. Ихъ „ура“, повторяемое на тысячи ладовъ горнымъ эхо, пронеслось, сливаясь въ ночной тишинѣ вмѣстѣ съ голосами пушекъ и ружей. Заговорили русскія баттареи, началась жаркая ночная перестрѣлка.

Въ самомъ началѣ небольшой и недолгой схватки Сергѣй былъ сваленъ ударомъ турецкаго приклада въ голову. Прикладъ скользнулъ, но все-таки былъ настолько силенъ, что юноша лишился чувствъ. Рѣзкій холодъ привелъ его въ себя, Какая-то тяжесть нестерпимо давила его. Онъ чуть-чуть пріоткрылъ глаза. Начинало свѣтать и „Райская долина“ вся уже клубилась мглой предутренняго тумана. Перестрѣлка уже прекратилась и примолкла. Сергѣй ощупалъ руками лежавшій надъ нимъ

предметъ и на-ощупь узналъ, что его прикрываютъ собою чьи-то трупы.

— „Неужели свои?“ — съ ужасомъ подумалъ юноша.

Собравъ всѣ силы, какія только остались еще, онъ сбросилъ съ себя мертвецовъ и, чуть приподнявшись, взглянулъ на нихъ. Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди. Это были турки! Они прикрыли собою Сергѣя и только благодаря этому юноша не замерзъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и товарищи уходя не нашли его и не подобрали. Но теперь положеніе, въ которомъ очутился юноша, было для него ужаснымъ. Турки съ своихъ траншей примѣтили бы каждое его здѣсь движеніе и ихъ пули изрѣшитили бы его въ одно мгновеніе. Пробраться къ своимъ нечего было и думать. Приходилось одно,—оставаться здѣсь до ночи. Тогда, можетъ-быть, явятся товарищи и какъ-нибудь выручатъ его... Но оставаться здѣсь значило бы замерзнуть... Сергѣй съ тоской оглядѣлся вокругъ. Молчаливыми громадами высились неприступныя кручи, казавшіяся среди мглы какими-то гигантскими пятнами. Снѣгъ лежалъ всюду и на его бѣлой пеленѣ замѣтно было бы каждое движеніе человѣка, попробовавшаго-бы перейти это проклятое мѣсто. Мозгъ Сергѣя работалъ въ эти мгновенія съ напряженнымъ усиліемъ. Такъ или иначе, а здѣсь юноша оставаться не могъ. Отъ стужи или отъ турецкихъ пуль — все равно приходилось умирать. Однако, умереть, не сдѣлавъ попытки о спасеніи, это Рождественцеву казалось малодушествомъ и скоро онъ нашелъ хотя и очень сомнительный, но все-таки возможный выходъ изъ своего положенія. Прежде всего ему было необходимо отсрочить роковую минуту и необходимо было сейчасъ же. Какъ только разсѣется эта мгла,—турки увидятъ его—тогда гибель неизбѣжна. Гдѣ-же укрыться отъ ихъ выстрѣловъ? Взглядъ Сергѣя упалъ на опрокинутыя повозки. Ихъ было три и онѣ лежали полозьями своими къ туркамъ, такъ что кое-какъ за

ними можно было укрыться отъ турецкихъ глазъ. Не долго думая, Рождественцевъ отпихнулъ отъ себя трупы и проползъ нѣсколько саженъ, отдѣлившихъ его отъ повозокъ. Тутъ онъ почувствовалъ, что тяжесть спала съ его души. На повозкахъ, которыя турки уже успѣли раскрыть, везли на Шипку полушубки. Величайшее чувство радости и благодарности небесамъ овладѣло Сергѣемъ. Являлась возможность спастись и отъ холода. Груда полушубковъ вывалилась на снѣгъ и юноша, какъ подползъ, сейчасъ-же забился подъ нихъ. Только теперь, когда улеглось нервное напряженіе, почувствовалъ онъ усталость и боль въ головѣ. Подъ полушубками ему было такъ тепло, что невольно дремота начала было одолѣвать его. Сергѣй снова ужаснулся. Онъ зналъ, что заснуть на морозѣ, значитъ замерзнуть, но напрасно боролся онъ, глаза его смыкались, юноша чувствовалъ, что сонъ овладѣваетъ имъ...

„Господи, не попусти, спаси, помилуй!“—шепталъ онъ.

Онъ взглянулъ даже на далекое небо, но слова молитвы вдругъ замерли на его устахъ. Сна какъ не бывало. Сосѣдняя груда полушубковъ, вываленныхъ съ повозки, зашевелилась. Подъ нею кто-то былъ. Прошло еще мгновеніе и изъ-подъ кучи высунулась окровавленная голова турка...

Сергѣй невольно задрожалъ. Врагъ былъ такъ близко, а у него не было никакого оружія. Турокъ, очевидно, былъ раненъ и, опамятовавшись, забрался еще ранѣе Рождественцева подъ полушубки... Теперь онъ глядѣлъ на русскаго глазами, въ которыхъ выражалась смертельная мука. Несчастный, казалось, ужь не помышлялъ ни о какой враждѣ, казалось, ничего не соображалъ въ эти мгновенія—по крайней мѣрѣ такъ думалъ Рождественцевъ и ему отъ всего сердца жалко было бѣднягу.

Прошло нѣсколько мгновеній; голова турка опять скрылась подъ полушубками. Сергѣй успокоился. Этотъ

несчастный, возбуждавшій въ немъ одно только состраданіе, не былъ для него врагомъ. Юноша былъ увѣренъ, что пережитый страхъ укротилъ всякую ненависть, страданіе смирило его, но—увы!—находясь столько времени вблизи турокъ, онъ все-таки не зналъ ихъ...

Прошло около получаса. Сергѣй успокоился окончательно и даже началъ позабывать о своемъ сосѣдѣ. Опять пригрѣлся онъ подъ полушубками и дремота снова одолѣвала его. Вдругъ что то навалилось сверху на Сергѣя; онъ инстинктивно, самъ еще не понимая, въ чемъ дѣло, метнулся въ сторону, въ то же мгновеніе черезъ полушубки проткнулся штыкъ... Рождественцевъ слегка вскрикнулъ. Онъ понялъ, что это сосѣдъ выбрался изъ подъ своей груды и теперь сверху налегъ на него... Опять смерть очутилась около юноши. Онъ не могъ выбраться изъ-подъ полушубка, врагъ на верху надавилъ его всей своей тяжестью и Сергѣй, по подергиванію всей лежавшей на немъ груды, понялъ, что турокъ вытаскивалъ увязшій штыкъ, чтобы нанесть новый болѣе удачный ударъ.

Все, что было ранѣе, съ быстротою молніи замелькало въ памяти Рождественцева... Мать, Энскъ, гимназія, походъ къ Дунаю, переправа, Шипкинскій бой—все, все... Сергѣй чувствовалъ, что наступилъ его послѣдній мигъ и зажмурилъ глаза. Онъ ясно слышалъ злобное ворчанье возившагося надъ нимъ турка, по движеніямъ, которыя ощущалъ онъ здѣсь, соображалъ, что тотъ взмахивалъ штыкомъ, чтобы всадить его въ своего безпомощнаго врага...

Откуда-то грянулъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой... затрещали ружья, что-то тяжелое ударилось въ повозку, даже подвинувшуюся впередъ. Сергѣй услыхалъ очень близко трескъ ломавшагося дерева; въ то-же мгновеніе сверху послышался болѣзненный крикъ турка. Потомъ словно что упало на полушубки, но возня прекра-

тилась. Восторгъ объялъ Рождественцева; онъ понялъ, что судьба и на этотъ разъ послала ему спасеніе и оттуда, откуда она даже придти не могла... Съ русскихъ позицій Райская долина не обстрѣливалась: Рождественцева спасли отъ неминуемой гибели выстрѣлы турокъ, замѣтившихъ у брошенныхъ повозокъ человѣческую фигуру и открывшихъ по ней огонь...

Но восторгъ и радость быстро прошли. Гибель была также близка къ юношѣ, какъ и тѣ мгновенія до того. Турки не ограничились однимъ выстрѣломъ, пули изъ ихъ траншей такъ и щелкали, то по дереву повозокъ, то по грудѣ полушубковъ. Къ счастью для Сергѣя турки не открывали болѣе орудійнаго огня, видимо, даже и не думали, что подъ ихъ выстрѣлами находится живое существо.

Прошло еще нѣсколько невозможно долгихъ минутъ. Рождественцевъ слышалъ, какъ отовсюду заговорили и русскія баттареи. Турецкія сейчасъ-же принялись отвѣчать имъ, надъ головой Сергѣя съ взвизгиваніемъ, свистомъ проносились снаряды. Гдѣ-то на порядочномъ разстояніи послышалось русское „ура“ и вдругъ—о, счастье! о радость!—совсѣмъ близко раздался русскій говоръ... Сергѣй выдвинулся весь изъ-подъ груды и увидалъ подползавшихъ въ снѣгу товарищей...

— Скорѣе, скорѣе!—кричалъ Рождественцеву Савчукъ,—пока заняты бритолобые!

Юноша понялъ, въ чемъ дѣло. Фальшивой аттакой на турецкую баттарею, обстрѣливавшую Райскую долину, удалось отвлечь вниманіе турокъ и этимъ временемъ воспользовались охотники, чтобы добраться до рокового мѣста, гдѣ ночью они оставили своего товарища...

Уже бѣгомъ пустились къ своимъ позиціямъ смѣльчаки. Рождественцевъ былъ съ ними. Душа его такъ и ликовала. Онъ какъ-будто снова родился. Эти люди были дороги ему, какъ самые милые братья. Сергѣй чуть не

плакалъ, вспоминая, что они жертвовали своей жизнью, чтобы спасти его...

— Эхъ, жалко!—слышалъ онъ восклицаніе Савчука,— какъ бы пригодились-то!

Хохолъ говорилъ о полушубкахъ, которые волей не волей приходилось оставить тутъ. Рождественцевъ обернулся и съ любопытствомъ взглянулъ назадъ. На той грудѣ, подъ которой онъ лежалъ, виднѣлся запрокинувшійся назадъ турокъ, разбросавшій въ стороны неподвижныя руки. Дрожь пробѣжала по тѣлу Сергѣя. Онъ вспомнилъ тѣ ужасныя мгновенія, когда штыкъ этого турка былъ такъ близокъ отъ него...

— Ночью придемъ, а не то съ Габрова кто пойдетъ, захватитъ!—сказалъ одинъ изъ товарищей Савчуку.

Тотъ ничего не отвѣтилъ ему; да и не до разговоровъ уже было. Турецкіе стрѣлки замѣтили бѣжавшихъ по долинѣ непріятелей и въ смѣльчаковъ сыпался со всѣхъ высотъ градъ пуль.

— Ройся въ снѣгъ! Изъ орудія палить будутъ!— скомандовалъ Савчукъ, — теперь близко, ползкомъ доберемся.

Едва только успѣли эти отчаянные храбрецы кинуться въ сыпучій сугробъ, какъ такъ и брызнула въ нихъ турецкая шрапнель, но въ то-же время, покрывая собою пушечный ревъ и ружейные выстрѣлы, надъ этой долиной смерти, надъ укутанными въ снѣгъ утесами и вершинами Балканъ пронеслось неудержимо бурной волною русское „ура“. Съ обѣихъ сторонъ сразу смолкли выстрѣлы. Радость противниковъ смутила турокъ. Смѣльчаки воспользовались этой минутой затишья и, выбравшись изъ сугроба, опрометью перебѣжали оставшееся разстояніе. Скоро они были между своими. Тамъ царилъ неописуемый восторгъ. Ура не смолкало; солдатскія кепки летѣли въ воздухъ; повсюду гремѣла, какъ пѣснь высочайшей побѣды, радостная вѣсть:

— Плевна пала!..

Это утро было утро 28-го ноября. Всѣ страхи, лишенія, голодъ, холодъ были позабыты. Плевна пала— стало быть, войнѣ скоро конецъ... Ликованіе не стихало цѣлый день.

Турки, тоже узнавшіе объ этомъ событіи, молчали, съ ихъ стороны раздавались только рѣдкіе одиночные выстрѣлы.

На Шипкѣ опять водворился „покой“...

Покончено было и съ Плевной, а у Коралова Георгія все еще не было. Но теперь Алексѣй не обижался на свою судьбу. Какъ ни честолюбивъ былъ юноша, все-таки онъ видѣлъ за „Плевненскіе мѣсяцы“ столько подвиговъ высочайшаго самоотверженія, что невольно долженъ былъ сознаться, что есть истинные герои, болѣе него достойные этой награды...

Малороссійскіе и сибирскіе гренадеры были героями послѣдняго плевненскаго дѣла. На нихъ обрушились османовы таборы и они не выпустили ихъ, предпочитая гибель на мѣстѣ...

Архангелогородцы ликовали болѣе другихъ, когда пала, наконецъ, Плевна. Вѣдъ, они первые въ злополучный день 8-го іюля явились въ этотъ городишко и были выброшены изъ него турками. Теперь они возстановили свою честь, выдержавъ бѣшеный натискъ уходившихъ изъ Плевны турокъ. Теперь архангелогородцы были воодушевлены такъ, что послѣ Османа-паши имъ никакія турецкія арміи не казались непреодолимыми...

— Что? Куда теперь?—спрашивали товарищи у Коралова.

Тотъ, какъ и всегда, оказался всезнающимъ.

— За Балканы полетимъ!

— Это гдѣ гвардія сидитъ?

— Вотъ-вотъ! Имъ на подмогу!

— Перелетимъ!

Однако, когда подошли—призадумались... Началась зима, завыли снѣжныя бури, всѣ балканскіе вершины, утесы, кручи лежали теперь подъ густою снѣжной пеленой. Все скрылось подъ нею и только кое-гдѣ вившіеся надъ снѣжной пустыней столбы дыма показывали, что и здѣсь есть люди.

Передъ Балканами Правецъ, Этрополь и Орханіе были заняты уже русскими войсками. Въ Балканахъ турки, защищавшіе перевалы, укрѣпились въ Златицѣ, на горѣ Шандорникъ и на высотахъ у деревни Арабъ-Конакъ на Софійскомъ шоссе. Гвардейцы стояли противъ этихъ позицій лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Они заняли Златицкій перевалъ и окопались на немъ; противъ Шандорника стояли отряды генераловъ Рауха [58]) и Дандевиля [59]); противъ-же высотъ Арабъ-Конака русскіе укрѣпили двѣ горы, которыя назвали по имени занявшихъ ихъ полковъ Московскою и Павловскою. Такъ и стояли тутъ враги другъ противъ друга. Ежедневно происходили мелкія стычки, перестрѣлки, но ни та, ни другая сторона не подвигались впередъ.

Однако, не стоять-же подошли сюда русскіе... Балканы перегородили имъ путь, турецкія укрѣпленія были такъ сильны, что штурмъ ихъ обошелся-бы въ цѣлое море русской крови. Чтобы не топтаться на мѣстѣ, Гурко, назначенный командиромъ этого Балканскаго отряда, который получилъ названіе „Западнаго“, рѣшилъ, что нужно обойти турокъ и спуститься съ горъ, тамъ гдѣ они и ожидать не могли появленія русскихъ.

Но легко сказать: „обойти“, „перейти“, какъ это сдѣлать?..

Три пути были выбраны для перехода: одинъ между Шандорникомъ и Златицкимъ переваломъ черезъ гору Баба-Конакъ на деревни Буново и Марково уже въ Софійской долинѣ; другой—старая дорога на Софію отъ селенія Врачешъ на забалканскія мѣстечки Чуріакъ, Потопъ

и Елесницу и, наконецъ, третій путь черезъ непроходимый горный проходъ Умургачъ на деревню Жилеву. Турки настолько были увѣрены, что всѣ эти пути непроходимы, что даже и не думали защищать выходы изъ нихъ.

Необходимо было оставить турокъ въ этомъ заблужденіи. Гурко съ начальникомъ своего штаба Нагловскимъ нашли способъ для этого. Черезъ гору Баба-конакъ изъ Этрополя двинутъ былъ отрядъ генерала Дандевиля „для отвода глазъ“. Пока турки занялись бы этимъ отрядомъ, главныя силы успѣли бы перевалить въ Софійскую долину по старой Софійской дорогѣ и черезъ Умургачъ. Черезъ послѣдній была пущена колонна генерала Вельяминова, въ составъ которой входили армейская пѣхота и гвардейскія артиллерія и кавалерія. По старой Софійской дорогѣ шелъ двумя колоннами самъ Гурко.

13 декабря начался знаменитый походъ, равнымъ которому въ военной исторіи найдется развѣ только одинъ суворовскій переходъ черезъ Альпы. Въ этомъ походѣ не люди были противъ русскихъ орловъ, а сама грозная природа...

Кораловъ, когда его баталіонъ двинутъ былъ на умургачскій перевалъ, съ завистью вспомнилъ о Рождественцевѣ.

„Ишь ты счастливецъ! — думалъ онъ, — сидятъ они тамъ у себя въ землянкахъ, костры, поди, разведены, наслаждаются, а тутъ“...

Онъ съ ужасомъ, преодолѣть который не былъ въ силахъ, посмотрѣлъ на обледенѣвшіе отвѣсы скалъ и утесовъ, куда имъ приходилось взбираться вмѣстѣ съ лошадьми гвардейскихъ кавалеристовъ и орудіями.

Завистливый юноша и подумать не могъ, что шипкинскимъ орламъ приходилось куда горше, чѣмъ вступавшимъ въ горы полкамъ западнаго отряда. Весь переходъ здѣсь предполагалось окончить въ три, много въ

четыре дня, а тамъ на Шипкѣ утопали въ ледяной грязи, мерзли въ снѣгу солдаты Радецкаго уже цѣлые мѣсяцы...

Но покрытые ледяной корой скалы, вершины и утесы скоро перестали страшить солдатъ. Къ нимъ привыкли и Умургачъ съ своими кручами и пропастями уже казался вовсе не такимъ непроходимымъ, какимъ показался подъ первымъ впечатлѣніемъ.

— Пройдемъ! — заговорили солдаты, — никто какъ Богъ!

— Еще-бъ не пройти! гвардейцы-то не намъ чета: нѣженки, а и то на самыя вершины засѣли!

— То гвардейцы, а намъ—арміи—и задумываться нечего.

— Вотъ только пушки какъ?

Однако, когда дошло до дѣла, ухитрились эти вступавшіе въ борьбу съ природой герои поднять на неприступныя кручи и свои пушки...

— Что, ребята, дорога-то совсѣмъ пустяки!—проговорилъ товарищамъ Кораловъ, когда они, выступивъ изъ Врачеша, входили въ ущелье,—шоссе да и все!

Въ самомъ дѣлѣ, первыя версты путь былъ легокъ и удобенъ. Батальоны Тамбовскаго, Пензенскаго и Архангелогородскаго полковъ и за ними вторая бригада 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи, двѣ полубаттареи гвардейской конно-артиллерійской бригады, составлявшіе правую обходную колонну ген. Вельяминова, шли бодро и весело. Слышались шутки, смѣхъ, повсюду въ рядахъ стоялъ веселый говоръ. Офицеры всѣми силами поддерживали это настроеніе духа. Кому другому, а имъ было извѣстно, что предстояло впереди. Путь къ Умургачу былъ ровенъ и удобенъ всего только на четыре съ небольшимъ версты. Далѣе начинались крутизны, на которыя приходилось взбираться чуть-что не ползкомъ...

Сами, безъ команды остановились солдаты, когда по-

дошли къ началу подъема. Ничтожныхъ восемь верстъ всего была его длина, но что это были за версты! Покатость спускалась подъ угломъ въ 30 градусовъ и единственный путь шелъ по обледенѣвшему косогору, падавшему обрывомъ въ бездну и этотъ путь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигалъ всего двухъ-трехъ шаговъ въ ширину...

Здѣсь и приходилось пройти, да пройти такъ, чтобы турки не успѣли получить извѣстій объ этомъ движеніи...

У подножія перевала закипѣла работа. На косогоръ высыпали саперы. Застучали топоры, ломы, кирки: во льду, покрывавшемъ дорогу, вырубались ступени. Внизу спѣшно разбирали на части пушки и укладывали ихъ на ручныя салазки. Только ночь прекратила работу. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня она закипѣла снова.

Люди въ сравненіи съ исполинскими горами казались ничтожнѣе муравьевъ. Ледяныя громады давили ихъ со всѣхъ сторонъ, но какъ только кончены были работы, они съ пѣснями, ободряя себя дружнымъ крикомъ, поползли на ледяныя кручи, таща на плечахъ за собою пушки и снаряды къ нимъ.

Что-то титаническое было въ этомъ движеніи. По сотнѣ людей втаскивали на перевалъ каждую пушку, а ихъ въ отрядѣ было восемь. Малѣйшее ослабленіе переднихъ канатовъ и—орудіе всей своей тяжестью подавалось назадъ и начинало сползать книзу. Словно изъ-подъ земли около него выростали десятки новыхъ людей; кто плечомъ, кто грудью, кто спиною сдерживали они ползшія салазки. Десятки рукъ отталкивали его отъ края бездны. Паръ поднимался надъ кучками измученныхъ людей. Менѣе сильные падали и умирали на мѣстѣ отъ утомленія*), но вмѣсто жалобъ, ропота всюду за первымъ подъ-

*) Донесеніе ген. Вельяминова ген. адъютанту Гурко.

емомъ умургачскаго перевала только и было слышно что: „эхъ, дубинушка, ухнемъ, эхъ, зеленая, сама пойдетъ!“ и подъ эти крики всползли одно за другимъ четыре орудія на плато, отдѣлявшее первый подъемъ на Умургачъ, отъ второго еще болѣе крутого...

Этотъ подъемъ представлялъ уже собою крутизну почти въ 45 градусовъ. Чуть замѣтна была тропка, на которой кое-гдѣ успѣли измучившіеся саперы вырубить ступени. Голова кружилась у людей при взглядѣ на кручу; яркая бѣлизна снѣга, слѣпила имъ глаза, холодъ пронималъ каждаго до костей, но ничто не могло остановить ихъ. По поясъ, по плечи въ снѣгу начали они восхожденіе. Вокругъ нихъ вылъ, свисталъ, вздымая цѣлыя тучи снѣга вѣтеръ, а люди, срываясь и скатываясь, и опять поднимаясь, всползали все выше и выше. Ночь застала архангелогородцевъ и батальонъ тамбовцевъ съ десятью драгунами на этомъ подъемѣ еще порядочно далеко отъ его вершины. Теперь подниматься выше не представлялось уже никакой возможности. Впереди не видно было ни зги. Вѣтеръ крѣпчалъ, начиналась снѣжная буря...

— Держись, ребята, а то всѣмъ тутъ намъ крышка!— раздались восклицанія.

— Ничего, выдержимъ!—слѣдовали отвѣты, но въ голосахъ отвѣчавшихъ не слышалось прежней беззавѣтной увѣренности.

Въ первый разъ за весь походъ веселость оставила Коралова. Не люди одолѣли этого крѣпкаго и нелюбившаго надъ чѣмъ-либо задумываться юношу — природа ломила его и Алексѣй чувствовалъ, что у него не хватаетъ силъ противиться этому врагу.

Облака снѣга засыпали погибавшихъ, штормъ такъ и рвалъ ихъ съ земли. Людямъ не за что было ухватиться, задержаться и всѣ попытки не только что подняться на высоту, но остаться на мѣстѣ были тщетны.

Буря все крѣпчала; въ авангардномъ отрядѣ уже были замерзшіе. Командовавшій имъ полковникъ Муромцевъ приказалъ спуститься назадъ на плато, гдѣ пріютились остальные поднявшіеся сюда за ночь батальоны. Труды цѣлаго дня пропали даромъ, на слѣдующее утро приходилось заново начинать подъемъ...

Только въ третьемъ часу пополудни 15-го декабря взобрались измучившіеся тамбовцы и архангелогородцы на вершину Умургача. Они уже знали, что пока далѣе они не пойдутъ, генералъ выставлялъ здѣсь оба батальона заслонами, подъ охраною которыхъ должны были пройти остальныя части колоннъ.

Теперь они стояли, окруженные облаками, внизу у ногъ ихъ стлалась Софійская долина. Тамъ были столица Болгаріи Софія, а отсюда открывался уже прямой путь на Филиппополь и отъ него къ конечной цѣли, куда направлены были всѣ стремленія русскихъ — Царьграду. Но чтобы попасть туда, нужно было спуститься съ ледяныхъ кручъ, а это было настолько-же трудно, какъ и подняться на нихъ.

И поползли въ буквальномъ смыслѣ этого слова, какъ неожиданно вскрывшіяся среди зимы рѣки, со всѣхъ вершинъ дикаго Балкана отряды. Слѣва черезъ Златицу спускались преображенцы, измайловцы и армейцы козловцы съ кавказскими казаками. За ними скатывались внизъ, подобно живой лавинѣ, лейбъ-гвардіи Волынскій, Прусскій, Литовскій, Австрійскій полки и гвардейскіе стрѣлковые баталіоны съ артиллеріей. Уже не черезъ гору Баба-конакъ, какъ предполагалось, а черезъ Златицкій перевалъ шла колонна изъ Этрополя, а справа сползалъ Умургачскій отрядъ.

Два дня продолжался этотъ спускъ. Съ горъ спускались уже не люди, а какія-то миѳологическія чудовища. Недавніе щеголи гвардейцы поверхъ шинелей укутались въ полотно палатокъ, изъ-подъ котораго виднѣлся только

острый конецъ башлыка; ноги, вмѣсто сапогъ, были обмотаны прямо воловьими шкурами. Все это покрывалъ собою заледенѣвшій снѣгъ, такъ что издали можно было вообразить, что двигается не человѣческое существо, а снѣжный сугробъ...

18 декабря у горнаго селенія Чуріякъ собралось уже сорокъ баталіоновъ. Тутъ впервые за Балканами у селенія Ташкисенъ и значительно правѣе его и Горняго и Дольняго Бугоровъ ожидали русскихъ орловъ турки. Начался артиллерійскій бой. Турки изъ Ташкисена громили спускавшіеся съ горъ полки. Преображенцы выдерживали огонь болѣе двухъ часовъ и когда сопровождавшимъ ихъ орудіямъ удалось сдѣлать взрывъ въ одномъ изъ Ташкисенскихъ редутовъ, этотъ старѣйшій изъ русскихъ полковъ бѣгомъ добрался до непріятеля и штыками выбросилъ его изъ укрѣпленій. Ошеломленные неудержимымъ натискомъ преображенцевъ турки бѣжали. Русскіе были теперь въ тылу Арабъ-конака и неприступнаго Шандорника, а въ это время со стороны обоихъ Бугоровъ до Ташкисена доносились заглушенные разстояніемъ удары пушки: тамъ сошедшій съ Умургача отрядъ Вельяминова выбивалъ турокъ изъ послѣдняго ихъ укрѣпленія на пути къ столицѣ Забалканской Болгаріи—Софіи...

Какъ только занятъ былъ Ташкисенъ, новая радость ждала русскихъ... Ослѣпленные ужасомъ турки вмѣстѣ съ командовавшимъ въ Арабъ-Конакѣ и Шандорникѣ Шакиръ-пашею оставили свои позиціи тамъ безъ боя... Безъ потерь перешла въ руки русскихъ твердыня, штурмъ которой могъ-бы стоить цѣлаго моря драгоцѣнной русской крови. Генералъ Гурко поспѣшилъ въ Арабъ-Конакъ и на первомъ же редутѣ передъ нимъ предсталъ гвардейскій ефрейторъ, лихо отрапортовавшій, что на ввѣренномъ ему посту на Арабъ-Конакѣ „все обстоитъ благополучно“!

Это была уже побѣда и побѣда полная. Дорога че-

резъ Балканы, удобная, безопасная, была открыта для всей русской арміи...

Побѣждена была природа, побѣждены были снѣжныя бури... Все превозмогъ, все преодолѣлъ русскій солдатъ...

Близокъ былъ великій праздникъ мира — Рождество Христово и на долю отряда генерала Гурко выпала участь встрѣтить его не среди балканскихъ снѣговъ, а въ обрадованныхъ ихъ появленіемъ болгарскихъ семьяхъ Софіи.

Какъ только рушилась Плевна, сохранявшая дотолѣ нейтралитъ Сербія сейчасъ же объявила Турціи войну и сербскія дружины уже энергично дѣйствовали противъ своихъ исконныхъ враговъ. Незадолго передъ тѣмъ сербы заняли турецкую крѣпость Пиротъ и Гурко, желая запечатлѣть братскій союзъ этого народа съ Россіей, послалъ къ командующему сербской арміей предложеніе подойти къ Софіи, чтобы вмѣстѣ встрѣтить и провести день Рождества Христова.

Въ канунъ Рождественскаго сочельника послѣ молодецкаго дѣла къ мосту черезъ рѣку Искеръ, гдѣ стрѣлки императорской фамиліи не только отбросили сильный турецкій отрядъ, но и ухитрились отстоять зажженный черкесами мостъ, всѣ перешедшіе Балканы полки начали наступать на Софію.

Было 11 часовъ утра 23 декабря, когда къ генералу Гурко, ночевавшему въ болгарскомъ хуторѣ близъ селенья Враждебна, примчался вѣстовой съ донесеніемъ отъ ушедшаго впередъ къ Софіи съ авангардомъ генерала Рауха. Просмотрѣвъ донесеніе, генералъ снялъ фуражку и голосомъ, нѣсколько вздрагивавшимъ отъ волненія, произнесъ, обращаясь къ окружавшей его свитѣ:

— Господа... Поздравляю... Турки оставили Софію, мы войдемъ туда безъ боя...

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ во главѣ своего штаба мчался уже по шоссе къ Софіи. „Ура“ звучало

всюду, гдѣ только проѣзжалъ онъ. Гвардейцы и пѣхотинцы восторженно встрѣчали своего вождя, переведшаго ихъ черезъ неприступныя, непроходимыя горы и этимъ доставившаго имъ блистательныя побѣды, стоившія Россіи въ сравненіи съ предыдущими ничтожныхъ жертвъ.

— Спасибо вамъ, братцы, за службу! — воскликнулъ Гурко при видѣ своихъ плакавшихъ отъ умиленія героевъ и восторженное „ура“ провожало его.

Крестный ходъ встрѣтилъ вождя русскихъ героевъ у воротъ Софіи. Въ предшествіи духовенства съ хоругвями и образами, сопровождаемые безчисленными толпами народа прослѣдовали Гурко и генералы въ православную церковь св. Стефана. Миртомъ былъ усыпанъ этотъ путь; восторженные клики не смолкали ни на мгновеніе. Въ соборѣ послѣ молебствія плакавшіе отъ умиленія почетные горожане привѣтствовали и благодарили Русь въ лицѣ вождя ея героевъ.

— Съ Божьей помощью,—отвѣтилъ имъ генералъ,— я вступаю уже во второй городъ Болгаріи. Богъ поможетъ намъ освободить силою русскаго оружія и остальную часть вашей родины...

— Аминь!—какъ одинъ человѣкъ отвѣтила многотысячная толпа болгаръ, окружавшая живою стѣною древній православный храмъ Софіи.

Турки бросили здѣсь огромные запасы оружія, боевыхъ снарядовъ, оставили въ госпиталяхъ своихъ раненыхъ и ушли, открывъ путь на Филиппополь.

Скоро въ софійскихъ госпиталяхъ появились и русскіе страдальцы. Во время перехода черезъ Балканы не было сраженій, но вмѣсто нихъ, въ особенности, когда турки уходили изъ укрѣпленій, а русскіе преслѣдовали ихъ, происходилъ рядъ отдѣльныхъ схватокъ, въ которыхъ не обходилось безъ убитыхъ и раненыхъ.

Въ одной изъ такихъ стычекъ отличился и Алексѣй Кораловъ.

Наконецъ-то онъ дождался того, чего такъ страстно жаждало его сердце. Маленькій бѣленькій крестикъ украсилъ его грудь. Во время аттаки турокъ, когда архангелогородцамъ приказано было задержать наступленіе непріятеля, Алексѣй Петровичъ грудью своей заслонилъ капитана своей роты въ то время, когда ополоумѣвшіе отъ возбужденія турецкіе низамы, прорвавшись черезъ русскую цѣпь, ринулись было на непріятеля. Это было всего только мгновеніе, но прорвавшіеся турки успѣли надѣлать порядочно бѣдъ. Громаднаго роста низамъ очутился среди русскихъ. Онъ поднялъ штыкъ, чтобы заколоть попавшагося ему на глаза русскаго офицера, но Кораловъ кинулся впередъ и ударъ пришелся по нему. Капитанъ былъ спасенъ, вольноопредѣляющійся Кораловъ съ проколотой грудью бился у ногъ спасеннаго имъ. Турокъ пересталъ существовать.

Бѣлый крестъ, наконецъ, украсилъ грудь Коралова. Рана, однако, оказалась очень тяжелою, мало того почти смертельною... Истекшаго кровью юношу, когда кончился бой, свезли съ горъ и послѣ перевязки перевезли въ софійскій госпиталь, а тамъ, когда онъ пришелъ въ себя, онъ увидалъ надъ своею кроватью бѣленькій крестъ.

Мысли Алексѣя столько времени вращались только около одного этого символа величайшаго самоотверженія и презрѣнія къ жизни ради выполненія своего долга, что онъ, позабывая о своей ранѣ, поднялся, схватилъ орденъ и, не чувствуя ни малѣйшаго ощущенія боли, словно и раны совсѣмъ не было, словно турецкій штыкъ не впивался въ его грудь никогда, плача и рыдая прилипъ къ крестику своими запекшимися губами. На глазахъ сестеръ милосердія, госпитальныхъ санитаровъ, фельдшеровъ и докторовъ такъ часто происходили подобныя сцены, что на Коралова даже и вниманія не обратили.

Вдругъ мертвенная блѣдность покрыла и безъ того

уже блѣдное лицо юноши; глаза какъ-то странно вдругъ расширились, зрачки закатились далеко-далеко подъ вѣки, на губахъ заклубилась алая пѣна и Кораловъ съ легкимъ хрипомъ всѣмъ своимъ туловищемъ запрокинулся назадъ на соломенныя подушки. Сосѣдъ приподнялся на локтѣ, взглянулъ на него, покрутилъ головой и крикнулъ санитара. Подошла сестра милосердія, склонилась надъ Кораловымъ, потрогала его, потомъ подняла голову и перекрестила. Кораловъ былъ мертвъ. Правая рука его крѣпко сжала въ послѣдней предсмертной судорогѣ маленькій бѣленькій крестикъ. Сестра покрыла умершаго его солдатской шинелью и отошла. Явились черезъ нѣсколько минутъ двое госпитальныхъ служителей съ носилками, положили еще неостывшій трупъ и унесли его; для Коралова все было кончено; его мѣсто нужно было другимъ, для которыхъ была еще надежда жить на землѣ.

Сергѣй позабылъ о всѣхъ ужасахъ, пережитыхъ въ „Шипкинское сидѣнье“. Что значилъ онъ и его волненія, страхи и муки, когда невыразимая радость овладѣла десятками сотенъ измучившихся, изстрадавшихся людей, для которыхъ близокъ былъ теперь конецъ ихъ безконечному сидѣнью на этихъ горахъ! Балканы перейдены, Гурко съ гвардіей въ Софіи! Близокъ конецъ мучительной войны, скоро наступитъ тотъ моментъ, когда смерть отлетитъ отъ тысячъ людей и снова всѣ они будутъ засыпать въ полной увѣренности, что увидятъ, проснувшись, солнечный свѣтъ и турецкія пули и гранаты не будутъ, грозя смертью, визжать и выть надъ ихъ головами. Рождественцевъ чувствовалъ все величіе этого момента, чувствовалъ близость конца и плакалъ отъ умиленія, самъ не замѣчая своихъ слезъ.

„Ура“ гремѣло и разливалось по всѣмъ русскимъ позиціямъ. Оно, могучее и радостное, такъ и раскатывалось надъ покрытыми снѣгомъ вершинами великихъ Балканъ, отдаваясь тысячами тысячъ отзвуковъ, утопая въ

бездпахъ и пропастяхъ и, вырвавшись изъ нихъ, снова лилось бурнымъ потокомъ, разносимое во всѣ стороны чуткимъ эхо.

Турецкія пушки неистово салютовали ему. Турки остервенились. Эти кличи радости сперва смутили ихъ, но какъ только это смущеніе прошло, они начали съ своихъ баттарей бить по русскимъ позиціямъ залпами, но шипкинцы переживали такія мгновенія, что на этотъ неистовый грохотъ никто не обращалъ вниманія...

Теперь оставалось только сбросить турокъ съ вершинъ, спуститься самимъ вслѣдъ за ними и конецъ— конецъ всему....

Скорѣе-бы!

Въ тишинѣ, конечно, лишь въ такой, какая возможна была на Шипкѣ, прошелъ канунъ Рождества и самое Рождество. Русскіе не отвѣчали на турецкіе выстрѣлы да и турки оба эти дня стрѣляли совсѣмъ лѣниво, какъ будто вниманіе ихъ было чѣмъ то отвлечено отъ засѣвшихъ передъ ними непріятелей. Чуть не задохнувшись отъ невозможно спертаго воздуха, стоявшаго въ землянкѣ, Рождественцевъ выползъ изъ нея. Была тихая ночь. Звѣзды кротко мерцали съ далекаго неба. Струи чистаго морознаго воздуха такъ и лились въ грудь юноши. Самъ не замѣчая того, Сергѣй поддался настроенію этой ночи. Мечты и воспоминанія нахлынули на него. Живо припомнилось ему, какъ онъ проводилъ этотъ день въ прошлые годы. Обыкновенно, къ нему собирались товарищи и его старушка-мать устраивала елку даже тогда, когда ея Сережа давно уже вышелъ изъ дѣтскаго возраста. Весело горѣло огоньками своихъ свѣчекъ разукрашенное деревцо. Около него суетилась милая старушка, съ любовью поглядывая на юношу-сына и на его товарищей-гостей. Они замѣчали эти добрые взгляды и отвѣчали на нихъ привѣтливыми улыбками. Припомнилъ Сергѣй, какіе пылкіе, юношески задорные споры велись

тогда между ними. Конечно, всѣ ихъ разговоры шли о близкой уже тогда освободительной войнѣ. Сколько тогда искренняго негодованія высказывалось по адресу турокъ, сколько ужаса вызывали разсказы объ ихъ злодѣйствахъ надъ беззащитными ихъ рабами—братьями русскаго народа! И, вотъ, свершая подвигъ освобожденія, Русь двинулась за Балканы и онъ, никогда не думавшій о поляхъ битвъ юноша теперь проводитъ великій день Рождества не въ кругу родной семьи, а на засыпанныхъ снѣгомъ вершинахъ Балканъ...

Вѣтеръ и эхо пронесъ далекій звукъ пушечнаго выстрѣла. Рождественцевъ вздрогнулъ, услыхавъ его. По звуку онъ узналъ турецкое орудіе. Всѣ грезы и мечты разомъ отлетѣли. Опять смѣнила ихъ безстрастная дѣйствительность.

Одиночному дальнему выстрѣлу отвѣтилъ другой, тоже турецкій, такой же далекій, но съ противоположной совсѣмъ стороны. Турки на своихъ позиціяхъ услыхали ихъ и начали пальбу по русскимъ позиціямъ. Они какъ и прежде не щадили снарядовъ, стрѣляя изъ пушекъ даже и въ ночное время. Противники давно уже перестали обращать на все это вниманіе и русскія пушки молчали.

Сергѣй, однако, понялъ, что значатъ эти одиночные ночные выстрѣлы, долетавшіе откуда-то издалека. Кое-что было извѣстно и на Шипкѣ. Съ двухъ сторонъ обходили турокъ русскіе отряды. Изъ Травня еще въ рождественскій сочельникъ вышелъ въ горы отрядъ подъ командой ген.-ад. Святополкъ-Мирскаго; съ правой стороны Шипкинскихъ позицій въ тотъ же день изъ Сельви начали переходъ прибывшіе съ своимъ „бѣлымъ генераломъ“ изъ-подъ Плевны „скобелевцы“—16 пѣхотная дивизія, стрѣлковые баталіоны и семь дружинъ болгарскаго ополченія.

Далекіе выстрѣлы справа напомнили Сергѣю, что тамъ въ скобелевскомъ отрядѣ идетъ на непріятеля и

его другъ, Петко Гюровъ; отъ котораго не отставалъ и Лазарь.

„Счастливцы: со Скобелевымъ!“—подумалъ Рождественцевъ, и совершенно невольно позавидовалъ Гюрову.

Понятна была эта невольная зависть. Не было воина въ рядахъ русской арміи, который-бы съ восторгомъ и любовью не думалъ о „бѣломъ генералѣ“. Скобелева уже окружала легенда. Онъ сталъ кумиромъ солдатъ и вездѣ, гдѣ былъ онъ, неразлучна была съ нимъ и побѣда...

Теперь онъ съ своими „чудо-богатырями“ шелъ, чтобы нанести рѣшающій ударъ послѣдней арміи турокъ...

Цѣлый день 26-го декабря слышались отдаленные выстрѣлы то справа, то слѣва. Съ вершины горы св. Николая сползали, какъ рѣки, съ балканскихъ вершинъ, русскіе полки, а на встрѣчу имъ катились отъ Казанлыка къ деревнѣ Шипкѣ казавшіеся издали живыми волнами турецкіе таборы...

„Что то будетъ? Сколькихъ-то жизней будетъ стоить эта послѣдняя побѣда?“—съ тоскою думалъ Рождественцевъ, поглядывая съ высоты св. Николая на готовившіеся къ бою отряды.

Его полку приходилось отдыхать. Командовавшій на Шипкѣ генералъ Радецкій оставилъ Волынскій и Минскій полки для защиты своихъ позицій, Житомирскій же и Подольскій должны были кинуться на турокъ, собравшихся у дер. Шипки, какъ только ударятъ на нихъ отряды Скобелева и Мирскаго.

Цѣлый день 27-го декабря кидались на врага съ неистовой яростью Елецкій, Сѣвскій и Орловскій полки, выведенные Мирскимъ изъ Балканъ между деревнями Шипкой и Хаскіой. Послѣ полудня высланная кружнымъ путемъ черезъ горы дивизія ген. Шнитникова заняла уже Казанлыкъ, такъ какъ было извѣстно, что на помощь туркамъ идутъ отъ Эни-Загры новые таборы, числомъ восемнадцать. Въ

это же время подъ звуки полковыхъ оркестровъ послѣ труднѣйшаго перехода вышелъ и занялъ деревню Иметли Скобелевскій отрядъ, ставшій передъ турками, укрѣпившимися въ деревенькѣ Шеново.

Медленно поднимался съ земли туманъ надъ долиной Тунджи въ рѣшительный день 28 декабря. Величественно грозное зрѣлище открывалъ онъ. Лавиной хлынули турки на ставшій всего лишь въ ста саженяхъ отъ нихъ отрядъ Мирскаго. Враги смѣшались на нѣсколько мгновеній въ рукопашной схваткѣ. Грудь съ грудью, штыкъ со штыкомъ дрались они. Надъ ними сыпала вѣеромъ пули рвавшаяся въ воздухѣ картечь, съ противнымъ трескомъ рвались гранаты; но, вотъ, вспыхнуло побѣдное „ура“ русскихъ; турки подались назадъ и съ боемъ начали отступленіе. Теперь по нимъ защелкали ружейные выстрѣлы провожавшихъ ихъ русскихъ ружей. И въ это время, сквозь шумъ боя до сражавшихся явно донеслась полковая музыка; это скобелевскіе казанцы, угличане и болгарскіе дружинники штыками выбивали турокъ изъ Шеново. На Шипкинскомъ перевалѣ тоже не смолкало побѣдное „ура“: тамъ подольцы и житомирцы брали одну за другой турецкія траншеи, откуда еще такъ недавно бросались на нихъ яростные живые волны, которые кидалъ на шипкинцевъ Сулейманъ-паша. За Шеновымъ громили обратившихся въ бѣгство турокъ казаки...

Наступилъ послѣдній мигъ боя. Послѣдняя турецкая армія стиснута была живымъ русскимъ кольцомъ, не помогли ей ни отчаянная храбрость турецкихъ бойцовъ, ни искусство ея пашей. Уже въ третьемъ часу пополудни побѣда была очевидною... Туркамъ оставалось или погибнуть или сдаться на милость побѣдителя...

Со всѣхъ сторонъ неслись въ толпы турокъ русскіе пули и снаряды. Радецкій послалъ уже Мирскому и Скобелеву приказаніе разомъ ринуться на враговъ, но эта послѣдняя аттака оказалась не нужною: турки выкинули

СКОБЕЛЕВЪ У ШИПКИ-ШЕЙНОВО 28 декабря 1877 г.
Картина В. Верещагина.

бѣлый флагъ и къ Скобелеву явился парламентеромъ Саидъ-бей...

Кончился двухдневный бой, стоившій Россіи крови почти пяти тысячъ ея сыновъ. Побѣда была полная. Сдались на милость побѣдителя 41 турецкій таборъ съ 93 орудіями. Шесть турецкихъ знаменъ были трофеями побѣды. Командовавшій турками Вессель-паша со всѣмъ своимъ штабомъ сталъ плѣнникомъ шипкинцевъ...

Великая освободительная война кончалась. Путь къ Царьграду былъ открытъ. Въ паническомъ ужасѣ бѣжало отовсюду турецкое населеніе, ожидавшее, что побѣдители отомстятъ имъ за всѣ тѣ звѣрства, которыя вынесли отъ нихъ несчастные забалканскіе болгары.

А съ Балканъ по всѣмъ направленіямъ сползали русскіе отряды. Еще въ Рождество, вынеся необыкновенныя трудности при проходѣ черезъ Троянскій перевалъ, сошелъ съ горъ Сельви-ловчинскій отрядъ генерала Карцова. Вскорѣ послѣ этого Гурко взялъ съ боя Филиппополь, а генералъ Струковъ овладѣлъ покинутымъ жителями Адріанополемъ.

Конецъ кампаніи приближался...

Побѣда русскихъ была внѣ сомнѣнія; турецкое правительство увидало всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія и просило о заключеніи мира...

12 февраля русскіе полки заняли Санъ-Стефано—городокъ въ окрестностяхъ Царьграда, а 19 февраля въ день рожденія государя заключенъ былъ миръ [60])...

XXVII.

Послѣднее письмо.

МАРЬЯ Даниловна Рождественцева въ ясный февральскій день 1878 г. пришла къ от. Петру. На лицѣ доброй старушки сіяла кроткая радость. От. Петръ сейчасъ-же замѣтилъ это.

— Поздравить позволите, досточтимая Марья Даниловна? — спросилъ онъ.

— Да, батюшка, да!—чуть не плача отъ радости лепетала мать, —молебенокъ-бы!

— Непремѣнно! Съ горемъ-ли, съ радостью-ли идите ко Господу! Возвращается Сергѣй-то?

— Возвращается, батюшка, возвращается... Письмо прислалъ, и про вашихъ птенцовъ пишетъ—послѣднее говоритъ...

— Любопытно. Спасибо, что не позабылъ черкнуть о Катеринѣ и Николаѣ моихъ... Не подѣлитесь-ли радостью вашей? Перемиріе уже объявлено, скоро и миръ воцарится на землѣ... Всѣ говорятъ, что въ великій день освобожденія мирный договоръ будетъ подписанъ... Слава Господу! Сподобилъ, наконецъ...

Старушка достала письмо сына и, передавая его от. протопопу, сказала:

— Прочитайте, батюшка, от. Петръ, вы всегда такъ хорошо относились къ моему Сергѣю... Я уже не знаю, какъ и благодарить васъ... Прошу васъ, почитайте, а я послушаю.

— Тѣмъ-же временемъ и къ вечернѣ ударятъ,—проговорилъ от. Петръ, надѣвая очки,—тогда и помолебствуемъ.

Подошла супруга от. Петра и чтеніе началось.

Письмо было изъ-подъ Константинополя.

„Родимая, ненаглядная моя, — писалъ Сергѣй,—наконецъ-то все кончено! Это мое письмо будетъ послѣднимъ. Дальше буду посылать телеграммы уже съ пути на родину. Не пугайся, я былъ въ госпиталѣ. Турецкіе пули и штыки не брали, а, вотъ, въ самомъ концѣ, свалила съ ногъ лихорадка... Вотъ бичъ-то. Она да тифъ больше унесли народу, чѣмъ самыя кровопролитныя сраженія. Госпитали переполнены, смертность большая. Я предпочелъ-бы провести нѣсколько дней въ самомъ жаркомъ бою, только бы не ложиться въ госпиталь, но теперь все, слава Богу, кончено, я здоровъ и отправляюсь домой.

Россія моя, Русь моя святая, православная, какъ я соскучился по тебѣ! Съ какимъ сердечнымъ трепетомъ увижу я твои безконечныя равнины, твои лѣса, твое родное мнѣ небо. Русь моя! Великое жертвоприношеніе твое кончилось. Ты кровью своихъ сыновъ послужила святому дѣлу христіанской любви. Болгарія освобождена и спа-

сена: въ виду Константинополя стоятъ наши полки. Когда я увидалъ издали эту столицу османовъ, я не знаю, что со мной сдѣлалось. Мнѣ хотѣлось и плакать, и кричать ура и я страстно желалъ, чтобы мы двинулись туда, вошли, стали у храма святой Софіи. Помнишь, матушка, Тютчева?

И своды древніе Софіи
Вновь осѣнитъ Христовъ алтарь,
Пади предъ нимъ, о, царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Такъ вотъ, матушка, когда предъ нашими полками бѣлѣлся своими причудливыми очертаніями древній Царьградъ, когда каждый изъ насъ съ минуты на минуту ожидалъ, что насъ поведутъ туда, мнѣ казалось, что исполняется пророчество незабвеннаго поэта. Но насъ не повели. Какія-то высшія соображенія помѣшали этому. Говорили, что, если-бы мы заняли Константинополь, началась-бы новая война на два фронта сразу... Что-же? Пусть-бы! Если мы сокрушили такую силу, какая оказалась передъ нами подъ Плевной, на Балканахъ, если мы сумѣли разбить вдребезги всѣ планы геніальныхъ стратеговъ, сумѣвшихъ создать намъ всюду западни, то смогли-бы мы и отстоять свое добытое кровью право на Царьградъ, уже не разъ видавшій вблизи себя русскіе полки. Но видно, не пришло еще время наше...

Матушка! Вотъ и мнѣ пришлось нежданно-негаданно послужить нашей родинѣ. Хорошо служить дѣлу, которое считаешь и святымъ, и правымъ. Не страшно и умереть за такое дѣло. А мнѣ Богъ, видно, судилъ еще жить; возвращусь я къ тебѣ скоро; время мое не ушло еще. Служить я болѣе въ полку не буду; теперь, когда война кончена, на что я въ арміи? Военная карьера никогда меня не влекла. Я пошелъ только потому, что былъ убѣжденъ, что каждый на моемъ мѣстѣ долженъ-бы былъ поступить, какъ поступилъ я. А теперь, когда я болѣе не нуженъ

родинѣ на поляхъ битвъ, я ужь лучше послужу ей на поприщѣ мира. Льготы мои позволяютъ мнѣ выйти изъ военной службы, не боясь упрековъ совѣсти. Времени прошло немного, я подготовлюсь, сдамъ повѣрочный экзаменъ и буду продолжать свое образованіе... Вотъ мои планы, родная, одобряешь-ли ты ихъ?“

От. Петръ взглянулъ изъ-подъ очковъ на старушку, та плача закивала головой, какъ-будто передъ нею въ эту минуту былъ сынъ ея Сережа.

„А все-таки, матушка, — продолжалъ от. Петръ чтеніе, — навсегда останутся для меня памятными эти мѣсяцы, проведенные на войнѣ. Я научился цѣнить жизнь, позналъ какое это благо и въ то-же время понялъ, какой великій подвигъ совершила Русь, жертвуя за чужую свободу своею кровью... Если бы ты, матушка, только знала, чѣмъ былъ для насъ переходъ черезъ Балканскія вершины. Балканы для русскихъ обратились въ адъ на землѣ. Борьба съ природой была ужаснѣе, чѣмъ борьба съ себѣ подобными. Помню я, цѣлыхъ три дня у насъ на Шипкѣ неистовствовала снѣжная буря. Холодъ пронизывалъ до костей, мозжилъ тѣло; пальцы на рукахъ и на ногахъ обращались въ ледъ, руки и ноги отказывались дѣйствовать, кто падалъ, тотъ уже не вставалъ. И среди этого снѣжнаго ада, на насъ сыпались турецкія пули, среди насъ рвались снаряды. Смерть была вездѣ. И небо, и люди посылали намъ ее. Но, матушка родимая, все это прошло, чтобы никогда не вернуться, впереди кроткія благо и счастье долгаго мира.

Ты всегда интересовалась, родимая, всѣми, кто былъ близко ко мнѣ. Помолись теперь за нихъ, за упокой ихъ душъ! Страшною и мученическою кончиною умерли фельдфебель нашъ Пановъ, Егоръ Кирилловичъ, Савчукъ, Мягковъ и Симагинъ. Турки замучили ихъ. Тебѣ, я думаю, приходилось читать о тѣхъ звѣрствахъ, какія проявляютъ турецкіе баши-бузуки къ раненымъ непріятелямъ? Не

одинъ разъ на поляхъ битвъ составлялись прямо на мѣстѣ звѣрствъ акты, на которыхъ подписывались возмущенные военные агенты европейскихъ державъ. Султану Абдулъ-Гамиду представленъ былъ не одинъ такой актъ, но ничего не выходило. Турецкіе офицеры всегда оправдывались тѣмъ, что звѣрствуетъ отребье арміи—баши-бузуки и черкесы, и, вотъ, за Балканами на пути къ Константинополю, противъ насъ была только регулярная турецкая пѣхота, а мы нашли обезображенные, поруганные трупы нашихъ товарищей. Намъ пришлось отступить съ одной занятой позиціи. Раненые остались на мѣстѣ боя. Когда спустя два дня мы прогнали турокъ, такъ нашли своихъ и видъ ихъ былъ ужасенъ... Но, нѣтъ... Не хочу, не могу вспоминать. Одинъ казакъ, хохолъ, землякъ несчастнаго Савчука, увидавъ его трупъ, поблѣднѣлъ, затрясся и забормоталъ: „ужь пусть Богъ мнѣ прощаетъ, а съ сей поры ни одного басурмана не помилую“. Помолись, матушка, за мучениковъ нашихъ“...

Далѣе въ письмѣ Сергѣй сообщилъ, что 8 февраля сдался русскимъ неприступный Рущукъ; заканчивалъ письмо слѣдующимъ:

„Еще одно, дорогая старушка, Петко Гюровъ нашелъ свою сестру. Его мать попала въ домъ богатаго турка и жила съ дочерью въ Адріанополѣ. Гюровъ переходилъ Балканы въ Скобелевскомъ отрядѣ, къ которому присоединены были болгарскія дружины. Въ трехдневномъ бою на Шипкѣ, когда мы сгоняли турокъ съ высотъ и который закончился тѣмъ, что болѣе сорока таборовъ Весселя-паши сложили передъ нами оружіе, болгарскіе ополченцы заявили себя молодцами. Въ теченіе трехъ дней боя они всѣ дрались съ турками, какъ львы. Когда ополченіе вступило въ Адріанополь, Гюровъ случайно совсѣмъ нашелъ свою мать. Сколько радостей-то было! Теперь Петко по окончаніи войны рѣшилъ поселиться съ матерью, сестрою и—помнишь ты, матушка, его?—своимъ

двоюроднымъ братомъ Лазаремъ, сражавшемся на Шипкѣ вмѣстѣ съ нами въ Тырновѣ. Военной службы онъ не оставитъ и можно думать пойдетъ по ней далеко...

Съ этой стороны война принесла даже счастье.

Знаете, матушка, кого я встрѣтилъ, попавъ въ госпиталь? Катю и Колю Гранитовыхъ... Вотъ не ожидалъ-то! Я и не зналъ, что они тоже пошли въ этотъ адъ. Они были подъ Плевной, переходили съ отрядомъ генерала Гурко Балканы. Теперь, когда вся русская армія сошлась на пути къ Царьграду, я попалъ въ госпиталь, гдѣ Катя Гранитова сестрой милосердія, а братъ ея санитаромъ. Передайте отцу Петру, что дочка его здорова, Коля тоже и даже, такъ сказать, расцвѣлъ (какъ и я) въ эти мѣсяцы войны. Мы всѣ вмѣстѣ возвращаемся домой и скоро от. Петръ увидитъ своихъ ненаглядныхъ дѣтокъ"...

Слезы выступили на глаза старика, когда онъ прочиталъ эти строки...

— Господи! — проговорилъ онъ, откладывая письмо,—взыскалъ Ты меня смиреннаго іерея своего великою милостью; возвращаются мнѣ скорбящему дѣти мои! Да будетъ благословенно имя Твое во вѣки вѣковъ...

Онъ посмотрѣлъ на образъ, прошепталъ что-то, перекрестился и, обращаясь къ Марьѣ Даниловнѣ, произнесъ:

— Великою милостью посѣтилъ васъ и меня съ супругою, досточтимая Марья Даниловна, Господь, сохранивъ намъ дѣтей нашихъ, пойдемте-же возблагодаримъ Создателя за ниспосланное Имъ, а пріявшихъ вѣнецъ мученическій воиновъ я буду въ теченіе года поминать за литургіею.

Ударили къ вечернѣ. От. Петръ заторопился въ церковь...

Прошло много лѣтъ. Кровавая драма, разыгравшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, стала забываться. Явилось новое поколѣніе, удивлявшееся и недоумѣвавшее тому

порыву, который, охвативъ его отцовъ, вызвалъ кровопролитную войну. Новому поколѣнію она казалась совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ явилась она для его предшественниковъ. Это вовсе не значило, чтобы явились люди, не доступные порывамъ, нѣтъ, просто настало время, когда разумъ сталъ брать перевѣсъ надъ сердцемъ, и каждый прежде, чѣмъ отдаться сердечному порыву, думалъ, каковы будутъ отъ этого послѣдствія.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней по улицамъ Энска шелъ Сергѣй Васильевичъ Рождественцевъ съ подросткомъ-сыномъ въ гимназической формѣ. При взглядѣ на Рождественцева никто не узналъ бы въ немъ лихого солдата, прошедшаго съ ружьемъ на плечѣ черезъ весь Балканскій полуостровъ, дравшагося съ турками на Дунаѣ, на Шипкѣ. Теперь это былъ скромный добрый наставникъ юношества въ той-же самой Энской гимназіи, откуда онъ вышелъ и самъ. Годы наложили на него свой отпечатокъ. Сергѣй Васильевичъ уже начиналъ сѣдѣть, чуть-чуть горбиться—ему было теперь за сорокъ. Мальчуганъ, шагавшій рядомъ съ отцомъ, видимо тянулся вверхъ, въ то время, когда отецъ его клонился уже къ землѣ. Таковъ уже неумолимый законъ природы: „старое старится—молодое растетъ!“

Отецъ и сынъ мирно разговаривали, когда вдругъ изъ-за угла улицы, пересѣкавшей ту, по которой они шли, раздалась пѣснь грубыхъ мужскихъ голосовъ.

— Солдаты идутъ, солдаты!—закричалъ мальчикъ,—папочка, станемъ здѣсь, поглядимъ.

Но и безъ его просьбы Сергѣй Васильевичъ замеръ на мѣстѣ, какъ вкопанный. Возвращался съ утренней прогулки баталіонъ полка, квартировавшаго въ Энскѣ. Солдаты пѣли. Пережитое, забытое напомнила Рождественцеву ихъ пѣснь.

Вспомнимъ, братцы, какъ стояли
Мы на Шипкѣ въ облакахъ!—

—неслось прямо на Сергѣя Васильевича.

ВСТРѢЧА РОЖДЕСТВЕНЦЕВА СЪ ВОЗВРАЩАЮЩИМСЯ ВЪ КАЗАРМЫ БАТАЛЬОНОМЪ.

Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго.

И живо-живо припомнилась ему гора Святого Николая, отбитый отчаянный штурмъ, вспомнился ему стрѣлокъ Шмаковъ, сочинившій вотъ эту самую пѣснь подъ громъ турецкихъ орудій...

На крестъ пули и гранаты
Цѣлый день надъ головой,
Холодъ, голодъ... Эхъ, ребята,
Будемъ тверды мы душой!..

—пѣли проходившіе мимо солдаты. Сынъ смотрѣлъ уже не на нихъ, а на отца. По щекамъ Сергѣя Васильевича катились слезы.

— Мальчикъ,—схватилъ онъ за руку сына,—слушай, они поютъ пѣснь, подъ которую умирали ихъ отцы... безтрепетно умирали, увѣренные, что смертью своею они исполняютъ свой долгъ предъ родиной. Сотнями они гибли на Дунаѣ, тысячами на Балканахъ, десятками тысячъ подъ Плевной. Они, эти простые люди, своею жизнью спасали честь Россіи. Все было противъ нихъ: и безумно храбрый противникъ съ умнѣйшими полководцами, и сама природа... они преодолѣли все. Честь и достоинство Россіи только они одни спасли...

— Они, папочка,—спросилъ мальчикъ,—побѣдили?

— Слышишь!—указалъ въ сторону уже отошедшаго отъ нихъ баталіона отецъ.

Совершенно отчетливо, доносились къ нимъ слова послѣдняго шмаковскаго куплета:

Разнесли мы басурмановъ,
Расщелкали всю орду...
Это все, ребята, было
Въ семьдесятъ седьмомъ году!

КОНЕЦЪ.

Памятникъ войны 1877—1878 г.г. въ С.-Петербургѣ.

Краткій хронологическій указатель событій войны на Балканскомъ полуостровѣ.

Апрѣль. 1877 г.	12	Объявленіе войны Турціи въ Кишиневѣ. Высочайшій манифестъ о войнѣ.
	—	Переходъ черезъ границу въ Унгенахъ, у дер. Бештымакъ, у д.д. Нов. Болгарія и Татаръ-Бунаръ и противъ Кубея
	—	Вступленіе въ Яссы.
	—	Занятъ Барбошскій мостъ на Серетѣ.
	15	Заняты Галацъ, Браиловъ, Рени, Измаилъ, Килія.
	21	Бомбардированіе турецкими броненосцами Браилова.
	29	Выстрѣлами съ браиловской баттареи взорванъ корветъ «Лютфи-Джелиль».
Май.	3	Загражденіе Дуная минами.
	14	Взрывъ турецкаго броненосца «Хивзиль-Рахманъ».
	24	Бомбардированіе турками Журжи.
	25	Прибытіе Государя Императора въ Плоэшти.
	28	Турки обстрѣливаютъ саперныя работы у Журжи.
Іюнь.	6	Попытка турокъ высадиться у Турну-Магурелли на лѣвый берегъ.
	8	Неудачная аттака Скрыдловымъ турецкаго парохода.
	10	Пароходъ «Константинъ» взялъ турецкій пароходъ на Черномъ морѣ.
	—	Переправа черезъ Дунай у Галаца, взятіе Буджакскихъ высотъ.
	11	Бой катеровъ «Шутка» и «Мина» съ турецкимъ мониторомъ «Подгорица» близъ Никополя.
	—	Занятіе перваго города Мачина на турецкомъ берегу.
	15	Переправа черезъ Дунай отъ Зимницы на Систово, занятіе Систова.

Іюнь.	16	Занятіе Бабадага въ Дубруджѣ.
	22	Бой казаковъ съ черкесами на Янтрѣ.
	23	Занятіе Бѣлы.
	25	Занятіе Тырнова и линіи Янтры.
	26	Сотникъ Донского № 30 казачьяго полка Афанасьевъ проникаетъ въ Плевну.
	27	Бомбардированіе турками Евпаторіи.
	29	Бой кавалеріи Рущукскаго отряда у Чаиръ-Кіоя.
Іюль.	1	Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Гурко.
	2	Занятіе Хаинкіоя.
	3	Взятіе Никополя.
	4	Неудачныя аттаки Орловскаго полка на турецкія позиціи на Шипкинскомъ перевалѣ.
	5	
	5	Занятіе Сельви и Ловчи.
	—	Взятіе Казанлыка и деревни Шипки.
	6	Бѣгство турокъ съ Шипкинской позиціи и занятіе ея отрядомъ ген. Гурко.
	8	Первая неудачная аттака Плевны.
	11	Бой парохода «Весты» съ турецкимъ броненосцемъ.
	18	Вторая неудачная аттака Плевны.
	—	Побѣда у Ени-Загры.
	19	Побѣда у Джуранли и отступленіе въ Балканы.
	—	Сраженіе у Эски-Загры и отступленіе въ Балканы.
Августъ.	2	Наступленіе турокъ отъ Плевны на Тученицу.
	3	Артиллерійскій бой Рущука и Журжи.
	4	Сраженія у Кадикіоя, Черноводы и Эни-Эсмила.
	—	Сраженіе у Делоба на Кара-Ломѣ.
	—	Отбитая аттака турокъ на Хаинкіойскій перевалъ.
	9	Бои на Шипкѣ съ арміей Сулеймана-паши.
	10	
	11	
	12	
	9	Наступленіе турокъ отъ Ловчи на Сельви.
	10	
	10	Битва и побѣда у Аяслара.
	11	Отступленіе русскихъ отъ Аяслара на Султанкіой.
	12	Яхта «Ливадія» выдерживаетъ бой съ двумя турецкими броненосцами.
	13	Дѣла у Черноводы и Снахрилеръ.
	15	Побѣда у Кадикіоя.
	18	Натискъ турокъ на аванпосты Рущукскаго отряда и отступленіе ихъ.
	19	Побѣды подъ Плевной у Пелишата и Сгалевицы.
		— Сраженіе у Кадикіоя.
	—	Артиллерійскій бой Рущука и Журжи.
	20	Башибузуки прорвались черезъ балканскую деревню Зелени-Древо.
	22	Взятіе Ловчи съ бою.
	23	Битва подъ Кадикіоемъ.
	—	Отбитое наступленіе турокъ на Ловчу.
	—	Битва подъ Еленой.
	24	Отступленіе рущукскаго отряда отъ Коцелева и Облоно за.
	25	Начало артиллерійскаго боя подъ Плевной.
	28	Начало блокады Плевны.
	30	Штурмъ Плевны.
	31	Отступленіе изъ занятыхъ подъ Плевной южныхъ редутовъ.
Сентябрь.	1	Обстрѣливаніе турками горы св. Николая.
	2	Отбитая аттака турокъ изъ Плевны на Гривицкій редутъ.
	2	Бомбардированіе горы св. Николая.
	3	
	4	

Сентябрь.	5	Отбитая аттака турокъ на гору св. Николая.
	9	Сраженіе у Церковны.
	—	Отбитое наступленіе турокъ отъ Телиша.
	12	Побѣда у Елены.
	19	Дѣло подъ Плевной.
	20, 21, 22	Бомбардированіе Плевны.
	23	Набѣгъ казаковъ на Турецкій Изворъ подъ Балканами.
	24	Второй набѣгъ казаковъ на Изворъ.
	—	Казаки выбиваютъ башибузуковъ изъ Тетевенскаго горнаго прохода.
	25	Битва въ Рущукскомъ отрядѣ подъ Кошевой.
	26	Битва у Кадикіоя.
	—	Аттака турокъ изъ Плевны на румынскія траншеп.
	27	Взрывъ въ Сулинѣ турецкаго парохода.
	—	Битва у Кацелева на Кара-Ломѣ.
	29	Взятіе казаками Опаки.
	—	Набѣгъ казаковъ на Тетевенъ.
	—	Набѣгъ казаковъ на Торосъ.
Октябрь.	1	Дѣло у Марени близъ Елены.
	5	Битва у Хаинкіоя.
	7	Неудача румынъ подъ Плевной.
	12	Взятіе Горняго Дубняка.
	—	Убитъ князь Сергѣй Максимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій.
	16	Взятіе Телиша.
	19	Занятіе Тетевена.
	20	Занятіе Дольняго Дубняка.
	21	Битва у Елены.
	—	Взятіе Титернъ и Турецкаго Извора.
	24	Занятіе Петревень и Яблоницы.
	27	Перестрѣлка на Шипкѣ.
	28	Взятіе Врацы.
	—	Взятіе «Зеленыхъ Горъ» подъ Плевной.
	29	Отбитая аттака турокъ на «Зеленыя горы».
Ноябрь.	1	Артиллерійскій бой Рущука и Журжи.
	2	Бои на Шумлинской и Османъ-базарской дорогахъ.
	3	Битвы у Соленикъ и Коцелева.
	7	Румыны взяли Рахово.
	9	Штурмъ турками горы св. Николая.
	11	Взятіе Правеца.
	—	Битва подъ Тетевеномъ.
	12	Взятіе Этрополя.
	13	Битва у Опаки и Пилимирце.
	14	Битва у Тростеника и Мечки.
	17	Битва съ турками на лѣвомъ берегу противъ Силистріи.
	—	Взятіе Врачеша и Лютикова.
	—	Занятіе Орханіе.
	18	Румыны заняли Ломъ-Паланку.
	21	Взятіе Кливкіоя.
	—	Занятіе позиціи при Арабъ-Конакѣ.
	22	Отступленіе отъ Елены.
	23	Битва у Яновицы.
	28	Паденіе Плевны.
	30	Шесть отбитыхъ аттакъ турокъ на Тростеникъ и Мечку.
Декабрь.	1	Наступленіе турокъ изъ Берковаца.
	2	Занятіе Елены.
	3	Занятіе Берковаца.
	11	Бомбардировка горы св. Николая.
	—	Битва у Аяслара.

Декабрь.	16	Пароходъ «Константинъ» аттаковалъ мониторъ въ Сулинѣ.
	17	Занятіе Лютикова.
	19	Переходъ ген. Гурко черезъ Балканы.
	20	Занятіе Арабъ-Конака, Шандорника и Дольніе Коморцы.
	21	Побѣда у Бугарова.
	—	Занятіе Златицы.
	22	Занятіе Софіи.
	—	Занятіе Петричева.
	—	Занятіе Троянскаго перевала.
	25	Взятіе Ахметли.
	—	Занятіе Кисли.
	26	Бой у «Дѣвичьей Могилы».
	28	Побѣда подъ Шипкой и сдача арміи Сулеймана Вессель-пашой.
	—	Вторичное занятіе Казанлыка.
	—	Занятіе Шипки.
	29	Занятіе Клисетры.
	30	Бомбардировка турецкимъ флотомъ Евпаторіи.
	—	Занятіе Самикова.
	—	Занятіе Трояновыхъ воротъ.
	—	Занятіе Ветренова.
Январь	1	Бомбардированіе турками Евпаторіи.
1878 г.	2	Вторичное занятіе Эски-Загры.
	3	Побѣды у Айранли и Кадикіоя; взятіе Филиппополя.
	—	Взятіе станціи Тырново.
	4	Взятіе Германлы.
	—	Занятіе Сливны.
	—	Побѣда у Дермендере.
	5	Побѣда у Белластицы и Карагача.
	6	Занятіе города Мустафа-Паша.
	7	Занятіе Адріанополя.
	13	Турки отразили русскій авангардъ и заняли Кюстендиль.
	—	Взятіе Люле-Бургаса.
	14	Занятіе Демотуки и Узунъ-Капри.
	15	Занятіе Османъ-Базара.
	—	Занятіе Базарджика.
	16	Занятіе Разграда.
	17	Взятіе Чорлы.
	—	Занятіе Эски-Джумы.
	—	Взятіе Кюстендиля.
	18	Неудача у Цигисдзары.
	19	Заключено перемиріе.
	22	Занятіе Козлуджи и Проводъ.
Февраль.	8	Сдача Рущука.
	12	Занятіе Санъ-Стефано.
	19	Заключеніе мира. Высочайшій манифестъ о мирѣ съ турками.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПОЯСНЕНІЯ.

1) **Тирасполь**—городъ Херсонской губ. на Днѣстрѣ.

2) **Русско-турецкая война 1877—78 гг.** явилась послѣдствіемъ такихъ событій. Турецкое правительство злоупотребляло силою и властью въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ областяхъ. Когда угнетаемые потеряли всякое терпѣніе, въ Герцоговинѣ, въ іюнѣ 1875 г. началось возстаніе, очень скоро распространившееся и на Боснію. Турки, вмѣсто того чтобы успокоить доведенныхъ до отчаянія славянъ миромъ, кротости, начали неистовствовать въ возставшихъ областяхъ и совершали постоянно всевозможныя злодѣйства. Правительства европейскихъ державъ напрасно старались образумить Блистательную Порту (турецкое правительство) мирнымъ путемъ. Неистовства продолжались. Изъ Россіи, Черногоріи, Сербіи и западныхъ, не славянскихъ державъ, пошли къ герцоговинцамъ и боснякамъ добровольцы. Когда же стало извѣстнымъ, что турки перерѣзали и уничтожили въ возставшихъ областяхъ свыше 60,000 беззащитныхъ жителей, выжгли и опустошили этотъ край, то такой взрывъ негодованія послѣдовалъ въ Европѣ, что правительства, дабы успокоить общественное мнѣніе, должны были созвать въ Берлинѣ конференцію, къ рѣшеніямъ которой отказалось присоединиться одно лишь англійское правительство. Въ это время свергнутъ былъ съ престола и скоро умеръ турецкій султанъ Абдулъ-Азисъ, наслѣдникъ его Мурадъ былъ признанъ сумасшедшимъ и на престолъ вступилъ султанъ Абдулъ-Гамидъ. Неистов-

ства и звѣрства при немъ не прекратились, а усилились и даже распространились на Румелію и Болгарію, а къ границамъ Сербіи и Черногіи были посланы турецкія войска. Два послѣднія государства заключили между собою союзъ и объявили Турціи войну, которая была счастлива для Черногоріи, но едва не закончилась погромомъ Сербіи. Къ сербамъ и черногорцамъ явилось множество добровольцевъ изъ Россіи и командованіе сербской арміей принялъ на себя знаменитый покоритель Ташкента генералъ Черняевъ. При Бабиной Главѣ ему удалось побѣдить турокъ, но послѣ десятидневнаго сраженія при Алексинацѣ сербская армія была разбита, потомъ еще разъ разбита при Андровацѣ и окончательно разгромлена при Дызнашѣ. Турецкая армія пошла уже на Бѣлградъ, столицу Сербіи, когда русское правительство послало Портѣ свой ультиматумъ.

3) **Кишиневъ** — главный городъ Бессарабской губ. на р. Быкъ, притокѣ Днѣпра, принадлежитъ Россіи съ 1828 г.

4) Главнокомандующимъ Дунайской дѣйствующей арміей былъ назначенъ Августѣйшій братъ Императора Александра Николаевича, **Вел. Кн. Николай Николаевичъ**, родился въ 1831 году, второй сынъ Императора Николая I и Императрицы Александры Ѳеодоровны, бывшій въ Севастополѣ во время крымской кампаніи. Умеръ въ 1891 г. Начальникомъ главнаго штаба Дунайской арміи былъ назначенъ генералъ-адъютантъ **Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій**, воспитанникъ пажескаго корпуса, уроженецъ Минской губ. Участвовалъ въ кавказской войнѣ противъ горцевъ, будучи въ составѣ чеченскаго отряда отличился въ битвахъ противъ Шамиля. Отличился особенно въ венгерской кампаніи. Въ крымскую войну былъ начальникомъ главнаго штаба. Предъ войной былъ предсѣдателемъ военно-кодификаціонной комиссіи. Умеръ въ 1881 г.

5) Начальникъ болгарскаго ополченія ген.-м. **Николай Григорьевичъ Столѣтовъ** родился въ 1833 г. во Владимірѣ и по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи поступилъ на математическій факультетъ Московскаго университета, съ степенью кандидата поступилъ нижнимъ чиномъ на военную службу по артиллеріи. Участвовалъ въ крымской кампаніи и подъ Инкерманомъ получилъ георгіевскій крестъ. Вскорѣ произведенъ былъ въ офицеры и участвовалъ въ отраженіи штурма 6 іюня 1855 г. и въ битвѣ 4 августа. Послѣ заключенія мира поступилъ въ академію генеральнаго штаба, участвовалъ въ кавказской войнѣ; при занятіи восточнаго берега Каспія былъ въ 1871 г. начальникомъ красноводскаго отряда. Въ 1874 г. былъ начальникомъ ученой экспедиціи на рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Удостоенъ былъ за свои работы медали императорскаго географическаго общества. Въ 1875 г. произведенъ въ ген.-маіоры и назначенъ командиромъ 1 бригады 17 пѣх. дивизіи, и въ 1876 г. ему поручена была организація болгарскаго ополченія, которое и представилъ государю на смотру въ Кишиневѣ.

6) **Унгени**—пограничная желѣзно-дорожная станція.

7) **Прутъ**—пограничная рѣка.

8) **Серетъ**—пограничная рѣка.

9) **Дарабанцы** — румынскіе пѣхотинцы, **калараши** — румынскіе кавалеристы.

10) **Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ** въ 1877 г. генералъ-маіоръ, командиръ 14 пѣхотной дивизіи (полки: Волынскій, Минскій, Подольскій, Житомирскій) VIII корпуса. Родился въ 1830 г., воспитаніе получилъ въ дворянскомъ полку (2-е военное Константиновское учил.), началъ службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку и въ офицеры произведенъ въ 1849 г. Поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), окончилъ курсъ первымъ съ золотой медалью, послѣ чего былъ зачисленъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Потомъ былъ за границей, участвовалъ въ итальянской войнѣ; въ 1860 г. назначенъ былъ въ академію адъюнктъ-профессоромъ тактики; въ слѣдующемъ году читалъ курсъ тактики и военной исторіи Наслѣднику Цесаревичу (въ Бозѣ почивающему Императору Александру III). Въ 1864 г. произведенъ въ полковники, а черезъ четыре года въ генералъ-маіоры. Отличившейся 14 дивизіей командовалъ съ осени 1873 г.

11) **Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й** въ 1877 г. генералъ-лейтенантъ, родился въ 1843 г. Къ военной службѣ не готовился. 18 лѣтъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ и черезъ два года былъ произведенъ въ корнеты и переведенъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. Участвовалъ въ польской кампаніи 1863 г., послѣ чего поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и по окончаніи курса назначенъ былъ на службу сперва въ Туркестанъ, а потомъ на Кавказъ. Послѣ этого участвовалъ въ Хивинской экспедиціи, гдѣ получилъ перваго Георгія и произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Былъ главнымъ начальникомъ Кокандскаго ханства, преобразованнаго въ Ферганскую область. На театръ военныхъ дѣйствій явился въ качествѣ охотника. Умеръ въ 1889 г.

12) Въ Кишиневскомъ смотру участвовали дивизіонъ собственнаго Его Величества конвоя (кубанскіе и терскіе казаки), жандармская команда VIII корпуса, 7-й саперный батальонъ, 14 пѣхотная дивизія, два вновь сформированные батальона болгарскаго ополченія, 11 кавалерійская дивизія, полки: Драгунскій, Рижскій, Уланскій, Чугуевскій, Гусарскій Изюмскій, Донской № 11 казачій, полусотня донского казачьяго № 35 полка, 14 артиллерійская бригада, 18-я конная и Донская № 4 баттарея.

13) **Александръ Ѳедоровичъ фонъ-Дризенъ** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ, начальникъ 12 кавалерійской дивизіи (полки: Драгунскій, Стародубскій, Уланскій, Бѣлгородскій, Гусарскій, Ахтырскій, донской № 12 казачій). А. Ѳ. родился въ 1824 г., воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ 1843 г. поступилъ въ л.-гв. Кирасирскій полкъ корнетомъ. Въ 1859 г. А. Ѳ. былъ назначенъ командиромъ 1 дивизіономъ Кирасирскаго полка, а въ 1861—флигель-адъютантомъ и командиромъ уланскаго Литовскаго полка; участвовалъ въ кампаніи 1863—4 гг. и въ 1866 г. произведенъ въ ген.-маіоры; въ 1868 г. командовалъ л.-гв. Кирасирскимъ полкомъ; въ 1873 г. назначенъ командиромъ 2 бригады 1 гвардейской кавалерійской дивизіи и съ 1875 г. командовалъ 12 кавалерійской дивизіей. Умеръ въ 1893 г.

14) **Петръ Семеновичъ Ванновскій** въ 1877 г. генералъ-лейтенантъ, родился въ 1822 г., получилъ образованіе въ Московскомъ

кадетскомъ корпусѣ, на службу вступилъ въ 1840 г. Участвовалъ въ компаніяхъ: венгерской и крымской, былъ съ 1857 г. начальникомъ офицерской строевой школы, съ 1861 г. директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса, съ 1863 г. начальникомъ 1 военнаго Павловскаго училища; затѣмъ былъ начальникомъ пѣхотныхъ дивизій 12-й и 33-й, съ 1876 г. командиромъ 12-го армейскаго корпуса.

15) **Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій**, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1820 г. въ Казанской губ., блестяще окончилъ курсъ наукъ въ инженерной академіи и затѣмъ въ академіи генеральнаго штаба; большую часть своей жизни прослужилъ на Кавказѣ въ борьбѣ съ горцами, гдѣ отличался подвигами личной храбрости. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка; въ 1861 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и командовалъ послѣдовательно 38, 21 и 4-й пѣхотными дивизіями; въ 1876 г. назначенъ былъ командиромъ VIII армейскаго корпуса. Умеръ въ 1890 г.

16) **Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской** въ 1877 г. генералъ-лейтенантъ, родился въ 1812 г., на службу поступилъ въ 1837 г. въ одну изъ легкихъ баттарей л.-гв. конной артиллеріи. Боевой опытъ пріобрѣлъ на Кавказѣ въ борьбѣ съ горцами. Въ 1854 г. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ полковники. Командовалъ саперо-ингерманландскимъ полкомъ и л.-гв. 1 стрѣлковымъ Его Величества батальономъ. Въ 1860 г. произведенъ въ ген.-маіоры, а въ 1868—въ ген.-лейтенанты. Командиромъ 11 армейскаго корпуса былъ назначенъ предъ войною.

17) **Полковникъ Бискупскій**, впослѣдствіи въ чинѣ генералъ-маіора командовалъ 2-й бригадой 14 пѣх. дивизіи.

18) **Генералъ-лейтенантъ Веревкинъ**—командиръ отдѣльнаго нижнедунайскаго отряда, участникъ севастопольской войны.

19) 14 апрѣля уже заняты были отрядомъ ген. Веревкина Кинія, Сатуново, Жебріени, Вилково, а этотъ отрядъ смѣнилъ отрядъ Римашевскаго, возвратившагося съ нимъ къ своей 11 дивизіи.

20) **Александръ Петровичъ Струковъ** при началѣ войны полковникъ генеральнаго штаба, затѣмъ генералъ-маіоръ, дворянинъ Екатеринославской губ. родился въ 1839 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, службу началъ въ 1858 г. въ л.-гв. Конномъ полку и былъ адъютантомъ Е. И. В. главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

21) **Османъ-паша** родился въ М. Азіи въ 1832 г., сынъ бѣдняковъ, учился сперва въ приготовительной школѣ, затѣмъ въ Константинопольскомъ военномъ училищѣ. Въ крымскую кампанію былъ въ Шумлѣ, дѣйствовалъ затѣмъ противъ крымскихъ инсургентовъ и произведенъ былъ въ полковники. Затѣмъ отличился въ войнѣ съ сербами и былъ въ чинѣ генерала назначенъ командиромъ видинскаго корпуса.

22) **Генералъ-маіоръ Саловъ**, бригадный командиръ славныхъ севастопольскихъ полковъ: Селенгинскаго и Якутскаго.

23) **Александръ Филипповичъ Деппъ** въ 1877 г. ген.-маіоръ, начальникъ инженеровъ дунайской арміи, родился въ 1835 г., окончилъ курсъ наукъ въ главномъ инженерномъ училищѣ (послѣ Нико-

лаевское). Началъ службу въ кондукторской ротѣ въ 1850 г., въ 1854 г. произведенъ въ инженеръ-прапорщики. Постепенно повышаясь, въ 1865 г. Деппъ уже командовалъ ротою Его Величества; въ 1875 г. онъ былъ начальникомъ инженеровъ варшавскаго военнаго округа и произведенъ въ ген.-маіоры. **Александръ Карловичъ Рихтеръ** въ 1877 г. генералъ-маіоръ, начальникъ 3-ей саперной бригады. Кончилъ курсъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ прапорщикомъ въ 4-й Саперный баталіонъ въ 1852 г. Въ войну 1853—56 г.г. отличился на Дунаѣ при осадѣ Силистріи. Въ генералъ-маіоры произведенъ въ 1872 г.

24) **Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ** въ 1877 г. лейтенантъ гвардейскаго экипажа и старшій офицеръ яхты Наслѣдника Цесаревича «Славянка»; сынъ капитанъ-лейтенанта, воспитанникъ морского училища, откуда былъ выпущенъ гардемариномъ въ 1863 г. Былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, слушалъ академическій курсъ морскихъ наукъ.

25) **Александръ Павловичъ Шестаковъ** въ 1877 г. лейтенантъ 1-го флотскаго экипажа, воспитанникъ морского училища, откуда былъ выпущенъ гардемариномъ въ 1869 г. Былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи на клиперѣ «Алмазъ». По возвращеніи служилъ на судахъ Балтійскаго флота, между прочимъ на учебной эскадрѣ морского училища; въ лейтенанты былъ произведенъ въ 1875 г.

26) **Владиміръ Петровичъ Персинъ** въ 1877 г. мичманъ гвардейскаго экипажа, выпущенъ былъ изъ морского училища въ 1872 г.

27) **Иванъ Григорьевичъ Рогуля** въ 1877 г. капитанъ 1-го ранга, командиръ паровой яхты «Царевна», начальникъ дунайской флотиліи, родился въ 1838 г., образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ на службу въ Балтійскій флотъ въ 1855 г., плавалъ вокругъ свѣта на корветѣ «Рында», командовалъ винтовой лодкой «Моржъ», былъ старшимъ офицеромъ на корветѣ «Богатырь», командиромъ шхуны «Алеутъ» и въ 1866 г. произведенный въ капитанъ-лейтенанты, назначенъ старшимъ офицеромъ на броненосецъ «Адмиралъ Лазаревъ»; затѣмъ назначенъ былъ командиромъ *подводной* лодки «Отливъ» и послѣ нея шхуны «Ермакъ». Паровой яхтой «Царевна» командовалъ съ 1873 г. и капитаномъ 1-го ранга былъ съ 1876 г. **Николай Илларіоновичъ Скрыдловъ** въ 1877 г. ротный командиръ въ первомъ сводномъ отрядѣ гвардейскаго экипажа. Онъ былъ воспитанникомъ морского училища, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1862 г. Лейтенантомъ съ 1868 г. Командовалъ парусной яхтой Наслѣдника Цесаревича «Никса».

28) **Константинъ Оттовичъ Эльснеръ** родился въ 1853 г., дворянинъ Херсонской губ. Въ 1869 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ гренадерскій Ростовскій полкъ и сталъ посѣщать московское пѣхотное юнкерское училище. По окончаніи курса былъ произведенъ въ прапорщики и выпущенъ въ Тульскій пѣхотный полкъ, изъ котораго уже перешелъ въ Рязанскій. **Даніилъ Ефимовичъ Жуковъ** въ 1877 г. генералъ-маіоръ, родился въ 1823 г., дворянинъ Московской губ., воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, службу началъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, участвовалъ въ венгерской кампаніи, отличился при

покоренiи Чечни и Дагестана въ 1857, 1858 и 1859 г., особенно при штурмѣ Гуниба и взятiи въ плѣнъ Шамиля. Командиромъ 1-й бригады 18-й дивизiи былъ съ 1870 г.

29) **Вел. Кн. Николай Николаевичъ Младшiй** родился въ 1856 г., получилъ образованiе первоначальное подъ наблюденiемъ августѣйшихъ родителей, затѣмъ въ Николаевской академiи ген. штаба, службу началъ въ 1871 г.

30) **Михаилъ Александровичъ Iолшинъ** въ 1877 г. ген.-маiоръ, командиръ 1-й бригады «драгомировской» 14-й пѣхотной дивизiи, дворянинъ Могилевской губ., родился въ 1830 г., воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ; службу началъ въ 1848 г. прапорщикомъ петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма полка. Участникъ войны на Кавказѣ; былъ сперва-командиромъ 2-й бригады 11-й дивизiи, затѣмъ уже былъ назначенъ бригадиромъ въ 14-ю, гдѣ командовалъ полками Волынскимъ и Минскимъ.

31) **Михаилъ Ѳомичъ Петрушевскiй** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ, начальникъ 2-й бригады «драгомировской» дивизiи, родился въ 1832 г., учился въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, службу началъ въ 1850 г. въ л.-гв. Литовскомъ полку, участвовалъ въ Польской кампанiи 1863 г., отличился въ сраженiи 8-го апрѣля въ Маріановскомъ лѣсу и 6-го мая при деревнѣ Ново-Весь былъ раненъ. Затѣмъ служилъ въ Туркестанѣ и участвовалъ въ штурмѣ Самаркандскихъ высотъ при вторичномъ взятiи Самарканда, въ январѣ 1877 г. назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 14-й дивизiи (полки Житомирскiй и Подольскiй).

32) **Баронъ Н. П. Криденеръ** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ, командиръ IX-го армейскаго корпуса, родился въ 1811 г. въ Лифляндской губ. 17 лѣтъ началъ службу полевымъ инженеръ-прапорщикомъ. Въ 1834 г. Криденеръ поступилъ въ академiю ген. штаба (тогда Императорская военная академiя). По окончанiи курса въ 1836 г. перешелъ въ генеральный штабъ. Командовалъ полками: Е. К. В. принца Евгенiя Виртембергскаго, Кекскольмскаго и въ чинѣ генералъ-маiора (съ 1859 г.) л.-гв. Волынскаго. Участвовалъ въ польской кампанiи 1863 г., отличился въ сраженiяхъ при Будѣ Забаревской и Мисло и былъ назначенъ командиромъ 27-й пѣхотной дивизiи. Въ 1865 г. Криденеръ произведенъ былъ въ ген.-лейтенанты, и IX корпусомъ командовалъ съ конца 1876 г.

33) **Iосифъ Владiмiровичъ Гурко** въ 1877 г. ген.-адъютантъ, командующiй второй гвардейской кавалерiйской дивизiей, родился въ 1828 г. Воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и изъ камеръ-пажей въ 1846 г. былъ выпущенъ въ л.-гв. Гусарскiй Е. В. полкъ. Въ 1856 г., чтобы ознакомиться съ пѣхотной службой, перешелъ въ пѣхотный Дабича-Забалканскiй полкъ, гдѣ командовалъ баталiономъ, затѣмъ вернулся обратно въ Гусарскiй полкъ, командовалъ Маріупольскимъ гусарскимъ и л.-гв. конно-гренадерскимъ полками. Въ 1874 г. былъ назначенъ командиромъ 2-й гвардейской кавалерiйской дивизiи.

34) **Адріанополь** по-турецки Эдрене, по-болгарски Одринъ, до 1453 г. столица европейской Турцiи на берегу Эвроса или Марицы при впаденiи въ нее Тунджи и Арды, лежитъ на равнинѣ, окруженной

съ сѣвера Балканами, Родопскими горами, Текиръ-дагомъ и Кучукъ-Балканами. Основанъ императоромъ Адріаномъ, взятъ былъ турками въ 1363 г. Послѣ Константинополя первый городъ по значенію своему въ Турціи. Дважды въ Адріанополѣ были подписываемы мирныя условія Россіи и Турціи въ 1713 и 1824 г.г.

35) **Тырновъ**, древняя столица Предбалканской Болгаріи, въ долинѣ р. Янтры, основаніе относится къ древнѣйшимъ временамъ. Извѣстенъ борьбой болгарскихъ королей сперва съ византійскими императорами, потомъ съ латинскими королями (1205 г. Балдуинъ 1). Взятъ былъ турками въ 1393 г. Русскія войска были подъ Тырновомъ въ 1810 г.

36) **Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій** въ 1877 г. временный губернаторъ Болгаріи, воспитанникъ Московскаго университета, выдающійся дѣятель по подготовленію великой реформы 19-го февраля 1861 г., администраторъ Царства Польскаго послѣ 1863 г.

37) **Казанлыкъ** — городокъ въ южныхъ отрогахъ Балканскихъ горъ въ долинѣ рѣки Тунджи.

38) **Князь Николай Ивановичъ Святополкъ-Мирскій** въ 1877 г. ген.-адъютантъ, ген.-лейтенантъ, командиръ 7 пѣхотной дивизіи, родился въ 1833 г., въ 1847 г. поступилъ въ пажескій корпусъ и въ 1853 г. выпущенъ былъ поручикомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ. Отличился на Мало-азіатскомъ театрѣ войны съ турками 1854 г. Въ 1855 г. перешелъ въ гвардію, въ л.-гв. Преображенскій полкъ подпоручикомъ и назначенъ былъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго корпуса на Кавказѣ кн. Барятинскому. Отличился при покореніи Кавказа въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Въ 1861 г. назначенъ былъ командиромъ Тенчинскаго полка, въ 1865 г. былъ произведенъ въ ген.-маіоры и въ 1873 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; въ 1876 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты и назначенъ командиромъ 9-й пѣхотной дивизіи VIII корпуса.

39) **Юрій Иванозичъ Шильдеръ-Шульднеръ** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ, начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи IX корпуса, родился въ 1816 г., учился въ «дворянскомъ полку» (Константиновское училище), въ 1837 г. выпущенъ былъ прапорщикомъ въ Екатеринбургскій пѣхотный полкъ; въ 1855 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ англо-французовъ въ составѣ войскъ, охранявшихъ Петербургъ и Балтійское побережье; въ 1856 г. служилъ по военно-учебнымъ заведеніямъ и назначенъ былъ начальникомъ стрѣлковъ образцоваго полка. Въ 1854 г. преподавалъ уставъ военной службы Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, съ 1860 г. командовалъ полками Олонецкимъ пѣхотнымъ и л.-гв. Преображенскимъ. Участвовалъ въ кампаніи 1863 г. Генералъ-маіоръ съ 1864 г. Командиромъ 5-й дивизіи съ 1872 г. Ген.-лейтенантъ съ 1873 г.

40) **Ахмедъ-Эюбъ-паша** выдѣлился въ сербскую войну, гдѣ онъ былъ начальникомъ нишской арміи. Онъ воспитанникъ султанской военной школы въ Константинополѣ; до войны служилъ въ Іеменѣ въ Аравіи. **Мегметъ-Али-паша**, сердаръ экрамъ (портретъ стр. 239), природный нѣмецъ, сынъ придворнаго музыканта Детруа. Подлинное имя Карлъ, родился въ Магдебургѣ, гдѣ и учился въ дѣтствѣ, былъ

юнгой на купеческомъ суднѣ. Въ Константинополѣ обратилъ на себя вниманіе великаго визиря Али-паши, принявшаго его къ себѣ за сына. Съ 1846 г. сталъ посѣщать Константинопольское артиллерійское училище. По окончаніи курса участвовалъ въ крымской войнѣ; въ 1870 г. былъ уже дивизіоннымъ генераломъ; въ 1873 г. усмирялъ бунтъ на Кипрѣ и въ Ѳессаліи, въ войнѣ 1877 г. имѣлъ неограниченныя полномочія султана.

41) **Сулейманъ-паша** военное образованіе получилъ за границей. Извѣстность его началась съ герцеговинскаго возстанія.

42) **Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій**, ген.-маіоръ, командиръ 2-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи (полки Брянскій и Орловскій), родился въ 1826 г., убитъ на Шипкѣ въ 1877 г. Дворянинъ Воронежской губ. Въ 1845 г. былъ выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса въ прапорщики 19-й артиллерійской бригады. Въ 1849 г. кончилъ курсъ военной академіи. Въ качествѣ офицера генеральнаго штаба участвовалъ въ крымской кампаніи и за отличія въ сраженіи произведенъ былъ въ капитаны. Въ 1872 г. былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Командовалъ 2-й бригадой 9-й дивизіи съ 1873 г. Подъ Севастополемъ былъ контуженъ въ голову.

43) **Викторъ Даниловичъ Кренке** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ на Шипкѣ, родился въ 1816 г. На службу поступилъ въ 1834 г. изъ Павловскаго кадетскаго корпуса въ Гренадерскій саперный баталіонъ прапорщикомъ; былъ въ 1849 г. въ походѣ въ Царство Польское, съ 1850 г. переведенъ въ Гвардейскіе инженеры; въ 1855 г. трудился надъ укрѣпленіемъ Невы на случай появленія непріятеля, въ 1860 г. произведенъ въ ген.-маіоры и командовалъ 2-й саперной бригадой; въ 1863 г. командовалъ отдѣльнымъ Васильковскимъ отрядомъ въ Кіевской губ., затѣмъ былъ Спб. окружнымъ интендантомъ и командовалъ 26-й пѣхотной дивизіей; въ 1867 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты и въ 1869 зачисленъ въ запасныя войска по саперному корпусу; въ 1877 г. былъ откомандированъ въ распоряженіе главнокомандующаго.

44) **Степанъ Степановичъ и Николай Степановичъ Леоновы**, братья, донскіе казаки; въ 1877 г. первый ген.-маіоръ, командиръ 1-ой бригады 8 кавалерійской дивизіи, воспитывался въ школѣ гвардейской дивизіи, былъ выпущенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, въ которомъ и служилъ до 1857 г., когда былъ назначенъ командиромъ драгунскаго Переяславскаго полка; въ 1876 г. былъ произведенъ въ ген.-маіоры и назначенъ командиромъ дивизіи, второй— былъ выпущенъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ тоже въ Гродненскій полкъ въ 1842 г; въ 1845 г. командовалъ на Кавказѣ и отличился въ войнѣ съ горцами, по возвращеніи въ полкъ прослужилъ въ немъ 16 лѣтъ; участвовалъ въ Польской кампаніи 1863 г. и отличился въ битвѣ подъ Игнацовичъ, въ 1867 г. назначенъ былъ командиромъ драгунскаго Переяславскаго полка, а въ 1870 г. л.-гв. драгунскимъ полкомъ и произведенъ въ ген.-маіоры; командовалъ 2-й бригадой 2-й гвардейской дивизіей, входившей въ составъ Рущукскаго отряда, скоропостижно скончался 21 ноября 1877 г.

45) **Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ,

командиръ 4-го армейскаго корпуса, родился въ 1824 г. Дворянинъ Петербургской губ. Послѣ выпуска изъ кадетскаго корпуса служилъ въ 14-й артиллерійской бригадѣ; былъ въ военной академіи, которую кончилъ въ 1843 г. Участвовалъ въ кавказской войнѣ, венгерской и крымской кампаніяхъ, а въ 1857 г. назначенъ былъ на службу на Кавказъ, гдѣ отличился въ сраженіяхъ съ горцами Малой Чечни и при взятіи Веденя. Въ ген.-лейтенанты произведенъ въ 1864 г., командовалъ 2-й, 11-й и 28-й пѣхотными дивизіями; начальникомъ корпуса съ февраля 1877 г.

46) **Свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій** въ 1877 г. ген.-лейтенантъ, родился въ 1837 г., сынъ царевича Имеретинскаго, воспитанникъ Пажескаго корпуса, изъ котораго поступилъ въ 1855 г. прапорщикомъ въ конно-піонерный дивизіонъ. Въ 1857 г. князь Имеретинскій, находясь въ Гренадерскомъ Грузинскомъ полку, былъ въ сраженіяхъ противъ лезгинъ и вышелъ послѣ этого въ отставку. Черезъ годъ вновь поступилъ на службу въ конно-піонерный дивизіонъ; участвовалъ въ польской кампаніи 1863 г. и служилъ затѣмъ по военной администраціи варшавскаго военнаго округа. Въ августѣ 1877 г. былъ назначенъ командиромъ 2-й пѣхотной дивизіи.

47) Генералъ-маіоръ **Василій Николаевичъ Лавровъ**, командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. По окончаніи средняго военнаго образованія Лавровъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскомъ полку въ 1835 г., поступилъ въ военную академію и по окончаніи курса назначенъ въ генеральный штабъ. Въ 1863 г. участвовалъ въ Польской кампаніи; былъ раненъ. Затѣмъ былъ извѣстенъ какъ общественный дѣятель: съ 1873 г. состоялъ гласнымъ Петербургской думы; его трудамъ много обязанъ Петербургъ постройкой Литейнаго моста, проведеніемъ конножелѣзныхъ дорогъ; Лейбъ-гв. Финляндскимъ полкомъ командовалъ съ 1876 г. Подъ Горнимъ Дубнякомъ былъ смертельно раненъ двумя пулями въ грудь. Генералъ-маіоръ **Николай Оттовичъ фонъ-Розенбахъ** въ 1877 г. командиръ 2-й бригады 2-й гвардейской дивизіи. Происходилъ изъ Эстляндскихъ дворянъ, родился въ 1836 г., воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), на службу поступилъ въ 1857 г. въ лейбъ-гв. Преображенскій полкъ. Во время Крымской войны былъ въ войскахъ, охранявшихъ Финское побережье. Въ чинѣ капитана участвовалъ въ Польской кампаніи 1863 г., гдѣ отличился въ сраженіи подъ Попеляками, былъ раненъ; затѣмъ по выздоровленіи наблюдалъ за рекрутскими наборами; въ 1867 г. былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Гренадерскаго Екатеринославскаго Е. В. полка и въ 1871—Павловскаго полка. Командиромъ 2-й бригады 2-й дивизіи назначенъ былъ въ 1876 г. Подъ Горнимъ Дубнякомъ былъ раненъ въ то же мѣсто (въ животъ), куда былъ раненъ и въ Польскую кампанію. Генералъ-маіоръ **Логгинъ Логгиновичъ Зедделеръ**, командиръ 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, изъ дворянъ Петербургской губ., родился въ 1832 г., среднее образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, который окончилъ съ правами 1-го разряда, а

высшее—въ военной академіи. На службу поступилъ въ 1851 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Въ 1858 г. былъ въ чинѣ штабсъ-капитана назначенъ для сопровожденія отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса по Зауральской степи. До 1870 г. исполнялъ обязанности военно-административнаго характера; съ этого года находился при прусской арміи и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ франко-прусской войны. Въ 1871 г. получилъ званіе флигель-адъютанта. Въ 1872 г. былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора и назначенъ командиромъ лейбъ-гв. Гренадерскаго полка съ зачисленіемъ въ свиту Е. В. 1-й бригадой 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей командовалъ съ 1875 г. **Юліанъ Викторовичъ Любовицкій** въ войну 1877 г. полковникъ и затѣмъ генералъ-маіоръ, командиръ л.-гв. Гредерскаго полка, родился въ 1836 г., воспитывался во 2 кадетскомъ корпусѣ, а высшее образованіе получилъ въ Михайловской артиллерійской и Николаевской генеральнаго штаба академіяхъ. Службу началъ въ 1855 г. въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Отличился при бомбардированіи англо-французскимъ флотомъ Свеаборга. Въ 1857 г. уже въ чинѣ подпоручика былъ за отличные успѣхи въ наукахъ зачисленъ въ 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерійскую бригаду поручикомъ и прикомандированъ къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса съ цѣлью поступленія въ Николаевскую академію, курсъ которой онъ и кончилъ въ 1861 г. До 1864 г. Любовицкій исполнялъ разныя военно-административныя службы, а съ этого года читалъ лекціи тактики въ академіи, въ 1873 г. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Его И. Величеству и членомъ комитета по устройству и образованію войскъ. Л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ командовалъ съ 1876 г. Въ генералъ-маіоры произведенъ за отличія подъ Горнимъ Дубнякомъ. Въ настоящее время (1902 г.) генералъ-отъ-инфантеріи, командиръ 9-го армейскаго корпуса, почетный членъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи. Убитый подъ Горнимъ Дубнякомъ полковникъ **Константинъ Алексѣевичъ Руновъ** родился въ 1834 г., среднее воспитаніе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, службу началъ въ 1857 г. въ л.-гв. Гренадерскомъ полку, съ прикомандированіемъ къ Михайловской академіи; въ 1859 г. переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ и назначенъ въ 1861 г. репетиторомъ математики въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Участвовалъ въ польской кампаніи 1863 г. и отличился въ битвѣ у мѣстечка Гедройцъ. Затѣмъ въ 1864 г. онъ завѣдывалъ школою солдатскихъ дѣтей. Въ полковники былъ произведенъ въ 1874 г., въ слѣдующемъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и командовалъ 1 и 2 баталіонами л.-гв. Павловскаго полка; въ войну былъ назначенъ въ составъ сводно-гвардейскаго отряда, состоявшаго при государѣ.

48) **Е. И. В. князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій** родился въ 1849 г., былъ третьимъ сыномъ Вел. кн. Маріи Николаевны и герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и приходился племянникомъ Императору Александру II, числился въ Конномъ и Преображенскомъ полкахъ, въ гвардейской артиллеріи и въ стрѣлковомъ баталіонѣ Императорской Фамиліи; ротми-

стромъ былъ съ 1875 г. и флигель-адъютантомъ съ 1876 г. Убитъ во время рекогносцировки подъ Іованъ-Чафлинскимъ 12 октября 1877 г.

49) По уставу ополченіе должно было дать 600 т. чел. Въ войну 1877—1878 г.г. призвано было къ оружію до 170 т. ратниковъ.

50) Полковникъ **Михаилъ Александровичъ Эбелингъ,** командиръ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Е. В. баталіона, флигель-адъютантъ, родился въ 1831 г., началъ службу въ л.-гв. Павловскомъ полку въ 1852 г. Въ 1854 г. былъ въ войскахъ, охранявшихъ побережье С.-Петербургской губ. Въ Польскую кампанію командовалъ ротою Его Величества. Въ полковники произведенъ былъ въ 1869 г., командовалъ баталіономъ л.-гв. Гренадерскаго полка; л.-гв. стрѣлковымъ баталіономъ командовалъ съ 1874 г.

51) **Редифъ** — турецкія войска, состоящія на дѣйствительной службѣ, **низамъ**—запасныя, **мустахфизъ**—ополченіе.

52) Флигель-адъютантъ полковникъ л.-гв. Егерскаго полка **Викторъ Карловичъ Мебесъ**, дворянинъ Лифляндской губ., сынъ доктора, родился въ 1835 г. Учился сперва въ Спб. 2 классической гимназіи, затѣмъ на факультетѣ восточныхъ языковъ Спб. университета; во время Крымской войны поступилъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Егерскій полкъ. Въ 1863 г. участвовалъ въ Польской кампаніи. Въ 1871 г. въ чинѣ капитана назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, и въ 1874 г. произведенъ въ полковники. Былъ убитъ подъ Телишемъ 12 октября 1877 г. Тѣло его, оставшееся на полѣ битвы, было ограблено турками.

53) **Балканскій хребетъ горъ** идетъ дугообразной линіей отъ устья рѣки Тимока до Чернаго моря и дѣлится на западные, центральные, восточные Балканы. Первые — отъ устья Тимока до р. Б. Искеръ, длины 200 вер., высоты въ центрѣ 6300 ф. Склоны покрыты хвойнымъ лѣсомъ на сѣверѣ, лиственнымъ на югѣ. Населеніе—большинство болгары и немало переселенцевъ черкесовъ. Проходъ наиболѣе удобный Берковацкій на Ломъ Поланку и тамъ шоссе и двѣ тропы изъ г. Врацы. Центральные Балканы — между р. Б. Искеръ и Сливинскимъ горнымъ узломъ, дѣлится на Велико-Софійскій, Этропольскій, Тетевенскій, Златицкій, Троянскій, Колоферскій, Шипкинскій, Травненскій, Елененскій, Сливинскій Балканъ. Общая длина — 240 в., ширина — 16 в., средняя высота 4500 ф., высшая точка 6300 ф. Сѣверные склоны покрыты хвойными лѣсами, южные голы и спускаются отвѣсно; на склонахъ къ Дунаю населеніе болгарское, на южныхъ склонахъ смѣшанное—болгары и турки; перевалы—наиболѣе удобный Орханійскій или Аябъ-Конакскій и Этропольскій; затѣмъ черезъ горы Шандорникъ, черезъ г. Баби-горы, Златицкій, Риборѣцкій, Троянскій, Розалитскій. Восточные Балканы — три отдѣльныхъ хребта; общая длина 1211 в., ширина—60 в., средняя высота $2^1/_2$ т. ф., покрыты лѣсомъ, населеніе—турки и черкесы.

54) **Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.** Сынъ митавскаго купца, сперва учился въ Ригѣ, потомъ въ Петербургскомъ инженерномъ училищѣ, гдѣ занесенъ былъ на мраморную доску. Семнадцати лѣтъ былъ произведенъ въ прапорщики, но оставался въ классахъ до 1838 г., когда окончилъ курсъ. Посланъ былъ на инженерныя работы въ Ригу, а затѣмъ переведенъ въ учебный саперный баталіонъ. Въ

1848 г. въ чинѣ капитана былъ на Кавказѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ противъ Шамиля; между прочимъ былъ при взятіи Гергебиля и знаменитой осадѣ Ахты. Затѣмъ служилъ въ Варшавѣ и Петербургѣ. Прославившимъ Тотлебена дѣломъ была защита Севастополя. Подъ огнемъ непріятеля талантливый инженеръ соорудилъ твердыню, выдержавшую 11 мѣсяцевъ напора лучшихъ въ Европѣ армій. Подъ Севастополемъ Тотлебенъ былъ раненъ. Первый генеральскій чинъ Тотлебенъ получилъ въ апрѣлѣ 1855 г. и въ сентябрѣ того-же года назначенъ генералъ-адъютантомъ. Въ 1860 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1869 г. былъ уже полнымъ генераломъ. Въ войну онъ состоялъ товарищемъ генералъ-инспектора по инженерной части.

55) **Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ** нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, военный министръ, въ кампаніи 1877 г. былъ подполковникомъ генеральнаго штаба. Онъ родился въ 1848 г. 17 марта; по происхожденію дворянинъ Витебской губ., воспитывался въ 1-мъ военномъ Павловскомъ училищѣ, на дѣйствительную службу вступилъ въ туркестанскій стрѣлковый батальонъ и въ 1866 г. исправлялъ въ теченіе шести мѣсяцевъ обязанности полкового квартирмейстера. Съ 1868 г. началась военная дѣятельность его. Въ теченіе весны и лѣта онъ подъ начальствомъ командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа ген.-ад. фонъ-Кауфмана былъ въ походахъ противъ бухарцевъ, отличился при обоихъ штурмахъ Самарканда, въ сраженіяхъ подъ Кетнеба-Курганомъ и на Зоробуланскихъ горахъ. За отличія онъ награжденъ орденами св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ, св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ и произведенъ въ поручики. Въ 1870 г. Куропаткинъ былъ помощникомъ ген.-м. Карташева по инспектированіи войскъ Семирѣченской области и, произведенный въ штабсъ-капитаны, назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ биржевого отдѣленія комитета по устройству ярмарки въ Ташкентѣ. Ротой командовалъ онъ 3 года. Въ 1871 г. Куропаткинъ послѣ блистательно выдержаннаго пріемнаго экзамена поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ проходилъ высшія военныя науки и въ слѣдующемъ за поступленіемъ въ академію году былъ за особо отличные успѣхи произведенъ въ капитаны. Курсъ окончилъ въ 1874 г. съ отличіемъ по первому разряду и былъ причисленъ къ генеральному штабу. По окончаніи курса Куропаткинъ посѣтилъ Германію, Францію и Алжиръ. Во время пребыванія въ послѣднемъ онъ принималъ участія въ военной экспедиціи въ страну Модса, во время которой былъ раненъ. За эту экспедицію онъ получилъ отъ французскаго правительства орденъ Почетнаго Легіона. По выздоровленіи онъ вернулся въ Туркестанъ и съ 16 декабря 1875 г. по 31 января 1876 г. исполнялъ обязанности старшаго адъютанта Туркестанскаго военнаго округа. Въ 1876 г. онъ былъ назначенъ съ посольствомъ въ Кашгаръ; по возвращеніи принималъ участіе въ кокандскомъ походѣ и былъ раненъ. За отличія въ дѣлахъ противъ кокандцевъ Куропаткинъ былъ награжденъ орденами св. Георгія 4-й степ., а также получилъ медаль за покореніе Кокандскаго Ханства. Въ 1877 г. въ февралѣ онъ былъ прикомандированъ къ главному штабу съ оставленіемъ по

генеральному штабу, и въ іюлѣ былъ назначенъ на оберъ-офицерскую должность по особымъ порученіямъ при Е. И. В. Главнокомандующемъ дѣйствующей арміи. Въ 1877 г. получилъ орденъ Владиміра 4-й степени, послѣ «Третьей Плевны» получилъ за отличія чинъ подполковника и св. Станислава 2 ст. и золотое оружіе, назначенъ начальникомъ штаба 16 пѣхотной дивизіи. Въ полковники Куропаткинъ произведенъ съ 1878 г. Въ кампаніи 1877 г. онъ былъ контуженъ и раненъ.

56) **Иванъ Степановичъ Ганецкій 1-й** родился въ 1810 г. Смоленскій дворянинъ, въ войну 1877—8 гг. командиръ Гренадерскаго корпуса. Воспитаніе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу въ 1828 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Въ 1836 г. въ чинѣ поручика участвовалъ въ войнѣ съ кавказскими горцами. Затѣмъ служилъ въ л.-гв. Волынскомъ, л.-гв. Измайловскомъ полкахъ и въ 1848 г. уже въ чинѣ полковника былъ командиромъ сперва 2-го, потомъ 1-го батальона л.-гв. Финляндскаго полка. Въ 1849 г. былъ въ походѣ къ границамъ Имперіи по случаю венгерской кампаніи; въ крымскую кампанію былъ въ числѣ войскъ, назначенныхъ для обороны Петербургской и Выборгской губ. Затѣмъ въ польскую кампанію 1863 г., командуя въ чинѣ генералъ-маіора уже л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, отличился въ сраженіяхъ при Мейдекѣ, Гавлинкѣ, Гудимкахъ, Шатрашахъ. По окончаніи кампаніи былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, награжденъ нѣкоторыми орденами и назначенъ командиромъ 3-й пѣхотной дивизіи, при чемъ въ видѣ особой награды ему было предоставлено право носить мундиръ г.-гв. Финляндскаго полка, въ которомъ онъ началъ службу. Командованіе гренадерскимъ корпусомъ получилъ въ 1877 г.

57) Ген. **Мольскій** командовалъ передъ тѣмъ Минскимъ полкомъ.

58) **Оттонъ Егоровичъ Раухъ** въ 1877 г. ген.-маіоръ генеральнаго штаба, командиръ 1 гвардейской пѣхотной дивизіи, родился въ 1834 г., происхожденіемъ дворянинъ Эстляндской губ., воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; выпущенъ былъ съ правами 1-го разряда; курсъ академіи окончилъ въ 1855 г. также съ правами 1-го разряда и былъ зачисленъ въ чинѣ штабсъ-капитана на службу въ генеральный штабъ, затѣмъ по 1862 г. служилъ поперемѣнно въ различныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ дивизіяхъ въ должности дивизіоннаго квартирмейстера; въ 1863 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба завѣдующаго военно-сухопутною частью въ Кронштадтѣ, затѣмъ занималъ ту же должность въ 14-й и 24-й пѣхотныхъ дивизіяхъ. Въ 1865 г. назначенъ былъ помощникомъ начальника штаба Одесскаго военнаго округа; въ генералы произведенъ въ 1868 г. Съ 1873 по 1876 г. состоялъ въ распоряженіи главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и затѣмъ назначенъ былъ въ дѣйствующую армію для особыхъ порученій при главнокомандующемъ. Въ прежнихъ войнахъ не участвовалъ; отличился при первомъ походѣ генерала Гурко за Балканы, гдѣ разработалъ путь черезъ Ханкіойскій перевалъ. По прибытіи гвардіи былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады гвардейской пѣхотной дивизіи, а потомъ и командиромъ послѣдней.

59) **Викторъ Дезидерьевичъ Дандевиль** въ 1877 г. ген.-маіоръ, родился въ 1827 г., сынъ офицера-француза, взятаго въ плѣнъ въ 1812 г., воспитывался въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ кончилъ службу въ казачьей артиллеріи. Кончилъ академію генеральнаго штаба, отличился въ Венгерскую кампанію; затѣмъ участвовалъ въ походѣ на Хиву Перовскаго и въ походѣ въ Хивинскія степи при ген. Катенинѣ. Въ 1857 г. начальствовалъ экспедиціей на Каспійскомъ морѣ и послѣ того былъ атаманомъ уральскихъ казачьихъ войскъ. Въ генералъ-маіоры Дандевиль былъ произведенъ въ 1863 г. Въ 1865 г. работалъ надъ вопросомъ объ уничтоженіи оренбургскаго таможеннаго округа; въ 1867 г. былъ назначенъ начальникомъ Туркестанскаго военнаго округа при Кауфманѣ и здѣсь разстроилъ здоровье; состоялъ потомъ при управленіи иррегулярныхъ войскъ и когда началось возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ отправился добровольцемъ въ Бѣлградъ. При объявленіи войны возвратился немедленно на русскую службу.

60) По мирному договору Турція признала совершенно независимыми Черногорію, Сербію и Румынію; Болгарія образовала самоуправляющееся платящее дань княжество съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ, военное вознагражденіе Россіи исчислено въ 1410 мил. руб., при чемъ вмѣсто полученія 1300 мил. руб. выговорены были территоріальныя присоединенія въ Европейской и Азіатской Турціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Наканунѣ великаго дня	1
II. Великій день.	16
III. Первые шаги	31
IV. Первые выстрѣлы—первыя побѣды	43
V. Въ Россіи	56
VI. Письмо	66
VII. Подвиги моряковъ	78
VIII. На походѣ	90
IX. У Дуная.	102
X. Драгомировскій приказъ.	113
XI. На турецкомъ берегу.	121
XII. Morituri	130
XIII. Побѣдители	139
XIV. Въ госпиталѣ.	148
XV. За Балканы	158
XVI. Побѣда, побѣды, слава!	169
XVII. На Плевну	177
XVIII. Тяжелое испытаніе	185
XIX. Болгарская дружина	195
XX. Адъ подъ небесами.	204
XXI. Ночь на Лѣсной горѣ.	217
XXII. На Шипкѣ все спокойно	227
XXIII. Неудачи и побѣды	238
XXIV. Гвардія въ огнѣ.	250
XXV. Живое кольцо.	295
XXVI. Въ Балканахъ	327
XXVII. Послѣднее письмо.	354

стр.

Хронологическій указатель. 363
Примѣчанія и поясненія 367

ОТДѢЛЬНЫЯ КАРТИНЫ:

Императоръ Александръ II, снятый въ Горномъ Студнѣ 11 октября 1877. 1
Великій Князь Главнокомандующій Николай Николаевичъ. Съ фотографіи. 8
Объѣздъ войскъ Императоромъ Александромъ II на скаковомъ полѣ въ Кишиневѣ. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго 20
Снятіе флага съ турецкаго монитора Лютфи-Джелиля. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго 48
Переправа русской арміи черезъ Дунай у Зимницы 15 іюня 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. 116
Высадка стрѣлковъ на турецкій берегъ. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго 124
Встрѣча русскихъ войскъ въ Систовѣ. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго 144
Освященіе знамени болгарской дружины. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. 160
Въѣздъ Великаго Князя Главнокомандующаго въ городъ Тырновъ 30 іюня 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. 164
Выходъ турокъ изъ Никополя. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго. 180
Лазарь на казацкой лошади. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго. 216
Шипка. Защита Орлинаго гнѣзда орловцами и брянцами. Картина А. Н. Попова 224
Взятіе приступомъ Гривицкаго редута 30 августа 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго 294
Атака Зеленыхъ горъ 27 августа 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. 298
Возвращеніе Коралова на русскую позицію. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго. 304
Послѣдній бой подъ Плевной и взятіе въ плѣнъ всей арміи Османа-паши 28 ноября 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. . 308
Встрѣча Османа-паши съ княземъ Карломъ Румынскимъ послѣ паденія Плевны. Картина И. Шенберга. 320
Раненый Османъ-паша у Императора Александра II. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго 324
Скобелевъ у Шипки-Шейново 28 декабря 1877 г. Картина В. Верещагина 352
Встрѣча Рождественцева съ возвращающимся въ казармы батальономъ. Оригинальный рисунокъ Э. Соколовскаго. 360

БЕЛ...
Кв. 793 380
Новая цена
35 р. 00 к.
215031/312

№ 10 191 2815

Паровая Печать Т-ва М. О. Вольфъ.